39-40

www.karta.org

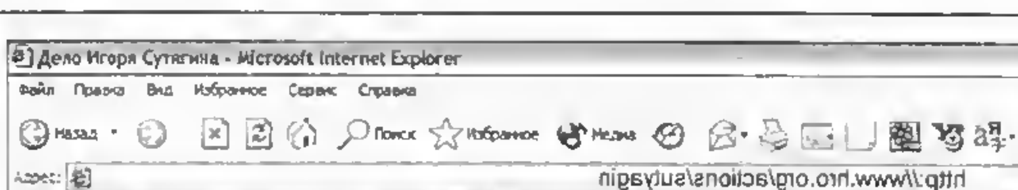
КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВОЗАЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Права человека в России

Главная | Правозащитники | Акции | Библиотека | Документы | Ссылки | Форум | Поиск | О нас

Среда, 5 мая 2004 г.

Главная > Акции и кампании > Дело Игоря Сутягина

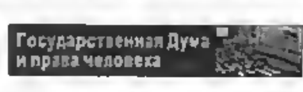
Дело Игоря Сутягина

Опубликовано 27.04.2004 версия для печати обсудить на форуме

26 апреля 2004 года крупнейшая в мире правозащитная организация «Международная Амнистия» (Amnesty International) признала российского ученого Игоря Сутягина политическим заключенным. Группа «Правозащитная сеть», общество «Мемориал», Всероссийская коалиция «За демократическую альтернативную гражданскую службу» сердечно благодарят всех людей, принявших участие в акциях за признание Игоря Сутягина политическим заключенным.

Сутягин Игорь Вячеславович, 1965 года рождения, кандидат исторических наук, заведующий сектором военно-технической и военно-экономической политики Отдела военно-политических исследований Института США и Канады Российской Академии Наук. Допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, не имел. Работал, анализируя открытые источники, опубликованную информацию. Обвинен ФСБ в шпионаже и разглашении сведений о военном потенциале. В апреле 2004 года приговорен к 15 годам лишения свободы

Новости нашего портала

Орловская область: суды чиновников не обижают

Чеченская Республика: военных преступников - к ответу!

1-го мая гражданские организации проводят шествие за свободу и права человека

NED Журнал «Карта» выходит при поддержке фонда National Endowment for Democracy (NED)

Нас поддерживали:

Правительство Королевства Нидерланды

Фирма «Бриг-Ф» (Рязань)

Фонд Форда (Вашингтон)

Институт "Открытое Общество" (Москва), Фонд Джоржа Сороса

Международное историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал»

Агентство США по Международному Развитию

Институт Демократии в Восточной Европе (Вашингтон-Варшава)

Фонд «Евразия» (Вашингтон)

МП «Декор» (Рязань)

Программа малых грантов Российско-Американской Проектной Группы по правам человека (Москва)

АО «Рокс» (Рязань)

Фирма оргтехники Антониуса Гуттермана (Германия)

Немецкий Народный Союз по уходу за могилами жертв войны и репрессий

Общественный Центр (Варшава) **Karta**

Полиграфическая фирма Петера Ломмана (Германия)

Фонд Польско-Чешско-Словацкой Солидарности (Варшава)

Правозащитный фонд «За гражданское общество» (Москва)

Памяти Ларисы Богораз
стр. 189

— Куда собрался, капитан, куда ты, брат, собрался?
Погоды нету, капитан, нигде погоды нет.
— Там крик о помощи, милорд, я слышал, крик раздался,
Милорд, я слышал этот крик, теперь за мной ответ.
— Ты что, не видишь, капитан, ты разве сам не видишь:
В такую бурю, капитан, не выплыть никому.
Да ты же вмиг пойдешь ко дну, как только в море выйдешь!
— Я слышал крик, милорд, мой долг — откликнуться ему.
— А что команда, капитан, в дорогу, чай, не рвется?
Жена и дети, капитан, – а им что предстоит?
— Со мной охотники, милорд, со мной лишь добровольцы,
А дом родной простит, милорд, мой дом меня простит.
— Но это жертва, капитан, глупа и бесполезна.
Нас слишком мало, капитан, мы все наперечет,
А дел так много, капитан, трудов такая бездна!
Твое геройство, капитан, ослабит целый флот.
Ну, что ты пойдешь на площадь, поднимешь там свой лозунг,
Получишь свои три года, а в зоне еще дадут.
На Западе — вяло вякнут, здесь — всем перекроют воздух,
И кончится наше дело, чего они и ждут.
А будет жалко, капитан, коль ниточка порвется,
И грустно будет созерцать злорадство этих морд...
— Во всем ты прав, а я неправ, как в песенке поется.
Но не могу я не идти, прости меня, милорд.

Юлий Ким

Когда вверх тормашками катится
И бьется в падучей судьба,
Не надо молиться и каяться,
Бояться сумы и суда.

Оглядывай пристальней прошлое,
Без лести оценивай дни,
Окурки иллюзий — подошвою!
А светлому — грудь распахни!

Не сдайся бессилью и горечи,
Не дайся неверью и лжи —
Не все лизоблюды и сволочи,
Не все стукачи и ханжи.

Шагая дорогами чуждыми
В какой-то неведомый край,
Друзей имена, как жемчужины,
Как четки перебирай.

Будь зорким, веселым и яростным
И выстоишь, выстоишь ты
Под грузом невзгод многоярусным,
Под ношей твоей правоты.

Юлий Даниэль

Памяти Марека Новицкого
стр. 17

Российский независимый исторический и правозащитный журнал

Адрес:
390000, Россия, г. Рязань, пл. Костюшко, 3.
Для писем: 390000, Россия, Рязань-центр, а/я 20.
Тел./факс: (0912) 77 51 17
E-mail: karta@hro.org
http://www.karta.org

Учредитель:
Редакция независимой газеты «Рязанский вестник».
Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации 29.12.1992.
Свидетельство о регистрации № 01949.

Главный редактор
Андрей Блинушов

Редакция:
Юлия Середа
Сергей Романов
Ирина Холмогорская
Владимир Холмогорский
Петр Митцнер (Польша)

Мнения авторов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Сохранность рукописей, фотоматериалов и документов гарантируется. По вопросам подписки на «Карту» обращаться в редакцию.

Компьютерная верстка:
Ю. Середа

Отпечатано ООО "СЕРВИС" Рязань, ул. Интернациональная, д. 1 "Г".

Заказ N 246
Печать офсетная.
Тираж 2000 экз.

Подписано в печать 14.05.2004

Только для бесплатного распространения

Содержание номеров 38–40

Выпуск совмещенных номеров журнала «Карта» обусловлен техническими причинами и желанием редакции представить читателям ряд обширных материалов без разделения их на фрагменты.

[illegible]

Содержание номеров 38–40

Андрей БЛИНУШОВ

ВИДЕОСЛЕЖКА ЗА ГРАЖДАНАМИ

Начало 2004 года оказалось «урожайным» на сообщения о Большом Брате. Этот самый Брат в лице МВД и чиновников столичных и региональных администраций активно взялся за внедрение системы видеослежки за гражданами.

Так, например, в 12 пригородных электропоездах Московской железной дороги уже установлены «системы внутрисалонного видеонаблюдения».

«Эти 12 составов – только первая ласточка, позже такие системы будут устанавливаться на все поезда пригородного сообщения в столичном железнодорожном узле», – сообщил Интерфаксу заместитель министра внутренних дел РФ генерал-полковник милиции Александр Чекалин.

Он пояснил, что транспортная милиция возлагает на новинку большие надежды. «Благодаря подобной системе гораздо легче поддерживать общественный порядок, задерживать преступников, вандалов и хулиганов», – подчеркнул замминистра.

Интернет-агентство Министерства путей сообщения (МПС) подчеркнуло, что машинист электропоезда сможет наблюдать за происходящим внутри салонов (вагонов). «Комплект аппаратуры передачи и регистрации системы внутрисалонного теленаблюдения для подвижного состава» – таково полное название электронного патруля.

В салоне каждого вагона установлено устройство, передающее видеоизображение на экраны в кабине машиниста. На монитор по очереди выводится цветное изображение. Система снабжена пультом дистанционного управления: машинист может регулировать поступление информации. Например, задать удобное ему время смены изображения из разных вагонов или установить непрерывную трансляцию из любого салона – номер вагона и порядок следования пульт дистанционного управления определяет автоматически. Кроме того, с помощью пульта дистанционного управления вводится строка с дополнительной информацией: дата, номер состава, фамилия машиниста.

Система внутрисалонного наблюдения не только транслирует изображение в реальном времени, но и ведет архив.

Спецслужбы полагают, что видеозапись противоправных действий пассажиров станет достаточным доказательством для следствия и суда.

Газета «Столичная» сообщила, что видеонаблюдение за гражданами вводится не только на железной дороге. 22 декабря мэр Москвы Лужков подписал распоряжение о введении системы видеонаблюдения. Камеры будут установлены во всех местах народных гуляний и массового скопления людей и будут работать в течение всех праздничных дней.

Как минимум, система видеонаблюдения и оповещения «Сигнал» устанавливается на Красной, Лубянской, Театраль-

Андрей Блинушов – главный редактор журнала «Карта», председатель рязанского общества «Мемориал».

Сергей СМИРНОВ

Что такое приватность?

«Кто же захочет жить в полицейском государстве? Преступление есть преступление, но это еще не значит, что закон должен обязывать людей снять с окон все шторы, дабы облегчить работу полиции».

Эстер Дайсон, эксперт, глава Edventure Holdings

Одно из самых известных определений гласит: приватность – это право быть предоставленным самому себе. Каждый человек имеет право на свой «уголок» в пространстве, защищенный от произвольных посягательств со стороны.

О праве быть предоставленным самому себе заговорили в 1890 году, когда американские юристы Луис Брандейс и Самюэль Уоррен опубликовали в журнале «Harvard Law Review» статью «The Right to Privacy» (буквально – право на приватность).

Приватность – фундаментальное право человека и находится в одном ряду с правом на жизнь и свободой убеждений. Специалисты двух общественных организаций, Electronic Privacy Information Center и Privacy International, в своем совместном исследовании предложили (условно, конечно) разделить приватность на четыре вида. Это:

– физическая приватность,
– территориальная приватность,
– информационная приватность (приватность персональных данных),
– приватность коммуникаций.

Территориальная приватность – самый привычный и понятный вид. Обычно имеется в виду неприкосновенность жилища. Определенным уровнем защиты обладают не только дома и квартиры, но и рабочие места, гостиничные номера, купе поезда и т.д. Этот вид приватности во многих странах находится под покровительством закона.

Второй вид – физическая приватность, защита от принудительных медицинских процедур. Полиция некоторых стран имеет право снять у арестованного отпечатки пальцев или взять у него анализ ДНК для включения в национальную базу данных.

В отличие от первых двух видов, приватность персональных данных и приватность коммуникаций самым тесным образом связаны с Интернетом...

Полный текст книги «Прив@тность» читайте на портале «Права человека в России»: http://hro.org/editions/privacy

ной, Сухаревской площадях и площади Трех вокзалов, а также во всех главных парках и общественных местах столицы. В каких именно, в ГУВД сообщить отказались под предлогом «соображений безопасности».

Значительная часть видеокамер будет работать не только в центре Москвы и на ее окраинах, но и на въездах в город, включая основные трассы. Также системы видеонаблюдения оборудуются в жилых домах. Правда, пока домовых «пунктов экстренной связи с милицией», включающих систему видеонаблюдения, в Москве лишь 35, и обслуживают они около 200 домов.

Во сколько обойдется каждый пункт видеонаблюдения, в правительстве Москвы сообщить отказались. Источники в ГУВД столицы сообщили, что налогоплательщикам придется выложить за каждый «глаз Большого Брата» около 1–1,5 миллиарда рублей.

Агентство CNews сообщает, что к 2006 году во всех районах Москвы планируется установить системы видеонаблюдения «Сота».

На данный момент в Северо-Западном округе столицы установлено 23 станции приема и обработки информации, каждая считывает информацию с 1200 точек (!) этой системы видеонаблюдения. Предполагается оснастить системами видеонаблюдения Северный, Северо-Восточный, Западный и Южный округа, в 2004-2005 гг. – Восточный, в 2006 г. – Центральный.

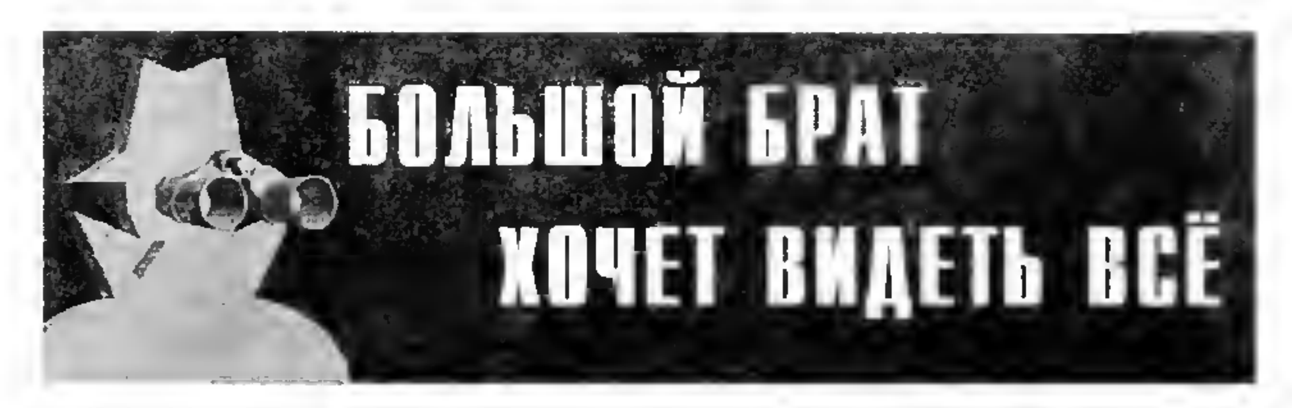
Наряду с Москвой, систему планируется устанавливать и в других городах Центральной России.

Агентство Regions сообщило, что на вокзале в городе Киров на днях установлены камеры видеонаблюдения. Одна из этих камер настолько мощная, что сможет за несколько сотен метров отчетливо разглядеть мелкие детали на человеческом лице.

Всего на кировском вокзале установлено 32 камеры, которые следят за кассами, багажным отделением, залом ожидания, а также за тем, что происходит на перроне и у центрального входа на вокзал.

Обеспечит ли такая система видеонаблюдения безопасность граждан от террористов и уличных преступников? В принципе, это вполне можно будет понять, посчитав, во скольких случаях такие видеозаписи будут фигурировать в качестве доказательств в суде.

А вот как быть с правом граждан на частную жизнь, с их приватностью? Где проходит грань между обеспечением безопасности и ущемлением прав и свобод человека?

БОЛЬШОЙ БРАТ ХОЧЕТ ВИДЕТЬ ВСЁ

Галина СТОЛЯРОВА

В Санкт-Петербурге решили позаимствовать лондонский опыт борьбы с преступностью. На улицах города планируется установить 50 тысяч видеокамер, что, по мнению городского ГУВД, поможет резко повысить раскрываемость преступлений.

Предложенная программа уже получила одобрение губернатора города Валентины Матвиенко. Насколько быстро Петербург будет покрыт сетью видеонаблюдения, теперь напрямую зависит от того, как скоро власти города смогут раздобыть 250 млн. долларов на реализацию проекта.

Местные правозащитники опасаются бесконтрольной слежки и шантажа, однако представители питерского ГУВД смотрят в будущее с оптимизмом.

«Лондонская полиция всегда точно знает, что происходит в городе, на каждой улице, особенно в центре, установлены камеры слежения, – говорит сотрудник пресс-службы ГУВД Петербурга Павел Раевский. – Эта система уже доказала свою эффективность».

Цена эффективности

Стоимость одной черно-белой камеры составляет 5 тыс. долларов, цветная видеокамера обойдется в три раза дороже.

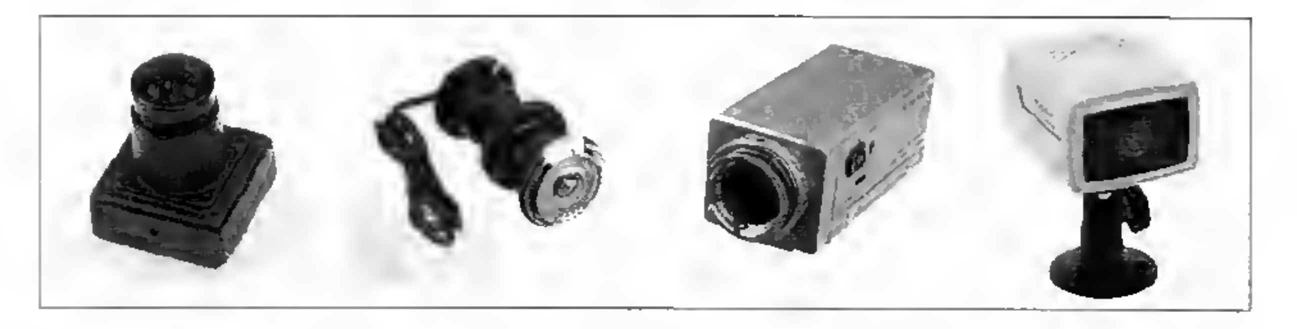
На обслуживание только одной камеры потребуется две тысячи долларов в месяц. Петербургскую милицию расходы не пугают.

В ГУВД города вновь ссылаются на британский опыт. «Власти Лондона тратят на обслуживание камер видеонаблюдения 900 миллионов долларов в год», – говорит Раевский.

Ограбление напротив отделения милиции

В Петербурге камеры слежения можно пересчитать по пальцам, и, кроме того, собранную при их помощи информацию практически не отслеживают и не анализируют.

Многие горожане полагают, что установка камер слежения делу не поможет. Квартиру петербурженки Марины Кух ограбили в январе нынешнего года. Ма-

рина живет напротив отделения милиции, а на соседнем доме установлена видеокамера, которая должна была зафиксировать отъезд грабителей.

«Когда я пришла в милицию, мне сказали, что вся информация по видеонаблюдению идет сразу на центральный пульт, – рассказывает Марина. – Вот уже неделя как нас обворовали, а про данные видеонаблюдения нам никто и слова не сказал. Этот вопрос просто каждый раз пытаются замять».

Больше, чем милиционеров?

Если новая программа вступит в действие, то видеокамер на улицах Петербурга станет больше, чем сотрудников милиции. В городе сейчас 35 тысяч милиционеров. По словам Павла Раевского, для обработки данных видеонаблюдения будет создан специальный аналитический отдел. Дорогостоящий проект стражей порядка вызывает подозрение у правозащитников.

«Основной вопрос в том, как будет использоваться собранная информация, не станут ли камеры слежения орудием против неугодных властям людей, не обернется ли все это попыткой внедриться в чью-то частную жизнь, – говорит Юрий Вдовин, член правозащитной организации "Гражданский контроль". – Безусловно, в определенных случаях камера слежения может помочь установить личность или найти преступника, но я совсем не уверен в том, что 50 тысяч камер слежения – это действительно лучший способ потратить 250 миллионов долларов».

Би-Би-Си

Жители Екатеринбурга возмущены видеонаблюдением

В адрес уполномоченного по правам человека (омбудсмана) в Свердловской области Татьяны Мерзляковой поступило заявление от жителей Екатеринбурга, возмущенных действиями администрации кинотеатра «Салют».

Заявители попросили дать правовую оценку действиям руководства развлекательного заведения, разместившего на дверях туалетов таблички с надписями: «В целях вашей безопасности за вами ведется видеонаблюдение». По мнению заявителей, администрация кинотеатра таким образом вторгается в частную жизнь своих посетителей и нарушает их права.

По словам директора «Салюта», в «туалетных комнатах постоянно фиксируются случаи краж оборудования».

Как сообщает «Новый регион», специалисты аппарата уполномоченного по правам человека в Свердловской области приступили к рассмотрению жалобы.

Regions

БОЛЬШОЙ БРАТ СТРОИТ МАТРИЦУ

Корпорации и спецслужбы против граждан?

По данным правозащитной организации «Международная Амнистия», ряд разработок крупнейших мировых компьютерных компаний способствовал внедрению и поддержанию слежки за гражданами и цензуры в Интернете. Особенно в недемократических странах, таких, например, как Китай. И, соответственно, преследованиям диссидентов.

Слежка за гражданами в Интернете, так называемый Интернет-мониторинг, приобретает все более угрожающие размеры во многих странах мира. Кроме Китая, Кубы беспокойство сетевых правозащитников вызывает информация и из стран бывшего СССР.

В числе разработчиков полезных для недемократических властей технологий «Международная Амнистия» называет Microsoft.

По мнению правозащитников, корпорация нарушила принципы международного документа, принятого в августе 2003 года. Согласно ему, «компаниям следует воздерживаться от любой деятельности, которая поддерживает, обеспечивает или поощряет государства или любые другие структуры нарушать права человека. Им также следует удостовериться, что их продукты и услуги не будут использоваться для ущемления прав человека». Формально эти правила обязательными не являются.

В интервью The Observer представитель Microsoft заявил, что его компания стремится производить лучшие технологии, однако использование этих технологий находится в компетенции индивида, а не корпорации.

Помимо Microsoft, в отчете «Международной Амнистии» фигурирует корпорация Cisco Systems, один из крупнейших в мире производителей сетевого оборудования. В прошлом Cisco отрицала, что подстраивает свою продукцию под требования спецслужб стран неразвитой демократии, и подчеркивала, что Интернет-мониторинг – личное дело властей, а Cisco – политически нейтральна.

Также «Международная Амнистия» обвиняет в пособничестве спецслужбам корпорации Nortel Networks и Sun Microsystems.

В Китае, например, в настоящее время наблюдается резкий рост числа арестов, связанных с «преступлениями», касающимися Интернета, констатировала «Международная Амнистия». К настоящему моменту по меньшей мере 54 человека задержаны за электронные письма, создание веб-сайтов или продемократические онлайновые дискуссии. Кроме того, некоторое, неизвестное число людей арестовано за распространение через Интернет информации об атипичной пневмонии.

Большой Брат строит Матрицу

Известный публицист и эксперт в области Интернета Стивен Леви (Steven Levy)[1] опубликовал в Newsweek тревожный материал о широкомасштабном наступлении правительств на цифровое пространство свободы.

«Представьте себе сеть, в которой введена цензура. Анонимность запрещена, а перемещение каждой копейки – под контролем. Тот, кто правит, может в зародыше душить "подрывные" идеи, а без разрешения Большого Брата не может быть опубликовано ничего, даже список покупок», – рисует мрачную картину Стивен Леви.

Безусловно, в это трудно поверить сегодня, ведь идеология и архитектура Интернета опираются на свободу самовыражения. Даже термин такой состоялся – киберсвобода.

Без преувеличения можно сказать, что Интернет открыл людям многих стран мира окно в свободный мир: информация без таможен и границ, колоссальные ресурсы электронных библиотек, тематические сайты и целые порталы, личные страницы, виртуальные галереи искусства.

Благодаря сети мы нашли друзей, единомышленников, смогли организовывать быстрые акции, вступать в дискуссии с писателями и политиками. Даже личную жизнь многие смогли наладить.

Согласитесь, ведь Интернет в буквальном смысле вернул нам часть из наших утраченных личных свобод.

Правительства и особенно спецслужбы всех мастей всегда видели во всемирной компьютерной сети угрозу. Прежде всего – попыткам контроля, то есть слежки, подслушивания, подглядывания, составления досье на граждан. Именно спецслужбы повсеместно инициируют «общественные дискуссии» о вредоносности Интернета: и порнография там, и нецензурная брань, и кражи с электронных кредитных карточек. И во-

[1] Стивен Леви (Steven Levy) – публицист, сотрудник американской редакции Newsweek.

обще, детям вредно у мониторов сидеть, лучше бы начальной военной подготовкой занимались.

Начало глобальной войны с международным терроризмом – голубая мечта «рыцарей плаща и кинжала» всех континентов. С каким наслаждением они обрушили на граждан лавину «Патриотических Актов», законов о борьбе с экстремизмом, постановлений о чрезвычайном положении; начали строить блокпосты на дорогах, изымать в аэропортах дезодоранты, объявлять города «закрытыми образованиями» и возводить новые стены из бетона и колючей проволоки!

А уж свобода в Интернете, анонимность пользователей компьютерной сети начала объявляться спецслужбистами чуть ли не основной угрозой миропорядку.

«Как же можно загнать джина свободы обратно в бутылку? – размышляет в Newsweek Стивен Леви. *– Это удастся, если будет реализован план переформирования Интернета из арены (на которой любой может выступать анонимно) в структуру, доступ к которой возможен только после регистрации, и каждый участник будет иметь цифровой сертификат».*

Леви показывает, что планы спецслужбы по созданию Матрицы находят горячую поддержку у крупных компьютерных корпораций. Почему? *«В такой системе не только люди, но и компьютерные программы были бы обозначены соответствующими идентификаторами, которые были бы соотнесены с личными сертификатами пользователей, чтобы определить, легальная ли это копия программы и имеет ли человек право использовать ее в своем компьютере».*

Как обычно, программный монстр – компания Microsoft – раньше других засветилась на ниве создания Матрицы. Microsoft полным ходом разрабатывает новую систему – «Безопасная компьютерная платформа нового поколения» (прежнее название – Palladium)[2]. Она будет встроена в очередную версию Windows.

Оказалось, что не отстают и другие «матрицестроители» – корпорации Intel и AMD разрабатывают узлы, которые заставят все новые (или модернизиро-

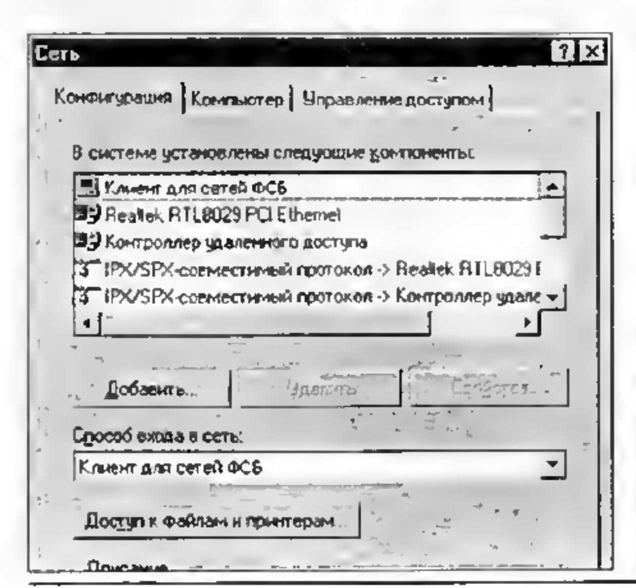
---

[2] Планы Microsoft по созданию новой универсальной программной платформы вызывают серьезное беспокойство многих наблюдателей, в том числе и защитников онлайновых прав. Программа называется «Palladium» и предназначена для использования на оборудовании, создаваемом членами промышленно-торговой группы Trusted Computing Platform Alliance (в эту группу входит, например, компания Intel). Программа создает на компьютере так называемую «защищенную зону», в которой, по утверждению авторов, персональные данные (например, номера кредитных карточек) будут в большей безопасности. Информация, хранящаяся в «защищенной зоне», будет недоступна даже для других программ на компьютере. Приложения, работающие внутри «зоны», смогут связываться через Интернет с разработчиками, чтобы убедиться, что программа работает «как надо». Скептики говорят, что Palladium можно будет использовать для слежки за действиями пользователей. Например, система может помешать пользователям прочитать или скачать файлы из Сети, прослушать вполне легально приобретенные диски более определенного количества раз, создавать резервные копии и даже запускать программы конкурентов корпорации Microsoft. Менеджер группы разработчиков Palladium Марио Хуарес (Mario Juarez) признал, что программа во многом основывается на технологиях, упомянутых в патенте, полученном Microsoft на Digital Rights Management Operating System. Есть и еще один аспект: особенности системы не дают пользователю держать под контролем персональные данные, и они становятся гораздо более уязвимыми для взломщиков.

GILC Alert (Бюллетень Глобальной кампании за свободы в Интернете), июль 2002 г.

Испанское отделение организации Computer Professionals for Social Responsibility (CPSR, участник GILC) провело вторую церемонию «Наград Большого Брата» в Памплоне. Награду за «Самую беспардонную технологию» получила корпорация Microsoft с ее проектом Palladium (ныне он носит имя Next-Generation Secure Computing Base – NGSCB). Многие эксперты считают, что этот проект может стать основой для практики тотального контроля над действиями пользователей на своих локальных компьютерах.

GILC Alert, ноябрь 2003 г

ванные) компьютеры с 2006 года информировать «заинтересованных лиц», включая Большого Брата, о своем цифровом идентификаторе.

Мало того, разрабатываются системы обязательных цифровых идентификаторов даже для документов, которые мы создаем в своих компьютерах!

Стивен Леви предупреждает: *«Благодаря этому правительства смогут обложить налогами любую торговлю в Интернете, а диктаторы – без помех отслеживать, кто про них что написал»*.

Тревогу начал бить Лоренс Лессинг (Lawrence Lessing), «гуру» киберправа из Стэнфордского университета, который опубликовал книгу «Код и другие права киберпространства». В этой книге автор предупреждает, что натиск законодателей и концернов может смять открытую природу всемирной компьютерной сети. *«Новая система будет вводиться под лозунгом борьбы с ворами, террористами, пиратами, хакерами, спамерами и распространителями детской порнографии»*, – пишет Лессинг.

Но Стивен Леви полагает, что у нас еще есть шансы отстоять свободу в Интернете, отстоять свое право на коммуникационную приватность.

«Некоторые влиятельные фирмы начинают понимать, что их собственные интересы зависят от открытости Интернета (например, судьба поисковой системы Google зависит от того, удастся ли ей просматривать веб, а в контролируемом Интернете эта задача была бы невыполнимой). Забили тревогу и многие группы общественных активистов, например, Electronic Frointer Foundation» (www.eff.org).

В России также есть общественные организации, бьющие в набат по поводу наступления Большого Брата на Интернет. Это, прежде всего, – Межрегиональная группа «Правозащитная сеть» (www.hro.org).

Необходимо сказать, что уже несколько американских законодателей и депутатов Европейского парламента в полной мере начинают осознавать опасность цифровой цензуры и слежки в Сети.

Борцы за гражданские права возлагают также большие надежды на американское правосудие, стоящее на страже Первой поправки к Конституции США, гарантирующей свободу слова, и на Европейский Суд по правам человека в Страсбурге.

Стивен Леви в Newsweek пишет также о группах компьютерных специалистов, которые уже ищут возможности обойти даже самые жесткие системы контроля в Интернете: *«В одной из работ, изданной некоторыми проектировщиками майкрософтовской системы Palladium (да-да, именно так!), описывается способ, как обойти контроль враждебной среды и как свободно передавать данные через малые приватные сети. Представьте себе цифровых борцов за свободу, укрывшихся в электронных пещерах, тайно обменивающихся файлами и пишущих блоги[3] так, чтобы не попасть в сферу радара цензуры и стражей авторских прав!»*

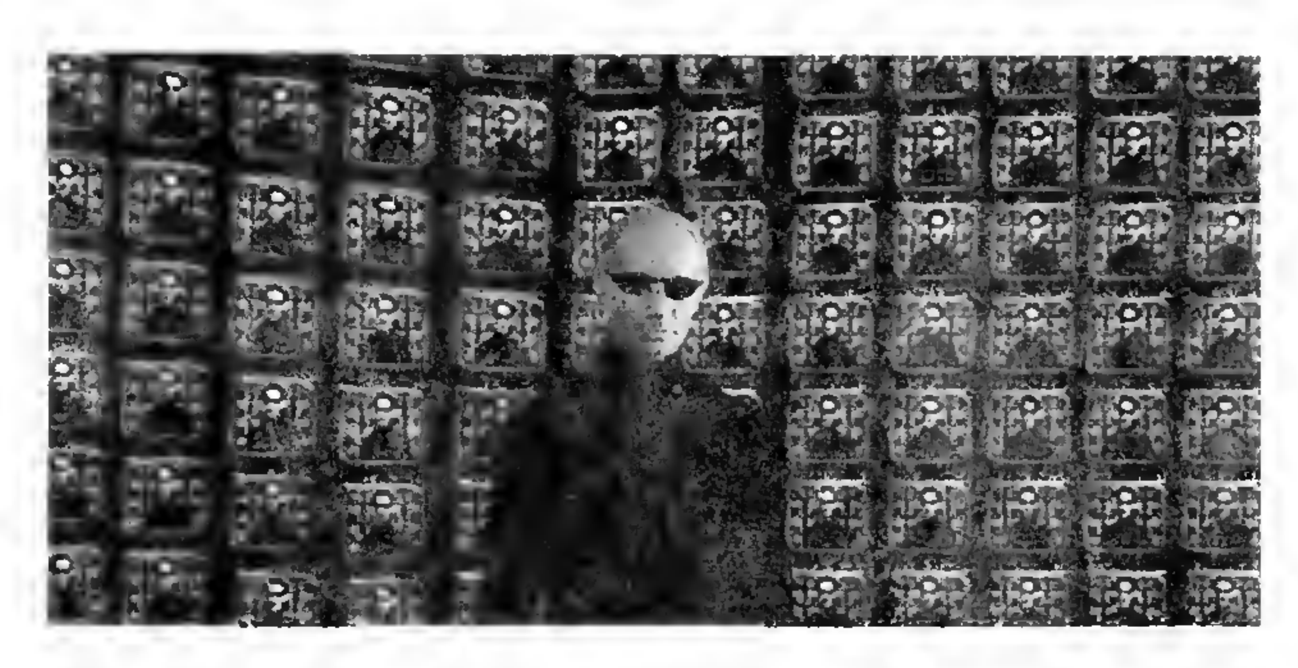
Задача сохранения равновесия сил в Интернете если и выполнимая, то очень трудная. Тем более трудная, что большинство пользователей Сети сейчас демонстрируют свое равнодушие к этой проблеме, полагая, что их все это не касается.

«Что имеем, не храним, потерявши, плачем»…

А ведь наше общество, все более зависимое от Интернета, будет иметь в Сети столько свободы, сколько ее отвоюет.

---

[3] Новообразование в компьютерном сленге: blog= weB+log (блог=веБ+лог), где log – журнал регистрации. Есть два типа блогов: «Живой журнал» и инфоблог. Инфоблог ведет блоггер. Он читает газеты online и размещает на своем блоге ссылки на то, что показалось ему интересным, комментирует сам и приглашает комментировать пользователей (посетителей) блога. В некотором смысле блоггер экономит время пользователей – он прочел за них газеты и отметил то, что следует прочесть. Хорошие инфоблоги часто более оперативны, чем новостные ленты.

Александр ЧЕРКАСОВ

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ТЕРРОРОМ

Александр Черкасов

После утреннего взрыва 6 февраля московское метро наводнили солдаты внутренних войск и милиция. Было бы опрометчиво ругать «силовиков» за запоздалую показуху – они, скорее всего, действительно пытаются предотвратить новые теракты. А ожидать их было бы логично, для того чтобы действительно «поставить на уши» взбудораженную Москву и показать людям их беззащитность. А еще потому, что в Москву, скорее всего, был переброшен отнюдь не один террорист – так было и в октябре 2002-го, и в июле 2003-го.

Сегодня новые взрывы никому во власти не нужны – в отличие от прошлых выборов, парламентских 1999-го и президентских 2000-го. Тогда основными инструментами пропагандистской кампании, обеспечившими успех «партии власти», стали именно рейд в Дагестан и взрывы домов с начатой вслед за этим «второй чеченской войной».

Я отнюдь не хочу приписать эти взрывы спецслужбам, хотя настоящее расследование проведено не было, а прошедший суд менее всего способствовал установлению истины. Я просто повторю: «Мы не знаем, кто эти взрывы организовал, но мы совершенно точно знаем, кто их использовал». Это слова из статьи Глеба Павловского «За неимением Рейхстага», написанной о взрывах в московском метро 8 января 1977 года. Тогда, по горячим следам, «журналист» Виктор Луи, доверенное лицо КГБ, сообщил западным журналистам о причастности ко взрыву «диссидентов».

В те годы Павловский оппонировал этому пиарприменению трагедии. А двадцать с лишним лет спустя террор стал весьма эффективным инструментом пропаганды предвыборной, тем более, что в той кампании активно участвовал и сам Глеб Олегович...

Но невозможно выиграть две предвыборные кампании с разницей в четыре года под одним и тем же лозунгом «маленькой победоносной войны с террористами». Какая она тогда маленькая? И почему – победоносная?

Войну необходимо было спрятать. Это и делали в течение всего последнего года.

Террор, равно как и Чечня, почти не обсуждались в государственных и лояльных властям СМИ. Точнее, сменились акценты: с собственно конфликта и проблемы – на их решение и урегулирование.

С чеченским сепаратизмом формально покончили путем мартовского референдума и октябрьских выборов Кадырова. После выборов ровным счетом ничего не изменилось ни в Чечне, ни за ее пределами. Достаточно вспомнить декабрьские взрывы в Ессентуках и в Москве или недавний рейд боевиков в горы Дагестана. Непонятно, кто это был и сколько из них ушло, однако к Новому году об уничтожении отряда отчитались. Награждал спецназовцев сам Путин – все проблемы должны были остаться в прошлом году!

Не получилось.

Теперь в центр обсуждения вновь всплыла неприятная для Владимира Путина тема.

Кроме того, вышедший из-под контроля Сергей Глазьев использовал трагедию в метро для предвыборной агитации вполне погромного толка. В этой ситуации действующий политик связан в высказываниях своим положением и всегда проигрывает маргиналу. Так было в Грузии в 1989–1990 гг., когда Звиад Гамсахурдиа победил секретаря компартии Гиви Гумбаридзе, развязав националистическую истерию. Так было и в Чечне в конце 1990-х, в период «шариата» и построения «исламского государства», когда Аслан Масхадов не мог оппонировать «ваххабитам», используя рациональные доводы. Теперь вот оппонент Путина, вышедший из-под контроля кремлевской администрации, говорит то, что не может сказать действующий президент.

Так что в интересах Путина было бы спрятать до выборов чеченскую войну и ее отголоски.

Не получилось.

За четыре года в Чечне был накоплен такой багаж ошибок и преступлений, что от него нельзя отказаться запросто, с помощью символических жестов вроде «избрания Кадырова» или раздачи наград.

В последние недели в центре предвыборной дискуссии находилось государство: исполнительная власть, силовые структуры, которые наступают на права граждан под предлогом обеспечения общественной безопасности и борьбы с терроризмом. Но 6 февраля нам напомнили, что мы живем в условиях реального террора.

Подпольная террористическая сеть, действующая в России, – не вымысел, а действительность. Но «ваххабиты» – религиозные экстремисты и террористы – были в Чечне и за ее пределами и три, и пять лет назад. Однако «шахидский» террор в его палестинском варианте развернулся у нас лишь в последние год-полтора.

Быстро остановить террор в России теперь, похоже, не удастся даже при большом желании и разумной тактике. И дело тут вовсе не в чеченской реальности, а в нашей общей российской действительности.

Александр Черкасов – сотрудник Правозащитного Центра «Мемориал».

Во-первых, коррупция. Нынешние наши силовые структуры террористов остановить не могут, как их ни усиливай. Чтобы из Чечни через КПП «Кавказ-1» без досмотра и проверки документов выехала машина с людьми, достаточно предъявить «форму № 50» – пятьдесят рублей. Сплошная проверка документов у всех «подозрительных» лиц идет в московском метро постоянно, по тем же (или немного большим) расценкам.

Во-вторых, произвол. Достаточно сказать, что за последние годы в Чечне исчезли – в основном, были увезены «неизвестными лицами в камуфляжной форме, приехавшими на бронетехнике» – более трех тысяч человек. Семья, как правило, даже не могла справить траур по исчезнувшему. То есть он оставался вечным напоминанием для родственников. Так создавали мстителей – «мобилизационный резерв» для террористического подполья. Российские спецслужбы это, кажется, понимают. По словам начальника УФСБ по Чечне, после терактов прошлого лета начали брать на заметку родственников исчезнувших и убитых. Но можно ли уследить за тысячами?

Наконец, беззаконие. Изнасилования в Чечне носили, надо думать, отнюдь не запланированный, но, тем не менее, массовый характер. Сколько женщин стали в Чечне жертвами насильников за годы «зачисток» – неизвестно. О пропавших подают заявления в прокуратуру, о насилии – практически никогда. И взять жертв на учет ФСБ никак не сможет. Между тем это тоже кандидаты в мстители, и даже более решительные.

Но то – государство. А мы, граждане?

Похоже, мы забыли про реальность и поверили сказкам. В России сложилось ощущение (старательно поддерживаемое властью), будто проблема терроризма решена – заодно с ликвидацией чеченского сепаратизма.

Похоже, взрыв в вагоне метро 6 февраля стал для москвичей полной неожиданностью.

Почему? Ведь, казалось, здравый смысл подсказывал: после захвата заложников на Дубровке, взрывов в Тушино, на Тверской-Ямской и на Манежной повторение чего-то подобного в Москве более чем вероятно.

Все равно не ждали. Может быть, потому, что в метро гибли самые что ни на есть простые люди, а на мюзиклы и концерты ходят «богатенькие». Подлая мысль, но... ведь точно так же думают о «зажравшихся москвичах» многие наши соотечественники.

В метро ехали такие же обыкновенные люди, как и в электричке, взорванной 5 декабря в Ессентуках. Там тоже погибло более пятидесяти человек. Но тут в восприятии уже сказался «московский сепаратизм»: это все далеко, у них, на Кавказе...

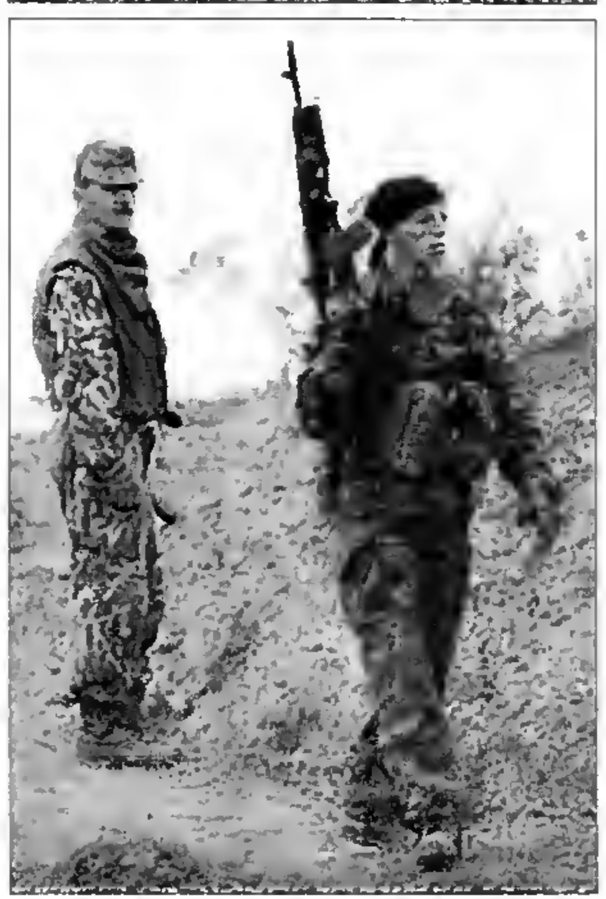
Правда, в сентябре 1999-го, когда именно «простые люди» гибли в жилых домах Буйнакска, Москвы и Волгодонска, можно было понять: «вместе мы русские», бедные и богатые, вне зависимости от этнической принадлежности и места жительства, – и каждый из нас может стать мишенью террориста.

Вот только жаль, что тогда, осенью 1999-го, российское общество отказалось включить в это «вместе» живущих в Чечне. Ощутить их людьми. По сути, такими же жертвами террора.

Все эти годы война шла при нашем молчаливом согласии, во всяком случае – без заметных возражений. Чаша человеческого горя переполнялась. Из нее черпали материал организаторы террора. Теперь нам вернулось наше молчание.

Российское общество сегодня находится под двойным прессом. С одной стороны – террористы. С другой – государство, чья «борьба с террором» болезнь отнюдь не лечит, но усугубляет. По отдельности эти вызовы вставали перед обществами разных стран. Двадцатый век оставил нам в разной степени успешный опыт противостояния тоталитарному государству. Есть и современные примеры жизни – не выживания! – в условиях террора маргинального. Нам предстоит решать две эти задачи сразу – и до, и после выборов.

ВОЙ
adidas

РАДИО СВОБОДА RFE/RL

Частоты вещания

часы (мск.) / частоты	00	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
5955	-	+	+	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5985	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6095	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6000	-	-	-	-	-	-	-	-																
6105	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+
6115	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6140	+	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
7110	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7155	-	-	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7180	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7190	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
7220	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-	-	+
7230	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7245	-	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7265	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
7270	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
9505	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
9520	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	+	+	+	-	-	+
9535	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9565	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9625	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9645	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9660	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
9680	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9705	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9860	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
11725	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
11805	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
11815	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11860	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11875	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11885	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	+	+	+	-	-	-
11895	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11970	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13640	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15115	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15130	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15145	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15205	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15215	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
15250	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15265	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
15370	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
17730	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
17805	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
частоты / часы (мск.)	00	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23

Радио Свобода в Интернете: http://www.svoboda.org Зеркало в России: http://euro.svoboda.org

Ночной телефонный звонок: умер Марек Новицкий... Мы не могли, не хотели поверить, кинулись к Интернету. Это правда. Как удар, как приговор...

Для нас Марек был не просто коллегой, руководителем европейской правозащитной организации. Он был ДРУГОМ и УЧИТЕЛЕМ.

Его лекции, невероятно артистичные, завораживали: образно, точно, понятно. Марек размышлял, беседовал сам с собой и с каждым. Его курительные трубки с бесчисленным количеством каких-то кисетов, щипчиков и шомполов... Его талант понять любого взъерошенного активиста из самой дальней республики... Он, один из самых известных европейских экспертов по правам человека, всегда находил время для встреч с «ходоками» из России, Беларуси, Казахстана, Кубы...

Через варшавскую летнюю и зимнюю школы по правам человека, созданные Мареком Новицким и его коллегами, прошли сотни активистов из многих стран. Многие из них до встречи с Мареком имели весьма своеобразные представления о правах человека...

...Уход из жизни любого человека — тяжелая утрата. Но есть люди, уход которых просто меняет окружающий мир. Образуется брешь, которую не заполнить. Но остаются книги, статьи, видеофильмы. Остаются ученики. И добрая память о том времени, которое подарило счастье дружить с таким потрясающим человеком.

Прощай, Марек. Мы никогда не забудем тебя.

Редакция журнала «Карта»

Фото: Jakub Orlich

Марек Новицкий

Марек Новицкий – физик-атомщик по образованию, в 1972-1981 гг. работал на факультете математики и физики Варшавского университета.

В шестидесятых годах был одним из основателей студенческого альпинизма в Польше, а позже – председателем Федерации академических альпинистских клубов и членом правления Польского союза альпинистов.

В 1980-1981 гг. – активист Независимого самоуправляемого профсоюза «Солидарность» в регионе Мазовше – руководитель комиссии по переговорам, а позднее – руководитель группы по технической организации акций протеста. Организовывал и руководил уличными демонстрациями, занимался подготовкой планов забастовок.

Во время военного положения был интернирован. Срок отбывал в лагерях в Белоленке, Заленжу и в Киелцах-Пясках.

В 80-х годах, после освобождения, Марек Новицкий основал подпольную типографию «Нейтрино». Был главным редактором подпольного ежеквартальника «Правопорядок. Письма о праве и бесправии», где публиковался под псевдонимом «Ман».

В декабре 1982 года был одним из создателей подпольного Хельсинкского Комитета в Польше. Был соавтором первых отчетов Хельсинкского Комитета о нарушениях прав и свобод человека в ПНР, которые далее передавались в ОБСЕ. После падения коммунизма в Польше члены Хельсинкского Комитета основали Хельсинкский Фонд по правам человека в Польше. Марек Новицкий возглавлял Фонд с 1990 года. В настоящее время Хельсинкский Фонд по правам человека является одной из самых опытных и профессионально действующих неправительственных организаций в Европе.

Марек Новицкий многократно привлекался в качестве эксперта в области прав человека международными организациями, такими как ОБСЕ, ООН, а также комиссиями обеих палат польского парламента. Был соавтором «Хартии Прав и Свобод», которая оказала немаловажное влияние на польскую Конституцию.

Марек Новицкий был автором многочисленных публикаций и сценариев фильмов по истории и философии прав человека, одним из создателей образовательных программ и, прежде всего, прекрасным лектором. Марек был инициатором широкомасштабной образовательной деятельности в области прав человека, создателем Школы прав человека Хельсинкского Фонда. Он вдохновлял и поддерживал движение по защите прав человека в авторитарных государствах и в новых демократиях, в особенности в Польше и странах бывшего Советского Союза.

Почти до самого конца своей жизни Марек Новицкий без устали ездил с лекциями по России, Средней Азии и Кавказу. И благодаря своему таланту и харизме стал символом мирной борьбы за достоинство и права человека

ЧТОБЫ ЖИТЬ

С [illegible] [illegible]вицким, рук[illegible]ителем [illegible]о Фонда пр[illegible] [illegible] [illegible] Шостке[illegible], газета [illegible]

– Господин Новицкий, Вам случалось в школе драться, вступаясь за кого-то?

– Примерным ребенком я не был, наоборот, со мной было немало проблем. Я был строптивым, имел собственное мнение. Я говорю о конце начальной школы и лицейских годах. Выпускные экзамены я сдал в 1966 году.

– А Вы были беспокойным ребенком только в школе или дома тоже?

– Главным образом, в школе. Я ненавидел приказы, запреты же сносил гораздо легче, хотя и с этим тоже были проблемы. Я был очень начитанным ребенком. Читал все подряд: от Карла Мая в третьем классе до Жеромского и Виктора Гюго в пятом. Мы жили тогда с родителями под Варшавой. Отец был профессором Электротехнического института. Я пользовался двумя библиотеками: одной частной, которой руководила предвоенная дама, там было множество книг, и другой, которую привозил к нам раз в неделю библиотечный автобус. Читал много стихов, на которые у меня была очень хорошая память. Что имело некоторые последствия.

Первый раз меня, в порядке наказания, перевели из одного класса в другой. На школьной линейке, в ответ директору, который зачитал список моих грехов и спросил, имею ли я что-нибудь сказать, я продекламировал: «Пускай годами отягощенный /Склонился старец, уставясь в землю, /Потухшим взором едва объемля/ Мир омраченный». *(Адам Мицкевич «Ода к молодости», 1820 г. Перевод Павла Антокольского – Прим.пер.)* В начальной школе меня несколько раз переводили из класса в класс, в средней школе – тоже. В десятом оставили на второй год с двойкой по математике, в первом семестре я снова схватил двойки по математике и по физике, и мой учитель сказал мне, что я – идиот. Я обиделся и в том же году стал лауреатом олимпиады по физике. Получил право поступать без экзаменов в университет на факультет математики и физики. Это, в какой-то мере, повлияло на выбор моей профессии.

– А откуда в Вашей жизни взялся альпинизм?

– Альпинизм увлекал меня с ранней юности. Когда мне было 14, я, прибавив себе пару лет, записался в школу альпинистов в Высокогорном клубе. Потом я еще много раз был вынужден скрывать свой возраст. Вот в мае я сдаю выпускные экзамены, что не было сложно для человека, который уже имел «пропуск» в вуз и к тому же был выпускником элитарного лицея, и передо мной встает дилемма: остаток мая, июнь и июль готовиться в институт (а мне хотелось и на психологию, и на юридический, хотя родители считали, что эти профессии непрестижные)...

– Мы говорим о Польше времен Гомулки...

– ... или поехать в горы и лазить аж до сентября.

– Первый урок гражданского неповиновения Вы могли получить в марте 68-го?..

– В моей жизни было три пристрастия, остальное уходило на задний план. Первым был альпинизм, и я подчинял этому все. У меня было несколько рекордных восхождений, и думаю, я внес некоторый вклад в развитие польского альпинизма.

<...> Вторым пристрастием была физика, третьим – права личности, защита права человека быть собой, защита неповторимости каждого из людей. Эти мои увлечения следовали одно за другим, обозначая три периода моей жизни.

Возвращаясь к вопросу о марте 68-го. Я тогда был далек от политики и общественных дел; жил горами, начинал жить физикой. Я воспитывался в доме, который старался держаться подальше от мира политики. Отец говорил, что порога нашего дома не переступал ни один член ПОРП. В марте 68-го я, конечно, принимал участие в университетской забастовке, но не до конца понимал, что происходит на самом деле. Понимал, что мы правы, и только. Время стирает эмоции, но я запомнил ту забастовку как что-то очень радостное, увлекательное... С нами вместе бастовали ассистенты с нашего факультета, мы играли на гитарах, я встречался со своей подругой – она училась на полонистике...

– Но потом начались аресты, посыпались приговоры. Что Вы тогда думали? Что политика – вещь отвратительная и лучше до конца жизни заниматься горами и физикой?

– Нет. На третьем курсе я подписывал протесты, расклеивал листовки с ощущением, что это – моя обязанность, что так надо. Может, сыграла роль вторая семейная традиция. Отец был офицером разведки Армии Крайовой, участвовал в Варшавском восстании, оба деда моей мамы был наполеоновскими генералами, участниками Ноябрьского восстания. Один из них был признан лучшим, другой – худшим генералом Восстания. Я происхожу от того, худшего. Когда я так говорю, моя мама очень сердится.

– А что было для Вас переломным моментом? Восстание «Солидарности»?

– Немного раньше. Моя судьба сложилась так, что я остался работать в Варшавском университете, специализировался в экспериментальной ядерной физике. Во второй половине 70-х я надолго уехал в Институт ядерных исследований в Дубну. Исследования в области ядерной физики очень дорогие, одному государству они не под силу. Страны Западной Европы совместно содержат институт CERN, а для коммунистического блока таким институтом была Дубна. Отправляясь туда, я уже неплохо знал русский, который учил, как все мое поколение, на песнях Окуджавы, Галича, Высоцкого. В Дубне я совершенствовался в языке, и в конце концов во мне стало трудно распознать иностранца. К этому я еще вернусь.

> *Марек Новицкий: «...Мир полон добра, являющегося ежедневным опытом людей. Зло, даже в жестокое время, есть что-то исключительное. Матери любят своих детей, супруги друг друга, люди спонтанно переводят слепого через дорогу, помогают друг другу и, свободные от агрессии, терпимо относятся к существующим между ними различиям.*
>
> *Это так очевидно, что мы не передаем специально себе таких сведений, так же как и не информируем друг друга, что после ночи наступил день. Мы говорим об исключительных фактах – убийствах, изменах, войнах, стихийных бедствиях, потому что с ними встречаются только некоторые из нас и единственно в течение одного момента в масштабе наполненной доброй обыденностью жизни. Нас захватывают редкие, вызывающие страх события, незнакомые нам из собственного опыта.*
>
> *И так, живя в добром свете, в основном мы получаем плохие новости, чрезмерность которых деформирует его образ. Поэтому стоит хотя бы в течение одного дня в году сосредоточиться на хороших новостях. Вернуть пошатнувшиеся пропорции и радость оттого, что кто-то победил рак, кто-то получил повышение, кто-то со взаимностью влюбился, а бездомный котенок нашел опекунов...»*
>
> **Хельсинкский Фонд по правам человека.**
> *http://www.hfhrpol.waw.pl*

Мы много разговаривали с советскими коллегами-физиками, и выходило, что у нас похожие взгляды на действительность. Мы понимали друг друга. Но это впечатление заканчивалось, когда вдруг мои российские коллеги начинали говорить штампами из передовиц советских газет – этот хорошо знакомый автоматизм ответов и оценок. Я этого не мог понять: что, вчера они не боялись, а сегодня – боятся? Может, это ошибка, но я тогда решил, что у них что-то вроде шизофрении, что в головах у них сидят доктор Джекилл и мистер Хайд *(Герой книги Роберта Льюиса Стивенсона «Странное происшествие с доктором Джекиллом и мистером Хайдом». Он проводит эксперимент, в результате которого превращается в женщину Хелен Хайд. В облике Хелен он не помнит того, что делал доктором Джекиллом, и наоборот. – Прим. пер.)* и что обе эти роли – людей чувствительных и думающих и людей, использующих клише коммунистического воспитания – одинаково естественны для них. Они могли плавно переходить из одной роли в другую. Это меня поражало.

– Вы общались с людьми не только в Дубне?

– Конечно. Нам разрешалось передвигаться в радиусе 10 километров от Дубны. Без специального разрешения можно было сесть в поезд до Москвы, правда, запрещалось выходить на промежуточных станциях. Свободного времени у меня было довольно много: чтобы получить доступ к работе на ускорителе, нужно было ждать иногда не один месяц; обработка результатов экспериментов длилась неделю-две, потом снова долгая очередь на ускоритель... А мне было интересно, что происходит вокруг, и я довольно много ездил – и с разрешения властей, и без.

Я купил себе русский велосипед, одевался в русские шмотки, садился в поезд, доезжал до какой-нибудь станции и ехал на велосипеде куда глаза глядят. Разговаривал с обычными людьми. Я увидел, во что способен превратить коммунизм – иной, чем мы знали в Польше, – человека. Не москвича или ленинградца в псевдомодном костюме, а жителя маленького заплеванного городка Кимры, что в 150 километрах от Москвы.

Когда я уезжал из Дубны, я понимал, что должен что-то сделать с тем знанием, которое приобрел. А все, что было потом, – это, в принципе, счастливое стечение обстоятельств.

– Когда Вы вернулись в Польшу?

– В начале 80-го года. Полным ходом уже действовала KOR-овская оппозиция, в которой оказалось множество моих друзей и по альпинизму, и по физике. Я вошел в эту среду как будто с разбега, и физика становилась для меня все менее важной. Я занялся регионом Мазовше, разъяснял на заводах, что такое «Солидарность», работал в посреднической комиссии, которая помогала решать споры внутри профсоюзов, и одновременно – время было такое – руководил технической подготовкой акций протеста: организацией уличных манифестаций, забастовок и т.д.

– А где Вы всему этому научились?

– Мы все тогда учились молниеносно. У меня был знакомый альпинист – полковник спецназа, человек,

KOR – Комитет защиты рабочих (Komitet Obrony Robotników)

обладающий большими знаниями... впрочем, почему бы не назвать его имя... Збышек Скочиляс. Так вот, Збышка увлекала, в числе прочего, история уличных сражений, и не только в военном плане. Как это делал Руди Дучке *(Rudi Dutschke [1940 – 1979], немецкий социолог, лидер западногерманского студенчества в 60-70-е гг. – Прим. пер.)* в 68-м, а как это делали в Японии, в Корее? Он меня многому научил, остальное заключалось в том, чтобы адаптировать эти знания к тогдашней польской действительности.

– Настал час расплаты – 13 декабря 1981-го. (введение в Польше коммунистическим руководством военного положения. – Прим. пер.).

– Даже раньше, 12 декабря. Забрали меня ночью, в штабе «Солидарности» региона Мазовше. Отсидев год в лагере для интернированных, я вернулся в Варшавский университет, но я уже был глубоко вовлечен в деятельность подполья. Мы создавали Хельсинкский комитет, выстраивали сеть сбора информации о нарушениях прав человека – избиениях, убийствах и т.д. Это поглощало все мое воображение и все время. В какой-то момент я понял, что совмещать работу в университете и в подполье не удается. И я ушел из университета. Немного подрабатывал на высотных работах, и это все.

– А теперь Вы, в известной степени, – «чиновник» в неправительственной организации. У Вас есть офис, ассистенты, секретарши. Вам теперь случается сесть на велосипед и поехать куда-нибудь, километров за 50 от Варшавы, чтобы узнать, как чувствуют себя обычные люди – граждане Третьей Речи Посполитой?

– На это нет времени. Каждый день работа занимает больше чем половину суток, практически, без выходных.

Но как бы нам не пропустить в разговоре самого важного. Я начал изучать права человека, их историю, философию, сравнительное право. Я относился к этому как к профессии, которую я должен получить. Думаю, что сейчас я больше юрист или философ, чем физик. Вы сказали «чиновник». Надеюсь, я все-таки еще не чиновник. Между прочим, еще и поэтому я не хочу слишком расширять нашу организацию. Я также надеюсь, что мне удается руководить без излишнего формализма, без четкого разделения обязанностей сотрудников, без того чтобы заставлять людей делать то, чего они не хотят. Мы опираемся, скорее, на энтузиазм, когда каждый делает то, что надо, одновременно помогая другим, дополняя их работу. И кажется, это нам удается. Наша организация началась еще в подполье, теперь мы стали профессионалами.

– Вы преобразовали Хельсинкский комитет в Хельсинкский фонд прав человека...

– Комитет действует и сейчас. Члены его учредили Фонд в конце 1989 года. Мы хотели создать независимую от государства структуру, которая занимается образованием и исследованиями в области прав личности. В то время юридически это было невозможно, и мы выбрали форму общественной организации, ибо ее деятельность менее всего была подконтрольна государству. Хельсинкский комитет сейчас делает заявления по самым важным вопросам.

Когда было сформировано правительство Мазовецкого, оказалось, что половина его кабинета – члены Хельсинкского комитета. Мы приняли решение, что члены Комитета – депутаты парламента или чиновники правительства – приостанавливают свою деятельность в Комитете на время исполнения государственных функций. Чешские и российские коллеги такого решения не приняли. А мы считаем, что нельзя «смотреть на руки» власти (не нарушает ли она права человека, а она всегда их, в той или иной степени, нарушает, ибо такова ее природа. Даже если власть ставит перед собой благие цели, всегда существует искушение выбрать «более короткий путь») и одновременно быть частью этой власти. То же самое касается и парламентских игр, которые, по определению, требуют компромиссов. Вечером мы можем пить водку вместе со своими друзьями-чиновниками, но говорить о правах человека с одной точки зрения – не можем.

А когда правительство Мазовецкого закончило свою деятельность, потребовался «адаптационный период» в несколько месяцев, прежде чем значительная часть той группы снова обрела способность смотреть на жизнь взглядом личности, а не с точки зрения политической перспективы. Я думаю, что это нормально: есть люди, которые думают о том, что хорошо для государства в целом, и это для них – главное, а другие думают о том, что хорошо для личности. И эти люди должны «боксировать» друг с другом – не в тюрьму сажать, а убеждать, аргументировать. И только так может получиться реальность, в которой возможно жить...

– Философский вопрос: что есть основа прав человека?

– Понятие человеческого достоинства. Достоинством обладает и новорожденный ребенок, и отпетый преступник. Можно вывести понятие достоинства из концепции сотворения человека богом по образу и подобию своему. Такой человек хранит достоинство как частичку достоинства своего творца. Можно выводить это понятие из иной религии или философии. На занятиях нашей школы прав человека это делали люди, которые разбираются в дальневосточных верованиях. А можно вывести понятие достоинства – я это особенно люблю – из неповторимости каждого человека с его багажом знаний, его мышлением, его эмоциями. Каждый из нас – неповторимый микрокосм. Формулировки прав и свобод, выводимые из этого понимания человеческого достоинства, очень похожи, независимо от религии или философии, стоявшей у истока. Различия здесь второстепенны и касаются, в основном, границ прав и ситуаций, в которых несколько различных норм вступают в конфликт. Типичная ошибка журналистов – вопрос «чем это вы занимаетесь, коль скоро у нас демократия?». Демократия – власть большинства, только большинство может быть жестоким по отношению к меньшинству. На занятиях в школе прав человека мы просим слушателей, чтобы они выписали десять черт, наиболее ярко их характеризующих. Всегда оказывается, что совпадают у большинства 3-4 четыре пункта, остальные оказываются в меньшинстве. Правящее большинство может быть безразличным и даже агрессивно настроенным по отношению к меньшинству, а в сущности – по отношению к каждому из нас.

– Так все же, что такое права человека?

– Это то, что ограничивает волю большинства, то, что прямо противоположно демократии в ее вуль-

гарном понимании как власти большинства. Не может быть так, что демократически избранный парламент завтра утром проголосует за то, чтобы выгнать из страны всех цыган или отобрать землю или автомобили у тех, кто ими владеет. Так далеко власть парламента не распространяется. Речь о том, чтобы большинство позволяло достойно жить людям с их индивидуальными чертами, присущими меньшинству.

– Вы полагаете, что это все касается и таких групп, как гомосексуалисты?

– Я думаю, что попытка вынудить кого-то сменить свою гомосексуальную ориентацию на гетеросексуальную была бы полным нонсенсом. Это просто не удалось бы, и, потом, я не вижу никакой причины, почему надо было бы воевать с гомосексуалистом, если он никого не обижает. Мы сейчас начинаем разрабатывать программу помощи для стигматизированных *(имеющих отклонения с точки зрения обобщенных социальных ожиданий. – Прим. пер.)* групп, которые сталкиваются со всеобщим презрительным отношением к себе: алкоголиков, наркоманов, людей с психическими отклонениями, проституток, бездомных. Это категории людей, отвергнутых обществом. Они часто сталкиваются с нарушением прав человека со стороны чиновников и с несправедливым отношением к себе общества. Оказание помощи, например правовой, таким группам – дело трудное. Около 15 процентов тех, кто обращается к нам со своими обидами, – это люди с психическими отклонениями. Они рассказывают массу неправдоподобных историй о том, как разведка или контрразведка облучает их с помощью спутников и т.п. А мы выслушиваем все это очень внимательно, ибо возможно, что за такой историей кроется настоящая несправедливость.

Нужно незаурядное терпение, чтобы разобраться, имеем ли мы дело со случаем психического заболевания и не нанесен ли этому человеку, в связи с его болезнью, ущерб со стороны государственной организации или других людей.

– Мне как раз ближе англосаксское понимание свободы и прав личности...

– Которое означает, скорее, «civil liberties», гражданские свободы, чем «human rights», права человека? Американские «отцы-основатели» *(участники Конституционного конвента, разработавшие и принявшие в 1787 году Конституцию США. – Прим.пер.)* среди основных прав личности называли свободу на поиск личного счастья. Французская революция давала человеку право на счастье. Это – не одно и то же. Французы говорили: «Власть должна сделать меня счастливым», а американцы этого не хотели. Мне тоже ближе этот, второй тип мышления.

– Я хочу спросить, какое из прав Вы считаете самым главным? Может быть, право на быстрое и честное судебное разбирательство независимым судом?

– Я понимаю силу этого утверждения, но все зависит от уровня, с которого мы стартуем. На определенном уровне развития государства и культуры

Из публикаций Марека Новицкого в «Газете Выборчей»

«Мы в долгу перед многими странами, которые помогали полякам во время военного положения. Сейчас пришло время платить эти долги, и я не представляю себе, чтобы мы не были в состоянии это сделать. В других странах, например в Венгрии, гораздо больше беженцев, чем у нас, и она им помогает». (1993)

«Ребенок в школе сегодня находится в такой же ситуации, в какой был гражданин ПНР. Теоретически у него много прав, а практически – никаких». (1995)

«Люди, которые совершают преступления по приказу политиков, делают это с ощущением безнаказанности, рассчитывая на то, что политики их защитят. И наказание, даже по прошествии многих лет, людей, которые убивали по приказу, имеет огромное значение. Для того чтобы чиновники всех государств знали, что за преступление, даже совершенное по приказу политика, рано или поздно последует наказание». (1996)

«Можно высмеивать парламент, государство при этом может быть вполне действенным. Но государство, где насмехаются над судом, – недееспособно.

Решение суда непреложно, тогда как, согласно Конвенции, ни исполнительная, ни законодательная власть, ни прокуратура не закрыты для критики». (1996)

«Французские крестьяне, протестуя, уничтожают выращенные ими самими продукты. Они несут убыток, который, являясь элементом протеста, должен показать драматизм ситуации. Однако требование, чтобы можно было нарушать общественный порядок и не нести за это наказание, не имеет ничего общего с ненасильственной борьбой. Если бы власти на это согласились, это было бы глубоко аморально». (1999)

«Если закон все время меняется, если он неясный, а его интерпретации непредсказуемы, такой закон нарушает базовый принцип уважения достоинства личности. Ибо тогда мы не можем безопасно планировать нашу жизнь. Налоговый кодекс, изменявшийся десятки раз, – яркий тому пример. Плохой закон – это закон неисполнимый. Например, чтобы понравиться избирателям, ужесточают наказания за преступления, не принимая во внимание вместимость тюрем. Либо в рамках борьбы с наркоманией вводится кара за любое количество наркотика и одновременно говорится, что этот закон касается не всех, что речь идет только о наркодилерах. Такая ситуация учит пренебрегать и законом, и государством». (2003)

это право становится фундаментальным. Большинство заключений Европейского суда по правам человека касается именно статьи 6 Конвенции – права на справедливый и независимый суд. Вне Европы нужно повышать значение более фундаментальных прав. Для меня очень важно право на свободу самовыражения, которое есть нечто большее, чем свобода слова. Это понятие охватывает свободу совести, свободу выражения мнения, свободу получать и распространять информацию. Речь не только о том, что «кляп во рту» унизителен для человека, это право является важным инструментом защиты других прав и свобод. Если из какой-то страны доходят вести, что там все в полном порядке и весь народ обожает вождя, как отца родного, можете быть уверены, что в этой стране жестоко нарушаются права человека. И наоборот, если в стране пресса кричит, что правительство ворует, что прокурор – свинья, и вообще, все ужасно, можно быть спокойным: в такой стране ничего действительно плохого произойти не может.

– В нашей стране пресса кричит, что правительство работает день ото дня хуже, что военный прокурор незаконно прекратил следствие и т.д. Что же, следуя Вашему критерию, можно утверждать, что в Польше все в порядке?

– Нет. Это не значит, что у нас все в порядке, потому что нигде в мире так не может быть. Но если пресса об этом кричит, то можно надеяться, что через год или через пять лет мы решим эти проблемы. Сменится правительство, появятся другие спорные вопросы, появятся нарушения прав человека в других областях. Но в целом, если грязь спрятать невозможно, это значит, что со временем она будет отстирана. А когда все покрыто мраком тайны, вот тогда – опасно. Свободная пресса плюс свободные выборы оберегают нас от самого худшего.

– Вас не искушает политика?

Мы – аполитичны. И в Комитете, и в Фонде. У нас есть люди самых разных политических взглядов, только нет «крайних» – ни левых, ни правых. Мы стараемся находить консенсус, который гарантирует, что наши оценки сформулированы с точки зрения прав человека, а не выражают чьего-то сиюминутного интереса.

Права человека касаются взаимоотношений власти и личности. Непонимание этого приводит к скандальной трактовке положения Конституции о том, что разрешено все, что не запрещено законом. Некоторые трактовали это как моральную вседозволенность. А на самом деле, Конституция – это договор между гражданином и властью, регулирующий исключительно сферу их взаимоотношений. Конституция утверждает, что власть не может наказать меня за то, что не было запрещено законом. А кроме этого существуют мои обязательства, вытекающие из таких понятий, как любовь, семья, дружба и т.п. Но об этих понятиях в Конституции и не должно ничего говориться. Так вот, в этой ключевой для нас сфере отношений личности и власти мы стараемся прикладывать одну и ту же мерку к любой власти, независимо от того, кто ее представляет: наши друзья или наши враги. Иногда это очень трудно: приходится, защищая людей, которых ты не любишь, порой очень не любишь, «атаковать» собственных друзей. Только и друзья иногда заходят слишком далеко.

Перевод с польского: Юлия Середа

– Вы были председателем клуба альпинистов, потом – физиком, а теперь – правозащитник. Как получилось, что у Вас в жизни такие разные занятия?

– Это семейная традиция. Мой отец тоже менял профессии. Сначала был физиком, потом занимался техническими науками, потом – строил ускорители. Как только он приходил к выводу, что уже умеет что-то делать, ему становилось скучно.

– А Вам тоже скучно, если Вы уже умеете?

– В принципе, да. У меня было несколько периодов в жизни. Сначала я был просто хулиганом. И мои мудрые родители, в конце концов, решили, что если ребенок испытывает потребность в адреналине, то надо послать его в горы. Оказалось, ходить по горам намного интереснее, чем сидеть в парке и задирать прохожих... 10 лет горы были главной целью в моей жизни.

– А что там было такого интересного? Что Вы там искали?

– Там только ты и горы. Нет каждодневной суеты и такого внешнего напора. Довольно многие люди, которые занимаются правами человека, так или иначе связаны с горами. Я думаю, это потому, что в них раньше была эта потребность свободы...

– Среди правозащитников много людей, которые в прошлом занимались точными науками. Как Вы думаете, почему?

– Да, много. Я думаю, что люди, которые в коммунистической стране занимались общественными науками, вынуждены были считаться с тем, что их работа подвергается цензуре. Математические же уравнения не мог взять под контроль ни один секретарь компартии. В этом смысле математика или физика были науками свободными, хотя бы уже потому, что этот секретарь в них ничего не понимал. Никакой цензор не проверял моих уравнений и доказательств. В тоталитарном государстве наука – это побег к свободе. Потому столько физиков среди правозащитников во всем мире. Нельзя впихнуть идеологию в ядерную физику, потому что тогда не получится бомба, о которой мечтают политики.

– А в чем ищете свободу Вы? Что для Вас значит быть свободным человеком?

– Для меня важно, что я сам принимаю решения, что я буду делать завтра, послезавтра, через год, и никто мне этого решения навязать не может. Конечно, каждый человек действует в каком-то ограниченном пространстве. В том пространстве, которое мне доступно, это – мои собственные решения.

– А что, по-Вашему, ограничивает свободу?

– Надо просто быть приличным человеком.

– Вы думаете, что права человека могут каждому гарантировать чувство свободы?

– В какой-то степени, да. Основная роль прав человека – защита личности перед опаснейшим образованием, воплощенным в армии, полиции, тюрьме, разнообразных средствах принуждения – государством. Права человека – это щит, хранящий от удара меча, который имеет государство.

Из интервью «Горы, физика, свобода». С Мареком Новицким беседовал Olek Ulasiuk

Для нас пан Марек Новицкий был Учителем. *Невозможно забыть – сутулая фигура, подтяжки, хороший (иногда – слишком хороший) русский язык, характерные интонации... Он учил понимать мир, в котором живешь, учил этот мир менять, учил побеждать.*

Ему – физику, ученику Георгия Флерова, прочили блестящую карьеру. Пан Марек избрал другой путь (или – этот «другой путь» выбрал его?), но сохранил ясное системное восприятие мира – как наши соотечественники Андрей Сахаров, Кронид Любарский, Сергей Ковалев. Как и они, Марек Новицкий всего-навсего распространил это восприятие на мир общества и права, а дальше – следовал ему и передавал своим ученикам. Чему способствовали несомненный педагогический талант и русская неформальная лексика, подчерпнутая у Флерова...

В 70-х для пана Марека, как и для других молодых польских интеллектуалов, это понимание означало действие.

Действие, впрочем, было и раньше – с неизменным отрицательным результатом. В 1968-м, когда студенты шли к райкому «за свободой» и звали с собой рабочих, те отвечали: «Пошли на фиг!»; в студентов стреляли. В 1970-м, когда рабочие шли к райкому «за коУбасой» и звали с собой студентов, те отвечали: «Пошли на фиг!»; рабочих расстреливали. За десятилетие интеллектуалы сломали эту разобщенность и заложили основы солидарности. Сначала – организовали «Комитет помощи рабочим», помогая – юридически и материально – уволенным, арестованным и их семьям. Затем – создали «Летучий университет» для подготовки нового поколения рабочих лидеров. Тут пригодился педагогический талант Новицкого. Наконец, был дан, казалось бы, простой лозунг: «Не штурмовать их комитеты, а создавать свои!» Оставалось ждать...

В августе 1980-го, когда забастовали рабочие в Гданьске, они не пошли к горкому, а заняли сточню (верфь) и выставили «коммунякам» свои требования – не только экономические, но и политические. На верфи вместе с рабочими находились те самые интеллектуалы, среди них – пан Марек. Так слово «Солидарность» превращалось в дело...

«Стан военный» – военное положение – было введено в Польше в декабре 1981-го. Власть не повторила прошлогоднюю ошибку – за несколько недель и месяцев войска подавили «страйк» (это слово поляки предпочитали славянскому «забастовка»), заняли заводы и шахты. Началось десятилетие подполья.

Полицейская охота и тюрьмы для подпольщиков – все это было ничтожно по сравнению со страхом и унынием, поразившими польское общество. Казалось, было невозможно возродить «Солидарность» – простую человеческую солидарность! – в этих тягостных условиях. Им тогда это удалось, как – лучше самого Новицкого никто не расскажет...

Им удалось посадить «коммуняков», того самого генерала Ярузельского, что вводил «стан военный», за «круглый стол» переговоров – хотя можно было «брать райкомы». Удалось провести выборы. Удалось мирным путем взять власть – хотя польского гонора хватило бы и на еще одно восстание. И в этом была, наверное, главная победа.

А потом была еще победа над собой – не пойти в эту власть, хотя именно этого от них, казалось бы, и ждали. «Хельсинкская фундация» продолжила общественный контроль за властью, теперь – за властью, состоящей из «своих».

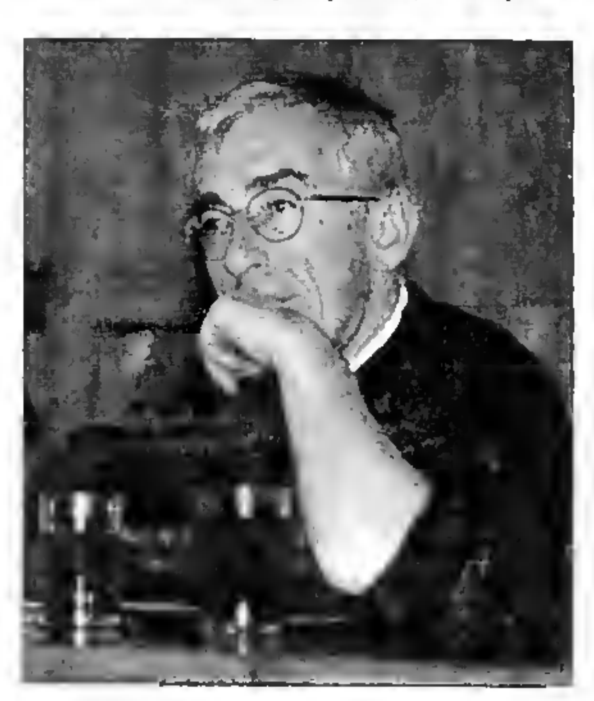
А пан Марек вновь стал учить, но уже не активистов рабочего движения, а коллег-правозащитников из Польши и всего бывшего соцлагеря... а также полицейских, тюремщиков и иже с ними. Перейти от привычной конфронтации с властями к сотрудничеству – это тоже был поступок.

Впрочем, сотрудничество не означало попустительство, скорее – партнерство. В конце девяностых Новицкий с усмешкой рассказывал, как собрал на семинар все польское тюремное начальство... и, пока они мило беседовали в пригородном пансионате в Медзешине, наслал на все польские тюрьмы инспекцию. Теперь представьте себе такое в современной России!..

Пан Марек много раз был победителем, и с начала 1990-х он передавал этот опыт ученикам. Перечитывая теперь его лекции, удивляешься, сколь многое было им верно понято и предугадано.

Достаточно посмотреть краткий фрагмент конспекта прочитанной в 2002 году в Школе по правам человека лекции «Стратегия действий неправительственных организаций, а также людей, которые хотят влиять на ход событий в своей стране».

Александр Черкасов, «Мемориал»

БЕЗРАБОТИЦА ПРАВОЗАЩИТНИКАМ НЕ УГРОЖАЕТ

Конспект прочитанной в 2002 году лекции в Школе по правам человека «Стратегия действий неправительственных организаций, а также людей, которые хотят влиять на ход событий в своей стране»

Такая стратегия возможна и без залезания в политику. По многим причинам это важно – и, как я много раз говорил, это не только полезно, но и более перспективно.

*****

Конечно, иногда во главе государства стоит не диктатор, а просвещенный, сильный и авторитарный политик, который крепко держит все в своих руках. Он знает, что будет за четыре года его правления. Он понимает, что либо он полностью подчинится общественному мнению, либо пойдет вперед, преодолевая трудности начального периода реформирования, когда целые группы людей живут хуже, чем раньше. Ведь ничего даром не дается. Улучшение наступает позже. Такой политик на четко определенное время рассчитывает свою работу. Пример здесь – де Голль во Франции. Он проводил реформы, но **после каждого важного этапа проводил выборы и референдум, ставя условие, что если народ это не поддерживает, то он уходит.** Как-то раз ему действительно пришлось уйти. **Это – пример разницы между диктатором и сильным политиком.**

В нашем регионе есть и диктатуры, и слабые государства, или смесь и того, и другого. Сильное государство – это государство, в котором законы работают. Нет никаких льгот и исключений. В сильном государстве немного законов, но они все до конца работают. А не так, когда есть всеобщая воинская обязанность, а на практике в армию идет десять процентов.

Слабые государства также опасны для прав человека. Коррупция там все пожирает. Для таких стран есть проблема: как прийти к сильному государству. Характерный пример с Чечней. Русские политики постоянно представляют картину, как они хотели бы вести контртеррористическую операцию, но на самом деле не могут контролировать и не контролируют ситуацию. Среди вообще всего того, что там происходит, это – самое плохое.

В слабом государстве многие решения принимаются без механизма их контроля. С одной стороны, это жестокая власть – она сажает, убивает и т. д. А с другой стороны, она не умеет контролировать государство. Это очень опасно. Внешне есть диктаторы с их полициями и спецслужбами, а в целом этот механизм не работает.

Так что, прежде чем выбирать стратегию, надо посмотреть на тип государства.

*****

Поговорим о государствах десять-пятнадцать лет назад. Разные куски бывшего СССР мы можем найти теперь и в Польше, и в Чехии, и в Казахстане.

И еще более или менее важно, что в головах людей осталось мышление от государства, которого уже нет. Много раз я встречался с людьми, у которых где-то в затылочной части головы остались репрессии 1930-х годов – представление о том, что власть может все, как тогда: ссылать целые народы, сажать и расстреливать миллионы. Но это невозможно сейчас. Это было бы чистейшее самоубийство для любого государства. Но мы все еще боимся. **Не нас запугали – наших родителей и дедов, и мы думаем, что государство может все.**

Вторая половина 1970-х годов – это конец того периода, когда государство могло быть настолько жестоким. Это хорошо видно на государствах нашего региона. В середине 70-х это еще было возможно. В Юго-Восточной Азии это еще возможно и теперь. Но на территории СНГ, по-моему, уже далеко не все. Попытка вернуться в 30-е годы означает международную изоляцию, конец устремлениям к тому, что государство будет богатое и современное, что будет развиваться экономика. Мало желающих идти путем Ирака и Северной Кореи.

Конечно, 11 сентября усложняет обстановку, особенно у наших коллег из Средней Азии. Администрация Буша будет там проводить ту же политику, что в Южной Америке в 1960-е годы: демократия и права человека там нам побоку, так как мы поддерживаем Пиночета и другие режимы, гарантирующие спокойствие и отсутствие терроризма. Чтобы не было проблем, слова будут о правах человека, но не будет жестокого нажима. Если какой-то диктатор будет гарантировать, что здесь будет более или менее нор-

хуже, чем была год назад. Оставим так, если только Путин даст гарантии, что не будет слишком большой крови. Но я думаю, что это поменяется через три года, когда будут новые президенты и новые резолюции.

Мировая ситуация после 11 сентября усложняет нашу работу. Это означает, что будет меньше политического давления в течение ближайших двух-трех лет. Хотя ситуация может поменяться и раньше, чем наступят выборы. **Это тоже, в какой-то степени, зависит от нас и наших действий. Если мы сумеем передавать информацию в прессу, заранее думая о политике.** Ведь они говорят что хотят, пока мы работаем.

Есть хорошие отчеты об обстановке в Чечне, люди с мест зверски работают, чтобы собрать информацию. А потом эта информация где-то оседает. Появляется книжка, она стоит где-то на полке – и здесь кончается работа. Это закономерность – мы зверски поработали, издали книжку, собрали материал, но в дальнейшем не обыграли это политически.

Например, идут какие-то репрессии в Узбекистане, и наши коллеги представляют ситуацию, и даже подготавливают какой-то отчет – потом этот отчет стоит на полке. Это полпроблемы, вторая часть проблемы – как политически использовать потом эту информацию, которую мы собрали.

Это любимое дело Московского «Мемориала» – собирать некий отчет, как какой-то ритуал. Я собрал, я представил, я уже все написал. Здесь работа кончается.

Да, это сложно – как сыграть дальше? Как мы можем использовать этот материал, чтобы он на самом деле что-то значил?

Хорошо, я опять отвлекся...

О типах государств. Тоталитарное государство.

Это государство может быть идеологическим или нет, как на островах Тихого океана и на Карибах, где нет никакой идеологии, но есть диктаторы.

Есть **идеологические государства, которые пытаются контролировать жизнь человека во всех ее проявлениях.** Идеологические тоталитарные государства – коммунистическое, фашистское, некоторые религиозные. Такое государство пытается переделать людей, все думают одинаково, одеты одинаково, как в Китае периода «культурной революции». Фидель Кастро недавно ввел конкретную статью в УК, где за «опасность» можно получить 15 лет, и суд решает, что этот человек «опасный».

Государство хочет знать все. В России приходилось просить разрешение, чтобы пригласить иностранца к себе домой. Признаками этого являются фамилии на многих транспортных билетах, национальность в паспорте, первые отделы или аналогичные им отделы кадров. На работе у человека не было доступа к его личной информации. Во многих конституциях посткоммунистических стран появилась статья, ограничивающая информацию, которую государство вообще может собирать. Кроме того, человек может иметь доступ на определенных условиях к своему досье и требовать поправок, если что-то, по его мнению, не соответствует действительности. Одним из процессов Страсбургского суда был: «Каас против Германии». Он отстаивал право получать информацию о прослушивании и перлюстрации и делать поправки. Кроме того, что на прослушивание спецслужбы обязаны получать разрешение суда, на него существует определенный срок – его можно продлевать, но в течение года срок может истечь. Тогда органы обязаны проинформировать человека о прослушивании, а тот получает право комментировать или пойти в гражданский суд и получить компенсацию, если что-либо необоснованно. Если же у человека нет информации, что его прослушивали, то он и не может защитить свое право.

Эта система тотального сбора информации была менее опасна, когда все это работало разрозненно, но сейчас, когда работают большие компьютеры, то очень просто можно собрать эту информацию. В демократической [же] стране в гостинице можно назвать любую фамилию, как свою, так и своих спутников.

С другой стороны, в таком [тоталитарном] государстве сама **власть всегда засекречена.** Ничего не известно о подробностях жизни не только кремлевских деятелей и политиков, но и ничего не известно о подробностях работы и чиновников, и политиков нижнего уровня. Подробности личной жизни имеют значение только для выборов, но мы ничего не знаем [не только] о принимаемых решениях, [но и о важных обстоятельствах] в отношении личной жизни каждого.

В правящей верхушке идет политическая борьба, кто-то включается в узкую группу правящих, кто-то из нее вылетает. Кто с кем, кто против кого, – мы так до конца и не знаем, почему. Есть разные сплетни только. Бытует представление, что мир политики – это «кто – кого». Все борются друг против друга. Эта **политика выглядит как грызня собак под ковром.** Мы видим только, что что-то под этим ковром происходит, кто-то кого-то лает-кусает. Но непонятно, что же на самом деле. Есть также приказы от отца народа – президента, первого лица.

У полицейского государства тысячи сексотов и стукачей. Кстати, в Советском Союзе было статистически меньше сексотов на душу населения, чем в странах бывшей «народной демократии». Я сначала удивлялся этому, а потом понял, что в СССР было много незарегистрированных сексотов среди активистов партии и комсомола, – они передавали информацию бесплатно. В СССР было много неофициального. Кроме официального «литования» в СССР и в ГДР неофициальными цензорами были главные редакторы газет и радио. В то же время в Польше и в Чехословакии контроль осуществлялся официально, ставился штамп цензора, и главный редактор мог не выполнять работу цензора.

Следующей важной чертой является **разобщенность людей в тоталитарном государстве.** Не допускается никакой отдельной от государства общественной деятельности. Невозможно было зарегистрировать никакой клуб любителей верблюдов или любого другого. Все это государству необходимо организовывать и контролировать. Сам по себе ты ничего не можешь сделать – ни театр организовать, ни окрестный лес почистить. Только от комсомола, только по приказу властей.

Не было и места для неформального общения и обсуждения местных проблем. Кабаки в западноевропейском смысле существовали только в Грузии. В СССР не существовало недорогих мест, где можно было два-три часа поговорить и поесть-попить. Кабаки в Центральной и Южной Европе – это то, что организует гражданскую жизнь. И в Англии после работы идут в свой паб и весь вечер сидят в этом пабе. Нормальные люди ходят в дешевые ресторанчики,

...Он поразил меня еще при первой встрече в Москве в июне 90-го: блестящим умом, острым, трезвым взглядом на вещи и нацеленностью на практический результат. Что бы ты ни делал, – говорил он, – получи хоть маленький, но безусловный успех.

Потом еще было много встреч, совместная работа, обсуждения, споры...

Замечательное было дело – дискутировать с Мареком. Вот только времени никогда не хватало... Все люди незаменимы. К Мареку это относится в десятикратном порядке: столько жизней он прожил, столько дел сделал, стольких людей научил очень важным вещам – что такое достоинство человека и как противиться государственному насилию.

Сотни, а может быть, даже и тысячи людей в посттоталитарном мире считают себя его учениками. Блестящий лектор, он умел просто и доходчиво объяснять самые сложные вещи.

Я думаю, он был счастливым человеком. Он любил и был любим, он добился очень многого, он пользовался огромным уважением гигантского числа людей во всех частях света. Мы будем помнить его, пока живы сами.

Евгений Захаров,
Харьковская правозащитная группа,
общество «Мемориал»

где у них есть свой стол, за которым они могут выпить свой бокал. Это место разговора о местных проблемах и место, в котором вырабатываются какие-то решения о том, что мы будем делать. Не так в тоталитарном государстве, там не надо, чтобы люди друг с другом разговаривали, в то время как они должны слушать приказы власти, а не разговаривать друг с другом. И потому, особенно в России и на Украине, не было таких мест. В Грузии это породило сильное сопротивление. Коммунисты не смогли отобрать у крестьян землю, потому что сопротивление было слишком сильное. **В 70-е годы были кабаки на территории Тбилиси, но ни одного кабака я не нашел на территории России.** Рестораны и кафе были средствами общественного питания, а не общественной жизни.

Между прочим, разрабатывались исследования зависимости гражданского обществв от того, что люди предпочитают выпивать и как. Водка – мутная голова, но есть силы, чтобы дать по морде. Вино – голова работает, но тело расслаблено. **Лучше всего для гражданского общества – пить пиво.** Это долго, и можно все обсудить, то же и в чайхане. Организовать гражданское общество в нашей стране – это одна из самых важных задач, которые, я знаю, впереди у вашей страны.

У России есть страшный исторический опыт. Это пример Ивана Грозного, который уничтожал это общество в древнем Новгороде, где было правление не хуже и не лучше, чем в некоторых западноевропейских общинах, в Средней Азии и на Кавказе. Советский Союз изо всех сил стремился уничтожить ростки гражданского общества, потому что это было особо опасно для централизованного государства.

Если смотреть на историю Европы, то видно, что абсолютная власть проявляется в истории Европы избирательно. Иногда возникало сначала сильное гражданское общество. Так было в Нидерландах. Попытки установить абсолютизм там были проиграны. В каком-то плане это касается Польши, где было чуть другое гражданское общество – в виде дворянской демократии, – но тоже сильная организация общественности. Там, где этого не было, абсолютная власть навязывала свои проблемы и начинала контролировать все.

В Советском Союзе плохо работал телефон. Это было организовано, в частности, специально.

Также складывалось впечатление, что некоторые проблемы экономического характера сознательно создавались. Например, очень плохо распространялись холодильники среди населения. Необходимо было, чтобы люди зверски работали, чтобы приобрести тот или иной товар. **Если все мысли направлены на то, чтобы приобрести холодильник, то на мысли о политике времени уже не остается.**

Самое важное в тоталитаризме – это то, что у людей была почти полностью контролируемая правительством и ими самими жизнь. Сначала человек шел в школу, становился пионером, потом комсомольцем и т.д., получал «путевку в жизнь». Если он и его родители будут хорошо себя вести, то он через дватри года получит путевку в дом отдыха, а через десять лет квартиру, потом пойдет на пенсию, на которую жить будет плохо, но голодать не будет. А потом попадет на стандартное советское кладбище, где все могилы почти одинаковые. Что еще нужно для счастья? «Хорошая жена»... **Жизнь при тоталитарном государстве похожа на поезд, идущий по рельсам, и человеку удобнее пассивно подчиняться, нежели на что-то влиять.**

Были проведены социологические исследования в Америке, было выявлено 20% самых бедных и обследовано в 1979 и в 1988 годах, в одном городе. За десять лет 85% из них выбралось из нищеты, а остальные попали в группу самых бедных. У американцев есть шанс, их взгляд – о том, как заработать, а не как поменять систему.

В тоталитарном государстве много законов и все они противоречат друг другу. Каждый является нарушителем какого-либо закона, и власть может наказать любого. Есть русская поговорка о том, что «был бы человек, а статья найдется». Кроме реальных нарушений, доказательства можно еще и фальсифицировать. В России в тысячу раз больше законов, чем в Западной Европе. Вперед – нельзя, направо – нельзя, налево – запрещено, а на месте стоять – преступление. И что бы ты ни сделал, ты – преступник. Но если власть тебя любит – то простит, а не любит – может наказать любого. Люди улыбаются власти и стараются, чтобы она их любила. Еще у власти разного типа привилегии. Власть произвольно распространяет разные блага. Может дать заработать, а может и не дать. Может принять ребенка в университет, а может и завалить. Дать квартиру, хорошую путевку и т.д. Даже столы заказов, и те делились по заслугам, свои у партии, свои у профсоюзов или комсомола. В институте, где я работал, тот, кого любила дирекция, получал в такой стол заказов талон, а тот, кого очень любили, получал талон более высокого качества. Это заставляло людей улыбаться власти.

Последнее – это проблемы коррупции. Она была, но небольшая. Люди у власти были не очень богатые, **все держалось на привилегиях.** Дача под Москвой. Машина – «Чайка» или «Волга». Мог быть казенный

самолет или вертолет и т.д. Выброшенный из власти все или почти все это терял. Раньше расстреливали, потом просто позволяли жить нормально и не голодать. В Ташкенте и Тбилиси самые богатые машины у людей – это остатки реакции жителей тоталитарных государств в посткоммунистическое время.

Тоталитаризм остается частями в наших странах и в настоящее время.

*****

Вторая группа – это государства, которые отбросили старую идеологию и говорят, что строят правовое государство.

Отбросили идеологию и заявили, что готовы выращивать нового человека.

Дали чуть-чуть свободы.

В плане того, что допускаются разные неправительственные организации, как в Белоруссии. В Афганистане – это вообще другой мир. **Люди могут чуть-чуть предаться совместной деятельности.** Это первая важная позиция.

Вторая – возможная поездка за границу. После распада Союза в странах СНГ, если есть деньги, можно иметь некоторую свободу передвижения. Даже если есть проблемы с пропиской в городах, то, по крайней мере, государство не говорит, где кому надо жить или куда ездить.

А то был в советское время эпизод, когда группа моих коллег, работающих в институте, поехала летом без санкции по сибирским рекам на каких-то плавсредствах, – так у них были потом проблемы на работе: их вызывали и спрашивали, кто организовал, что они там самостоятельно делали, вместо того чтобы как все, под одну дудку, отдыхать в санаториях.

Происходят реформы и в области собственности. Самое страшное, что было в советской системе, – отчуждение человека от собственности. Это намертво привязывало человека к каждодневной работе, иначе через месяц нечего становилось есть, почти совсем не было резервов. А работу давало только государство. Чистейшая система рабства – никто не может заработать денег и сказать, что мне хватит до конца жизни. Постоянно нужно просить и подчиняться приказам с утра до вечера. Каким бы свободным на словах себя ни называло государство, все видно на отношении к собственности.

В России – царь, ему принадлежит все: и люди, и имущество. Он мог отобрать у каждого, что хотел, и это было его право. Права же английского короля все-таки имели некоторые ограничения в вопросах собственности. Он не мог отобрать имущество, ему приходилось просить взаймы. В Западной Европе между властью и собственниками гораздо раньше развились договорные отношения. Власть просила деньги на войну, или на свою администрацию, или на что-то другое, а в обмен люди могли выпросить законы о невозможности задерживать и арестовывать без решения суда. Если король не может, когда ему вздумается, засунуть руку в карманы людей, – ему приходится вступать с ними в переговоры и договариваться.

В России сейчас можно иметь деньги, но какие? С постоянным вопросом: «Откуда они взялись?» – любимая тема властей... Кроме того, во-первых, в этих государствах власть сосредоточена в руках небольшой группы людей, которые стремятся к сохранению этой тенденции в дальнейшем.

У него был особенный стиль поведения – озорного и удачливого мальчишки, у которого всё и всегда получается, – первый герой во дворе. Любая проблема защиты прав человека выглядит злой крысой, живущей в подвале дома. Наш Марек увлеченно и с детским азартом выманивает её из подвала, пытается загнать в крысоловку. Когда это ему удается, он победоносно проносит крысу в клетке через весь двор.

Все ребята после каждого его подвига восхищенно кричат ему: «Ну и Марек!! Ай да Марек!! Посмотрите, какой у нас Марек!!!»

А Марек стоит посередине улицы и с видом олимпийского героя гордо и победоносно распрямляет спину, выпячивает грудь и поднимает руки.

А на следующий день идет ловить следующую крысу.

Марек никогда не ныл и не плакался. Это презренный удел неудачников. В поступках, словах читался девиз: «Любую проблему можно решить, надо только покопаться!»

Если крыса коварная и не ловится, значит, надо хорошенько подумать, изобрести какую-нибудь детскую хитрость и всё-таки выманить её. Плевать на рваные и грязные штаны, ссадины, затрещины взрослого папы-государства.

А сдаваться – это не стиль Марека.

Марек играл со взрослыми нарушителями прав человека, как ребенок играет в охоту со злыми крысами и плохими дядями.

Марек любил способы борьбы за права человека, напоминающие забавные, красочные и эмоциональные детские игры, забавы, – радиостанции на крышах домов, игры с милицией в «гномиков», подарки чиновникам в виде стихов Пушкина, рассылаемых по служебным факсам, и т.п.

Вот таким был наш Марек...

Ирина Ананьева,
Рязанский «Мемориал»

Во-вторых, здесь нет демократических революций, нет свободных выборов или люди не верят в них.

В-третьих, чаще всего в этих странах ядром конституционного строя является Президент. И нигде в мире не было, чтобы после тоталитарной системы президентская – привела бы к демократии.

В-четвертых, нет политической культуры. Это еще одна головная боль. Культура – это единственное, что может делать государство осознанным.

Задача – не только свергнуть старые власти, но построить такое государство, о котором люди не говорили бы «ОНИ». Это важный признак – когда приедешь в страну, какое местоимение используют? «МЫ» решили сделать реформы, поднять налоги, это «МОЯ» власть, «МОЕ» государство? Или «Я» – случайный человек, и другие управляют моей жизнью? Последнее встречается гораздо чаще...

*****

Есть люди, которые поставили задачу свергнуть такое государство исключительно путем выращивания гражданского общества. Далее поговорим о техниках выращивания гражданского общества.

Не рассматриваем насильственные действия. У нас нет танков, самолетов. К тому же насильственные действия в России никогда не дают действительных положительных результатов. Всегда кровопролитие заканчивается новым кровопролитием, новым террором.

Стабильные положительные результаты дает только мирный переход к демократии, который невозможен без реального гражданского общества.

Во многих странах была сделана стандартная ошибка. Демократы слишком рано разделяются на разные группы и начинают драться между собой. Разные политические партии больше заинтересованы, чтобы навредить друг другу, а не для того, чтобы поменять систему государства. В какой-то момент, несомненно, надо организовывать политические партии, но это – болезненный и длительный процесс. **Выборы во время диктатуры только поддерживают ее** – кого-то она поддерживает, кого-то пугает и так далее. Она проникает в партии, и у партий уже нет интереса бороться против диктатуры.

В 1980-е годы мы в Польше не сделали такой ошибки. Мы даже боялись друг с другом разговаривать на темы о политических взглядах – ты либерал, социалист, христианский демократ и т.д. Задача была – свергнуть эту власть и выращивать демократическое государство единым движением людей разных взглядов. И в дальнейшем мы пытались сохранить единство народа, единство политического мышления.

А потом в Польше люди радовались, когда пан Валенса сказал, что никакого единства больше нет и пора начать драться, так как демократия уже есть, и надо начать кусать друг друга. «Большие блоки, – сказал Валенса, – хороши на войне, но плохи для того, чтобы развивать государство и демократию». Некоторым это очень не понравилось...

Третий [или второй с половиной?] тип государств – принявших конституцию и систему власти без сильного президента.

В Польше нет демократии, ее лишь начали строить, и мы тяжело работаем для этого. По определению, нет простых рецептов. Надо чувствовать процесс.

Точно, когда есть разные взгляды, разные партии, есть контроль, так как власть портит людей, а абсолютная власть – абсолютно. Надо всегда быть готовым, что политики – это сволочи. Их задача – не благо государства, а больше власти. Туда подлецы с большей вероятностью попадут, чем честные люди, но государственная система должна их заставлять блокировать друг друга, чтобы никто не взял слишком много на себя и устремился к диктатуре. Не должно быть единства ветвей власти. Чиновник, судья, прокурор – все любят поддерживать друг друга с единой задачей, это стандартная концепция тоталитарного государства.

Демократическое государство – это десятки разных интересов, о которых договариваются. Это разные институты, которые контролируют друг друга, смотрят друг другу на пальцы. Это проявляется, когда политическая оппозиция выполняет контрольные задачи государства. Одна и та же правящая партия не может контролировать себя и свои спецслужбы. В Бундестаге контрольные функции – у оппозиции.

Вернемся ко второму типу государства, президентскому. К пункту четыре: в этом типе нет политической культуры. Должно пройти много лет, чтобы появилась стабильная культура политической жизни.

У нас есть и бывшие коммунистические, и много других партий, и на каждых выборах появляются не одни и те же, а новые политические партии, и все время что-то разваливается, а что-то объединяется. Да и не партии, а просто большие группы людей, который договорились друг с другом. Грубо говоря – влево или вправо, а часто и не так. Кто говорит, что правый, а на самом деле – левый, и наоборот. Людям сложно разобраться. Очень сложно организовать жизнь политическую и прийти к более классической схеме, как в Великобритании и в США, где есть две политические партии и одна маленькая, обеспечивающая одной из них политическое большинство. Польше до этого еще минимум 10-15 лет, пока не придет к более стабильной политической системе. То же в Чехословакии. [...]

Переходный период к демократии замечателен тем, что мы меняем практически все законы государства и его структуры. Изменения в правовой системе часто разрушают ее стабильность. Профессор Эльстер говорил, что **это напоминает ему перестройку плывущего корабля: надо разобрать корабль и построить его заново. Но как это организовать так, чтобы он пережил всю эту операцию и не утонул?**

Появляются проблемы в ходе экономических реформ. Ничего не дается даром, и некоторые группы людей начинают жить гораздо хуже, чем раньше. Некоторым надо платить, чтобы они не работали. [...] Безработица, масса ненужных людей. Появляются поколения безработных. [...]

Демократия – она там, где есть все перечисленные выше институты и они контролируют друг друга.

Разделение властей на всех уровнях. Деньги на выборы – по счету. Независимые центральные банки. Ответственная финансовая политика. Независимые финансовые власти. Независимые СМИ на длительный срок, а еще и Совет независимой прессы.

[...].

В судах ведутся дела по компенсациям за незаконные действия государства. **Проблема компенсаций – одна из самых важных правозащитных проблем.** В Польше растет количество дел – по сто в месяц. Возможно, чтобы чиновники платили половину из личного кармана, чтобы люди почувствовали, что можно подавать в суд.

Этими людьми могут быть и заключенные, но процесс должен вестись таким образом, чтобы было понятно, что это не месть тюремщикам, а право, и лучше заплатить, а не усложнять дальнейшие отношения. [...]

Проблемы правозащитные – разного типа, и [наша учебная] программа учит не правам, а как требовать эти права. Это не менее важно, чем философский смысл права. [...]

[Например] проблемы защиты беженцев для многих стран новые – для тех стран, из которых много лет люди только уезжали. [Или] проблемы защиты прав безработных. **Многие эти проблемы стоят не**

только перед нами, перед властью, и обязательно надо знать, как они решаются в других странах. Нет учебников сравнительного законодательства. Нет курсов сравнительного гражданского и уголовного права. Надо смотреть не только на закон, но и как он работает на практике.

Надо много работать, и нам помогают нормальные отношения в посольствах других стран – там есть люди, которые обязаны отвечать на вопросы. Очень полезны совместные учебные курсы для судей, прокуроров, чиновников, а также учеба людей на тему, что они могут требовать с власти.

*****

И наконец, есть третий [или 4-й?] тип государств – демократии, которыми я не буду особо заниматься, тем более что нас уже ждет обед.

В действительно демократических странах есть проблемы небольших групп людей, которых общество не любит и с большим удовольствием задавит. Наркоманы, алкоголики, бывшие зэки, преступники, гомосексуалисты, разного типа эмигранты, инфицированные СПИДом, люди странных вероисповеданий и так далее. Защищающие их идут против мнений и оценок большинства людей.

В тоталитарных и посттоталитарных государствах, молодых демократиях правозащитники помогали большинству людей против меньшинства, против чиновников, которых все-таки меньше, чем нормальных людей. При защите же меньшинства на автомате теряется много авторитета. Тяжело быть правозащитником в Америке, Швеции, Голландии, гораздо легче – в Узбекистане и России.

Но и там действует постулат, что **власть всегда нарушала, нарушает и будет нарушать права человека. Это неотъемлемое ее стремление, ей так проще – не обращая внимание на ущемление чьих-то прав и достоинства, идти вперед к светлому будущему.**

И там **безработица правозащитникам не угрожает. Я думаю, что это одна из двух самых стабильных профессий в мире. Первая – похоронщики.** Все остальные могут бояться, что у них не будет будущего.

Спасибо.

Подготовила к печати Ольга Трусевич

Впервые опубликовано: polit.ru

Никогда бы не поверил, что мне будет так плохо. Я к смерти отношусь философски, а тут ничего не могу поделать.

Ему ведь всего 56 лет было. Это ведь очень мало. По улице идешь и думаешь об этом. С людьми беседуешь и говоришь им: «А вы знаете, 10 октября умер мой учитель, человек, который меня как правозащитника оформил, который мне сказал, что можно быть честным, помогать людям и не играть в дурацкие политические игры». Я говорю, а люди не понимают, чем он был для меня.

Я его прикосновения и дыхание помню. Это его рука без пальца, улыбка немного неловкая, застенчивая, как у школьника.

Помню, он что-то обдумывал в Медзешине и вылез на крышу перехода от жилого корпуса к корпусу с залами. Ходил по крыше и думал в одиночестве.

Бог дал мне одну жизнь, и кого я встречу в этой жизни – это навсегда, больше уже не будет. Бог дал мне Марека, учителя, честного человека, стесняющегося этой жизни, которая заставляет всех лгать и выкручиваться. Он, наверное, многих примирил с собой, не только меня.

Мне плохо оттого, что я уже сделать ничего не смогу. Вот каким его видел тогда, в утро перед отъездом из Медзешина с Высшей школы по правам человека, в мае 2003. Как он выходил со своим чемоданом, как мы ему жали руку. Нас там человек шесть было из разных стран. А он сказал, что только чемодан вынес и пока не уезжает, а потом он вышел совсем. Опять жал нам руки. Сел в машину и уехал...

Свободный человек свободной Польши, свободного мира.

Игорь Сажин,
Правозащитная группа Сыктывкарского «Меморкала»

Марек НОВИЦКИЙ

МИНИМАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ

Размышляя о событиях, происходивших в Польше, важных для свободы и прав личности, я заглянул в Европейскую конвенцию прав человека. Этот небольшой документ дает минимальный стандарт прав и свобод в Европе. Рассмотрим внимательно некоторые из этих прав.

Право на жизнь

В 1995 г. Сейм, переломив сопротивление Сената, принял 5-летний мораторий на исполнение смертной казни. Но приговоры по-прежнему могут выноситься. Польша, Албания, Болгария, Турция и страны бывшего Советского Союза – последние государства в Европе, где не отменена эта мера наказания.

Поправки и дополнения к законам и нормам, касающимся применения полицией огнестрельного оружия, позволяют его использовать. А это – опосредованное позволение убивать человека. Ради защиты имущества, а не только чьей-то жизни или здоровья.

В Польше все еще нет закона, регулирующего доступность дорогостоящих операций, их может себе позволить только ограниченное количество людей. Это приводит к тому, что формируются иные, не всегда соответствующие морали, не имеющие отношения к закону, критерии отбора людей для таких операций.

Особая проблема – отказ пациента от лечения при неблагоприятном врачебном прогнозе или отказ от реанимации. Еще можно привести множество примеров таких проблем, находящихся на стыке медицины и права.

Принуждение и насилие

Обязательная военная служба опосредованно связана с правом на жизнь. По-прежнему право на альтернативную гражданскую службу может быть признано или не признано комиссией, состоящей из чиновников. Вы должны доказывать им, что ваша совесть не позволяет вам брать в руки оружие. Понятие «совесть» не входит даже в компетенцию суда – судья рассматривает только деяния, и уж тем более это не дело чиновника.

В Польше было множество случаев призыва на военную службу людей с нарушениями умственного развития. Здесь проблема шире. Призывная комиссия ограничивается определением, способен ли физически призывник нести службу, и не оценивает, как, например, это делается во Франции, позволяет ли состояние его психики идти в армию. Есть люди, которые психически абсолютно не пригодны к военной службе, – государство рекрутирует из них самоубийц, дезертиров или неврастеников, которые ни с того ни с сего начинают стрелять, стоя на посту.

Запрет подвергать людей пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающим человеческое достоинство обращению или наказанию (ст. 3), а также запрет привлекать кого-либо к принудительному или обязательному труду (ст. 4) – единственные положения Конвенции, которые не могут быть ограничены законом. Существуют положения, которые в определенных исключительных ситуациях позволяют использовать физическое принуждение – в деятельности спецслужб, в пенитенциарных заведениях, в вытрезвителях, психиатрических больницах. Абсолютно незаконно принуждение используется в домах престарелых, школах и в армии.

Жестокое обращения в полиции. Такие случаи чрезвычайно трудно доказать, в них, как правило, не бывает незаинтересованных свидетелей, и слово потерпевшего в одиночку противостоит дружным показаниям целой группы полицейских.

Принудительный труд. В армии, когда солдат, вместо того чтобы обучать воинским профессиям, используют для чьих-то, хоть бы и общественных, хозяйственных надобностей. В школе, когда труд используется как наказание или приобретает характер обязательного «общественно-полезного», или когда родителей, если у них нет возможности сделать взнос (добровольный!) на родительский комитет, склоняют этот взнос «отработать». Здесь все еще нет никакой практической защиты от эксплуатации. Глядя на трудотерапию лиц, страдающих психическими заболеваниями, порой задумываешься, где граница между терапией и принудительным трудом.

Личная свобода

Статья 5 Конвенции говорит о праве на свободу и личную неприкосновенность. В 1995 году в польском законодательстве произошли два важных изменения. 20-го января, наконец, вступил в силу закон о психиатрической помощи, передающий судам право принимать решения о принудительном помещении в психиатрическую больницу лицо с расстройством психики, опасным для чьей-то или его собственной жизни или здоровья. Второе важное достижение – принятие поправок к уголовному кодексу и передача из рук прокуратуры в руки суда права принимать решение об аресте подозреваемого. Согласно Конвенции, решение, касающееся личной свободы, может принимать только независимый судья. А прокурор не является независимым, он подчиняется своим начальникам, высший из которых – Генеральный прокурор (в Польше – министр справедливости).

Эти изменения ликвидировали два из трех основных противоречий польского законодательства со ст. 5 Конвенции. Осталось третье. В армии решение о лишении солдата свободы в качестве дисциплинарного взыскания может принять его начальник, который не только не является независимым лицом, но и часто бывает одной из сторон конфликта.

Случается, что полиция задерживает людей на какое-то время не только когда «есть основания предполагать, что данное лицо совершило преступление, или имеются опасения, что данное лицо может скрыться или затереть следы преступления», как написано в законе, но и с другими целями. Так было, например, в Кракове, когда задержали анархистов, которые в день выборов призывали бойкотировать выборы.

Правосудие

Обеспечение права на быстрое и справедливое судебное разбирательство независимым судом (ст. 6). Принятые поправки к законам существенно упрос-

тили процедуру подачи кассационных жалоб. Сейчас каждая из сторон, если считает, что в ходе судебного процесса была серьезно нарушена процедура, имеет право и реальную возможность кассации приговора.

Но в государственном бюджете судебная система все еще трактуется как одно из министерств, претендующих на часть денег, а не как третья власть, контролирующая и уравновешивающая правительство и парламент. При таком положении вещей, независимо от доброй воли судей, правосудие остается слабым, а результат этой слабости – нарушения права на быстрое и справедливое судебное разбирательство. Приговор по гражданскому делу, вынесенный спустя годы, не может исправить причиненного вреда, а запоздалые наказания воспринимаются как обиды, и речь уже не идет о восстановлении справедливости.

Особая проблема – введение свидетеля инкогнито в качестве участника судебного процесса. Личность такого свидетеля должна оставаться тайной для обвиняемого и его защитника. Обвинение может задавать ему вопросы только при посредстве судьи. Поскольку для судьи важно не только содержание ответов свидетеля, но и его реакция на вопросы, в Германии, например, судьи видят свидетеля на телемониторе, а голос его, измененный специальным фильтром, слышат все, находящиеся в зале. В Польше еще долго не будет такой возможности, поэтому есть сомнение: не приведет ли это к нарушению равенства сторон.

Приватность

Право на приватность *(Право на уважение личной и семейной жизни человека, его жилища и его корреспонденции – так в русском переводе Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. – Прим. пер.)* (ст. 8) – одно из тех прав, что мало понятны в Центральной Европе. (Достаточно сказать, что, например, в русском языке вообще нет такого термина). Полиция превышает свои полномочия при установлении личности человека, тем самым она нарушает его право на приватность. В школах и интернатах учитель или воспитатель может устроить обыск в личных вещах ученика, корреспонденция пациентов психиатрических больниц и заключенных просматривается, врачебная тайна охраняется слабо.

Главная перемена, касающаяся права на приватность, произошла в 1995 году. Были приняты поправки к законам, позволяющие полиции и управлению охраны государства *(в Польше – Urząd Ochrony Pacstwa, то же, что наша ФСБ. – Прим. пер.)* широко использовать оперативные средства, такие как подслушивание, визуальный контроль, просмотр корреспонденции. Они используются не только для раскрытия, но и для предупреждения преступлений. Позволение на такие превентивные действия могут дать министр внутренних дел и Генеральный прокурор. Законодательство допускает возможность злоупотребления, а ввести судебный контроль над выдачей разрешения использовать эти средства результата не дали.

Свобода слова

Свобода слова (ст. 10 Конвенции) нарушается статьей 270 Уголовного кодекса Польши, в которой говорится, что тот, кто публично высмеивает, унижает руководящие органы Республики Польша или клевещет на них, тот подлежит наказанию в виде лишения свободы. Эта статья в последние годы использовалась для защиты доброго имени конкретных политиков. Цивилизованный политик может защищать себя сам, а использование мощи государственной машины – прокуратуры, полиции, тюрем – для этой цели абсолютно недопустимо. Охраняемая этой же статьей свобода получать и распространять информацию ограничивается законом о государственной и служебной тайне, который позволяет исполнительной власти самоуправно решать, что отнести к этой тайне. В Польше нет механизма судебного контроля, который может проверить, оберегает ли чиновник, который отказывается дать информацию, интересы государства, или же он прячет за этой тайной свою некомпетентность (если не хуже).

Существует еще одна серьезная угроза для гражданских прав и свобод, связанная с политикой. В государстве есть люди, которые, в силу занимаемых должностей, должны быть вне подозрений, что их действия могут быть направлены на поиск популярности у каких-то групп избирателей. В Польше, по моему убеждению, есть шесть таких постов: председатель Верховного Суда, председатель Конституционного Суда, Уполномоченный по правам человека, председатель Верховной контрольной палаты, начальник Генерального штаба и председатель Центробанка. Включение этих людей в политические игры, а особенно непосредственно в игры выборные, может на многие годы подорвать доверие к их институтам. Гражданин, который не доверяет этим организациям, перестает видеть в государстве гаранта своей безопасности, перестает чувствовать, что это – его государство, что оно существует для него. К сожалению, в Польше два человека из этих шести участвовали в президентских выборах. Это беда для страны.

Перевод с польского: Ольга Субботина

НЕ СИЛОЙ, А УМОМ

«Без насилия к демократии» – дискуссия с участием Марека Новицкого, председателя Хельсинкского Фонда прав человека, Зузанны Фиаловой, руководителя программ Фонда по правам человека в странах Центральной и Восточной Европы, Адама Козела (Общество друзей Тибета) и участников фестиваля «Права человека в кино» 15-16 декабря 2001 г.

Марек Новицкий:

Большинство успешных изменений строя от авторитарных систем к демократии в шестидесятые годы принимали форму бескровных революций. Вместо «взятия Зимнего дворца» предлагались различные формы общественной деятельности. Вооруженная борьба была еще действенной непосредственно после Второй мировой войны, в период борьбы с колониализмом. Алжир, Кипр и еврейский террор в тогдашней Палестине – примеры измеримых успехов этой стратегии. Последние годы, однако, оказывается, что там, где применяется насилие, – побед нет, хотя бы в стране басков. История показывает в конце концов, что если какая-то группа получила власть в ходе вооруженной революции, то обычно она очень скоро начинает применять террор. Последнее время становится популярным термин «ненасильственная борьба».

К чему приводит террор, раз он является только методом оказания давления?

Запугивание демократического мира тоже является средством для достижения иных целей, ибо ясно, что военным путем победить демократические страны нельзя, поскольку рано или поздно это приведет к столкновению с Соединенными Штатами.

Деятельность, основанная на насилии, неэффективна и аморальна. В военном противостоянии общество – всегда сторона слабая , а власть – всегда сильная. Правительство имеет танки, самолеты, дубинки, ОМОН, а у нас самое сильное оружие – булыжник. Это очень невыгодная для нас арена военных действий. Если мы хотим бороться всерьез, мы должны искать такое поле, где мы сильны, а власть – слаба. Крупным открытием последних лет была сила смеха. Любая диктатура страшно серьезна. Чванливый господин в галстуке чувствует себя беспомощным, когда толпа смеется над ним. В Польше этим путем пошла «Оранжевая альтернатива», строя свою деятельность на основе шуток и хепенингов. Власти ничего не могли сделать против смеха. Замечательно иллюстрирует это «День гномика». Члены «Оранжевой альтернативы» просили, чтобы в определенный день, в назначенное время жители города пришли на рынок, наряженные гномиками. Кроме обычных гномиков там были гномихи-члены ORMO *(ORMO – Ochotnicza Rezerwa Milicji Obywatelskiej – Добровольный Резерв Гражданской Милиции в ПНР. – Прим. пер.)*. Появилась настоящая милиция, прогремел приказ командира: «Хватать гномов!» Представьте себе, как растерялись милиционеры, когда гномы-дружинники стали послушно хватать других гномов и вместе с ними садиться в милицейские грузовики. Милиция просто ошалела! Ну как хватать того, кто сам, вроде бы, отдается в руки?

Основной принцип теории ненасильственной борьбы касается выдвигаемых требований. Первая цель необычайно важна, ибо если она будет достигнута, то к вам будут присоединяться люди, все больше и больше людей. Кроме того, начальные требования должны быть реальными. «Если я хочу, чтобы мне повысили зарплату на 100 злотых, то потребую 500, а когда мне «кинут» эту сотню, то я буду доволен», – это подход неверный. Если речь идет об общественной деятельности, тот, кто требовал многого, а получил меньше, чувствует себя проигравшим. Даже если он получил то, чего действительно очень хотел. «Довольствуется объедками», – скажут люди. То, чего я требую, должно быть в точности тем, что я хочу получить. Сначала я потребую одну спичку. Это немного. Может, власть не сориентируется, что я – опасный для нее человек, и мне удастся выиграть. Когда я выиграю эту спичку, я – победитель. Кто-то подумает: «Вот человек! Требовал спичку и получил ее. Надо приглядеться повнимательнее, что это он делает». Тогда я потребую 10 спичек. Если мне удастся их получить, то и власть смотрит на меня уже по-другому, и люди меня оценивают выше: «Он всегда добивается того, чего хочет, можно "ставить" на него». Теперь я потребую коробку спичек. А когда выиграю ее, потребую спичечную фабрику. Но к тому времени я буду уже лидером движения, потому что люди будут идти за мной. А если бы я в самом начале вышел на площадь и заорал: «Дайте мне спичечную фабрику!» – то все бы смеялись над человеком, который выдвигает необоснованные требования.

Отсюда вывод: первая из выдвигаемых целей и несколько последующих – особенно важны. Над Махатмой Ганди смеялись, когда он предлагал проводить массовые акции за отмену монополии на производство соли. Где независимость Индии, а где несколько пенсов в стоимости соли? Но Ганди знал, что он должен организовать движение. Он выбрал реальную цель. Монополия на соль не была для англичан особенно важной, они могли уступить. А когда Ганди выиграл эту кампанию, шаг за шагом он пришел к независимости Индии.

Мартин Лютер Кинг, когда имел уже солидную поддержку, начал борьбу за уничтожение расовой сегрегации в центральном районе маленького городка в штате Алабама. Он говорил, что борется только за то, чтобы белые и чернокожие могли вместе сидеть в пивной. Он рассчитывал, что если выиграет эти пивные, то не будет основания для раздельных автобусов и отдельный пляжей. А если общие автобусы будут в центральном районе, то зачем оставлять сегрегацию в других районах? А если ее не станет в этом городке... и так далее.

Начинать надо с очень маленьких, но конкретных задач. Если кто-то начал с того, что прокричал: «Я хочу, чтобы во всем мире была справедливость и не было глобализации», – его шансы на удачу невелики.

Адам Козел:

Стоит вспомнить примеры ненасильственной борьбы, которые потерпели показательные поражения. Один из таких примеров – Тибет. Ты говорил о семидесятых годах. В это время в Китае творилась культурная революция, за которую миллионы людей расплачивались жизнью. В числе прочего шла борьба со «старыми обычаями», что означало запрет носить традиционные костюмы и даже пользоваться тибетским языком. Тибетцы должны были говорить на «языке дружбы», удивительном новообразовании – смеси тибетского и китайского. Когда в Европе произошли важнейшие перемены, Далай-лама получил Нобелевскую премию мира, КНР объявила в Тибете военное положение. Говоря о тактике ненасильственной борьбы, надо помнить о двух условиях: «внешнем» и «внутреннем». Я имею в виду однозначную поддержку свободного мира и международного общественного мнения и то, что власти боятся, когда собственные граждане смеются над ними.

Марек Новицкий:

У меня перед глазами стоит драматическая сцена шестилетней давности. Всемирная конференция по правам человека, организованная ООН: сотня премьеров и министров разных важных государств. В Вену, где проходит конференция, приезжает Далай-лама. Оказывается, что, хотя он приехал по приглашению правительства Австрии, его не пускают в здание, где проходит конференция. Он проводит встречи с разными людьми в ближайшем парке. Делегации неправительственных организаций, которые проводят параллельно свой конгресс, выходят из здания и встречаются с Далай-ламой. А в это время на официальной конференции выступает террорист Арафат. Признанный во всем мире лидер ненасильственной борьбы разговаривает с людьми в кустах, а террорист – в главной зале.

Адам Козел:

Это – подтверждение того, что стратегия «non-violence» может быть успешной при условии, что правительство признает принципы демократического сосуществования. Такой власти еще нет в Китае, но уже есть – с некоторыми оговорками – в Югославии. В Белграде прошли довольно демократические выборы: представители оппозиции вошли в выборные комиссии, и был, какой-никакой, мониторинг выборов.

Совсем другая ситуация в Тибете. Оккупация, массовое переселение китайских колонистов, чтобы утопить проблему «локального сепаратизма» в «море гуннов».

Тибетцы уже стали меньшинством в собственной стране. А у власти совсем нет чувства юмора. В том самом году, когда Далай-лама выступал «на газоне» в Вене, китайские власти объявили вне закона его фотографии, хотя для этого нет никаких законных оснований. А тибетцы вешают на стенах пустые рамки, тем самым высмеивают власти. Через две недели китайское правительство запрещает и это. «Шутников» отправляют в тюрьмы и лагеря «трудового перевоспитания».

Марек Новицкий:

Конечно, мы не решили и не решим с помощью движения «non-violence» всех мировых проблем. Но твои примеры ненасильственной борьбы, не принесшие результата, не до конца убедили меня. Вот если бы ты привел пример вооруженной борьбы, которая в последние десять-двадцать лет принесла результат... Я такого не знаю.

Зузанна Фиалова:

Меня немного смущает, что вы говорите о показательных результатах ненасильственных революций. В фильме «Как делается революция», который мы смотрели, есть очень красноречивая сцена. Один из

Марек Новицкий о приватиости

– Имеет ли право наш работодатель следить за нами?

– Здесь два момента: первый – защита нашего достоинства и права на уважение личной жизни, а второй – свобода заключения договоров. С одной стороны, мы даже на работе имеем право на приватность, а с другой – подписываен договор с работодателем н соглашаемся с правилами, принятыми в даиной фирме.

– Значит, работодатель может подглядывать за нами, подслушивать...

– По моему убеждению, решающим фактором, может ли работодатель контролировать работника, является то, как он это делает: явно или тайно, с согласия работника или без. Если в договоре о найме на работу сказано, что работника будут контролировать с помощью камер, микрофонов, а работодатель будет иметь доступ к его корреспонденции, то, подписывая такой договор, мы даем полномочия контролировать нас. Но работник должен быть об этом предупрежден.

– А если не предупрежден, если в договоре о контроле ничего не сказано?

Ни один работодатель не имеет права контролировать нас без нашего ведома. Подслушивать, снимать скрытой камерой, записывать разговоры, просматривать корреспонденцию могут только полиция и спецслужбы, н то только в определенных законом ситуациях. И никакой закон не позволяет делать это работодателю. Каждый имеет право на приватность, даже на работе!

– В польском законодательстве очень туманно описано право на приватность на работе. Что, во всем мире так?

– Я вспоминаю дело одной англичанки. Она работала в полиции. У нее на рабочем столе было два телефона: один личный, другой – служебный. Через некоторое время выяснилось, что служебный телефон прослушивался ее начальством, и из-за этого у нее были какие-то проблемы. Дело рассматривалось Европейским судом по правам человека, который вынес решение в ее пользу. Работодатель может проверять телефонные счета, но не может прослушивать без согласия работника.

– Что делать, если работодатель контролирует нас без нашего ведома?

– Нужно отстаивать свои права. Чтобы решиться на конфликт с работодателем, нужно мужество, но мы не беззащитны. Мы можем подать гражданский иск о защите чести и достоинства, а также – права на приватность.

Gazeta Wyborcza, 2003 г.

лидеров организации «Сопротивление» рисует треугольник и говорит своим товарищам, что тоталитаризм построен так, как этот треугольник. Некоторым кажется, что достаточно отрезать вершину; они называют это революцией. Но тоталитаризм сидит в людях. Об этом часто забывают, когда говорят об успехах революции. Они, успехи, не появятся со дня на день. Вспомните хотя бы Сербию, где на улицы выходили десятки тысяч людей, это длилось несколько месяцев.

Марек Новицкий:

Да, после сфальсифицированных выборов в местные органы власти были большие общественные протесты. Милошевич не реагировал – такую выбрал тактику. Как долго люди могут ходит по улицам и греметь кастрюлями? Власти решили, что рано или поздно это им надоест, и не ошиблись.

Зузанна Фиалова:

Самое главное, что лидеры молодежного движения извлекли уроки из этого поражения. В 1997-2000 годах неправительственные организации во всех маленьких городах и деревнях проводили тысячи мелких проектов. Людям рассказывали о демократии, устраивали встречи и концерты. Без этого успех был бы невозможен, поскольку инициатива такого рода должна исходить снизу.

Очень важно еще раз подчеркнуть: нельзя первым требованием выставлять свержение системы. В 2000 году прошли две политические кампании – в Чехии и на Украине, – которые имели подобные цели. На Украине после убийства журналиста Григория Гонгадзе обнаружились две кассеты, которые записал охранник президента Кучмы. Эти видеозаписи указывали на то, что Кучма причастен к убийству. Журналисты вышли на улицы. В то же самое время в Праге был уволен директор государственного телевидения. Команда телевидения требовала его восстановления.

На первый взгляд кажется странным, что протест в Праге закончился успехом, а на Украине – нет. Ведь смерть журналиста – это гораздо большее потрясение, чем увольнение некоего директора. Я присмотрелась внимательнее к обоим протестам и сравнила их требования. Украинские журналисты с самого начала кампании требовали убрать Кучму, генерального прокурора и руководителей спецслужб, а еще – доступа к прямому эфиру депутатов, которые поддержали протестующих. Чехи же выдвинули более ограниченные требования: отозвать нового директора, упразднить совет по радио- и телевещанию и изменить закон о радио и телевидении. Украинская кампания называлась «Украина без Кучмы», а чешская – «Общественное телевидение». Украинцы организовали несколько митингов и палаточный городок на главной площади в Киеве, потом объявили коллективиую голодовку. Они заявили, что будут голодать до тех пор, пока Кучма не уйдет, но закончили, сами понимаете, гораздо раньше. Суд постановил удалить их с площади, потому что там собирались поставить украшение к Рождеству. А чешские журналисты не прекращали свою работу, они все время были на виду. И поэтому им удалось разъяснить свою цель. Этой целью была деполитизация общественного телевидения. Они очень удачно использовали момент: остались на работе в праздничные дни, пожертвовав

Рождеством в кругу семьи. И еще они обеспечили себе поддержку оппозиционных политиков, чего не сумели сделать их украинские коллеги. В Киеве политики заняли выжидательную позицию.

Эти примеры показывают, как важно обозначить ясную, но реальную цель, а также политическую поддержку.

Марек Новицкий:

В авторитарном государстве заявление против чего-либо расценивается как антигосударственная деятельность. При демократии то, что люди организуют манифестации или марши из одного города в другой, дабы быть услышанными, – совершенно нормально. Такие манифестации – хорошо известная техника, она рассматривается как информационная деятельность, а не как борьба против власти. Когда у нас есть цель, первое, что мы должны делать – искать поддержку. И начинать нужно с анализа. Кто мои союзники? Кто – противники? Кто сомневается? Нет смысла организовывать кампанию для людей, которые и так поддерживают мои идеи. В чем их убеждать, когда они уже убеждены? Не стоит тратить время, чтобы переубедить врагов, они все равно не пойдут за мной. А вот те, которые еще не имеют собственного мнения, – это самые главные для меня люди. Информационная деятельность должна быть направлена на них.

С другой стороны, нужно проанализировать, кто есть друзья моих друзей и враги моих врагов. Враги врагов могут поддержать меня, потому что у нас окажется общий противник. Например, они могут не разделять моих убеждений, что к животным надо относиться гуманно, но поддержать меня назло тем, кто разводит коров или лошадей в ужасных условиях. Друзья друзей могут поддержать меня просто из чувства солидарности. Составив такую политическую карту, мы поймем, на кого должна быть направлена наша деятельность. И только после этого мы сможем правильно выбрать лозунги нашей кампании. А это – очень сложная задача. Когда в семидесятые годы на юге Италии проходил марш против присутствия там американских военных баз, организаторы марша выбрали лозунги, проверенные на римских манифестациях. Приблизительно такие: «Джонсон, возвращайся к своим коровам!». Но когда эти лозунги увидели крестьяне в деревнях, они подумали: «Что, разводить коров – это позорно? Они нас обижают». Лозунг был хорош в большом городе, а в провинции – не сработал.

Существуют две основные техники ненасильственной борьбы, позволяющие влиять на власть. Первая использует то, что власть не может без общества, которым управляет. Значит, надо отрезать общество от власти и научить людей обходиться без нее. Очень хорошо выразил эту идею Яцек Куронь: «Не жгите комитеты, создавайте собственные». Эту технику использовал Ганди в начальной фазе борьбы за свободную Индию. Протестуя против «прикрепления» крестьян к земле, он организовал такую акцию: жители уходили из сел, оставляя там хозяев.

Еще используют такое оружие, как бойкот. Его успешно применяют в борьбе против всеобщей воинской повинности и против финансовых структур. Один из самых известных примеров – протест против английского Берклей Банка, который вел бизнес с властями ЮАР, когда там проводилась политика апартеида. Наибольшую прибыль, как известно, банку приносят финансовые операции. Банк в состоянии выплатить в течение нескольких дней максимум двадцать процентов тех средств, что у него есть. Бойкот банка, когда масса вкладчиков одновременно потребует выплат, очень опасна для банка. Представьте себе физиономию директора Берклей Банка, когда по призыву противников апартеида тысячи людей позакрывали свои счета. Он тут же выступил по телевидению и заявил, что Берклей Банк никогда не будет больше иметь дела с правительством ЮАР.

Одна из форм бойкота – забастовка. Забастовка бывает итальянская – на рабочем месте или забастовка-прогул, когда люди не выходят на работу. Сначала популярностью пользовалась вторая форма – с невыходом на работу. Она широко использовалась в США и в Великобритании. Однако эта форма имеет существенный недостаток: легко возникают штрейкбрехеры. И это не обязательно новые работники, принятые вместо бастующих. Дело в том, что люди недоверчивы по своей природе. Когда лидер провозглашает: «Завтра на работу не приходим!», многие подумают: «А не дурит ли он меня? Что, если я один не явлюсь, а остальные – придут?» Такие придут на фабрику проверить, в самом ли деле сегодня забастовка, а уж явившись, скорее всего, примутся за работу. Поэтому в Польше в 1980 году решили использовать итальянскую забастовку. Мы не сидели дома и не ждали, пока нас начнут перетягивать на свою сторону, а оставались на фабриках, блокируя их. И уверенность, что никто не отступится и не возьмется за работу, подкреплялась еще и тем, что мы все время были вместе и чувствовали свою силу.

Другую группу технологий ненасильственной борьбы можно назвать «засыпание песка в шестеренки государственной машины». При блокировании работы государственного аппарата очень важно, чтобы наши действия были нацелены именно в того, кого мы хотим ударить, ни в коем случае не в других! Людей очень легко настроить против себя. Именно поэтому к ненасильственной борьбе нельзя отнести метод Леппера. *(Анджей Леппер [Andrzej Lepper] – с 1992 г. лидер профсоюза фермеров «Самооборона», с 2000 г. – «Самооборона Республики Польша». Профсоюз под руководством Леппера блокировал дороги, захватывал помещения городских управ, проводил митинги и пикеты. Неоднократно обвинялся в оскорблении конституционных органов Республики Польша, подталкивании к применению силы и нарушении общественного порядка. – Прим. пер.)*

Попытка воздействовать на министра финансов, перегораживая дороги, – глупость, страдал от этого не Бальцерович, а обычные люди, которые из-за этих пикетов не могли попасть на работу. Ожидания, что власть уступит, потому что захочет помочь своим гражданам, не сбылись.

Адам Козел:

Пример с Берклей Банком не подходит для Китая. ЮАР была в изоляции, практически, во всех отношениях, в Китае – ничего подобного. Южноафриканские спортсмены не могли участвовать в олимпийских играх, а Китайскую Народную Республику никто ни в чем не ограничивает, даже признали за ней право принимать Олимпиаду 2008 года. На большие стади-

оны, где мы через несколько лет будем любоваться атлетами, устанавливающими новые мировые рекорды, сейчас сгоняют тысячи людей, чтобы те смотрели жестокие, отвратительные спектакли, именуемые «митингами осуждения»!

Трудно было бы говорить о бойкоте банков, ведущих бизнес с Китаем, если этот бизнес имеет даже Всемирный Банк, который принял решение о льготном кредитовании Китая. Кредит предназначался на переселение китайского населения на территорию Тибета. В последний момент они отменили это решение, но только из-за несоответствия этого кредита их внутренней процедуре. Они попросили Пекин подстроиться под их процедуру, но китайцы махнули рукой на банк и заявили, что им это одолжение не нужно, они и сами профинансируют переселение. Только очень немногие фирмы избегают Китая (например, Levi's), и то только потому, что «раскручивают» свой «политически корректный» логотип.

Марек Новицкий:

В Великобритании, например, когда вы вкладываете деньги в подолечный капитал, вы ставите условие, что они не могут быть использованы для торговли оружием, для торговли с Китаем, не могут быть инвестированы, например, в откорм скота. В Польше я пробовал сделать что-то подобное, но работники польских банков даже не поняли, о чем я говорил. Надеюсь, рано или поздно этот обычай дойдет и до нас.

Зузанна Фиалова:

Есть еще один эффективный вид законопослушной деятельности – массовые жалобы в суд. Я спрашивала украинских журналистов, почему они не обращаются в Страсбург. Ответили: «Прежде чем обратиться в Страсбург, надо пройти все наши судебные инстанции, а это заняло бы несколько лет». Возможно, но мы должны рассчитывать, что наша борьба – на долгие годы. Эти журналисты будут в течение нескольких лет каждые 2-3 месяца устраивать демонстрации. За это время Страсбургский суд уже давно рассмотрел бы дело.

Когда проводишь кампанию, нельзя ограничиваться одной техникой. Нужно одновременно искать и международной поддержки, проводить политический лоббинг в своей стране и работать с прессой. И все это должно быть очень хорошо скоординировано.

Марек Новицкий:

Да. Нужно определить проблему и организовать дискуссию по этой проблеме. Иногда процесс следует начинать даже в том случае, если мы заранее знаем, что проиграем. Достаточно того, что вокруг проблемы разовьется дискуссия.

Голос из зала:

Антиглобалистов трактуют как террористов. Пример – избиение участников манифестации в Генуе в 2001 году. Что делать с такими случаями нарушения прав человека в западном мире?

Марек Новицкий:

Я бы не судил столь категорично. В Италии суд работает скверно, но там есть широкие возможности, чтобы добиться своих прав. Главная из них – Европейский суд по правам человека в Страсбурге, с вердиктами которого Италия считается, и жалобы граждан Италии, как правило, признаются обоснованными. В результате деятельности Европейского суда было

1. Дельтаплан

В 1988 году перестройка, кажется, еще не началась.

Но из тюрем нас, политзэков, уже выпустили.

Правда, не всех. Вот один из них сбежал из ссылки, пришел ко мне и говорит:

– Хочу бежать из России.

– Да ты же уже бежал и получил 10 лет!

– Все равно убегу. Наверное, в Турцию или через Тихий океан куда-нибудь.

– Нет, говорю, через океан долго, а в Турцию опасно. Вот сейчас, кажется, границы на Запад хуже охраняются, вот и беги туда, а лучше погоди немного – глядишь, скоро и всех будут выпускать.

Но приятель мой лагерный ждать не хотел. Он сделал дельтаплан и полетел на Запад. Упал, сломал ногу и опять ко мне приехал, уже на костылях, – опять, говорит, полечу.

Мне жаль его стало, я и дал ему телефон Марека Новицкого, мол, если в Польше приземлишься, будет кому позвонить: Марек тоже из наших, из зэков, хоть и польских.

Через месяц звонит Марек:

– Ты кого ко мне послал?

Я замялся, ибо планерист мужик был огромный и неуравновешенный – вдруг начудил там чего.

Марек спрашивает:

– Если его обратно выдадим, то его посадят?

– Непременно посадят, – отвечаю, – он же срок не досидел, сбежал! Вы уж там как-нибудь отправьте его дальше, на Запад куда-нибудь, а сюда не надо...

С огромным трудом Марек его спровадил в Америку, обиделся, долго простить мне не мог «подарка».

2. Предостережение

В свой первый приезд на Запад услышал я выступление Марека. Как он говорил! Муха пролетит – все слышат. Марек говорил так здорово, что совсем мне худо стало – вот как они продвинулись, нас обогнали, не догнать нам никогда даже Польшу!

После выступления Марек сидел на лужайке и курил без остановки.

Я подошел с трепетом, блокнотом и авторучкой:

– Господин Новицкий, можно спросить?

Марек закурил еще одну.

– Скажите, господин Новицкий, какие самые большие трудности встретили Вы на правозащитном пути в последнее время? (И записывать изготовился.)

– Самые страшные вещи... Первая – увольнять своих друзей. Вторая – как получить грант и так его потратить, чтоб с наибольшей пользой, а не дом на Канарах купить...

У меня и руки опустились – что здесь записывать?

Лишь через несколько лет я понял все сполна.

Алексей Смирнов
Октябрь 2003, Москва

изменено законодательство страны. До сей поры жалоба не могла быть подана на полицию, только на конкретного полицейского. Но понятно, что когда вас бьют дубинкой, вам не до того, чтобы выяснять фамилию и запоминать номер служебного удостоверения того, кто бьет. Страсбургский суд постановил изменить это правило: теперь можно жаловаться на полицию, а бремя доказательства лежит на ней, а не на заявителе.

Голос из зала:

Существует мнение, что права человека могут привиться только там, где господствует западная культура. Тибет был не демократическим государством, власть там опиралась на авторитет Далай-ламы. Нынешний Далай-лама сказал, что готов добровольно отказаться от власти. *(В 1949 году армия Китайской Народной Республики вторглась в Тибет. В 1959 г. Далай-лама вынужден был бежать в Индию, где создал правительство Тибета в изгнании. 87000 тибетцев последовали за своим лидером на чужбину — в Индию, Непал и Бутан. К настоящему моменту в этих странах насчитывается более 130000 тибетских беженцев. – Прим. пер.)* Как Вы думаете, смогут ли тибетцы установить демократическую власть в своей стране?

Адам Козел:

В 1963 году Далай-лама провозгласил демократическую Конституцию Тибета, основанную на принципах буддийской духовности, а также на Всеобщей Декларации прав человека. За эту Конституцию проголосовало около 100 тысяч тибетцев, живущих в изгнании. Эмиграционное государство Тибет имеет демократически избранные исполнительную, законодательную и судебную власти.

Зузанна Фиалова:

А если кто-то утверждает, что права человека должны быть культурно обоснованы (или необоснованы), пусть спросит у тех, кто подвергался пыткам за свои политические взгляды: легче ли им было оттого, что они страдали в соответствии с ценностями национальной культуры?

Марек Новицкий:

Права человека – это универсальное ядро, к которому можно отнести такие ценности, как личная свобода или свобода вероисповедания. А вокруг этого ядра, вне его, находятся иные права, зависящие от данной культуры.

Адам Козел:

Мы погружены в туман абсурда. Коммунистическая партия Китая отрекается от доктрины Маркса и Ленина, о которой можно сказать все, что угодно, только не то, что она рождена в Китае. И в то же самое время первый секретарь Компартии Китая в Тибете называет буддизм чуждой культурой, поскольку он был «импортирован» из Индии почти две тысячи лет назад. Более того, Китайская Народная Республика является членом Совета безопасности ООН, подписывает и ратифицирует важнейшие международные пакты и конвенции по правам человека. Зачем же она вписывает себя в систему норм, которые не признает и не собирается исполнять?

Марек Новицкий:

Часто права человека используются выборочно как инструмент для достижения конкретных политических или экономических целей. Но посмотрим на это реалистически. Если бы я обиженно заявил, что хочу справедливости во всем мире и только, то я не получил бы ничего. Поэтому не всегда важно намерение. Важно, чтобы данное государство соблюдало права человека, а цель его – на втором плане. Пример такого избирательного подхода – современный Китай. И с этим надо научиться жить, а понятие прав человека стараться распространять как можно шире.

Обработка текста: Каролина Курек, Агата Петрась, Бартош Завада. Перевод с польского: Ю. Сегал

– Где в повседневной жизни мы можем использовать знания о правах человека?

– Везде. Мы должны стремиться к отношениям, основанным на праве. Когда-то было модно говорить о «демократической школе». Это чушь. Школа не может быть демократической, но может быть правовой. Ученик или студент должен точно знать, за что его накажут, а за что – наградят. Вот ребенок разбил мамину любимую вазу. Раз она его за это отлупит, а другой раз, будучи в хорошем настроении, скажет: «Ты мой хороший, вазочку разбил! На тебе конфетку, не расстраивайся!» Ребенок от этого глупеет. Он не понимает правил игры и не знает, как себя вести. Поэтому важно, чтобы человек в школе, на работе и даже в семье не становился объектом произвольных решений, зависящих от чьего-то настроения.

– Говорят, что в Польше после 89-го года свобода стала общедоступной. Вам не кажется, что из-за этого она несколько потеряла свою ценность?

– Конечно, мы теперь меньше говорим и думаем о свободе. Именно потому, что имеем больше... А вот если бы мы начали ее терять, тогда бы снова заговорили о ней.

– И что, можно считать, что у нас теперь совсем нет проблем со свободой?

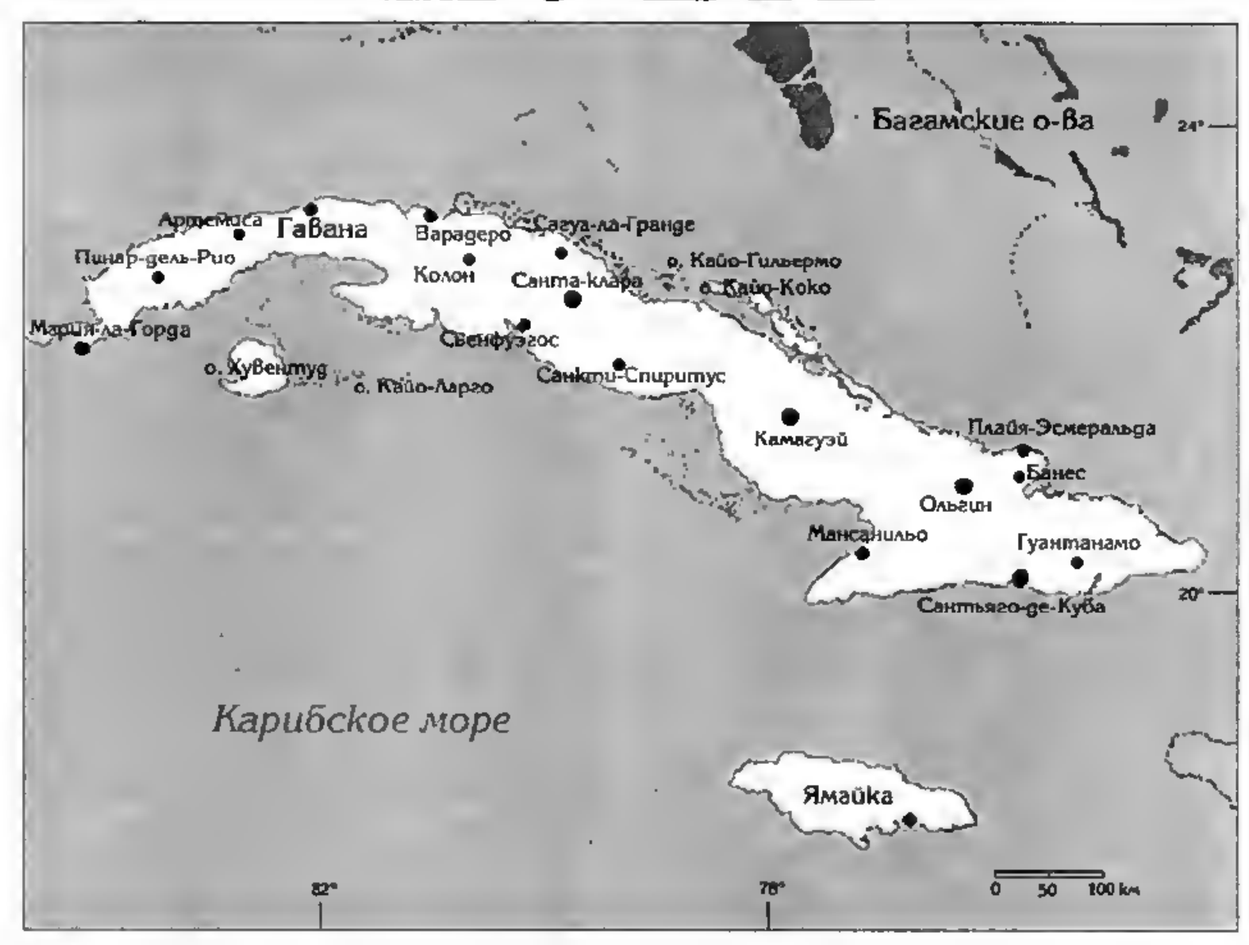
– Есть, и иногда весьма комичные, как, впрочем, временами комична сама польская политика. Например, вскоре должен появиться запрет использовать бензин без примесей. Ну, еще можно было бы запретить продавать хлеб без примеси 10% соломы. А что? Солома безвредна, а фермеры охотно бы ее продавали. Государство вмешивается во множество разных проблем, не имея реальной возможности их решить. Оттого и творит фиктивные законы, теряя уважение граждан.

Так было, например, с поправками к закону о борьбе с наркоманией. Сначала был нормальный закон, предусматривающий наказание за продажу наркотиков. Политики решили, что этого мало, и запретили вообще иметь при себе наркотик, даже в самых малых количествах. Теперь закон карает и виновника, и жертву, аргументируя это тем, что так легче поймать виновника.

Если мы хотим иметь правовое государство, то законы нужно исполнять. Значит, в данном случае, мы должны карать больных – наркоманов – за их болезнь. Это не только несправедливо, но и невозможно, потому что в польских тюрьмах просто не хватит места. Вот и получается, что политики, создавая этот закон, сказали: к одним мы закон применять будем, а к другим – нет. А это уже не правовое государство.

Из интервью «Горы, физика, свобода». С Мареком Новицким беседовал Olek Ulasiuk

КУБА

Официальное название. Республика Куба.

Географическое положение. Страна расположена в Карибском море на островах Куба, Хувентуд (до 1978 г. – Пинос) и множестве (около 1500) мелких островков. Омывается Флоридским и Юкатанским проливами на севере и юго-западе соответственно, на востоке – Наветренным проливом, на юге – Карибским морем. Площадь страны – 111 тыс. кв. км.

Высшая точка страны – пик Туркино на юге (2005 м).

В административном отношении страна делится на 14 провинций.

Климат. Тропический. Сезон дождей – с мая по октябрь.

Столица. Гавана (2,1 млн. человек).

Население. 11,4 млн. человек. Кубинцы составляют 98%. В свою очередь, они подразделяются на креолов (потомков испанцев), мулатов и негров; есть на острове достаточно многочисленная китайская колония.

Официальный язык. Испанский. Многие знают английский, русский и французский.

Религия. Христианство (католицизм) и так называемая «сантерия» – синкретические культы на основе африканских языческих верований, смешавшихся с культом некоторых христианских святых.

Валюта – кубинский песо.

Официальный обменный курс: 1 USA = 1 песо.

Мы испытываем воодушевление и удовлетворение от того, что смогли создать рай для бедных. Мы испытываем удовлетворение от того, что утопия превратилась в действительность.

Фидель Кастро

...Убедительно прошу тебя, опиши нам этот остров; расскажи по порядку... про всё, с чем ты признаешь желательным ознакомить нас, а ты должен признать, что мы желаем знать всё, чего еще не знаем.

Томас Мор "Утопия"

КРАТКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КУБЫ ОТ КОЛУМБА ДО КАСТРО

...Адмирал Колумб Христофор,
генуэзец с упрямым взглядом, говаривал,
будто это самая прекрасная земля, которую
когда-либо видели глаза человеке...
Из поэмы Элисео Диего "Краткая история Кубы"

Христофор Колумб

Испанские конкистадоры на Кубе. Гравюра Теодора де Бри к книге Б. Лас Касаса "История Индий", XVI век.

Христофор Колумб открыл Кубу во время своего первого путешествия 28 октября 1492 г. Сам Колумб думал, что достиг континента, и только в 1508 г., когда Себастьян де Окампо прошел на своем корабле вокруг Кубы, выяснилось, что это остров. В 1512 г. Диего Веласкес высадился в восточной части острова, в районе нынешнего города Баракоа, и основал там поселение; к 1515 г. он основал семь городов, включая Гавану. История Кубы аналогична истории других районов Вест-Индии: поиски золота и драгоценных камней; истребление индейцев; завоз рабов из Африки; раздоры между правителями; распространение тропических болезней; пиратские набеги на поселения. В 1534 году заработал первый завод по производству сахара. Рабочую силу на плантации тростника поставляли работорговцы.

В 1596 г. Куба получила статус генерал-капитанства. Численность белого населения Кубы увеличилась после 1670 г. в результате иммиграции с Ямайки, когда последняя стала британским владением. Под влиянием Великой Французской революции в 1791 году на Гаити (колонии Франции) вспыхивает восстание, в результате которого сахарная промышленность Гаити была полностью разрушена. Куба стала самым большим сахарным экспортером в Латинской Америке. 30000 французских плантаторов эмигрировали на Кубу.

В первой половине XIX века произошло переселение на Кубу испанцев с Санто-Доминго, когда часть этого острова, ранее принадлежавшая Испании, отошла к Франции. В период с 1812 по 1814 гг. и еще раз с 1820 по 1823 гг., когда в Испании действовала либеральная конституция, Куба имела своих представителей в испанском парламенте. Символом этой эпохи становится священник Феликс Варела – представитель мыслящих слоев острова. Возникают первые революционные сепаратистские заговоры.

Священник Феликс Варела

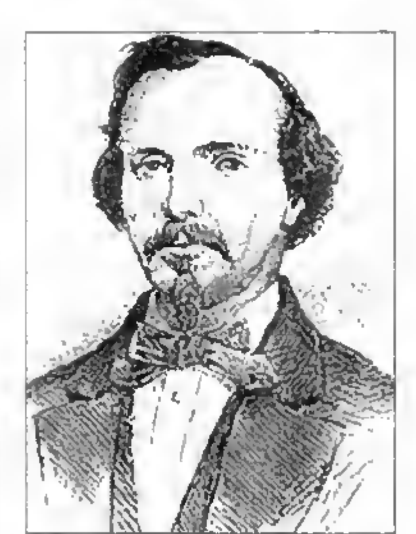
Последующие 75 лет были временем авторитарного правления Испании. Однако постепенно на острове нарастало недовольство таким положением. Оживление борьбы против испанского господства на Кубе связано с успешными восстаниями в Мексике и в Южной Америке, а также с соперничеством за господство над островом между США, Францией и Великобританией; одновременно ширилось движение аболиционистов. Испания, в свою очередь, ужесточала режим; в 1825 на Кубе было введено военное положение, сопровождавшееся отменой всех политических свобод. В 1812 году вспыхнуло массовое восстание рабов, жестоко подавленное испанцами.

После победы северян в Гражданской войне США и отмены рабства на Кубе вновь началось движение за независимость. В 1868 рост напряженности привел к восстанию, поднятому адвокатом и помещиком Карлосом Мануэлем Сеспедесом, ознаменовавшему

начало кровопролитной национально-освободительной Десятилетней войны (1868–1878), протекавшей в основном в пределах восточных провинций Кубы. США чуть было не оказались втянутыми в военные действия, особенно после того, как в 1873 испанцы захватили в открытом море зарегистрированный в США корабль «Виргиниус», перевозивший оружие и людей на Кубу, и казнили по обвинению в пиратстве около 40 членов команды и пассажиров, в том числе граждан США. Десятилетняя война, которая привела к многочисленным жертвам и огромному материальному ущербу, закончилась пактом о прекращении военных действий, подписанным в 1878 г. в Санхоне.

Зафиксированные Санхонским пактом уступки Испании позволили сохранять относительный мир в течение почти 20 лет. В 1886 было отменено рабство, а в 1893 чернокожие кубинцы были уравнены в гражданских правах с белыми. Однако волнения не прекращались. Поводом для них служили высокие налоги, коррупция, авторитарное правление испанского генерал-губернатора. 24 февраля 1895 началась война за независимость, которую возглавил поэт и публицист Хосе Марти, создавший Кубинскую революционную партию. Сам Хосе Марти погиб вскоре после начала военных действий, и вооруженную борьбу, охватившую всю Кубу, продолжили его соратники, генералы Максимо Гомес и Антонио Масео. В сентябре собравшаяся на освобожденной территории Конституционная ассамблея провозгласила создание независимой Кубинской республики и отделение ее от Испании.

Испанский генерал-губернатор Кубы Арсенио Мартинес Кампос, склонявшийся к компромиссу, был отозван, а на его место назначен генерал Валериано Вейлер-и-Николау, получивший прозвище Вейлер-мясник. Страна была опустошена, сельское население сгонялось в концентрационные лагеря, где люди умирали от голода и болезней. Протесты правительства США оказались безуспешными. Через некоторое время, однако, Вейлер был смещен, и на его место был назначен Рамон Бланко-и-Эренас, а 22 ноября 1898 г. испанское правительство предоставило Кубе автономию, оставив за собой право назначать генерал-губернатора. Однако эта запоздалая уступка была отвергнута повстанцами, и борьба была продолжена.

Карлос Мануэль Сеспедес

Хосе Марти

Испано-американская война

В 1898 г. США приняли решение о вступлении в войну; предлогом послужил взрыв американского броненосца «Мейн» в Гаванском порту. 18 апреля совместным решением обеих палат конгресса президенту США было предоставлено право использовать вооруженные силы США на Кубе; на следующий день президент Уильям Мак-Кинли подписал приказ о начале блокады Кубы американским флотом. 25 апреля США официально объявили Испании войну, которая закончилась капитуляцией Испании 12 августа того же года. Условия соглашения включали отказ испанского правительства от притязаний на Кубу и вывод войск с острова. Было создано военное правительство, которое возглавил генерал-майор Джон Раттер Брук. По условиям подписанного 10 декабря 1898 г. Парижского договора, Испания отказывалась от прав на Кубу, над которой устанавливалась опека США, сохранявшаяся в течение 20 лет.

Плакат времен испано-американской войны.

Кубинская республика

20 мая 1902 года военное правительство передало бразды правления вновь избранной администрации президента Т. Эстрады Пальмы, и Кубинская республика начала свое существование как независимое государство. Однако правительство вскоре погрязло в раздорах между фракциями и в коррупции; обычным делом стали махинации на выборах. Разногласия достигли такого накала, что возникла опасность вооруженного конфликта, и правительство Пальмы обратилось за помощью к США. 9 сентября 1906 года было образовано временное правительство, а 15 октября губернатором Кубы был назначен Чарльз Эдвард Мэгун.

После двух лет американской оккупации были проведены президентские выборы, победу одержал генерал Хосе Мигель Гомес, приступивший к исполнению обязанностей 28 января 1909 года.

Кубинские солдаты, погибшие в сражении под Санта-Анной 5 февраля 1899 года.

Последующие годы были отмечены неоднократными вспышками волнений и политическими переворотами. В Первую мировую войну Куба вступила на стороне союзников, объявив войну Германии 7 апреля 1917 года.

Весной 1917 года в ответ на восстание либералов консерваторы, находившиеся у власти, обратились к правительству США с просьбой о помощи. Летом того же года США вновь ввели войска на Кубу и осуществляли военный контроль до 1922 года.

В 1920 году генерал Инок Кроудер, только что ушедший в отставку с поста начальника Военно-судебного управления армии США, получил приглашение на Кубу, чтобы оказать помощь в разработке нового избирательного закона, который должен был исключить возможность подтасовок. Тем не менее очередные президентские выборы сопровождались кровопролитием и насилием. Чтобы положить этому конец, президент США Вудро Вильсон в январе 1921 г. направил генерала Кроудера на Кубу в качестве советника. Кроудеру удалось навести порядок в правительственных расходах, уменьшить чрезмерные траты, воровство и разбазаривание общественных фондов, а также добиться предоставления Соединенными Штатами займа в 50 млн. долларов. Однако, как только удалось справиться с этими экономическими трудностями, кубинские власти потребовали его отзыва. Не успел он покинуть Кубу, как президент Альфредо Саяс-и-Альфонсо отменил большую часть разработанных реформ.

В 1925 г. пост президента занял генерал Херардо Мачадо-и-Моралес. В период его правления активизировалось участие кубинцев в экономической жизни страны. Было построено шоссе, проходящее через весь остров с запада на восток, поощрялось развитие туризма. Вместе с тем режим Мачадо стал одним из самых тиранических, какие только знала Куба за всю свою историю. Экономическая депрессия усугубила политический кризис. В 1933-м, когда всеобщая забастовка парализовала Гавану, молодые офицеры организовали военный переворот с целью предотвратить вооруженное вмешательство США, и в результате Мачадо был вынужден покинуть страну. На посту его сменил д-р Карлос Мануэль де Сеспедес-и-Кесада, однако 4 сентября группа офицеров под руководством Фульхенсио Батисты и при поддержке студенчества осуществила еще один переворот; они отстранили от командования старших офицеров и свергли президента Сеспедеса. Его место занял Рамон Грау Сан-Мартин, позднее – основатель Кубинской революционной партии (так называемых «аутентиков»), известный врач и профессор университета. США, однако, не признали правительство доктора Грау. Понимая, что сахарные рынки США, в которых остро нуждалась Куба, останутся недоступными, пока кубинское правительство не будет признано, Батиста добился отставки Грау в январе 1934 г. Новый президент, полковник Карлос Мендьета-и-Монтефур, занявший этот пост на время до выборов, был немедленно признан Вашингтоном. Таким образом, Куба стала политически полностью независимой, хотя американцы сохранили свою военно-морскую базу в Гуантанамо.

В марте 1935 г. Мендьета жестоко подавил попытки организации всеобщей забастовки с революционными требованиями. В декабре 1935 он уступил свой пост Хосе Агрипино Барнету. В мае 1936 Барнета сменил Мигель Мариано Гомес-и-Ариас, однако в декабре он был подвергнут импичменту. Занявший его место Федерико Ларедо Бру оставался на посту президента полный срок, т. е. все четыре года. При поддержке Батисты в 1940 г. состоялось заседание учредительного собрания, разработавшего одну из самых прогрессивных конституций в Западном полушарии; в эту конституцию были включены большие разделы, регулирующие трудовые и социальные отношения. Вскоре после этого состоялись президентские выборы. На них победил Батиста – его поддерживала коалиция, куда входили Кубинская революционная партия, возникшая из антимачадовской группировки начала 1930-х годов, и коммунисты.

Когда срок президентского правления Батисты закончился, он объявил выборы в соответствии с новой Конституцией, запрещав-

Кафе в Гаване, 1925 год.

Херардо Мачадо

Рамон Грау Сан-Мартин

Кубинский песо, 1940-е годы.

Фульхенсио Батиста

President of the United States.
If you like, give me a ten dollars bill green american in the letter, because never I have not seen a ten dollars bill green american and I would like to have one of them.
My address is:

Письмо юного Фиделя американскому президенту.

Президент Карлос Прио

Эдуардо Чибас

Фидель Кастро дает показания в полиции после нападения на казармы Монкада.

шей переизбрание главы исполнительной власти на второй срок. На этих выборах победил злейший враг Батисты Рамон Грау Сан-Мартин, которого Батиста вынудил уйти с поста президента в 1934 г. На сей раз, однако, Батиста не стал опротестовывать результаты голосования и передал бразды правления Грау, а сам отбыл с Кубы в Майами.

27 ноября 1940 года 14-летний ученик монастырской школы «Колледж Долорес» Фидель Кастро Рус отправил президенту США Франклину Рузвельту письмо, в котором просил прислать ему 10-долларовую купюру, которую автор письма еще ни разу в жизни не видел. Ответа на свое письмо будущий вождь революции не получил.

В 1946 г., после проведения очередных парламентских выборов, положение Грау упрочилось, т. к. его партия («аутентики») завоевала большинство мест в обеих палатах парламента. Преемником Грау на посту президента стал его коллега по партии Карлос Прио Сокаррас, министр труда в правительстве Грау. Пребывание Прио у власти было отмечено разгулом коррупции и организованной преступности. Тем не менее его правительство предприняло важные шаги, направленные на укрепление экономики. Был создан Национальный банк и введена национальная денежная единица, заменившая находившиеся в обращении доллары. К этому же периоду относится создание Банка развития сельского хозяйства и промышленности, а также Счетной палаты (аналогичной Бюджетному бюро США) в качестве меры борьбы с коррупцией в правительстве.

Хотя в целом в период президентского правления Прио экономическое положение Кубы было достаточно благополучным, 1949–1951 годы ознаменовались инфляцией. Рост цен вынуждал работников требовать повышения заработной платы, а при отказе нанимателей – объявлять забастовки. Прио попытался решить эту проблему, предоставляя субсидии для увеличения заработной платы, а иногда подвергая аресту предприятия.

Тем временем коррумпированность правительства вызвала возмущение в рядах правящей партии. В 1946 г. группа недовольных, называвших себя «ортодоксами», во главе с сенатором Эдуардо (Эдди) Чибасом, откололась и образовала Партию кубинского народа («Ортодоксов»), которая продолжала расти, несмотря на совершенное в состоянии депрессии публичное самоубийство Чибаса в 1951году. На президентских выборах 1952 г. основная борьба разгорелась между кандидатом «ортодоксов» Роберто Аграмонте и Карлосом Эвия, которого поддерживали «аутентики». Экс-президент Батиста также выставил свою кандидатуру от созданной им партии Народное действие, однако, по общему мнению, у него не было шансов на победу.

10 марта 1952 г. Фульхенсио Батиста, опираясь на младших офицеров, осуществил военный переворот и захватил власть, положив тем самым конец избирательной кампании. Он оставался у власти до 1 января 1959 г.: первые два с половиной года как глава временного правительства, а затем как «конституционный» президент.

Среди противников диктатуры Батисты можно выделить четыре группы. Одна из фракций Кубинской революционной партии, которую возглавлял бывший президент Рамон Грау Сан-Мартин, удовольствовалась ролью легальной оппозиции. Другие члены той же партии, сторонники бывшего президента Карлоса Прио Сокарраса, пытались осуществить военный переворот. Федерация университетских студентов в своей борьбе с режимом использовала уличные стычки и забастовки и даже осуществила попытку вооруженного нападения на президентский дворец с целью убийства самого Батисты и высших чинов из правительства. Наконец, левое молодежное крыло ортодоксальной партии, которое возглавлял адвокат Фидель Кастро, решило для свержения диктатуры прибегнуть к гражданской войне, планируя начать ее в наименее доступной части страны и затем получить поддержку организованных групп революционеров в крупных городах.

Фидель Кастро начал свою революционную деятельность как член Федерации университетских студентов в Гаванском универси-

тете. Позднее он вступил в партию «Ортодоксов» и выдвигался от нее кандидатом в члены конгресса на несостоявшихся выборах 1952 года. После неудачной попытки захвата военных казарм Монкада в городе Сантьяго-де-Куба 26 июля 1956 года и двухлетнего пребывания в тюрьме Кастро и его сторонники отправились в Мексику, где занялись подготовкой гражданской войны. 2 декабря 1956 года они тайно высадились на Кубе. Небольшой отряд достиг гор Сьерра-Маэстра, откуда и начались боевые действия против режима Батисты.

В течение первых полутора лет эффект их действий был сравнительно невелик. Однако жестокость диктаторского режима, а также коррупция властей, принявшая массовый характер, – все это привело к широкой поддержке партизан Кастро кубинским народом. Летом 1958 года армия Батисты предприняла крупное наступление против революционных сил, после чего события стали разворачиваться с поразительной быстротой. К вооруженным силам Кастро присоединились отряды студенческой федерации, открывшие так называемый Второй фронт в горах Сьерра-дель-Эскамбрай в центральной части острова. На западе, в Пинар-дель-Рио, действовал Третий фронт, находившийся под контролем Революционного движения 26 июля. В то же время в городах велась хорошо организованная и активная борьба с режимом Батисты, в которой участвовали различные группы Кубинской революционной партии, Революционного движения 26 июля, студенческой организации Революционный директорат 13 марта и др. Батиста, потерпев поражение в решающем сражении у Санта-Клары, бежал из страны в ночь на 1 января 1959 года.

Куба при Кастро

Хотя в борьбе против Батисты участвовало множество различных групп, в глазах большинства кубинцев главными героями были Фидель Кастро и его Повстанческая армия. С января по октябрь 1959 г. в революционном лагере существовали две фракции. Одна считала необходимым как можно раньше восстановить демократию. Соглашаясь с необходимостью перераспределения земли, национализации коммунальных служб и уменьшения иностранного влияния в экономике и политике, эта фракция была против революционной диктатуры, против сотрудничества с коммунистами и присоединения к советскому блоку. Другая фракция, во главе которой стоял брат Фиделя Рауль Кастро и аргентинский революционер Эрнесто Гевара, выступала за революционную диктатуру, за союз с кубинской компартией, за аграрную реформу по образцу советской и союз с социалистическим лагерем. В конце октября Фидель Кастро принял решение в пользу группы Рауля Кастро – Гевары.

Тем временем отношения с США быстро ухудшались. В мае 1959 года была проведена аграрная реформа, включавшая национализацию кубинской сахарной индустрии, где была особенно велика доля американского капитала. В 1960 году США ввели эмбарго на ввоз сахара с Кубы, а принадлежавшие США нефтеочистительные заводы на острове отказались перерабатывать нефть из СССР, единственного поставщика нефти на Кубу. В свою очередь, кубинское правительство конфисковало всю собственность США на Кубе. 2 января 1961 года Вашингтон объявил о разрыве дипломатических отношений с Гаваной. 17 апреля 1961 года состоялось подготовленное и финансировавшееся США вооруженное вторжение на Кубу, когда 1500 кубинских эмигрантов – противников Кастро – высадилось в бухте Кочинос; однако эта попытка провалилась, большинство высадившихся было захвачено в плен и позднее выкуплено правительством США за 50 млн. долларов.

1 мая 1961 года Фидель Кастро объявил о социалистическом характере кубинской революции. В 1962 США ввели эмбарго на торговлю с Кубой и добились исключения ее из Организации американских государств (ОАГ). Против правительства Кастро было выдвинуто обвинение в том, что оно оказывает содействие революционерам в Венесуэле, после чего ОАГ в 1964 году ввела дипломатические и торговые санкции против Кубы.

Отряд Кастро после высадки с яхты "Гранма".

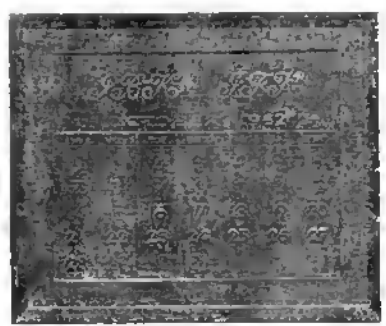

Повстанцы в горах Сьерра-Маэстра

Вступление в Гавану

Революционная идиллия

Плайя-Хирон

Советско-кубинская любовь

"13 дней в октябре". Мемориальная доска в библиотеке им. Дж. Кеннеди.

"Университеты" Че Гевары

Шакал

Главным торговым партнером Кубы стал СССР. В 1962 г. на Кубе были установлены советские ракеты среднего радиуса действия. Когда США осуществили военно-морскую блокаду Кубы (т. н. «карантин») и угрожали военным вмешательством, Советский Союз согласился демонтировать свои ракеты в обмен на обязательство США не вторгаться на остров. Этот инцидент, известный как Карибский кризис, резко обострил отношения между советским и кубинским руководством; Кастро заявил, что Куба никогда бы не уступила давлению со стороны США.

К концу 1961 г. основная часть пахотных земель Кубы была передана колхозам, практически все промышленные предприятия и большая часть торговли были национализированы. Кастро прилагал изрядные усилия к тому, чтобы сделать Кубу экономически независимой, и форсировал индустриализацию, ограничив финансирование сельского хозяйства, получив в результате нехватку продовольствия. Несмотря на помощь СССР, Куба испытывала и финансовые трудности, в основном из-за того, что импорт сырья для кубинской промышленности обходился дороже, чем экспорт готовой продукции. После визита в Советский Союз в мае 1963 года Кастро согласился свернуть программу быстрой индустриализации и диверсификации экономики и сконцентрироваться на производстве сахара. В октябре 1963 был обнародован новый аграрный закон, в соответствии с которым тысячи малых и средних хозяйств были объединены в крупные государственные хозяйства.

Для концентрации власти Кастро счел необходимым упразднить многопартийную систему, создав одну подконтрольную ему партию. Создание такой партии началось 26 июля 1961 года, когда Революционное движение 26 июля, Народно-социалистическая партия Кубы и Революционный директорат 13 марта, а также существовавшая ранее ортодоксальная коммунистическая партия объединились в Объединенные революционные организации, позднее реорганизованные в Единую партию социалистической революции (1962). В октябре 1965 года эта партия получила наименование Коммунистической партии Кубы

Кастро поручил организацию новой партии старому коммунисту Анибалу Эскаланте. Однако уже в марте 1962 г. он порвал с ним и с другими сильными лидерами компартии и сам занял пост первого секретаря партии, а большинство старых руководителей заменил своими ближайшими соратниками.

После визита Кастро в СССР в 1963 г. отношения между этими двумя странами, обострившиеся во время Карибского кризиса, улучшились, что способствовало установлению связей между Коммунистической партией Кубы и другими коммунистическими организациями Латинской Америки.

Во внешней политике Кастро старался сохранять «независимость» как от СССР (продолжавшего оказывать Кубе широкомасштабную помощь, «попутно» осуществляя политическое влияние), так и от Китая, хотя ему импонировала твердая уверенность китайских лидеров в том, что вооруженная борьба является единственно правильной стратегией для латиноамериканских революционеров. (*Термин «международный терроризм» в те годы еще не применялся к «экспортерам революции», которых поддерживали социалистические режимы. – Прим. ред.*) В январе 1966 г. между Кубой и КНР возник спор по поводу условий торгового соглашения. Через несколько месяцев Кастро довел до сведения съезда КПСС, что Куба будет оказывать «поддержку латиноамериканским коммунистам, готовящим революцию в своих странах». Куба обучала группы повстанцев из многих стран Латинской Америки и оказывала им разнообразную помощь. Известно также, что режим Кастро при поддержке спецслужб социалистических стран превратил Кубу в один из крупнейших перевалочных пунктов для террористических групп из многих стран мира. В частности, гостеприимством Кастро неоднократно пользовался известный международный террорист Шакал (Ильич Рамирес Санчес). В январе 1966 на Кубе состоялся Триконтинентальный конгресс, который высказался в поддержку революционной партизанской войны в странах Латинской Америки. Делегаты латиноамериканских стран создали на этом конгрессе Организацию со-

лидарности латиноамериканских стран, которая провела свою первую конференцию в Гаване в 1967. В том же году в Боливии погибает один из самых харизматических лидеров кубинской революции Эрнесто Че Гевара.

В 1965 году кубинское правительство издает постановление об организации «исправительно-трудовых лагерей» для противников режима, особенно «гомосексуалистов, диссидентствующей интеллигенции и католиков».

В конце 1960-х – начале 1970-х годов усилилась зависимость Кубы от СССР. На экономике страны тяжело сказался провал кампании по производству 10 млн. т сахара в 1970 году, и Куба была вынуждена просить об увеличении поставок из Советского Союза.

В декабре 1975 г. состоялся 1-й съезд Коммунистической партии Кубы. На нем был одобрен проект новой Конституции и представлен 1-й пятилетний план развития страны, в котором основной упор делался на одновременное проведение индустриализации и увеличение производства сахара. Текст Конституции был одобрен на всенародном референдуме в феврале 1976 г., а в декабре того же года были проведены первые, после переворота 1959 года, общенациональные выборы.

После 10 лет застоя кубинская экономика в 1970-х – начале 1980-х годов стала быстро развиваться. При президенте США Форде были начаты секретные переговоры между США и Кубой, результатом которых могла стать нормализация отношений между двумя странами, однако переговоры были прерваны после высадки кубинских войск в Анголе. Тем не менее в 1975 г. администрация Форда объявила о внесении трех поправок в закон об эмбарго. Они предусматривали возможность выдачи заграничным филиалам американских компаний лицензий на ведение торговых операций с Кубой; отмену экономических санкций (в форме прекращения финансовой помощи) в отношении торгующих с Кубой стран; разрешение на дозаправку топливом в американских портах морских судов, совершающих торговые рейсы на Кубу.

После прихода к власти в 1977 г. президента Картера в отношениях Кубы с США наступила временная оттепель. В это время были ослаблены ограничения на поездки граждан из одной страны в другую. Картер и Кастро договорились также об учреждении в Гаване и Вашингтоне «комитетов по интересам», что означало повышение уровня дипломатического представительства для обеих стран. Вопросы, бывшие предметом рассмотрения на тайных переговорах двух стран при президенте Форде, стали частью открытой дискуссии между представителями кубинской диаспоры в США и кубинским руководством, в результате чего правительство Кубы впервые разрешило бежавшим с острова кубинцам посещать свою родину. В 1980 году кубинские граждане неожиданно получили разрешение выехать в США через кубинский порт Мариель и свыше 120 тысяч были перевезены в город Ки-Уэст (Флорида) на частных катерах и лодках. Этот «мариельский исход» застал врасплох администрацию США и привел к росту напряженности в отношениях между США и Кубой. Отношения еще больше ухудшились при Рональде Рейгане и Джордже Буше. Президент Рейган вновь запретил поездки американцев на Кубу, однако, несмотря на жесткие заявления, не стал отменять принятые при Форде поправки к закону об эмбарго.

Несмотря на введенные Кубой ограничения на эмиграцию и практику репрессий по отношению к семьям «невозвращенцев», тысячи кубинцев бежали с острова, рассеявшись по всему миру. Самая многочисленная кубинская диаспора живет в США.

После распада СССР и значительного сокращения торговых отношений со странами бывшего СССР на Кубе начался экономический кризис, вызванный хроническим недостатком продовольствия и топлива. Кастро объявил «Особый период в мирное время» – фактически это означало, что Куба живет по законам военного времени.

В июне 1989 года Кастро избавился от одного из самых опасных своих соперников – генерала Арнальдо Очоа, организовав над ним показательный суд. Во время процесса, скроенного по лекалам сталинских времен, герой революции, награждённый множеством орденов, заместитель министра обороны и член ЦК признался в

"Сеньорита Революция"

Горький сахар

Ангольский лидер А. Нето в гостях на Кубе.

«Р-р-р-ра-вол-лю-сь-он!!!»

Беглецов с Кубы подбирает американская береговая охрана.

Визит Папы Римского

Манифестация диссидентов во время саммита 1999 г.

Полиция отбирает Элиана у американских родственников.

Кана а. Акция в защиту прав человека на Кубе.

Команданте в гневе

наркоторговле и был расстрелян, хотя ни для кого из кубинского генералитета не было секретом, что всеми его действиями руководил младший брат Фиделя, министр обороны Рауль Кастро.

Президент США Дж. Буш в 1992 г. подписал «Закон о демократии на Кубе», в котором положения закона об эмбарго были ужесточены, а область его действия значительно расширена; условием отмены эмбарго ставилось проведение на Кубе свободных и многопартийных выборов. В 1994 г., после нового массового выезда кубинских эмигрантов во Флориду, между Кубой и США было заключено соглашение, в рамках которого США соглашались в дальнейшем принимать не более 20 тыс. кубинских эмигрантов в год. В 1995 г. сенатор Дж. Хелмс и член палаты представителей конгресса США Д. Бертон внесли на рассмотрение конгресса законопроект «О свободе Кубы и демократической солидарности» (так называемый билль Хелмса-Бертона), предполагавший ужесточение экономического эмбарго и санкции по отношению к иностранным компаниям, вступающим в торгово-экономические отношения с Кубой. В 1996 г., после того как кубинские ВВС сбили над Флоридским заливом два гражданских самолета «Сесна» с беглецами в США (пилоты погибли), законопроект был принят. В ответ Куба приняла Закон 88, ужесточавший наказания для инакомыслящих.

В январе 1998 года на Кубе побывал Папа Римский Иоанн-Павел II, пытавшийся убедить Кастро прекратить репрессии в стране и ослабить давление государства на католическую церковь.

5 января 1999 г. президент Клинтон выдвинул предложения, направленные на частичное смягчение политики эмбарго, которые, однако, не затрагивали межправительственных отношений, а предусматривали со стороны США расширение связей исключительно с неправительственными организациями и рядовыми гражданами Кубы. Рикардо Аларкон, президент Национальной ассамблеи народной власти Кубы, выступил с резким заявлением, утверждая, что предложения Клинтона наносят ущерб развитию отношений между двумя странами. 15–16 ноября 1999 года в Гаване происходит IX Ибероамериканская встреча глав государств и правительств. На время саммита органы безопасности арестовывают наиболее активных диссидентов.

28 июня 2000 года, после семимесячных ожесточенных споров и многолюдных манифестаций в Гаване и Майами, кубинский ребенок Элиан Гонсалес, лишившийся матери во время побега с Кубы, по решению президента Клинтона, отбирается у американских родственников и возвращается на Кубу к отцу.

13 декабря 2000 г., вскоре после своего визита в Северную Корею, на Кубу с государственным визитом прибыл Президент России В. В. Путин. Перед его визитом госбезопасность изолировала около 200 диссидентов.

Сторонники демократизации во главе с Освальдо Пайя Сардинасом разрабатывают «проект Варела» – предложение о референдуме в поддержку политических реформ и успешно проводят сбор подписей.

16 марта 2003 года, после неоднократных угроз Фиделя Кастро закрыть представительство США в Гаване за помощь диссидентам, органы кубинской госбезопасности начинают самое значительное подавление инакомыслия за несколько десятилетий: 75 ведущих диссидентов, в основном журналисты, юристы, врачи и профсоюзные деятели, арестованы и осуждены на тюремные сроки от 14 до 28 лет. В конце марта за попытку угона парома во Флориду по приговору кубинского трибунала расстреляны три человека.

> Когда экономика в дерьмовом состоянии, лучше всего затеять войну, чтобы сразу всем заткнуть глотки. Внушать голодному человеку, что он сыт, долго нельзя, не выдерживает психика, а править сумасшедшим народом – удовольствие маленькое...
> **Аркадий и Борис Стругацкие «Обитаемый остров»**

КАРИБСКИЙ КРИЗИС

А. АЛЕКСЕЕВ

КАК ПРИНИМАЛИ РЕШЕНИЕ

Хрущев сказал о своей абсолютной уверенности в том, что в отместку за поражение на Плайя-Хирон американцы предпримут вторжение на Кубу уже не с помощью наемников, а собственными вооруженными силами: на этот счет у нас есть достоверные данные. Мы, продолжал он, должны найти столь эффективное средство устрашения, которое удержало бы американцев от этого рискованного шага, ибо наших выступлений в ООН в защиту Кубы явно недостаточно. Логика подсказывает, говорил Хрущев, что таким средством может быть только размещение наших ракет с ядерными боеголовками на территории Кубы.

На совещании было принято решение направить в Гавану делегацию в составе Ш. Р. Рашидова, маршала С. С. Бирюзова и автора этих строк для обсуждения с кубинским руководством идей, высказанных Н. С. Хрущевым.

В середине мая мы прибыли в Гавану. В день приезда я встретился с Раулем Кастро и попросил его срочно организовать встречу с Фиделем. Я ничего не сказал Раулю о конкретных целях нашей делегации, но поскольку в ее составе был маршал Бирюзов, прибывший в Гавану под другой фамилией, Рауль, как мне думается, понял, о чем пойдет речь. Через несколько часов вечером состоялась наша встреча с Фиделем, на которой присутствовал и Рауль.

Разговор начался с сообщения об озабоченности Советского правительства развитием событий вокруг Кубы, наращиванием агрессивных действий США, что могло привести к их вооруженному вторжению. Наши и кубинские оценки создавшегося положения оказались идентичными.

Анастас Микоян, посол СССР на Кубе А. Алексеев и Фидель Кастро 1962 год.

Затем было сказано, что правительство СССР всеми возможными средствами готово помочь Кубе в укреплении ее обороноспособности вплоть до рассмотрения вопроса о размещении на ее территории советских ракет средней дальности, если кубинские друзья сочтут для себя полезным такое средство устрашения потенциального агрессора. Фидель на минуту задумался, а затем сказал, что ему эта идея представляется очень интересной, поскольку она, кроме защиты кубинской революции, послужит интересам мирового социализма и угнетенных народов в их противоборстве с обнаглевшим американским империализмом, который повсюду в мире пытается диктовать свою волю. На следующий день состоялась беседа, на которой с кубинской стороны кроме Фиделя присутствовали Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара, Освальдо Дортикос и Блас Рока. Ответ их был однозначен: да. В июле началась подготовка к отправке на Кубу материальной части и воинского персонала.

К 22 октября 1962 года, когда президент США Джон Кеннеди выступил по американскому радио и телевидению с сообщением об обнаружении на Кубе советских ракет, все 42 ракеты и боеголовки к ним, а также воинский персонал уже были на месте. Часть наших кораблей еще находилась в пути, но на них было вспомогательное снаряжение и продовольствие для воинского контингента, без чего при случае можно было и обойтись.

Уважаемый господин Президент,

Получил Ваше письмо от 23 октября, ознакомился с ним и отвечаю Вам.

Представьте себе, господин Президент, что мы поставили бы Вам те ультимативные условия, которые Вы поставили нам своей акцией. Как бы Вы реагировали на это? Думаю, что Вы возмутились бы таким шагом с нашей стороны. И это было бы нам понятно.

Поставив нам эти условия, Вы, господин Президент, бросили нам вызов. Кто Вас просил делать это? По какому праву Вы это сделали? Наши связи с Республикой Куба, как и отношения с другими государствами, независимо от того, какое это государство, касаются только двух стран, между которыми имеются эти отношения. И если уж говорить о карантине, упоминаемом в Вашем письме, то его, как это принято в международной практике, могут устанавливать только государства по договоренности между собой, а не какая-то третья сторона. Существуют, например, карантины на сельскохозяйственные товары и продукты. Но в данном случае речь идет совсем не о карантине, а о гораздо более серьезных вещах, и Вы это сами понимаете.

Его Превосходительству,
господину Джону Ф.Кеннеди,
Президенту Соединенных Штатов Америки
г.Вашингтон

Письмо Никиты Хрущева Джону Кеннеди.

Сергей НОВОЖИЛОВ

КАК ДОСТАВЛЯЛИ РАКЕТЫ

Полковник в отставке Освальдо Фернандес показывает пожелтевшие фотографии личного архива. На снимках изображена группа людей в кубинской военной форме и в штатском. «Это – мои советские товарищи, с которыми мы провели на Кубе почти два месяца накануне Карибского кризиса, поставившего мир на грань ядерной катастрофы», – рассказывает он.

Фернандес помнит немало подробностей, связанных с доставкой советских ракет на остров. Тогда, в звании старшего лейтенанта дорожной полиции, он выполнял миссию по обеспечению безопасности колонн с советской военной техникой.

В конце августа 1962 года Освальдо получил приказ отобрать 15 надежных товарищей из состава транспортной полиции, а в последние дни месяца вместе со своей группой отправился в город Тринидад на южном побережье Кубы.

«Нам сказали, что в порт должно прийти советское оборудование, безопасность которого нужно обеспечить на пути к месту назначения. Тогда даже речи не шло о ракетах». Лишь позже он узнал подробности предстоящей миссии.

Советское судно, доставлявшее ракеты на Кубу. Снимок с американского самолета.

Рисунок из книги Джой Хаким "История США в 10 томах", 1993 г.

Первое судно «Омск» прибыло в Тринидад 9 сентября 1962 года и доставило 6 ядерных ракет. Когда встал вопрос об их переброске к месту дислокации, главной проблемой стала их длина – 24 метра. Далеко не на каждом повороте в кубинской глубинке тягач с таким грузом мог свободно повернуть.

Переброска техники происходила исключительно в темное время суток – с 12 часов ночи до 5 часов утра. Тягачи передвигались с потушенными фарами, стараясь объезжать населенные пункты.

Первой колонне пришлось сделать крюк в три километра: один из поворотов дороги был настолько крут, что тягач не мог в него вписаться, и пришлось ехать по прямой до тех пор, пока не нашлось подходящего места для разворота, вспоминает Фернандес.

С наступлением рассвета технику накрывали маскировочными сетями, а дорожная полиция перекрывала движение по дороге, объясняя населению, что якобы произошла автокатастрофа.

Освальдо помнит, что первым на точку 18 сентября прибыло подразделение полковника Ивана Сидорова. Советские военные строители проделали изрядную работу: полковник инженерных войск Анатолий Бурлов в кратчайшее время подготовил стартовые площадки для ракет. Все работы проводились скрытно, и американская авиация смогла засечь технику лишь 14 октября, а 8 дней спустя разразился Карибский кризис.

По словам Фернандеса, к тому времени 51-й ракетно-ядерный дивизион был практически готов к боевым действиям. Но скоро пришло известие, что Никита Хрущев и Джон Кеннеди договорились о выводе советских ракет с острова...

На прощание советские офицеры сказали: «Не важно, что нам приходится уходить. Будьте спокойны, мы будем продолжать вас защищать. Куба и СССР – одно целое».

Сергей СТЕПАНОВ

ОПЕРАЦИЯ «АНАДЫРЬ»

Сегодня в Севастополе проживают около двухсот ветеранов-«кубинцев». В 1962 году все они отправлялись на Кубу под видом сельскохозяйственных специалистов. Под видом гражданских ехали даже генералы и адмиралы!

– Утрапа сухогруза «Металлург Курако» сотрудники в штатском забрали мое удостоверение личности и пропустили на корабль. Началось вдское двухнедельное путешествие: солдаты и матросы размещались в трюмах на трехъярусных нарах.

Естественно, что вентиляция на судне не годилась для субтропических широт. Из-за отсутствия элементарных санитарно-гигиенических условий и неполноценного питания (в основном это были консервы) люди стали болеть, – вспоминает ветеран-«кубинец» Федор Медведев.

– На подходе к Кубе нас встретили американские самолеты, которые бесцеремонно пикировали с носа на корму, с борта на борт. С небольшой высоты они фотографировали палубу. Можно было свободно рассмотреть лица летчиков и фотографов.

Уже на Кубе мне пришлось участвовать в размещении ленинградского госпиталя в провинции Пинар-дель-Рио. Врач района пригласил к себе домой. Я был поражен богатством партийного дома: двухэтажная вилла, окруженная садом с тропическими деревьями, бассейн, три шикарных американских автомобиля, огромная библиотека, просторный бар, прислуга и т.д. Я почувствовал себя ничтожеством в своей не первой свежести китайской рубашке и покрытых пылью брюках. Где-то в глубине души мелькнула мысль: «Вот, мы, грязные, нищие, пришли сюда наводить порядок?!»

Мне запомнилась встреча Фиделя Кастро с командованием и офицерским составом прибывших советских частей. Офицеры штаба стояли у ворот, готовые встретить высокого гостя. Но тут вышел дежурный и сообщил, что Фидель уже в зале. Вот это конспирация! Я впервые увидел лидера кубинцев. Говорил он тихо, без жестикуляции. Открытые от бороды участки лица были бледноваты. Как мне тогда показалось, он волновался. Позже я увидел Кастро на многотысячном митинге. Это был другой Фидель! Его можно было слушать часами, даже не понимая языка. Он просто гипнотизировал людей.

Кубинские и советские летчики, 60-е годы.

Освальдо Дортикос и Фидель Кастро

Рауля Кастро я увидел в госпитале в Восточной Гаване. Он приехал на автобусе вместе с другими офицерами. Фидель и Рауль не похожи на братьев, настолько внешне они разные.

Прибывшие воинские части начали устраивать быт в непривычных климатических условиях. Началась эпидемия дизентерии, в день приходилось госпитализировать до двадцати человек.

Спустя несколько дней закончились элементарные медикаменты, а вскоре появились больные с тропическими заболеваниями. Диагностировать и лечить их мы, выпускники медицинской академии, не умели.

Мне пришлось произвести вскрытие погибшего советского военнослужащего в полевых условиях, под палящим солнцем, не имея специального инструментария.

По свидетельствам очевидцев, на протяжении 1962 года психологический климат был тяжелым. Военные не получали писем с Родины.

Из-за большого расстояния не принимались радиостанции Москвы, зато круглосуточно с хорошим качеством шли передачи «Голоса Америки».

За время Карибского кризиса серьезные психические расстройства были зафиксированы у 60 солдат Советской Армии. На Кубе осталось русское кладбище, где похоронены 64 человека.

14 октября советские ракеты были обнаружены американскими пилотами в 90 км от территории США. После этого американцы делали ежедневные облеты Кубы. Фидель требовал, чтобы русские их сбивали, однако командование группы воздерживалось. Назревал ядерный конфликт.

Мне стало страшно. Вокруг Кубы сплошным кольцом стояли корабли ВМФ США. Как врач, хорошо знавший поражающие факторы атомного оружия, знавший людей, прошедших через эпицентр взрыва на испытании бомбы на Тоцком полигоне, я не мог понять, почему политики готовы пойти на самоубийство...

«Севастопольская газета»

Владимир РОКОТОВ

РАКЕТЫ ВСЕ РАВНО НЕ ВЗЛЕТЕЛИ БЫ...

Созданные Михаилом Янгелем ракеты были отправлены на Кубу, когда там начался Карибский кризис. Но оказывается, что старт этих ракет в направлении Америки был все равно невозможен.

Автор этих строк работал в те годы испытателем бортовых систем управления на «машинах» (ракетах) Михаила Янгеля и Владимира Челомея. Стреляли в основном с полигона в Тюра-Таме. Тогда появилось новое поколение систем управления, и возникало множество проблем. Например, взрыв в октябре 1960 года, когда погиб М.И. Неделин, мог быть вызван ошибкой в работе пиропатрона при запуске двигателей второй ступени. Поэтому всю проверочную и подготовительную работу выполняли мы, представители промышленности. Военные только нажимали кнопки «пуск».

На Кубу привезли, как известно, ракеты Янгеля. Обслуживали их только военные, переодетые в механизаторов и агротехников. Так вот, после того как «изделия» вернули домой, их, естественно, перепроверяли в головном НИИ.

И один из наших инженеров был туда откомандирован для проверки систем управления. После чего шепотом рассказывал, что ни одна из ракет не смогла бы стартовать, так как во время регламентных работ обмотки гироскопов сгорели.

Дело в том, что впервые на «изделиях» для уменьшения трения гироскопы погружали в силиконовую жидкость (так называемые жидкостные или плавающие гироскопы). Перед стрельбой для разгона гироскопов требовалось разогревать жидкость слабым током для уменьшения вязкости в течение 20-30 минут (что, разумеется, сказывалось на времени готовности). По каким-то причинам во время регламентных работ наши офицеры на Кубе подали ток разгона в обмотки гироскопов без предварительного разогрева жидкости подвески. Естественно, случилось то, что и должно было случиться с заторможенными двигателями: они сгорели. Поэтому получить сигнал готовности было бы невозможно и старт не мог состояться.

Сан Кристобаль, 23 октября 1962 г. Первая база запуска советских баллистических ракет среднего радиуса действия.

...Всякий раз, когда начинается дискуссия о событиях тех лет на Кубе, я размышляю о том, насколько опасны дураки у власти...

А. АЛЕКСЕЕВ

КАК ВСЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ

Переговоры А. И. Микояна с Фиделем Кастро в Гаване и В. В. Кузнецова с представителями президента США и У Таном в Нью-Йорке постоянно координировались через Москву. Республика Куба была отстранена от прямого участия в этих делах. И это обстоятельство, конечно, более всего удручало кубинских руководителей, затрудняя и наши беседы с ними.

И когда в поисках выхода из создавшегося тупика мы высказали идею допуска инспекторов на советские суда, Фидель сказал, что это дело СССР, но что в своих территориальных водах Куба такого не позволит. США вынуждены были согласиться с планом погрузки незачехленных ракет на палубы советских судов и фотографирования их со своих кораблей и самолетов в международных водах.

В итоге, несмотря на длительное сопротивление кубинских товарищей, нам все же пришлось согласиться с американцами на вывод самолетов Ил-28 и торпедных катеров. Была достигнута договоренность об оставлении на Кубе военного соединения, которое могло бы оказывать кубинцам помощь в овладении советской военной техникой.

Переговоры в Гаване и Нью-Йорке завершились 20 ноября 1962 года — после того как президент США Дж. Кеннеди объявил о снятии блокады. Советские ракеты к тому времени уже были вывезены с Кубы. Советское правительство дало указание нашим вооруженным силам об отмене повышенной боевой готовности. Такое же указание последовало и от главнокомандующего Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора. Так закончился Карибский кризис.

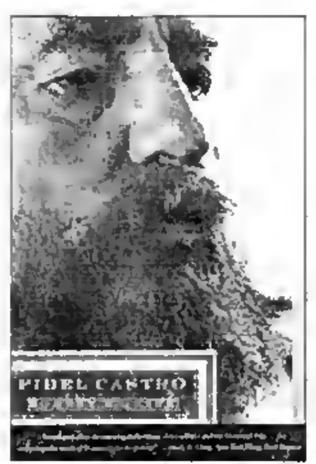
Никита Хрущев и Джон Кеннеди, 1961 год.

Мы не знали никакой другой истории своей родины, кроме той, которая была историей его самого, мы не знали иного отечества, кроме того, которое он сотворил по образу своему и подобию, меняя его пространственные измерения и заставляя само время течь сообразно его собственной воле.

Габриэль Гарсиа Маркес «Осень патриарха»

Ефим ШУМАН, Григорий КОЗЛОВ

ТО, ЧТО ВЫ НЕ ХОТЕЛИ ЗНАТЬ О ФИДЕЛЕ

Книга Роберта Е. Квирка, легшая в основу статьи.

Легендарный команданте, «максимо лидер» («великий вождь», как его достаточно долгое время называли не только на Кубе), вот уже более сорока лет удерживающий власть, опираясь на достаточно экзотическую форму «карибского социализма», энергичный борец против неравенства, не желающий ослаблять роль государства в угоду тлетворному влиянию западного «неолиберализма», человек, который, несмотря на катастрофическое экономическое положение, продолжает оставаться популярным у достаточно большого числа кубинцев, – такой человек, безусловно, очень интересен.

Когда начинаешь знакомиться с новейшей историей Кубы, то первое, что приходит в голову, – невероятная её схожесть с советскими «этапами большого пути». Проводить параллели всегда очень соблазнительно, а тут они к тому же просто напрашиваются. На Кубе тоже была своя «февральская революция», свергнувшая диктатора Батисту, и своё Временное правительство, которое Фидель Кастро, официально занимавший тогда лишь пост генерального представителя президента в вооружённых силах страны, очень быстро разогнал. В поте лица работали революционные трибуналы, знавшие лишь один приговор – расстрел. Кастро с самого начала стал в зародыше уничтожать любые потенциальные очаги недовольства, последовательно укрепляя свою единоличную власть. Он распустил профсоюзы, закрыл «буржуазные» газеты, боролся с религией, национализировал промышленные предприятия, банки и сельскохозяйственные угодья (причём принадлежащие не только кубинцам, но и иностранцам, что в конечном итоге и привело к политической и экономической изоляции Кубы).

Осенью 59-го года, всего через десять месяцев после свержения Батисты, Фидель Кастро начал расправляться и со своими недавними ближайшими союзниками в борьбе против диктатора. Его родной брат Рауль, назначенный на пост военного министра в новом правительстве, инсценировал показательный процесс против Убера Матоса, который командовал войсками в одной из ключевых провинций и был очень популярен в народе. Команданте был вызван в суд в качестве свидетеля. Он выступал семь часов, обвиняя своего вчерашнего соратника во всех смертных грехах. «Или Убер Матос предатель, или я – лгун!» – кричал Кастро. В результате Матоса приговорили к двадцати годам тюрьмы. Прокурор требовал смертной казни, но времена были ещё «вегетарианские». Кроме того, Кастро решил проявить снисхождение, надеясь, что Матос, который вёл себя на суде очень твёрдо, начнёт со временем каяться, просить о помиловании... Этого не случилось. Матос отсидел все двадцать лет, как говорится, от звонка до звонка. Его били в тюрьме, ему приходилось спать полураздетым на голом каменном полу... Матоса вычеркнули из списков героев революции. Ретушеры даже убрали его со знаменитой фотографии, на которой изображены «барбудос», с победой входящие в Гавану в январе 59-го года.

Убер Матос и архиепископ Сантьяго-де-Куба, январь 1959 г.

На протяжении правления Кастро прошло несколько показательных судебных процессов, на которых судили его бывших соратников: кого за измену Родине, кого за организацию заговора с целью свержения «максимо лидера»... В июне 89-го года Кастро таким же образом избавился от одного из самых опасных своих соперников – генерала Арнальдо Очоа. Герой революции, награждённый множеством орденов, заместитель министра обороны и член ЦК, Очоа командовал кубинскими войсками в Анголе и Эфиопии, был военным советником сандинистов в Никарагуа. Официально его обвинили в контрабанде драгоценных камней и наркотиков. Но главная его вина была, судя по всему, в другом. Брат Фиделя Рауль Кастро говорил об Арнальдо Очоа как о «разнузданном популисте», стороннике «горбачёвской гласности». А сам команданте в беседе с одним из журналистов пояснил: «Любая критика – это оппозиция. А любая оппозиция – это контрреволюция».

Арнальдо Очоа

Генерала Очоа лучше подготовили к суду, чем Убера Матоса. Он каялся, полностью признавал свою вину, просил приговорить его к смерти, потому что ничего другого не заслуживает, и обещал умереть с именем Фиделя на устах. Суд его просьбу выполнил: Очоа расстреляли, как и трёх других «критиков-контрреволюционеров» (среди них – полковника Антонио де ла Гуардиа, начальника спецотдела МВД по борьбе с экономической блокадой, о котором – чуть позже). Несколько человек из руководства страны, робко предлагавших пойти на некоторые косметические реформы, были приговорены к многолетним срокам тюремного заключения, в том числе министр внутренних дел Кубы Абрантес.

Но Фиделя Кастро вполне можно сравнивать не только с Лениным и Сталиным. Хотя в послебрежневские времена он и стал осуждать «номенклатурно-бюрократическое перерождение социализма», но достаточно раз увидеть его в парадной форме, чтобы понять, что и с Леонидом Ильичом у кубинского лидера немало общего. Не будем перечислять ордена, которыми награждён «максимо лидер», перечислим лишь посты, которые он занимает: председатель Государственного Совета, председатель Совета министров, Верховный главнокомандующий... и первый секретарь ЦК Коммммунистической партии Кубы. «Новой» компартии, как её нередко называют, потому что «старую», которая в борьбе против Батисты была союзницей возглавляемого Кастро «Движения 26-го июля», команданте после прихода к власти фактически распустил. Первый съезд «новой» компартии Кубы прошёл лишь спустя семнадцать лет после свержения Батисты. До апреля 1961 года Фидель много раз публично подчёркивал, что он – никакой не коммунист. Однако потом, оказавшись в международной изоляции, заявил о своей приверженности марксистским идеям, получив в ответ щедрую помощь из Советского Союза.

Первым из советских руководителей побывал на «острове свободы» Микоян. Он подписал соглашение на предоставление Кубе долгосрочного кредита на сто миллионов долларов. Кроме того, СССР обязался купить у Кастро пять миллионов тонн сахара. Чтобы вы могли лучше представить себе характер экономических отношений между СССР и Кубой, приведем такие цифры. В семидесятые годы цена сахара (основного экспортного продукта Кубы) составляла на мировом рынке пять сентаво за фунт. А Советский Союз и другие соцстраны платили Кубе в пять раз больше.

Фидель Кастро и Ричард Никсон, 1959 год.

Но, правда, было за что – с идеологической точки зрения. С точки зрения борьбы против, как сегодня принято говорить, однополярного мира. С начала шестидесятых годов Куба стала главным антиамериканским форпостом, непотопляемым авианосцем у берегов США. Карибский кризис и вынужденное решение Хрущёва убрать тайно размещённые на Кубе советские ракеты с ядерными боеголовками с её территории несколько охладили пыл Фиделя Кастро.

Но он с лихвой компенсировал это поражение организацией партизанской борьбы в Сальвадоре, военной помощью сандинистам в Никарагуа и марксисту Бишопу в Гренаде, а также отправкой многотысячного «ограниченного контингента» кубинских войск в Анголу и Эфиопию. И здесь напрашиваются явные параллели с брежневскими идеалами, а именно – с вводом войск стран Варшавского договора в «братскую» Чехословакию для защиты завоеваний социализма в 1968 году *(и в Афганистан в 1979-м. – Прим. ред.)*

Но до Анголы и Эфиопии была ещё чилийская эпопея Фиделя Кастро. В Чили в начале семидесятых годов пришло к власти правительство Народного единства, возглавляемое социалистом Сальвадором Альенде. Он восстановил дипломатические отношения с Кубой. Альенде относился к Кастро с особой симпатией. В конце пятидесятых годов он, тогда ещё сенатор, был одним из первых официальных деятелей, посетивших Кубу после свержения Батисты.

Когда правительство Народного единства пришло к власти в Чили, Фидель Кастро предпринял длительную поездку по этой стране (она длилась почти месяц). Он предложил Альенде, среди прочего, сформировать из офицеров кубинской службы госбезопасности президентскую гвардию. Чилийский лидер, не доверявший своей собственной секретной службе и армии, тут же согласился.

Столь деликатное дело, как создание особого отряда кубинских наёмников, естественно, хранили в строжайшей тайне. Кубинцы вошли в состав так называемой «Группы друзей президента» – личной охраны Альенде. Главным координатором «Группы» Альенде назначил кубинца Антонио де ла Гуардиа. Ему, как и многим другим кубинцам, удалось в последний момент, уже после начала пиночетовского мятежа, бежать из Чили. И расстрелян он будет не Пиночетом, а Кастро, гораздо позже, в 1989 году, во время очередной чистки, о которой мы уже рассказывали.

Сестра Альенде и его дочь переехали на Кубу ещё до путча в Чили. Дочь Альенде Тати завела роман с опекавшим её кубинским чекистом Луисом. Начальство велело тому жениться на ней. Но Луис был женат и вовсе не хотел разводиться. Тогда на него как следует надавили, и ему пришлось покориться: госу-

Еще не памятник, а голуби уже сидят...

дарственные интересы выше личных. После переворота в Чили и гибели отца дочь Альенде застрелилась из табельного пистолета мужа, которого за это ещё и наказали. Покончила жизнь самоубийством и сестра чилийского президента, выбросившаяся из окна гаванского отеля «Ривьера».

Как ни странно, но военный переворот и поражение социализма в Чили не слишком огорчили Фиделя Кастро. Гордившийся своим славным боевым прошлым, он в глубине души никогда не верил в то, что «прогнивший капитализм» можно реформировать мирным путём. Поэтому испытывал определённое удовлетворение. И в очередном публичном выступлении назидательно подчеркнул: «Революция не может победить без применения оружия».

Но интернационализм – интернационализмом, а вот как команданте Фидель решал и решает внутрикубинские экономические проблемы, которым, как известно, нет числа.

До свержения диктатора Батисты Куба была одной из самых богатых (если не самой богатой) стран Латинской Америки. Сахарный тростник, табак, кофе, какао, экспортируемые прежде всего в Соединённые Штаты, приносили и крупным компаниям, и мелким землевладельцам солидный доход. Проведённая Фиделем Кастро национализация земельных угодий (две трети их фактически конфисковало государство) резко изменила ситуацию. Урожайность в колхозах упала и продолжает падать, качество сельскохозяйственных продуктов ухудшилось. Сегодня даже сахар на Кубе выдают по карточкам. «Остров свободы» фактически уже многие годы живёт на деньги эмигрантов, которых ещё совсем недавно официально называли не иначе как «гусанос» – «черви». Валюта, которую они присылают родным, помогает людям хоть как-то сводить концы с концами.

Первую попытку как-то улучшить экономическую ситуацию Кастро предпринял в 69-м году, когда кризис, несмотря на очень щедрую помощь Советского Союза, стал очевидным. Была объявлена ударная кампания за сбор 10 миллионов тонн сахара. Столько Куба ещё никогда за свою историю не собирала. Более того: с самого начала было ясно, что не хватает транспорта для перевозки сахарного тростника на пункты переработки, что мощность сахарных заводов слишком мала, а оборудование на них устарело и часто ломается... Но битва за урожай тем не менее началась. Фидель Кастро подал гениальную идею: так как время сафры (уборки сахарного тростника) – это осень-лето, то страна будет справлять Новый год не в январе, а... в июле, после того, как сахарный тростник соберут. Чтобы не терять время на праздники. То есть по декрету команданте 1969 год состоял на Кубе не из двенадцати месяцев, а из восемнадцати.

На рубку сахарного тростника бросили в буквальном смысле всю страну. Регулярные выезды советских студентов на «картошку» – это ерунда по сравнению с «исторической сафрой» Кубы. Люди работали по двенадцать часов в день с одним-единственным выходным. И не только студенты. На тростник бросили школьников, пенсионеров, 80 тысяч солдат... Однако кампания провалилась – как проваливались все экономические начинания Фиделя Кастро. Он свалил всё на «субъективные» трудности (то есть на ленивый народ) и на «объективные», на которые жалуется регулярно каждый год: на засуху или дожди, на ураганы или наводнения. Как будто от всего этого не страдает точно так же Флорида, расположенная в девяноста милях от Кубы... Но там почему-то все сыты и карточную систему не вводят...

Кампания за сбор десяти миллионов тонн сахара (собрали где-то семь с небольшим) типична для подхода Фиделя Кастро к экономике. Автор его биографии Роберт Квирк это объясняет так. В детстве Фидель с удовольствием играл в солдатики. Он любит называть себя военным человеком, почти всегда ходит в форме, с пистолетом, любит говорить о дисциплине, порядке... Брат Фиделя Рауль, его первый заместитель в Совете министров и ЦК Компартии, часто отвечает ему: «Слушаюсь, товарищ Верховный главнокомандующий!» И это явно ласкает слух Фиделю. Абсолютный профан в экономике, он искренне считает, что достаточно приказать людям трудиться. Но страна – не армия, а объективные экономические законы никаким укреплением дисциплины и порядка не поломаешь. И сколько не называй сбор урожая «битвой за урожай», сути дела эта не меняет.

Однажды, например, Кастро фактически отменил товарно-денежные отношения и даже упразднил министерство финансов. Политэкономию объявили на Кубе устаревшей наукой. Но скоро поняли, что поспешили. Потом, прославляя принцип опоры на

Мачете, руки, тростник – сафра: век XVIII, XIX, XX...

На пике популярности.
Кастро – персонаж мультсериала "Симпсоны".

собственные силы, Кастро объявил, что Куба не будет больше импортировать продовольствие, в частности рис. И вот на Кубе стали ударным порядком выращивать рис. Растёт же он в схожем климате Юго-Восточной Азии! Но вдруг оказалось, что рисовые поля требуют очень большого количества воды, а её на острове достаточно только в период дождей. Так и не накормил команданте страну, зато производство кофе и табака сократилось.

Не накормив Кубу, Фидель решил её напоить – молоком. Но коровы традиционной для Кубы породы – себу – давали очень мало молока. Чтобы повысить удойность, Кастро занялся (на самом деле – лично занялся) скрещиванием коров себу с голштинской и канадской породой. Был закуплен племенной скот, по всей стране стали в срочном порядке оборудовать животноводческие фермы. Но «импортные» коровы в тропическом климате не выживали и почти все передохли. Просто история с искандеровским Козлотуром... А то вот ещё проект. Куба остро нуждается (в числе прочего) в древесине. И как-то Фидель Кастро предложил послать двадцать тысяч кубинских лесорубов в Сибирь – нарубить там деревьев для Кубы. Заодно и долги Советскому Союзу частично компенсировать. Народ его, между прочим, единодушно поддержал, хотя наверняка кубинцы знали, что климат в Сибири несколько отличается от карибского. К счастью для кубинцев и сибирских лесов, проект этот не удалось осуществить: Советский Союз развалился.

Кубинский общественный транспорт.

Сейчас на Кубе – «особый период». Так официально называется кубинская разруха. О том, как выглядят будни кубинцев, пишет, например, в своей книге (переведённой сейчас и на русский язык) бежавшая в Соединённые Штаты дочь Фиделя Кастро Алина Фернандес, которой жилось, между прочим, всё же получше, чем рядовым жителям острова. Алина рассказывает, как тяжело приходилось жившим вместе четырём женщинам, у которых не было родственников за границей. На карточки они получали две банки сгущённого молока в месяц, пакет сахара, два куска мыла и пачку стирального порошка. Да ещё каждой было положено два метра ткани и две катушки ниток в год.

Ткань – как правило, дешёвая джутовая, которая особенно быстро «горит» на детях. Многие из них выглядели просто оборванцами. Поэтому одной из первоочередных задач объявили введение новой школьной формы. Когда решали, какой она должна быть, Фидель сказал: прочной и практичной. Поэтому шить её надо из синтетической ткани. Синтетика в жарком и влажном тропическом климате? Кажется полным бредом. Зато синтетика почти не мялась, значит, её можно было не гладить. Следовательно, реже включались электрические утюги, съедающие столько драгоценного электричества. Кроме того, синтетическая ткань достаточно легко стирается даже в холодной воде – значит, народ не так остро ощущает отсутствие горячей.

Но не успели решить проблему со школьной формой, как встала проблема с обувью. Кожаную или даже синтетическую Куба, внешняя задолженность которой составляет одиннадцать миллиардов долларов (это без учёта долговых обязательств перед странами бывшего СССР), покупать не в состоянии. Но «максимо лидер» и тут нашёл выход. Чуть ли не вся Куба ходит сейчас в пластмассовых сандалетах. Такие обычно носят на пляже или надевают для купания, если дно каменистое. Изготавливают кубинцы эти пластмассовые туфли на японских станках, закупленных в 1967 году.

С введением режима жёсткой экономии общественный и личный транспорт фактически прекратил функционировать. Однако людям как-то всё-таки нужно было добираться на работу. Кастро объявил, что наступила «эра велосипедов».

Куба закупила полмиллиона китайских велосипедов, изготовленных, как говорят, по патенту, который китайцы купили у англичан после Второй мировой войны. Эти велосипеды выглядят чудовищными монстрами, опасны для жизни, но, как пишет в своей книге дочь Кастро Алина Фернандес, обнаружили невиданные запасы прочности: целые семьи усаживаются на велосипеды, оснащённые дополнительными сиденьями, кроме того, на велосипедах перевозят абсолютно всё: шкафы, холодильники, стройматериалы...

Тем временем целые кварталы на некогда фешенебельной гаванской набережной Малекон превратились в трущобы. Осыпалась штукатурка, провалами зияют пустые окна... Здесь нет воды, не работает канализация, электричество включают лишь на несколько часов в день...

Тем не менее в этих домах живут люди. Как правило, они приехали в столицу нелегально, у них

Гринга с "гринами"

TV по-кубински

нет прописки. Коренные гаванцы называют их «палестинцами». Вечером они добираются домой по крышам: их отлавливают патрули и отсылают домой, в голодные совхозы. Зарабатывают они на жизнь чем придется. Корреспондент журнала «Шпигель» в одном из своих репортажей описал, как ухитряется прокормить себя и свою семью «палестинец» Хуан. В ванной (которую всё равно нельзя использовать по назначению) он держит поросёнка, жарит из кошачьего мяса и сои котлеты, которые в народе называют «мак-кастро»... Перепродаёт по двойной цене газету «Гранма» – орган ЦК. Не то чтобы кубинцы её с увлечением читали, но туалетную бумагу можно купить в стране только за доллары... Слава Богу, с 93-го года кубинцам разрешили их иметь, а до этого – сажали за незаконные валютные операции. Доллары присылают родным кубинские эмигранты, живущие в основном в Соединённых Штатах, да привозят в страну западные туристы. Из-за туристов Кастро вынужден был несколько ослабить идеологический пресс, и вдруг выяснилось, например, что на Кубе ещё живы великолепные джазовые музыканты. И они помнят старые песни.

Для Фиделя Кастро нет никаких сомнений: жизнь теперь на Кубе куда лучше, чем до революции. А что касается «временных трудностей», то в них виноват американский империализм, развалившй Советский Союз и объявивший блокаду Кубе. Правда, Куба ещё в 1983 году, задолго до начала перестройки, признала свою финансовую несостоятельность, объявив о том, что не может платить проценты по кредитам. Но об этом команданте сегодня не вспоминает. Он продолжает твердить о сильном государстве – гаранте справедливости и порядка, проклинает анархию экономического «неолиберализма», по каждому поводу и без повода заявляет: «Мы пойдём собственным путём, мы не будем никого копировать».

Однако терпение кубинцев иссякает. Летом 94-го года в Гаване произошли серьёзные беспорядки. 5 августа на улицы столицы вышли недовольные демонстранты. Женщины начали бить витрины валютных магазинов, многие выкрикивали антиправительственные лозунги. Власти вывели на улицы переодетых спецназовцев и дружинников. Демонстрантов начали избивать. Нападавшие были вооружены палками и железными прутьями. В ответ полетели камни...

Демонстрацию разогнали. Партийные пропагандисты удовлетворённо констатировали: «Попытка разыграть сценарий бархатной революции не прошла».

Но Кастро понял, что необходимо выпустить пар. Он разрешил легальную эмиграцию из страны. Соединённые Штаты ввели квоту на выдачу въездных виз: 20 тысяч в год. Однако желающих оказалось намного больше, и квота позже была расширена. Осенью 94-го года команданте подписал декреты о создании рынков для продажи частной сельскохозяйственной продукции и промтоваров, на которых можно было торговать по свободным ценам. Эти рынки, так же, как и мелкая индивидуальная трудовая деятельность, на Кубе то разрешались, то запрещались. Кубинские власти разрешили открыть также частные ресторанчики – «паладарес». Впрочем, работать в них позволялось лишь членам одной семьи, а количество столиков почему-то было ограничено лишь тремя.

В любом случае всё это мало что изменило. Это лишь капля в море. Правда, на Кубе официально зарегистрировано несколько сот иностранных фирм и совместных предприятий, но по-настоящему крупных среди них практически нет. Соединённые Штаты – в ответ на освобождение Фиделем Кастро полутора тысяч политзаключённых – пошли два года назад на некоторое смягчение санкций против Кубы, но не на их отмену. С другой стороны, и Кастро пока серьёзно не внял призыву побывавшего на Кубе в январе 98-го года главы католической церкви Иоанна-Павла Второго: «Куба должна открыться миру, а мир должен открыться Кубе».

Кастро по-прежнему любит вставлять в свою речь лозунги типа «Родина или смерть!». Но, правда, «Социализм или смерть!» в последнее время произносит реже. Зато всё чаще повторяет: «Работа – наш главный долг», «Мы должны опираться на собственные силы», «Сильное государство – гарант демократии» и «Время работает на нас!».

Немало кубинцев, слыша это, шепотом добавляют: «На нас!» – имея в виду солидный возраст Кастро (ему – 76 лет). Настоящего преемника у вождя кубинской революции нет. Брат Рауль – явно не лидер, да и возраст уже не тот. Сыновей «максимо лидер» то продвигал, то снимал их с постов за неспособность...

На судебном процессе после неудачного нападения на казармы Монкада молодой Кастро сказал в своём заключительном слове: «История меня оправдает!» Похоже, что он ошибся.

«Немецкая волна»

Бетти КОРТИНА,
Роси АЙЕС

КОМАНДАНТСКИЕ ДОЧКИ

У Алины Фернандес и Алейды Гевары общее прошлое: обе росли в привилегированном районе Гаваны Нузво Ведадо, обе воспитывались в духе коммунистических идей. Алине исполнилось два года, когда ее отец Фидель захватил власть в стране. Алейде было шесть лет, когда ее отца убили в Боливии. Алина, которой сейчас 41 год, хорошо помнит таинственные ночные появления Фиделя в их доме; 36-летняя Алейда, наоборот, с трудом вспоминает те мгновения, которые она провела с отцом. Алейда, как и Че, изучала медицину и сейчас живет в Мирамаре, столичном квартале дипломатов и государственных служащих. Алина, бывшая манекенщица и автор книги «Алина: воспоминания мятежной дочери Фиделя Кастро», живет в однокомнатной квартире нью-йоркского латинского квартала Куинз. Но расстояние — не единственное, что разделяет их. Непоколебимая, хранящая верность революционным принципам Алейда не покидает родину, которая печется о ней отчасти благодаря ее знаменитой фамилии. Алина же, разуверившись и в отце, и в баснях о компае, три года назад тайно выехала из страны. Недавно обе дали интервью журналу «Пипл эн эспаньол». Беседа с Алейдой прошла в Международном пресс-центре Гаваны после процедуры строжайшей проверки и одобрения со стороны кубинского правительства. Встреча с Алиной была более непринужденной — в одном из ресторанов Манхэттена за рюмкой красного вина.

— Для многих ваш отец — легенда. А для вас?

Алейда: «Для меня он, как и для любого кубинца, не легенда. Он — личность, достойная уважения, очень специфичная, цельная, его трудно сравнить с кем-либо. Но он живой человек, и именно это сближает его с нами».

Алина: «Вообще-то, легенды о какой-либо личности создают люди. А Фидель Кастро сам сложил свою собственную легенду — с позиций абсолютной власти».

— Вы рассказываете своим дочерям об их дедушке?

Алейда: «Мои девочки очень хотели бы посидеть у дедушки на коленях, послушать сказки. Я объясняю им, почему это невозможно, рассказываю о нем то, что рассказывали мне. Говорю, что, хотя дедушка и не с нами, они могут любить его. И я добилась того, что они его любят».

Алина Фернандес

Алина: «Это может показаться странным, но Фидель никогда не был темой разговоров в нашей семье. Моя дочь совершенно не проявляет любопытства по этому поводу».

— Есть люди, для которых Фидель и Че — не герои, а плебеи с обагренными кровью руками. Что вы думаете об этом?

Алейда Гевара

Алейда: «Меня это беспокоит. Действительно, очень беспокоит. Эти люди не знают их по-настоящему».

Алина: «Мертвые ответят за нас. Те, кто вместе с детьми находился на тонущих кораблях. И все те, кто, пытаясь спастись, был съеден акулами. И миллион кубинцев, живущих сейчас в изгнании».

— Сравните сегодняшнюю Кубу с Кубой до революции 1959 года.

Алейда: «Никакого сравнения. Сейчас на Кубе нет бедных. До победы революции, кроме малочисленной кучки богачей, все жили в крайней нищете».

Алина: «Куба разрушена морально и материально. Сегодня народ ничего не имеет. В 1959 году Куба занимала второе место среди стран Латинской Америки. Сейчас даже не существует статистики о доходах на душу населения».

— Что вы думаете об эмбарго, введенном Соединенными Штатами в отношении Кубы?

Алейда: «Ничего другого от них нельзя было ожидать...»

Алина: «Люди думают, что эмбарго действует. Это не так. Кубинская эмиграция всячески поддерживает свой народ. И если вы посетите Кубу в качестве туриста, вы будете иметь все».

— Как вы думаете, что произойдет, когда Фиделя Кастро не станет?

Алейда: «Разумеется, мы будем следовать его идеям, продолжим его дело, иначе все это ничего не стоит».

Алина: «Революция давно умерла. То, что мы имеем сейчас, мумия революции».

Комментарий по поводу отцовских завещаний.

Алейда: «Я думаю, в нашей стране уже много людей, похожих на моего отца, честных, порядочных, мужественных, потому что мы воспитываем наших детей и молодежь именно на его примере».

Алина: «До сих пор как отец он мне ничего не оставил. Он в жизни ничего никогда мне не дал, поэтому не думаю, что он оставит мне что-либо, когда умрет. А народ получит в наследство очень интересную задачу: вновь научиться любить друг друга и реконструировать страну».

Перевод с испанского: Ольга Чупрова
«Совершенно секретно», 1998 г., №2

Эми МАРТИН

КУБИНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ И КРИЗИС

Каридад прогуливается вдоль Малекона (знаменитая гаванская набережная) в оранжевых туфлях на высоких каблуках. Ее субтильную фигуру обтягивает платье из спандекса цвета «электрик». Кулачок упирается в призывно выставленное бедро. Каридад внимательно наблюдает за проезжающими авто, игнорируя 40-летние «Форды», «Чеви», «Доджи», ползущие на закат и переполненные едущими с работы людьми. Ее интересуют более новые машины, те, которые везут туристов.

Каридад берет с клиента 20-30 $ – это больше, чем средняя зарплата на Кубе за четыре месяца. С момента распада СССР потребность в американских долларах сильно выросла, а вот способов заработать валюту очень немного. Неудивительно, что на Кубе процветает секс-бизнес. «Теперь на панель идут дети, – говорит Каридад, – девчонки 11, 12, 13 лет». Дочке Каридад – восемь, ей самой – 33. Почти все ее клиенты – иностранцы. «Иногда приличные, но чаще всего – свиньи».

Каридад очень «содержательно» характеризует Фиделя Кастро: «Этот сукин сын должен быть в тюрьме, он причина наших бед».

Я спрашиваю об американском эмбарго. Она смеется: «Эмбарго – единственная вещь, сохраняющая ему жизнь».

Проституция быстро распространяется по Кубе с тех самых пор, как правительство открыло дверь иностранным инвесторам и туристам в начале 90-х. Это рассматривается как путь спасения экономики после распада СССР и утраты льготных торговых соглашений.

В Гаване очень часто встречаются молодые женщины, идущие под руку с иностранцами, чей возраст раза в два превышает их собственный. Пляжи превратились в бордели. WEB-сайты рекламируют достоинства кубинских проституток: молодые, красивые, дешевые.

Гавана. Ночная красавица

Эми Мартин (Amy Martin) – журналистка-фрилансер из Чикаго, специализирующаяся на проблемах Латинской Америки.

Фото Alex Olivera

Полиция задерживает проститутку у отеля "Inglaterra" в центре Гаваны

Каридад несколько раз попадала в тюрьму. «Я не понимаю, за что меня забирают, – жалуется она – Это мое тело. Что хочу с ним, то и делаю».

Уверенность в том, что кубинские девушки и женщины не страдают венерическими заболеваниями – тоже один из плюсов для иностранцев. Этот миф основан на обязательном для кубинцев тестировании на венерические заболевания и лечении в случае их выявления. «Санатории» находятся за колючей проволокой и охраняются, а больные должны доказать, что будут более «разборчивы» в связях, если их выпустят. Впрочем, на первых порах их все равно контролируют, и «право на свободу» они получат гораздо позже.

Именно за счет ущемления прав человека Куба достигла более низких показателей смертности от СПИДа, чем в любой другой стране полушария. Но согласно Марку Войсику, профессору права в Чикагском юридическом университете Джона Маршалла и эксперту по СПИДу, политика изоляции навела многих кубинцев и иностранных гостей на мысль, что они и их сексуальные партнеры могут не защищать себя от СПИДа. «Эта политика имела неприятные последствия, – говорит Войсик. – Люди думают, что защищены, и не используют презервативы».

Поскольку Куба открыла границы для туристов, такая беспечность становится все более опасной, особенно для тех, кто занимается секс-бизнесом. Войсик не знает никаких специальных тестирований или программ предотвращения СПИДа для проституток.

Горечь Каридад разделяют сегодня многие кубинцы по отношению к кубинской революции. Мы привыкли слышать голоса против Кастро от правых – таких, как Джесси Хелмс или таких активистов антикастровского движения, как Хорхе Мас Каноса, но не от таких женщин, как Каридад. Все изменилось на Кубе. Консерваторы и коммунисты – те же самые люди. Революция превратилась в учреждение. Социализм выставлен на продажу, но иметь собственный бизнес – по-прежнему – акт непослушания.

«Все трудно здесь»

У Сони не хватает сил ни на какой протест. Все они уходят на поиски пропитания.

«Здесь все трудно». Она повторяет эту фразу, как мантру, пытаясь объяснить запутанную и неэффективную экономику Кубы. Соне 51 год, она в разводе уже много лет, безработная. Живет в маленькой темной квартире в Сентро Абана, одном из наиболее бедных районов города.

"Соседка, мыльцем не выручишь?"

То, что ее дом еще не развалился, можно объяснить только чудом. Под раковиной стоит ковшик на случай, если закапает вода. Готовит Соня только в одном из трех имеющихся горшков, чтобы экономить масло для жарки. Если горшки менять, масла придется лить больше. Почти ничего не выбрасывается. Картофель съедается, даже если мягкий; старые бутылки из-под шампуня становятся емкостями для хранения муки и сахара.

В потрепанной продуктовой карточке Сони – рис, бобы, хлеб, растительное масло и несколько других продуктов. «Предполагается, что этого хватит на месяц, – говорит она, – но хватает максимум на две недели». Мыло, яйца, кофе, моющие средства и зубная паста составляют дефицит, не появляющийся в пунктах отоваривания в течение многих месяцев.

Овощи, мясо и многие другие продукты вообще недоступны через карточную систему. Чтобы их получить, нужно идти на рынок, где очень высокие цены. Или в валютные магазины – но этот вариант не для нее. «Я не имею родственников за границей, присылающих доллары, так что должна справляться сама», – говорит Соня.

В течение десятилетий экономика Кубы субсидировалась Восточной Европой и СССР, которые покупали кубинские товары, в основном сахар, по ценам выше рыночных. В 1989 г. импорт из СССР составлял 5,5 млрд. долларов. К 1991 г. он уменьшился до 1 млрд.

Кубинское правительство отказалось назвать цифры, но эксперты полагают, что за период с 1989 до 1993 года валовой национальный продукт острова сократился на 40-50 %. Кубинский экспорт в 1993 году составил только 80% от экспорта 1989 г. Импорт сократился примерно на столько же.

В начале 90-х в отчаянной попытке ввести твердую валюту в разрушенную экономику Кастро был вынужден разрешить иностранные инвестиции. Однако туристический бизнес основывался на долларе, а кубинцы юридически не имели права пользоваться валютой. Естественно, появились две параллельные экономики: одна – для кубинцев, в песо, другая – для туристов, в долларах. Эта система резервировала товары высокого качества для иностранцев, кубинцы же оказались второразрядными гражданами в собственной стране. Так как государству с трудом удавалось обеспечить даже основные потребности населения, негодование росло, а подпольная экономика процветала. Наконец в 1993 году было легализовано хождение доллара на Кубе.

Это не положило конец существованию двух экономик, однако сделало их взаимозависимыми. Кубинцы разделились на два класса: имеющих и не имеющих доллары. Те, кто имел возможность получать незаконные денежные переводы от родственников во Флориде, оказались состоятельными людьми, в то время как преданные революционеры получали бесполезные песо. Кризис нарастал. Летом 1994 г., когда после демонстраций протеста правительство было вынуждено отменить ограничения на выезд, более 20 тысяч граждан кинулись к лодкам и плотам, чтобы покинуть страну.

Официальный курс обмена – 23 песо за доллар. Эстела – врач, она зарабатывает 300 песо в месяц, что считается хорошим заработком. Это – 13 долларов. Если она купит в государственном магазине костюм для работы, то потратит всю зарплату или более. Пара трусов – около 10 % ее зарплаты. Один карандаш – 3 %. Это эквивалентно 125 долларам для американца, зарабатывающего 50 тысяч долларов в год. И при этом Эстела материально обеспечена лучше, чем большинство кубинцев, ее зарплата в два раза превышает среднюю по стране.

Экономический кризис, для которого правительство придумало эвфемизм «особый период», разрушителен не только на индивидуальном, но и общенациональном уровне. Многие американцы с завистью взирали на универсальное, высококачестванное, бес-

Продуктовая книжка на семью из 4-х человек.
За год: цыпленок – 3 раза, рыба – отсутствует, по 2 яйца в неделю на человека

Говорят, что кубинки всегда веселы...

Революция решила жилищный вопрос.

платное медицинское обслуживание на Кубе. Печально, что и оно быстро деградирует. Выделяется недостаточное количество лекарств и медикаментов. Кубинцы вынуждены использовать «блат» и взятки, чтобы получить качественное медицинское обслуживание. Для многих это напоминает времена Батисты, когда только богатые имели возможность лечиться.

Несомненно, что американское эмбарго частично виновато в этой ситуации, особенно в отсутствии лекарств. Куба находится всего в 90 милях от самой богатой страны мира и не имеет никакой помощи. Естественные торговые партнеры Кубы в Карибском бассейне, Центральной и Южной Америке не смеют перечить США и тоже не поддерживают торговлю.

Система здравоохранения не только рушится изнутри, но и испытывает дополнительные перегрузки от нарушения общенациональной инфраструктуры. Например, вспышки желудочно-кишечных инфекционных заболеваний были вызваны нарушениями в обработке питьевой воды из-за перебоев в электроэнергии. «Я бы ни за что не пошла сегодня в больницу, – говорит одна женщина. – Они не могут даже инструменты обработать как следует. Выйдешь из больницы, имея больше заболеваний, чем до лечения».

Экономический кризис угрожает подорвать и национальную систему образования. За прошедшие годы университеты Кубы выпустили большое количество высококачественных профессионалов. Кубинские женщины после революции получили возможность учиться и стали докторами, профессорами, инженерами и учеными в беспрецедентных количествах.

Но для них нет рабочих мест сегодня. В новых условиях востребованы только работники сферы обслуживания и уличные лоточники. Инженеры водят такси, преподаватели чистят гостиничные туалеты. Многие молодые женщины стремятся получить место гида, администратора или официантки: на этих работах можно рассчитывать на чаевые. В такой ситуации людям невыгодно получать образование. Зачем учиться несколько лет на врача, если потом придется работать в плохих условиях за маленькую зарплату?

Кубинское правительство делает ставку на туризм, но дома в Гаване не на что ремонтировать и реставрировать. Архитекторы всего мира встревожены плачевным состоянием многих исторических и культурных памятников. Однако беспокойство вызывает и другой аспект этой проблемы, уже не эстетический. Например, доктор Эстела в разводе несколько лет, но вынуждена жить с мужем, потому что ни она, ни он не имеют другого жилья. Эта ситуация становится все более и более обычной.

Нехватка жилья усилена в последние годы притоком иммигрантов из провинций. В течение 30 лет революции правительству удавалось предотвращать возникновение трущоб вокруг городов. Но теперь деньги туристов выманивают людей из сельской местности. В Гаване теснота уже ощущается, и все большее число людей не могут найти работу. «Все проститутки – из сельских районов, – жалуется одна женщина, – они продают себя за доллар или стаканчик мороженого».

Похоже, кубинское правительство не может ясно сформулировать свою экономическую политику на будущее и руководствуется скорее не принципами социализма, а принципами выживания. Действительно, трудно себе представить, как Куба смогла бы остаться социалистическим государством без помощи СССР.

Кроме того, совершенно не обязательно, что кубинцы и особенно кубинские женщины выиграют от отмены эмбарго. Опыт многих стран Карибского бассейна показывает, что ориентированная на туристический бизнес экономика создает рай только для туристов. В то время как в центре Гаваны строятся новые отели, не выделяется никаких средств для строительства или ремонта домов самих кубинцев. Увеличение количества иностранцев непосредственно связано и с ростом проституции. Секс-бизнес стал одним из главных соблазнов для посещающих Кубу туристов. Кубинские девочки и женщины – фундамент новой кубинской экономики.

Фиделистки или фемиӣистки?

Проституция и американский секс-туризм были большой проблемой и в 50-х, при режиме Батисты. Но когда в 1959 г. к власти пришел Кастро, Федерация кубинских женщин (FMC) изменила ситуацию, основав реабилитационные центры, обеспечив работу и обучение для женщин. На сегодняшний день страна сделала как бы полный круг, хотя Рита Перейра, член правления Федерации кубинских женщин, считает, что ситуации в корне различны. Сидя в удобном офисе штаба FMC, одном из немногих хорошо сохранившихся зданий Гаваны, Перейра утверждает, что в отличие от 50-х проститутки 90-х занимаются своим

"Как мать, – говорю, – и как женщина..." (А. Галич)

"С волосами из черного шелка, с улыбкой на детских губах..." (Н. Гильен)

ремеслом не для того, чтобы выжить, а для того, чтобы просто жить лучше, пока в стране экономический кризис. При этом основные вопросы остаются без ответа: каковы корни этого кризиса и что нужно сделать для его устранения? Для чиновников, таких как Перейра, ответ прост: причина кризиса – эмбарго. Анализ на этом и заканчивается. Федерация скорее следует линии партии, чем защищает интересы женщин.

Однако в последнее время FMS меняет привычную мелодию, пытаясь изменить мнение о себе как об «оплоте сторонников сохранения режима». Перейра говорит о планах Федерации по изучению насилия против женщин. (Супружеское злоупотребление растет в течение всего экономического спада). Но только изучения маловато, чтобы вернуть доверие. Например, Марианна, 40-летняя образованная женщина, считает, что Федерация «управляется группой потерявших совесть преступников». Такое мнение было бы невозможным в первые годы революции. FMC играла значительную роль в кампании грамотности 1961 года, которая помогла занять женщинам места в правительстве и на производстве, она сформировала прогрессивный Семейный кодекс в 1975 г. Но несмотря на эти достижения, Федерация всегда проводила правительственную политику и была единственной дозволенной женской организацией на Кубе. В заключение можно сказать, что лидеры FMS – в первую очередь фиделистки, и только после этого феминистки, если вообще таковыми являются.

Установка на единство мнений с партией, возможно, самое большое препятствие для разрешения проблем на Кубе. Любая критическая мысль или вопрос просто не допускается к публичному обсуждению. Хотя революция и предоставила женщинам выбор пути, пройти этот путь можно тем же традиционным, патриархальным способом. Аргументы за трудовое законодательство, дружественное женщине, сформулированы в терминах защиты национального детопроизводства. Женщинам позволили присоединиться к «производительным силам» вне дома и... проигнорировали миллионы часов работы по дому, уходу за ребенком и общую ответственность за семью, которую по-прежнему несут женщины. Получается, что правительство одновременно предоставило женщинам более полное гражданство и нарушило права человека.

Маловероятно, что такое двойственное отношение просто недоразумение.

Сначала партийные лидеры признали права женщин: нужна была дополнительная рабочая сила, чтобы строить социалистическое государство. Но они также и боялись этой новой силы, ведь феминизм тоже революционен по сути. Решение? Дайте женщинам некоторые свободы (здравоохранение, репродуктивная свобода, образование), но удостоверьтесь, что единственная волнующая их революция – это революция во главе с Фиделем

Фасад свободы

Кубинские женщины больше говорят об общих проблемах на Кубе, чем о своих собственных, женских. «Мы несвободны», – говорит Беатрис. В ее маленьком домике в деревне, готовя скромный обед из риса и бобов для себя, мужа и шурина, она перечисляет те свободы, которых они лишены. Она и ее муж не имеют своей земли, они работают каждый день, выращивая то, что требует от них правительство. Они отчаянно нуждаются в долларах, но не могут продавать плоды своего труда, если не попросят специально и не заплатят налог, который слишком велик для них. Беатрис хотела бы путешествовать, но не сможет покинуть Кубу без приглашения от иностранцев, и даже если приглашение и билет на самолет у нее будут, она сомневается, что ей разрешат уехать. Нужно быть осторожной с соседями: кто-то может сообщить полиции, что она критикует правительство, и тогда это грозит тюрьмой. Беатрис предупредила свою девятилетнюю дочь, чтобы она не повторяла в школе те взрослые разговоры в доме, которые могут быть расценены как критика.

Кубинцы регулярно выбирают представителей в правительственные собрания, но многие полагают, что это фарс. «Местные члены партии приходят и стучат в вашу дверь, – говорит Джанет, 44-летняя

На первомайской демонстрации

"Si, senior!"

учительница, – они не оставят вас в покое, пока вы не проголосуете».

На выборах 1998 года граждане голосовали непосредственно за членов Национального собрания впервые. «Единственная проблема, – объясняет Джанет, – была в том, что имелось столько же кандидатов, сколько и мест». «Никто не мог проиграть, – говорит она с сардонической улыбкой. – Они все были подобраны сверку». Оскорбительность выборов подчеркивалась новым ярким глянцевым плакатом: «Выборы 1998 – огромная победа народа!».

Глубокий народный цинизм относительно происходящего никогда не обсуждался в средствах массовой информации из-за тотального и безжалостного правительственного контроля. Международная Амнистия зафиксировала преследования журналистов на Кубе. Некоторые из них находятся в заключении или в ссылке, многие подверглись физическому насилию. В середине 90-х несколько женщин сформировали организацию «Magin» (образ и интеллект). FMC, не признающая никакой организации, кроме собственной, по сообщению феминисток «Magin», предписала разогнать их группу из 170 человек.

Обещаиия прошлого

Действительность кажется еще беспросветней в свете того, что могла бы дать революция, да и давала на первых порах. Имелись веские причины, чтобы верить в нее. Система здравоохранения, например, радикально улучшила жизнь кубинских женщин. Смит и Падула пишут, что «новая система здравоохранения была наиболее успешным нововведением кубинской революции» не только потому, что женщины и их семьи получали качественное медицинское обслуживание, но также потому, что «в значительной степени медицина была укомплектована женщинами – врачами, медсестрами, учеными, юристами, волонтерами». Женщины пользовались также и преимуществами бесплатного образования. Уровень грамотности на Кубе – самый высокий в Латинской Америке, младенческая смертность – самая низкая, хотя экономический кризис уже ухудшил эти достижения. Был достигнут высокий уровень в обеспечении дородового и послеродового медицинского обслуживания. Одновременно были доступны безопасные и недорогие аборты (около 40 % беременностей начиная с 1970 г.). Повысилась грамотность по вопросам пола. Матерям-одиночкам помогают содержать семью. Революция преодолела давние социальные предрассудки. «Я не считаю больше, что обязательно должна иметь мужа, – говорит одна женщина, – фактически мне одной материально жить легче». Расизм по отношению к секс-меньшинствам все еще существует, но имеет уже не прежние узаконенные и санкционированные правительством формы, как до революции. Устранены законы, преследующие за гомосексуализм, хотя в традиционно гетеросексуальном обществе гомофобия – большая проблема.

Но сегодня кубинские женщины чувствуют усталость от пройденного пути, хотя это непросто понять не-кубинцам. Женщины всех слоев общества говорят одно и то же: «Я верила в революцию, работала для нее, жертвовала всем. И для чего? Чтобы быть в рабстве у доллара? Чистить ботинки иностранных бизнесменов? Благодарить их за 20 долларов, которые они швыряют нам за использование нашего тела для развлечений?»

Во многих странах люди цинично относятся к своим политическим деятелям, злятся на них или презирают, но они хотя бы не ожидают от них слишком много с самого начала. Народ Кубы верил в Фиделя. Быть обманутым им – значит быть обманутым отцом, возлюбленным, богом.

Кубинский кризис – больше, чем просто экономический кризис.

Возможно, родится что-то позитивное из сегодняшней нищеты. Поскольку на острове столкнулись социализм и капитализм, кубинцы смогут создать что-то новое, комбинируя качества того и другого. Но пока ясно одно: женщинам Кубы достается самое плохое и от социализма, и от капитализма, и они не имеют возможности изменить ситуацию.

Лозунг революции «Социализм или смерть» – на вылинявшем плакате рядом с грудой щебня, которая когда-то была домом. Две девочки погибли во сне, когда дом рухнул. Революция отметила свою 40-летнюю годовщину в 1999 г., и становится очевидным, что побеждает не социализм, а второе.

Имена людей, указанных в статье, изменены в целях их безопасности.

1999 г.

Перевод с английского: Ирина Холмогорская

НАШ ЧЕЛОВЕК В ГАВАНЕ

С Ольгой Ереминой, женой военного переводчика, жившей на Кубе с 1979 по 1982 год, беседует Сергей Романов

– ... В 1973 году я поступила на заочное отделение юридического факультета Ленинградского университета. В этом же году я познакомилась со своим будущим мужем. Он в это время учился в Военном институте Министерства обороны на факультете военных переводчиков. В 1977-м мы поженились, и я переехала из Рязани к нему в Москву. Два года мы с ним жили в Москве, учились и 5-й курс закончили одновременно.

И вот в 1979 году – мы уже дипломы получили – он как-то раз приходит домой и говорит: «Предлагают в командировку на три года. Группа "Тростник". На Кубу. Поедем?» Ну, конечно, поедем! Это было так необычно, романтично. Р-раз, и прямо на Кубу! Карибское море, барбудос, «Куба, любовь моя...» Правда, строго-настрого было приказано никому не рассказывать, куда мы едем, зачем...

– Даже отцу с матерью?

– Да, им тоже. Сказали, пока, до отъезда, никому-никому! И еще сказали – начинайте собираться, в смысле, надо собрать и увезти с собой все, что нужно для жизни семьи на три года. Все домашнее хозяйство: кастрюли, утюги, швейные машинки, стиральный порошок... в общем – все.

– И холодильник?

– Нет, это – нет. А вот одежду, обувь – это да. Мы, конечно, были удивлены. В Москве в то время нельзя сказать, чтобы жизнь была очень уж шикарная, но как-то само собой разумелось, что все продается без карточек и никаких жутких очередей за предметами первой необходимости нет. А нам сказали: и мыло, и зубной порошок, и лекарства – берите все! Все, чем хотите обеспечить себя для нормальной жизни, закупайте и везите с собой . И вот я бегала по магазинам и покупала, не соображая, чего сколько нам потребуется на три года вперед.

И вот я бегала, покупала, паковала и при этом никому ни-ни! Все это придавало сборам некий оттенок таинственности. А потом мужу, поскольку мы жили в Москве, было поручено купить билеты на самолет для всей группы.

Нас всех отправляющихся вызывали в политотдел, всех жен, я имею в виду. Беседовали, как мы должны вести себя за рубежом, как высоко нести там звание советского человека... Говорили, что в такие поездки отбирают лучших из лучших, что нам всем оказано такое доверие, такое доверие... и чтобы мы не посрамили... и все такое прочее.

Мужья у нас почти у всех были лейтенантами, а мы, жены, – нечто вроде бесплатного к ним приложения. Кстати, все мужчины ехали в гражданской одежде. Официально они числились специалистами по сахарному тростнику (вот почему группа «Тростник») и направлялись «с целью оказания технической помощи». Это было, конечно, смешно, но тем не менее это было так, и мы числились по этой легенде.

Причем самое интересное, что я до сих пор не знаю, проходили ли по этой легенде мы, жены, как физические лица. Пока летели, везде, по всем документам числился муж. На месте тоже везде официально был муж: и в магазине (там карточная система), и в библиотеке, и в медпункте – везде. Нас как бы и не существовало.

Ходил такой слух, что там, где муж должен был служить, сначала предполагалось сделать все по высшему разряду в бытовом смысле и что офицеры должны были ездить в командировки без семей. Так, во всяком случае, предлагалось принимающей стороной. Но наши подумали-подумали и решили, что с женами – надежнее, хотя, конечно, и лишние хлопоты и расходы.

Вылетели из Шереметьево 19 октября. Лету – часов семнадцать. В Канаде, в Гандере, мы очутились как-то очень быстро. Пробыли всего час, в транзитном зале... Нас никуда не выпускали, но там внутри был магазин. А в нем было все-все – от иголок до автомобилей. И так все красиво! Такие баночки, коробочки, упаковочки, никто из нас, конечно, ничего подобного раньше не видел.

У нас валюты не было, мы так походили скромненько, посмотрели, вроде как экскурсию провели. Ну и, конечно, сделали для себя вывод, что действительно, оказывается, есть такая красивая и обильная жизнь и что мы летим в иной мир...

В Москве было довольно прохладно, а когда вышли из самолета на Кубе, очутились... в бане. Вернее, в предбаннике. Жарко, влажно, дышать нечем. Все стали хватать воздух, как рыбы, и быстренько раздеваться... Плюс еще парадоксы со временем. Прилетели чуть ли не в то же время, когда вылетели из Москвы.

А вокруг – деревья в розовых цветах, пахнет – удушающе. Птицы щебечут со всех сторон. Улетали из осени, а прибыли прямо в лето. Муж пошел, заполнил какие-то декларации за себя и за меня. Тут подъехал «пазик» (да, наш советский маленький автобус), нас посадили и повезли за 30 километров от Гаваны, к месту нашего назначения, в городок, где жили советские военные специалисты.

Куба, пальма, бананы, Ольга.

Это был действительно маленький городок. Одноэтажные бетонные домики, с плоскими крышами, по-испански – «каса», то есть «дом». По периметру он был обнесен металлической сеткой, а кое-где – колючей проволокой. Вокруг простирались банановые плантации, чуть поодаль располагались небольшой городишко и, отдельно, школа-интернат. В нашем городке было несколько коротеньких улочек. Названия у них неофициальные, конечно, данные еще в 60-е годы первыми приехавшими, были такие: Центральная, Школьная, Верхняя и Вонючка.

Когда мы приехали, нас уже ждали соседи с обедом. Такая там сложилась традиция – встречать новеньких обедом. Потом и мы так встречали новых соседей из Союза. Домики были, в большинстве случаев, на две семьи. По комнате на семью, а третья комната-холл – общая. То есть коммунальная система. Был еще душ с тэном для нагревания воды, туалет и холодная вода. Ванны не было. И бани в городке – тоже. Только душ.

Кроме этого, нас сразу предупредили, что вода очень плохая. Трубы старые, ржавые. Всю воду обязательно надо было кипятить. Об этом, впрочем, нам еще в Москве говорили, чтобы все непременно взяли с собой емкости для кипячения воды. И вот все три года мы в большом ведре сначала кипятили воду, а уж потом на ней варили и супы, и чай, и все остальное. Про свою семью ничего не могу сказать, у нас было все в порядке, но знаю людей, которые мучились с почками.

Итак, на две семьи – один холодильник советский и советская же газовая плита без духовки; маленькая. С кухнями в разных домах было по-разному: у кого-то отдельно, а у нас прямо в холле был выгорожен такой закуток для кухонного стола и плиты. Стекол в окнах не было. Только противомоскитные сетки и деревянные жалюзи.

Поэтому ощущение было – будто на улице живешь: все видно, все слышно и домики так тесно-тесно друг к другу стоят. Правда, вокруг много зелени, много деревьев, в частности, прямо напротив нашей «касы», на Вонючке – то речушка местная так называлась, – росла могучая кокосовая пальма. И соседи наши после обеда, когда повели знакомиться с окрестностями, первым делом сбили с нее для нас кокос – первый в моей жизни. У меня было представление, что кокосовое молоко – это нечто действительно белое, как молоко, а оказалось – прозрачная жидкость, сладковато-приторная и, если в теплом виде, просто отвратительная. Очень мне не понравилось это «молоко». Правда, если его охладить, тогда получалось совсем другое дело!

Городок был типично кубинский, но с советским отпечатком. В центре асфальтовая площадка, а посередине росло дерево. Породу не знаю, но по виду похоже на полуоблетевшую лиственницу. Все ее называли елкой. Возле этой «елки» мы справляли Новый год. Здесь же был летний кинотеатр с бетонными скамеечками. Неподалеку – школа и медпункт, а также клуб.

Было еще два магазина, кубинский и русский. В русском продавцами работали наши, чьи-то жены. А в кубинском – местные, четыре человека. Колоритные такие личности. Работали они там испокон веку. Наверное, с тех пор, как только городок появился. Я до сих пор помню, как их звали. Одна была негритянка –

Pase de Visita
Olga Trjemino
4to piso colo F. cama 60
martes jueves y sabados
domingo de 2 a 4
DIG. 23-10-8
REPUBLICA DE CUBA MINISTERIO DE LAS FAR

Свидетельство о пребывании в госпитале.

Кука, другая – посветлее, креолка – Изабелла, и двое мужчин – Иран и Хосе.

Меня ознакомили с порядком покупок. На каждую семью была заведена карточка – торхето. И был свой индивидуальный номер. У нас, например, № 6048. Продавцы нас запоминали по номерам. Утром заходишь, еще дверь не закрыла, а тебе: «Доброе утро, компаньеро!» И уже наша торхето на прилавке лежит. И все, что я покупала, в эту «торхету» записывалось. Так я впервые столкнулась с карточной системой.

Для своего населения все продукты у них были строго лимитированы. Нас это касалось лишь в некоторой степени. На продукты и товары повышенного спроса нам были установлены нормы. Например, в неделю можно было купить 10 пачек сигарет. Я сначала, по простоте душевной, сказала: «Я не курю, и муж у меня не курит. Нам не надо». И вдруг смотрю, Кука с эдаким напором – по-русски! – говорит: «Бери! Бери!» Я отвечаю: «Нет, не надо». А она: «Потом придешь, придешь...» Действительно, оказалось, что сигареты – это местная валюта. За все бытовые услуги, кран починить или еще что, оплата шла только этой «валютой».

Такая же система у них была и с кофе. Кубинцы любят очень крепкий кофе. И в неделю было положено две небольшие пачечки на человека, включая грудных детей.. Граммов 100, а может быть, и меньше. Две целлофановые упаковки черного молотого кофе. Семья из двух человек – значит, четыре пачки. Я сначала думала: «Зачем нам столько кофе? Не люблю я его. Куда его девать?» Оказалось, что это тоже «валюта», которая «ходит» даже между нашими. А у кубинцев – тем более. Они такую пачку чуть ли не за один раз выпивают.

И курят там они все поголовно и непрерывно, с детства. Сигареты у них, на мой взгляд, очень крепкие. Но так принято, такая культура, и потому смолят все, и дети тоже.

Еще лимитированы были рис и фасоль. Это у них основные продукты питания. Можно было купить 1 килограмм риса и 2 килограмма фасоли в месяц. Все это записывалось в карточку, и с этим было строго. Купил свой килограмм и все – больше нельзя. Остальные продукты для нас были более-менее свободно.

А в русском магазине были товары, которые привозили морем из Ленинграда. Примерно раз в месяц приходил корабль. Там стояли банки с нашими знаме-

нитыми камчатскими крабами. Баночка стоила несколько песо. Вот их мы покупали и возили в Союз в качестве такого съедобного сувенира: «Краб камчатский – привет с Кубы!» Стояли банки с черной икрой – большие и маленькие, красную я что-то не помню. Стоял коньяк «Арарат», три звездочки. Это тоже была «валюта». Цены были вполне для нас доступные.

– А наша сине-белая сгущенка?

– Ой, сгущенка! Сгущенки было море. И в нашей упаковке, и в местной. Банка стоила 20 сентаво, то есть 20 копеек. А банка тушенки нашей советской, говяжьей, стоила 40 сентаво. Это все было в избытке. А в нашем магазине еще было соленое сливочное масло. Видимо, не очень надеялись на рефрижераторы и подсаливали.

Да, я забыла сказать, что в городке жили семьи, которые на Кубу попадали не самолетом, а морем. Не 17 часов в воздухе, а 17 суток на кораблях. Их мужчины ходили в форме. Их называли «войсковиками». А мой муж все три года прослужил в гражданском. Правда, когда вернулись, ему сделали перерасчет по вещевому довольствию и столько выдали портянок, кальсон и всего остального, что я просто не знала, куда все это девать...

«Войсковиков» в городке было не очень много. У них был свой городок неподалеку от их части. Она называлась «бригада». Так вот, у них какие-то умники догадались построить пятиэтажные дома. Наши обыкновенные советские панельные пятиэтажки. И они там просто погибали от жары. Особенно на высоких этажах. Такое пекло! У нас же было вполне сносно, вполне прохладно, деревья большие, хорошо прикрывали от солнца. Время от времени начальство грозилось и нас переселить в пятиэтажки, и все очень этого боялись и возмущались.

Деревья цвели почти непрерывно. Не успеет одно отцвести, тут другое распускается. Кто имел склонность к аллергии, тем приходилось тяжело. И чихали люди, и задыхались, и плакали. Климат для нас, русских, там, конечно, тяжелый. Слава богу, что в моей семье никто этим не страдал, и поэтому для нас это было просто красиво. Мы купили кинокамеру и пытались эти красоты запечатлевать. Правда, пленки тогда были не очень качественные, и цветопередача получалась весьма условная.

И так вот наша жизнь и текла, размеренно и однообразно... Время от времени, правда, устраивались экскурсии. Нас вывозили в Гавану. В музей революции, музей капитанов-генералов и еще какой-то музей. Один раз свозили туда, где «Гранма», кубинская «Аврора», высадила повстанцев Фиделя. Это было один раз, потому что от нас это очень далеко. Ехали целый день. Одно хорошо, что на замечательных китайских автобусах. Кстати, на Кубе было много всяких мелких китайских товаров.

– В вашем городке?

– Нет, вообще на острове. Но и к нам в магазин они тоже попадали. Например, всякие игрушки на Новый год. Такие замечательные, красочные! У нас устраивали жеребьевку, чтобы было все по справедливости. Этим занималась специальная лавочная комиссия.

Комиссия занималась не только импортными товарами, она занималась всем. Система была ведь завозная и распределительная. Когда корабль приходил в Гавану, в части брали машину, ехали и привозили то, что было выделено нам. На этом этапе решало какое-то неведомое нам высокое начальство. У нас же собиралась лавочная комиссия, состоявшая в основном из женщин. Они подсчитывали товары. Скажем, поступило ситца – 3 км, другой ткани какой-нибудь – 5 км, халатов столько-то, тапочек столько-то, сумок столько-то и т.д. Все это делилось на количество семей. Нас было примерно (когда больше, когда меньше) 120. Вывешивался список, сколько чего и за сколько можно купить, и начиналось отоваривание.

Так же делились и всякие дефицитные продукты. Например, наше детское питание в баночках, наши соки. Но при этом все знали, что жена командира и начальника политотдела никогда в очередях не стоят, ни в каких списках не числятся, а берут сколько захочется. Это всех возмущало, конечно, и горячо обсуждалось между собой – как так, детей у них нет, а они... Короче говоря, извечный русский вопрос: доколе?

Эта же система распространялась и на жилища, и на бытовые приборы. Например, кондиционеры. При такой жаре они были далеко не у всех. И ясное дело, у кого они были. Когда мы приехали, конечно же нам ничего не выделили. А вентилятор, который мы привезли, буквально через неделю «отбросил лопасти». Было ужасно жарко и душно. И вот мой муж, ярко выраженный гуманитарий, начал мастерить. Вырезал из картона такие огромные лопасти, раздобыл на работе моторчик, соединил все это проволочками и, как ни странно, эта собранная «на коленке» штука заработала и очень долго охлаждала нашу комнату. Правда, потом, когда у нас родился ребенок и мы переселились в другую «касу», там в холле был мощный китайский вентилятор. Мы им обдувались по очереди с соседями.

– Чем вы расплачивались в магазине?

– Везде – кубинскими песо. Наши мужья получали зарплату в песо. Но в то же время часть зарплаты пересчитывали в чеки Внешпосылторга. Вот почему рекомендовали все везти с собой. Чтобы не тратиться на бытовые покупки и как можно больше накопить этих чеков. Потому что это был реальный стимул для привлечения людей. Но в то же время, как у Высоцкого поется: «С голодухи не помри...». И поэтому был установлен обязательный минимум. Семья из двух человек, например, не могла – не имела права! – в месяц потратить на жизнь меньше 110 песо. Больше – пожалуйста, хоть всю зарплату, а меньше – нельзя. За этим следили очень строго. Нам рассказывали, что были случаи, когда мужья падали в обмороки, потому что жены деньги экономили. Может быть, это вымыслы начальства, а может быть, и правда что-то было, но минимум существовал, и за этим следили.

– Военным ведь положен паек?

– Этого у нас не было. Нам, наверное, давали какую-то компенсацию деньгами. Но я в этих делах мало понимаю, знаю точно только, что на жен был положен определенный процент доплаты. И все это входило в зарплату. А паек, я знаю, выдавали «войсковикам», тем, что в форме ходили. И мы с ними устраивали обмен.

У кубинцев, например, совершенно нет манки, макарон, ну и много чего еще нету. А как без манки, если дети в семье? И вот мы покупали у себя в магазине, как у нас говорили, «на карту» что-либо из

Заветный чек "Посылторга"

промышленных товаров и устраивали обмен на манку, макароны, гречку. Каждая семья стремилась установить такую постоянную связь на почве взаимовыгодного обмена товарами и продуктами. Это было существенным моментом жизни.

Иногда очень хотелось наших привычных фруктов и ягод: яблок, груш, клубники, малины... На Кубе этого, увы, не было. С тропическими фруктами, конечно, без проблем! Пожалуйста, бананы, апельсины, манго. Помню, однажды, а это уже было на втором году, манго меня ввели в заблуждение. Захожу утром в магазин, а там огромная гора круглых, красных плодов. У меня сердце екнуло: «Яблоки! Завезли!» Бросилась к ним, а это – манго... Правда, огромные, красивые, роскошные... Когда сейчас в Рязани я вижу в магазинах манго, это, конечно, подобие настоящих... А там была масса сортов! Не меньше было и ананасов. Всегда были в продаже огромные грейпфруты с такой красноватой мякотью. Нас научили, как их правильно есть. Надо очистить от кожуры, нарезать дольками, посыпать сахарным песком и поставить в морозилку. Получается – восхитительно! Но все равно хотелось яблочка...

Кстати, яблоки на Кубу привозили. Кто из наших бывал в консульстве в Касебланке и в посольстве в Гаване, рассказывали, что там у них яблоки и клубника были. Но до нас это не доходило...

А еще очень вкусное на Кубе было мороженое. И дешевое. И очень большой выбор сортов. Сливочные пломбиры с различными наполнителями. И с клубникой, и с ананасом, и с бананом, и с орешками, и с сиропом, и без сиропа, и с вафлями, и кофейное. У нас такого выбора не было тогда. И такой родной вкус! Не исключено, что его делали по нашим технологиям. Когда я лежала в госпитале, там обязательно на десерт давали мороженое. Причем какую емкость дашь, столько и наполнят. Хорошо у них была налажена и развозная торговля мороженым на таких ярко раскрашенных машинах с музыкой. И к нам приезжали. Вдруг заиграет музыка – мороженое привезли! Дети бегут, взрослые идут. И в брикетах, и в стаканчиках, и на развес – пожалуйста! В такую жару, как у них, это очень важный продукт питания. Один из основных, можно сказать.

– На мороженое карточная система не распространялась?

– Нет, не распространялась. Но тут вот какая тонкость возникала. Всем, конечно, хотелось лакомиться мороженым как можно больше. Но для этого надо было иметь левые деньги. Чтобы тратить их безотчетно.

Ведь что бы мы ни покупали, нужно было составить отчет.

– Не понял. Какой отчет?

– Каждый месяц каждая семья составляла финансовый отчет для политотдела. Мужья были обязаны сдать отчет о том, сколько и на что потрачено денег за истекший месяц. Поэтому в магазине наши покупки записывались «на торхету», а мы – каждая жена – тоже записывали в свою тетрадочку. Было три статьи: «продукты», «промышленные товары» и «прочие расходы». Когда нас куда-нибудь вывозили, это и были «прочие расходы». И вот на экскурсии все видят, что ты покупаешь много мороженого, а муж к тому же и пивом себя угостил. А в отчете у тебя в этой графе скромно стоит – 10 песо. Тебя, то есть мужа, конечно, сразу вызывают и говорят: «В этом месяце вы взяли на расходы 110 песо. Такого-то числа вы выезжали туда-то, почему неправильно отчитались? Откуда у вас лишние деньги?»

– А 110 песо на наши тогдашние рубли – это сколько?

– Примерно один к одному. Точный курс я не помню. Я не знаю, зачем, но нас так контролировали. В принципе, в 110 песо в месяц мы укладывались, когда нас было двое. Но, разумеется, было много всяких соблазнов, то же мороженое, например. Хотелось все попробовать, купить что-то интересное, впервые увиденное. Ну и, конечно, старались обойти...

Знаете, когда начинаются запреты, всегда наши люди находят пути эти запреты обойти. Например, уговаривали кубинских продавцов не отмечать покупки в торхете. Деньги тратишь, а в карточке – чисто. Помню, в каком я была ужасе, когда это произошло в первый раз. Пришла, покупаю, а она мне ничего не записывает. Я думаю: «Как же так? Как же я буду отчитываться? Я же деньги истратила...» Политотдел ведь в конце каждого месяца сверял сумму, которую я указывала в отчете, с той, что была в магазинной карточке. А тут и денег уже нет, и в карточке ничего не написано.

И все вокруг так делают, и все довольные ходят. И никто ничего мне об этом не говорит и не объясняет. А что тут объяснять – скоро и так все стало ясно. Оказалось, что в городке процветает мелкое предпринимательство, незаконное, разумеется. Хоть мы и были отгорожены от внешнего мира сеткой и колючкой, но никаких охранных постов не было и кубинцы к нам довольно свободно приходили, чтобы покупать у наших продукты по повышенной цене.

Как юрист могу сказать, что состав мелкой спекуляции был налицо. Конечно, некрасиво, но жизнь не остановишь... Смотришь, сегодня к одной соседке кубинец с сумкой пришел, завтра – к другой. Пришли пустые, обратно – еле несут. А на следующий день они в магазине все подряд покупают. В общем, левые деньги у всех были. У кого больше, у кого меньше. И все старались потратить их на свои удовольствия – на мороженое – без отчета. Ведь конечно же очень неприятно и унизительно было каждый месяц составлять отчет – куда ты потратил свои деньги...

– Получается, в повседневной жизни политотдел играл чуть ли на главную роль?

– Да, он во все вмешивался. Кроме отчетов и устройства досуга, в политотделе разбирались все ссоры и конфликты. Хоть нам и говорили, что отбор на Кубу был самый строгий, что отобраны лучшие из

лучших, а из них – самые достойнейшие, но люди есть люди. Обязательно что-нибудь да случалось: то алкогольные дела, то кто-то кого-то приревновал, то из-за детей вспыхнула ссора. Все это разбиралось и улаживалось в политотделе.

Понятно, что не службой или кухней единой жив человек. Досуг тоже нужно проводить с пользой.

Я уже говорила, куда и как нас вывозили на экскурсии. Но экскурсии все три года были в одни и те же места. Так что, раз-другой съездишь, и падает интерес. Тем более, что не разрешалось отделяться и самостоятельно что-то осматривать. Время от времени поездки вообще отменялись. Объясняли это то осложнением международной обстановки, то тем, что бензина нет, то еще чем-нибудь... А еще, если кто-нибудь в чем-нибудь провинился, тоже могли вычеркнуть из списков. Лишить, так сказать, «увольнения на берег».

А Гавана – очень красивый город. Особенно старая часть: набережная, колониальная архитектура, крепость, древний маяк... И кубинцы – люди красивые и веселые по природе. Как они нам объясняли, на Кубе проблем нет, только одна осталась – мировой империализм. И вот они поют и танцуют, и очень все веселые. И телевизор как ни включишь – танцы, танцы, танцы. Самбы, румбы, хабанеры и прочие зажигательности. А еще – бейсбол, бейсбол, бейсбол. Чего-то бегают, чего-то отбивают... Я так и не поняла правил.

Книг на русском языке на Кубе было много. Помню, когда нас в первый раз привезли в Гавану на экскурсию, мы зашли в книжный магазин «Глобус», а там такие великолепные издания свободно лежат! Мы просто обомлели. Была и выездная торговля книгами. В определенные дни в часть приезжал магазинчик. И мужья в ленинской комнате тянули номерки, чтобы всем досталось, чтобы никому не было обидно. Так что книги чаще приобретали мужья. Однако были у нас и такие смелые, рисковые женщины, которые в одиночку ездили в Гавану за книгами. Это было запрещено, но они выбирались из городка, садились на местный автобус, ехали и покупали книги. И у нас – среди женщин – была такая своеобразная торговля книгами, полулегальная. Но не могу сказать, чтобы с наценкой и прибылью. Просто что-то лишнее, что-то не понравилось, и вот шло такое перераспределение через куплю-продажу.

А у нас получилось, что книги, купленные на Кубе, стали нашим главным семейным богатством. Когда мы ехали назад, у нас было два богатства: двое детей, которые там родились, и книги, книги, книги. Эти «кубинские» книги и по сей день составляют главную часть нашей семейной библиотеки.

– Значит, вам запрещали ездить в Гавану?

– Как только приехали, так всех прибывших собрали и сказали, что выезд из городка самостоятельно и, тем более, в одиночку категорически запрещен. И если кого уличат в подобном нарушении, тот в 24 часа будет отправлен назад. Нас вообще постоянно, так сказать, профилактически, предупреждали: «Если что – 24 часа и...» Это была центральная формула житья-бытья.

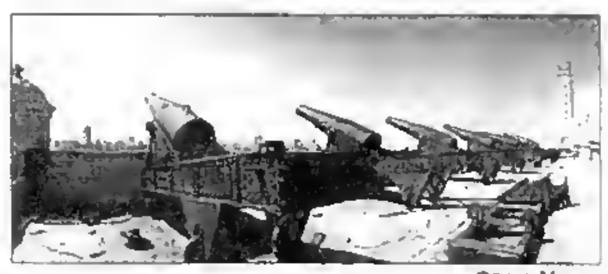
Но «неформальная» жизнь все равно была. Собирались компаниями, отмечали личные даты, слушали сочинения местного барда, пели сами, организовывали вылазки «на шашлыки»...из курятины. На одного человека в неделю давали одну курицу. А вот говядину совсем не помню, была ли. Рыбу же мы выменивали у «войсковиков». Им выдавали на паек нашу мороженую рыбу, привезенную из Ленинграда. Вот ее мы и выменивали.

– Как?! Ведь Куба – остров в тропических водах. Неужели не было местной рыбы?

– Абсолютно не помню местной свежей рыбы. И вообще ничего морского: креветок, лангустов, устриц и прочего. Даже морской капусты. Ничего.

Вид на гавань города

Кафедральный собор

Форт Морро

Вид на маяк и форт

Фотографии Валеры Боррачо www.awd.ru/havana.htm

На все молочное были нормы. А сверх того действовало еще такое правило: сколько бутылок сдаешь, столько получаешь полных. Принес две – две и дадут, а третью – ни за что, хоть ты на колени встань! Поэтому пустая стеклянная бутылка была большой ценностью, еще одним типом «валюты». Люди, когда уезжали, друг другу передавали бутылки с рук на руки. Эта же система касалась и пива. Его тоже продавали только на обмен. И если новенький по какой-либо причине оставался без «стекла», у него начинались мучения... Только очень нескоро, когда приживешься да привыкнут к тебе, да наладятся связи, продавец мог продать бутылочку просто за деньги. Ну а ты, соответственно, ему за это, «в благодарность», пачку сигарет или кофе. В общем, «стекло» берегли пуще глаза.

– А как обстояло дело с нашим национальным «лекарством»?

– О, этого хватало. Было. Я уже говорила про коньяк. Водка в русском магазине продавалась свободно и стоила столько же. Правда, со временем, через год, кажется, водку ограничили. Завозили только к праздникам и продавали, как заказ. А коньяк «три звездочки», четыре девяносто бутылка, стоял всегда. Но кроме этого были еще кубинские напитки. Ром в таких красивых бутылках. Было и виски. Мой муж, еще когда учился, бывал за границей и, в смысле напитков, был человек более просвещенный, чем я. И мне тоже так хотелось попробовать! Но стоило это очень дорого: бутылка рома – 80 песо. Конечно, я такую не куплю официально. Но вот приходил день, когда «на карту не писали». И тогда начинали сметать эти дорогие бутылки, а по цепочке передавалось – «на карту не пишут!» – все бежали в магазин и тоже включались, и все были счастливы...

Потом все-таки находился один, стучал, прибегало начальство из политотдела и приказывало, чтобы все – честно! – записали в карточки, кто что купил. И вот начиналось «восстановление честности». Кто-то писал целиком, кто-то утаивал, но брешь в бюджете это пробивало. Получался перерасход. Возникал вопрос – откуда деньги? Приходилось оправдываться и выкручиваться, что, дескать, занял-перезанял и тому подобное. В общем, были неприятности. А мужей однозначно вызывали на ковер и давали сначала нахлобучку, а потом накачку: это недопустимо! чтобы это было в последний раз!

На Кубе у нас родилось двое детей. Самое интересное, что у них, как и в США, гражданство определяется по месту рождения. То есть мои дети, там рожденные, могут считать себя гражданами Кубы. За рождение моего мальчика мне выплатили через консула пособие. От Кубы. Если не изменяет память – 90 песо. А когда родилась девочка – 40 песо. Я спросила, а почему? И мне ответили: «Потому что революции нужны солдаты».

Я – русская, но родила в кубинском госпитале, положено по закону за «солдата» 90, а за «боевую подругу» 40 – получи!

Я пока там жила, не знала названия нашей базы и чем она занимается. Могла только предполагать. Место, куда уезжал на службу муж, называли Торенс. И это все, что я знала. И только не так уж и давно, когда об этом много стали писать, я узнала, что он работал на станции радиослежения в Лурдесе.

С местным населением мы почти не общались. Да и как будешь общаться без языка? Было у нас с ними другое «общение». Я уже говорила, что неподалеку, за горой, была школа-интернат. Так вот, пионеры кубинские – они ходили в форме с такими бордовыми галстуками – время от времени подворовывали у нас в городке белье с веревок. Смотришь, то полотенца нет, то простыни, то еще чего-нибудь. Но у них все это было в жутком дефиците. Ведь абсолютно все товары (не только продукты!) лимитировались и отпускались только по карточкам. Ничего свободно купить было нельзя. Помню, зайдешь в магазинчик возле госпиталя, а там лежат наши самые дешевые и непритязательные алюминиевые общепитовские ложки и вилки, граненые стаканы, кастрюльки дюралевые. И это тоже у них было по карточкам! Так что пионеров из интерната можно понять.

Всё было по карточкам. Иногда увидишь что-нибудь нужное, особенно детское, игрушку-погремушку какую-нибудь, очень хочется купить, тогда сначала протягиваешь пачку кофе или сигарет – и нет проблем! – продают...

Если посмотреть критически, жили они, конечно, беднее нас намного. Взглянуть хотя бы, во что они были одеты, что на ногах. Хоть все и пестро-ярко, а очень бедно. И в такую жару – все в кримпленовых брюках. И мужчины, и женщины. Прямо униформа. А уж про модельную женскую обувь я молчу. Да что там модельная – простые летние босоножки и то в редкость. В основном – черные мужские полуботинки. Чуть ли не нашего «скороходовского» производства. И так одеты все. Ну очень скромно. И ничего, абсолютно ничего нельзя купить свободно. Все, что лежит на полках и витринах, – только для видимости. Торхето, торхето, торхето!

Почему к нам в городок и приходили и брали все: от продуктов и мануфактуры до зубной пасты и щеток.

И вы знаете, эти постоянные ограничения, эти «торхето» так въедаются, что буквально в кровь проникают. Когда мы вернулись, я очень долго (очень!), заходя в магазин и что-то присмотрев, первым делом – на автомате! – спрашивала: «Это можно купить?» или: «А сколько этого можно купить?» Само собой слетало с языка. Помимо воли! На меня продавщицы так смотрели: «Раз лежит, значит можно, женщина». Откуда им знать было, что на Кубе – лежит, а нельзя...

Очень хотелось уехать. Мы устали. И вот когда пришел этот долгожданный день, мы подхватили детей, вещи – у нас книг много было – и совершенно счастливые помчались в аэропорт...

Нам еще два раза потом предлагали поехать на Кубу. Но мы отказались. На нас так смотрели: « Вы что, с ума сошли? Такие деньги!» А я говорила: «Я уже больше – не хочу». Самое интересное, что когда мужу первый раз предложили, он сразу ответил: «Нет». Ему говорят: «Ты не торопись, сходи домой, с женой посоветуйся, потом решишь». Он пришел, спрашивает, а я ему тоже сразу: «Не поедем».

Самое главное, пожалуй, знаете, вот это ощущение несвободы... Этого очень не хотелось. «Торхето». Опять эти отчеты... Опять эти накачки... В общем, мы отказались. Мужа даже заставили написать отказ в письменном виде. Но мы ни разу после не пожалели.

2004 г., Рязань

ЭЛЕКТРОННЫЙ ШПИОНАЖ НА КУБЕ

Радиоэлектронный центр на Кубе, в Лурдесе (Lourdes), был создан в 1964 году, через два года после Карибского кризиса. Модернизирован в 1997 году. Аппаратура позволяет перехватывать данные с любых спутников связи, наземных телекоммуникационных кабелей, сообщения с центра NASA во Флориде и т.п. Персонал — около тысячи российских специалистов. Это сотрудники Шестого управления ГРУ (радиошпионаж) и третьего главка ФАПСИ (Главного управления радиоэлектронной разведки средств связи — ГУРРСС). Всего на модернизацию центра за последние годы истрачено около 3 миллиардов долларов.

В ноябре 1992 года было пролонгировано соглашение с Кубой по использованию базы. По данным английского еженедельника Financial Mail, 7 февраля 1996 года Борис Ельцин поручил российским разведслужбам усилить деятельность по покупке американских торговых и экономических секретов, причем в качестве основного источника этих секретов назывался центр на Кубе. А директор американской военной разведки OIA (Defense Intelligence Agency) генерал-лейтенант Патрик Хьюз на слушаниях в конгрессе 22 февраля 1996 года прямо заявил, что «...ФАПСИ сейчас чрезвычайно плотно использует Лурдес».

Единственный открытый документ о Лурдесе «Распоряжение № 461-рп о заключении соглашения между ФСБ РФ и Министерством революционных вооруженных сил Республики Куба о взаимодействии в сфере военной контрразведки» подписан в 1997 году.

«...Принимая во внимание Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Куба о пребывании Российского радиоэлектронного центра на территории Республики Куба от 3 ноября 1992 г., уполномоченный орган Кубинской Стороны окажет необходимую помощь представителям уполномоченного органа Российской Стороны в организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий по обеспечению безопасности российских военных объектов, расположенных на территории Республики Куба».

Центральный комплекс в Лурдесе (снимок с американского спутника).

Центр электронной разведки в Лурдесе.

Министр обороны Кубы Рауль Кастро в 1993 году утверждал: «Около 75% информации разведывательного характера по США Россия получает с помощью центра в Лурдесе». Российские военные говорят иное. По их словам, станция устарела около 10 лет назад, когда американцы совершили технологический скачок в спутниковой индустрии, а огромный массив информации пошел через Интернет. С тех пор, если какие разведданные Лурдес и перехватывает, то «не судьбоносного характера». Российский Генштаб намекает, что ту же информацию РФ может получать менее дорогостоящими и менее политизированными способами. Хотя некоторые американские спецслужбы говорят, что станция в Лурдесе позволяет России перехватывать «большинство специально не защищенных голосовых, радио-, телефонных и иных сообщений в США».

В мае 1999 года министры обороны Китая и Кубы подписали соглашение о создании на острове китайского центра радиоперехвата.

Лурдес – весьма засекреченный центр радиоперехвата. Его расположение позволяет «слышать» всю территорию Америки. Степень секретности столь высока, что во время визита Путина на Кубу в само здание станции якобы не пустили даже ближайшее сопровождение Президента.

Аренда Лурдеса обходится России в 200 млн. долларов в год, еще в десятки миллионов обходится само содержание станции. Эти данные до сих пор были из западных источников. Официально российские военные вообще отказываются называть какие-либо цифры.

29 января 2004 года СМИ в Москве распространили информацию, что Россия завершила демонтаж и вывоз оборудования радиоэлектронного центра слежения и перехвата из кубинского города Лурдес.

«Информированные источники в Министерстве обороны России» подчеркнули, что на сегодняшний день в Лурдесе осталось несколько десятков российских военнослужащих, но и они покинут территорию Кубы в ближайшее время.

Все данные – из открытых источников

КУБИНСКИЙ ГУЛАГ: ЛАГЕРЯ И ЦЕНТРЫ ИНТЕРНИРОВАНИЯ

ПИНАР-ДЕЛЬ-РИО
Лома-де-лос-Кочес
Эль-Гуахини
Льямасарес
Эль-Хоуэро
Сандино 1 и 2
Эль-Брухо
Ла-Махана
Эль-Корохо
Эррадура
Эль-Корохаль
Фохардо

ГАВАНА
Нуэва-Вида
Капиталио
Сан-Хуан
Сан-Рамон
Ла-Кондеса
Кайо-ла-Роса
Вирхен-до-Рехия
Ла-Гальего
Ла-Кларита
Ла-Бертиель
Сан-Антонио

ГАВАНА
Мелена 1 и 2
Валье-Гранде
Куба-Бухария
Валье-дель-Перу
Лос-Валес-де-Рикардура
Сан-Алехо
Эль-Мамей
Арко-Ирис

МАТАНСАС
Ахуика
Кабальеро-Милон
Порфуэрса
Хикарита
Сиенага-де-Сапата

ЛАС-ВИЛЬЯС
Низвес-Марехон
Пальма-Сола
Ахада-де-Пасахерос
Санта-Исабель-де-лос-Лахас
Лос-Манес
Эль-Кайо-Лиего-Перес

ОРИЕНТЕ
Трес-Масиас
Санта-Лусия
Плайя-Монтека
Эль-Канэй
Эль-Брухо
Фернандо-Ченике
Ла-Манга
Мангос-де-Барагуа
Манати
Ярига
Чафаринас
Потоси

ПИНАР-ДЕЛЬ-РИО
Пинар-дель-Рио
Гавана
ГАВАНА
МАТАНСАС
ВИЛЬЯ-КЛАРА
СЬЕНФУЭГОС
САНКТИ-СПИРИТУС
СЬЕГО-ДЕ-АВИЛА
Камагуэй
КАМАГУЭЙ
ЛАС-ТУНАС
Ольгин
ОЛЬГИН
ГРАНМА
САНТЬЯГО ДЕ-КУБА
Сантьяго-де Куба
Баракоа
ГУАНТАНАМО
о. Пинос

КАМАГУЭЙ
Лунумба
Эль-Хагуэйяль

ГАВАНА
Нуэво-Аманесер
Киникан
Гуанабакоа
Гира 1 и 2
Артемиса-Банана-Плано
Сейба-Плано

ГАВАНА
Ла-Кабанья
Г-2
Ганахай
Авана-дель-Эсте
Комбинадо-дель-Эсте
Нуэво-Аманесер
Гуанабакоа

КАМАГУЭЙ
13-й медио
Эль-Корохаль
Ла-Каоба
Ла-Матильде
Сибоней
Сьего-де-Авила
Хатибоника

КАМАГУЭЙ
Кило-Сьете-и-медио
Эль-Мамби
Фалья
Чамбас
Ла-Махосера
Марчена

Перед ними была огромная машина, слишком простая, чтобы эволюционировать, и слишком огромная, чтобы можно было надеяться разрушить ее небольшими силами. Не было силы в стране, которая могла бы освободить огромный народ, понятия не имеющий, что он не свободен, выпавший ... из хода истории.

Аркадий и Борис Стругацкие «Обитаемый остров»

КУБИНСКИЙ ГУЛАГ

Ни одно кубинское правительство, правившее страной после 1902 г. (со дня обретения Кубой независимости), не прибегало к использованию даровой рабочей силы, не прибегало ни к какой форме принудительных работ для решения экономических и каких-то иных проблем, никогда. Даже в периоды правления двух диктаторов, Херардо Мачадо (1925–1933 гг.) и Фульхенсио Батисты (1952–1959 гг.), политических заключенных не заставляли работать, привлекая их приманкой в виде призрачной возможности прощения и реабилитации, восстановления в правах как членов общества. Во времена диктатуры Мачадо по политическим причинам были арестованы и помещены в тюрьмы около 5000 человек, во времена диктатуры Батисты – 500; в конце 60-х годов, то есть во времена диктатуры Кастро, число политзаключенных достигло 40 000 человек. В докладе Международной Амнистии был отмечен тот факт, что в 70-е годы были освобождены почти 20 000 узников.

План «Морехон»

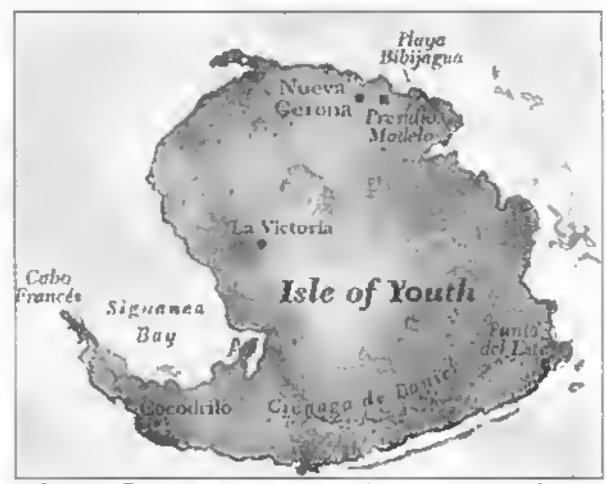
Только в феврале 1964 г. Фидель Кастро вздумал включить принудительный труд в систему пенитенциарных заведений на Кубе. Он собирался привнести в нее определенные новшества и таким образом создать вообще новый тип тюремной системы; в основе этого обновления лежал так называемый план «Морехон». План этот состоял в том, что среди политических заключенных должны были быть отобраны избранные, которым предстояло работать в «человеческих условиях» при наличии приличного питания, при восьмичасовом рабочем дне, при достаточно хорошем отношении, то есть при отсутствии насилия, избиений и издевательств; этим избранникам судьбы предстояло трудиться в сельской местности, интенсивно изучать труды классиков марксизма-ленинизма, обильно сдобренные соусом идей самого Кастро, которые образцовых заключенных заставляли изучать под руководством воспитателя-руководителя.

Эксперимент продолжался недолго, до мая 1964 года, потому что «привилегированные» узники, убежденные в том, что целью сей «инициативы» является разделение, раскол политических заключенных, отказались от работы, то есть от участия в этом сомнительном эксперименте. Похоже, они поняли, что в намерения руководства пенитенциарной системы входило создание такого особого режима, представлявшего собой нечто среднее между режимом тюремным и режимом лагерным, на пользу и во благо только тех заключенных, что согласились бы «политически перевоспитаться». Но, наверное, требовалось нечто большее, чтобы смутить приверженцев Кастро и нарушить их планы. После того как им пришлось отказаться от реализации «экспериментального плана "Морехон"», они принялись за осуществление другого плана по «возвращению в общество» осужденных. На сей раз он был разработан верным сподвижником Кастро Камило Сьенфуэгосом, и участие во всех его мероприятиях было обязательно для всех узников вне зависимости от желания.

План Камило Сьенфуэгоса: каторга на острове Пинос

В соответствии с планом все население тюрем и лагерей было организовано в бригады; каждая такая бригада состояла из четырех отделений (в отделении по пятьдесят человек) под командой военного, младшего офицера, во главе же бригады стоял старший по званию офицер. Охрана каждого отделения, то есть конвоирование, осуществлялась силами полутора десятков вооруженных солдат, перевозка к месту работы производилась на военных грузовиках. Работа в первое время состояла в добыче камня из карьера и в выполнении различных сельскохозяйственных работ. «Абуэлитос», то есть «дедушки» и «бабушки», «предки», «старшие» (или «папаши»), как называли заключенные своих воспитателей, ежедневно посещали лагеря, чтобы проводить «политическое перевоспитание» и довести его до удачного конца.

За исключением такого новшества, как «политическое перевоспитание», эта система представляла собой возврат к практике принудительных работ, применявшихся на Кубе в качестве меры наказания в эпоху колониального владычества. Карьеры в Сан-Ласаро, где добывали камень и где провели часть жизни Хосе Марти и Эредиа, трудившиеся на благо испанской короны с кандалами на ногах, были еще слишком свежи в памяти кубинского народа. Не стоит и говорить, что и при Кастро принудительные работы были очень тяжелы: сама работа изнурительной, а наказания – очень частыми. Любая провинность влекла за собой наказание, причем повод для обвинений мог быть практически любой: зеленые или голубые глаза, косоглазие или большая лысина – все могло привлечь внимание и послужить поводом для пинков или ударов. Отставание на несколько метров от цепи товарищей по заключению, прекращение прополки или перекапывания земли могли «стоить» гораздо дороже, то есть могли повлечь гораздо более суровое наказание.

Остров Пинос, переименованный в остров Молодости

Упрямцев и строптивцев отправляли из лагеря в особые «дисциплинарные карцеры». Заключенных часто подвергали оскорблениям, всячески унижали, ведь контрреволюционеры должны были узнать, «что такое жизнь». Некоторых узников заставляли выдергивать при прополке сорняки зубами, других принуждали чистить знаменитую «Мохонеру» – огромную выгребную яму в лагере на острове Пинос, лежащем у южного берега Кубы. «"Мохонера", – рассказывает Фермин Амадор Чамисо, приговоренный к работам на "замечательном месте", – представляла собой гигантскую выгребную яму под открытым небом; разумеется, она источала невообразимую вонь. На поверхности густой черноватой жижи виднелись сгустки останков деятельности человеческих организмов, скопившиеся там за три десятилетия». «Мохонеру» нужно было регулярно вычищать, чтобы в период дождей мерзкая жижа, ее заполнявшая, не вышла из берегов и не залила все вокруг. Участие в процессе чистки было наихудшим наказанием, какое только можно было себе представить.

За три года через остров Пинос прошло около 10000 человек. Однако в 1967 г. от осуществления плана Камило Сьенфузгоса отказались, потому что стало абсолютно ясно, что логика, в соответствии с которой ужесточение репрессий должно было привести к увеличению числа людей, отрекавшихся от своих убеждений и просящих у новой власти прощения, как говорится, не сработала. В конце концов «образцовая тюрьма» на острове Пинос была превращена в музей, посвященный памяти героев, сподвижников Кастро, совершивших вместе с ним революцию и отбывавших наказание в этом месте за первую попытку переворота на Кубе в период правления Батисты в гораздо лучших условиях.

Всех узников центрального лагеря острова Пинос отправили в различные дисциплинарные центры, такие, как Сандино 1 и 2, Такотако, расположенные на западной оконечности острова. Именно там, в этих центрах, власти пытались претворить в жизнь новую программу перевоспитания путем принудительных работ; называлась эта программа «планом Антонио Масео». Узников из других лагерей на острове Пинос перевели в тюрьмы провинции Гавана, такие, как Ла-Кабанья, Боньята, Кило 5.

«План Антонио Масео» и «прогрессивный план»

В начале 70-х годов в экономике Кубы начали происходить сначала незаметные, а затем и явные изменения. Численность населения значительно возросла, что стало причиной жилищного и продовольственного кризисов, заставивших кубинское руководство перейти от крайне идеологизированной политики к политике более реальной, прагматичной. Отныне в местах заключения не столько будут требовать от заключенного покаяния и отказа от прежних убеждений, сколько повышения производительности труда. Можно сказать, что от системы рабского труда переходят к системе условий, в которой мощным стимулом для узников станет своего рода шантаж, прельщавший их возможностью «искупления вины перед народом» ударным трудом. «Ударный труд» становится в этой системе ключевым словом, чем-то вроде пароля. И, однако же, план Антонио Масео страдал тем же недостатком, что и план Камило Сьенфузгоса, так что его провал был вполне предсказуем.

Камило Сьенфузгос, погиб 28 октября 1959 года при загадочных обстоятельствах.

После того как план Антонио Масео потерпел неудачу, кубинские власти приступили к осуществлению так называемого «прогрессивного плана». Процесс перевоспитания разбивался на два этапа: испытательный и основной. На первом этапе узник должен был жить и работать в исправительном заведении, именуемом «фермой»; «ферма» эта представляла собой лагерь, абсолютно изолированный от внешнего мира и охранявшийся вооруженной охраной; правда, узник имел право на свидание с родными. Подоб-

Тюремные корпуса на Исла-дель-Пинос

ные «фермы» представляли собой скопище деревянных лачуг, крытых в основном черепицей и окруженных рядами колючей проволоки с возвышающимися над ними сторожевыми вышками. Обычно неподалеку от «фермы», на которой работали от 500 до 700 заключенных, находились и казармы революционных вооруженных сил, осуществлявших охрану лагеря. Примерно такие же «фермы» существовали в Китае и во Вьетнаме; кстати, наибольшие аналогии возникают при сравнении кубинского и вьетнамского опытов по «перевоспитанию»: ведь именно во Вьетнаме в 1975 г. осуществлялась подобная программа действий по отношению к «контрреволюционерам».

За участие в уборке сахарного тростника или в строительстве, при условии хорошей работы, заключенный после испытательного срока, который может продолжаться около трех месяцев, получает вознаграждение на «ферме», и он может надеяться, в конце концов, получить 95 песо (сегодня 25 песо равны 1 доллару). Из этих денег он уже мог заплатить за некоторые услуги, стирку белья, например, а также купить мыло, сигареты и другие мелочи.

После испытательного срока, в том случае, если заключенный работал плохо, не продемонстрировал особого рвения, его могли отправить в тюрьму строгого режима, если руководство сочло бы его опасным в смысле «идеологического воздействия» на других заключенных. Если же узник трудился ударно, то в последний период испытательного срока он мог рассчитывать на некоторые поблажки, например на краткосрочные отпуска на день, два, а то и на три. Следует сказать, что внутренние правила распорядка в лагере устанавливались комендантом, так что условия жизни в разных лагерях были весьма различны.

На втором этапе осуществления данной программы узников с «ферм» отправляли на «трудовой фронт», где режим содержания заключенных был гораздо менее строг, чем на «фермах». Заключенные размещались все в тех же бараках, но вокруг них не было никаких особых заграждений, ни особенно строгой охраны. Заключенным разрешались свидания с родными, но чаще всего им разрешалось в конце недели отправляться домой и проводить с родными целый день.

Военная администрация контролировала расходные ведомости, оплачивала труд заключенных примерно так же, как оплачивали их труд на «фермах», вела учет присутствия и отсутствия людей на рабочих местах, отмечала случаи болезней, нарушения дисциплины и следила за всем, что имело отношение к функционированию определенного участка «трудового» или «открытого» фронта. На каждом таком участке «трудового» или «открытого» фронта обычно работало от ста до двухсот человек. В начале 70-х годов к участию в осуществлении «прогрессивного плана» были привлечены и уголовники, которых стали содержать на «трудовых фронтах» совместно с политическими заключенными.

В большей части современных тюрем на Кубе имеются специальные центры или цеха по производству различных деталей или полуфабрикатов, из которых узники, находящиеся на «фермах» или на «трудовом фронте», собирают мебель, орудия труда и т.д. В строительстве практикуется и такое разделение труда: узники на «фермах» производят отдельные части сборных конструкций, а «бойцы трудового фронта» (как называют там узников) собирают их уже непосредственно на строительных площадках.

Труд «бойцов трудового фонта» часто используют различные гражданские организации; например, такая гражданская организация, как министерство развития общественных и сельскохозяйственных работ, использует до 60 процентов заключенных на подведомственных стройках.

Разумеется, как и в случае с советским ГУЛАГом, вполне законно возникает вопрос об эффективности труда заключенных, о рентабельности всей системы, и в ответ можно привести многочисленные примеры большой результативности такого полурабского труда: в провинции Ориенте, к примеру, около двух десятков политехнических школ были возведены руками «бойцов трудового фронта». Среди других объектов, сооруженных благодаря усилиям заключенных, можно привести животноводческий комплекс в провинции Гавана, столярные мастерские и общеобразовательные и средние школы в провинции Пинар-дель-Рио, свинофермы в провинции Матансас, десятки молочных ферм и молокозаводов в провинции Вилья-Клара, завод по производству полуфабрикатов для кирпичной промышленности в провинции Ориенте (в южной части острова) и т.д. В 1999 г. на Кубе оставалось около тысячи политических заключенных. Таким образом, теперь уже далеко до тех многочисленных «когорт», что трудились на принудительных работах на Кубе в 60-е, 70-е, 80-е годы, но принудительные работы продолжают применяться в качестве репрессивных мер.

Так, в Аламаре (к востоку от Гаваны) до сих пор продолжает существовать участок «трудового фронта», бойцы которого заняты в строительстве. После настоящего «взрыва» в сфере туризма, произошедшего в начале 90-х годов, на Кубе возникла потребность резко расширить сеть гостиниц, что привело к тому, что труд заключенных, как политических, так и уголовников, начали активно использовать на строительстве гостиничных зданий.

Военизированные подразделения помощи производству

На Кубе были и настоящие трудовые лагеря. Они появились в 60-е годы, в тот период, когда там жестоко подавлялись любые проявления оппозиционной деятельности, особенно в 1961 г., в момент проведе-

ния массовых облав, в ходе которых были задержаны около 100 000 человек. Первый трудовой лагерь был открыт в 1960 г. в районе города Гуанахай.

В 1964 г. дело по созданию таких лагерей и управление ими взяла в свои руки армия. Вот тогда они и стали именоваться военизированными подразделениями помощи производству. Первоначально эти подразделения создавались для того, чтобы держать в них под охраной различные антиобщественные элементы, гомосексуалистов и прочих «паразитов», но вскоре они превратились в настоящие концентрационные лагеря. Солнце Карибского моря не могло изменить их сути: все коммунистические лагеря похожи друг на друга. Заключенные должны были сами строить для себя бараки и медпункты, а затем обносить эти поселения оградой из колючей проволоки, после чего к охране этих «поселений» приступали вооруженные охранники.

Бараки обычно в таких лагерях располагались в центре открытого, голого пространства, окруженного сторожевыми вышками и многими рядами колючей проволоки, через которую иногда был пропущен электрический ток. В некоторых лагерях использовали собак, бегавших по узкому коридору из колючей проволоки. В каждом бараке обычно могли разместиться до 200 заключенных, спавших по трое на откидных койках, разделенных узкими проходами.

Самое распространенное наказание заключалось в следующем: обнаженного заключенного привязывали к столбу и так оставляли на целый день под солнцем, чтобы он страдал от голода, жажды и укусов насекомых. Охранники могли поместить какого-нибудь упрямца в карцер, где он страдал бы от одиночества, тесноты и духоты, могли лишить его свиданий с родными, резко сократить ему порцию пищи или подвергнуть жестоким побоям.

Обычно заключенных, зачисленных в эти военизированные отряды, использовали на земляных или сельскохозяйственных работах. Около 25000 молодых людей, с трудом вписывавшихся в новое социалистическое общество, прошли через эти подразделения лагеря. Эмилио Искьердо, проведший некоторое время в таком лагере в провинции Камагуэй, где располагались лагеря с самым суровым режимом, рассказывает: «Нас, молодых людей, отлавливали прямо на улицах, подобные облавы проводились в каждом городе нашей страны, нас насильно запихивали в поезда, автобусы, грузовики, находившиеся под охраной военных, угрожающе направлявших на нас дула своих ружей, автоматов и пистолетов. Нас привозили на стадионы, где держали под прицелом крупнокалиберных пулеметов. Нас окружали со всех сторон плотные цепи солдат, и вели они себя по отношению к нам так, словно мы были военными преступниками. На этих стадионах к нам обращались с какими-то смехотворными и абсурдными лозунгами в совершенно коммунистическом духе. Но самое главное из того, что нам говорили, заключалось в сообщении, что мы прибыли в место, где из нас будут делать настоящих людей, из нас, семнадцатилетних юношей и девушек, которые сейчас являются отбросами кубинского общества. Далее нам сообщили, что срок заключения каждого из нас заранее не определен и его продолжительность будет зависеть от поведения каждого».

Узниками как тюрем, так и лагерей могли стать представители всех слоев населения, но особое внимание уделялось священникам, гомосексуалистам и различным «асоциальным» элементам. Их отправляли в лагеря и чаще всего использовали на уборке сахарного тростника или на подготовке полей к севу: работали они ежедневно более десяти часов в сутки, не имея специальных орудий труда; они страдали от недоедания и усталости и всегда находились под надзором вооруженной охраны. За выполнением норм выработки строго следили армейские офицеры, а заключенные были очень заинтересованы в том, чтобы выполнить или даже перевыполнить эти проклятые нормы, потому что это был единственный путь к тому, чтобы получить разрешение на свидание с родными или иметь немного большую порцию пищи.

Поэт Хосе Марио был арестован в 1966 г. за публикацию произведений, не соответствующих нормам социалистической этики. Он провел восемь месяцев в военизированном подразделении помощи производству в провинции Камагуэй, в самом центре «острова свободы», и так описывал свой срок заключения: «Лагерь представлял собой пространство метров пятьдесят в длину и тридцать в ширину, на котором стояли бараки, похожие на те, что стоят в любом концентрационном лагере. Под крышами бараков находились двухэтажные спальные места, представлявшие собой подвешенные на стволах деревьев гамаки из джутовой ткани. В нашем лагере было всего два барака, а при входе находился медпункт... где было оборудовано пулеметное гнездо! Вокруг лагеря шло ограждение из колючей проволоки высотой в полтора-два метра. Около входа в лагерь находились общественные туалеты, столовая, кухня и душевые. Функционировали эти душевые таким образом: пока одни заключенные мылись, другие должны были качать ручку насоса, чтобы вода текла по трубам. Казарма наших охранников располагалась между двумя бараками, где жили узники. Все наши охранники были кадровыми военными, и не рядовыми, а все имели офицерские и унтер-офицерские звания: нами командовали капралы, один сержант и один капитан, вот он-то и был комендантом нашего лагеря. При входе в лагерь висел огромный плакат, на котором было начертано: "Труд сделает вас людьми". Этот лозунг заставил меня вспомнить поэму Сальваторе Квазимодо, ставшего лауреатом Нобелевской премии, – в той поэме как раз упоминался печально

Самодельный плакат, нарисованный заключенными одной из кубинских тюрем.

знаменитый лозунг, украшавший ворота одного из немецких лагерей: "Труд делает свободным". Основой для всех этих призывов и лозунгов была так называемая идеология нового человека. Нас хотели заставить осознать и признать свою вину перед обществом, нас хотели заставить понять, что мы являемся отбросами общества и что хуже этого ничего не может быть, нам внушали, что роль тех, кто нас охранял, состояла в том, чтобы сделать нас "новыми людьми", перевоспитать нас и вернуть нас, уже обновленных, в общество...

Среди нас кого только не было: и свидетели Иеговы, и просто католики-миряне, и священники, и гомосексуалисты, но были и люди, которые вовсе не были гомосексуалистами, но которых почему-то сочли слишком "женственными"; находились среди нас и члены различных кубинских сект. Среди нас было много негров, встречались настоящие преступники-рецидивисты, но было и немало мелких воришек, являвшихся выходцами из самых разных слоев общества, чаще всего попадались просто асоциальные элементы, маргиналы, обвиненные в совершении всего лишь мелких проступков и правонарушений, за которые они не должны были даже предстать перед судом, просто бедняки, "продукты общества"... Многие из них стали жертвами доносов, чаще всего анонимных, – со стороны членов КЗР, то есть "Комитетов защиты революции". Некоторые даже не знали, почему оказались там, за какую провинность. Были среди заключенных и очень молодые, лет шестнадцати-семнадцати от роду. Короче говоря, то была очень разнородная, разношерстная публика...»

Официально военизированные подразделения помощи производству сейчас уже прекратили свое существование. В действительности же кубинские власти часто довольствовались тем, что приказывали снять с ворот железную табличку с указанием названия лагеря, убрать ограждения из колючей проволоки и сторожевые вышки, а потом такой вроде бы официально ликвидированный лагерь продолжал функционировать.

Через лагеря прошла довольно значительная часть населения страны, причем попадали туда не только взрослые мужчины, но и женщины и подростки. Например, в лагере в Потоси в районе Виктория-де-лас-Тунас в 1986 г. находилось около 3000 женщин, причем политических и уголовных содержали вместе.

Неподалеку от Сантьяго-де-лас-Вегас в лагере Арко-Ирис (что означает «Радуга») содержали полторы тысячи подростков; в лагере Нуэва-Вида («Новая жизнь») на юго-востоке острова тоже томились совсем молодые люди, а в районе Палоса существовал лагерь Эль-Капитолио для маленьких детей в возрасте десяти лет.

Но лагеря с самым строгим режимом находились в провинции Ориенте. В 80-е годы в лагере Эль-Мамби неподалеку от Камагуэя насчитывалось около 3000 заключенных. Дурной славой пользовался и лагерь Сибоней, так как там были особенно высокие заграждения из колючей проволоки и особенно злые собаки.

Крупные стройки, на которых в основном были заняты заключенные, законсервировали в начале 90-х годов, но узники тюрем и по сей день продолжают принимать участие в сельхозработах, в особенности на сафре, как называют сбор урожая сахарного тростника. Сегодня на Кубе насчитывается около 100 000 заключенных (в тюрьмах и лагерях вместе).

Хесус ЭРНАНДЕС Келар

КУБА: ЦЕНА ИНАКОМЫСЛИЯ

Кубинский врач Хулио Антонио Йерба пожал руки солдатам расстрельной команды, сказав, что прощает им его убийство. Когда раздалась команда «огонь!», он успел выкрикнуть проклятие коммунизму. Его тело, привязанное к деревянному столбу, безжизненно поникло. Секундой позже прозвучал контрольный выстрел в голову.

В одном из «кругов» так называемых «образцовых тюрем» на Исла дель Пинос (заключенные называли тюремные коридоры «кругами» не только из-за круглой формы здания) Куко Муньез и Армандо Валладарес разговаривали, стоя у дверей камеры 35, когда мимо них пролетела человеческая фигура и рухнула на бетонный пол этажом ниже. Это был Хесус Лопес Куэвас. В приступе отчаянья он бросился с четвертого этажа и разбился насмерть.

Педро Луис Бойтель, бывший кандидат на пост президента Федерации студентов университетов, полагал, что люди должны бороться за уважение к себе любыми средствами, находящимися в их распоряжении. Вместе с несколькими заключенными он начал сухую голодовку в надежде привлечь внимание международной общественности.

Педро Луис Бойтель

Он умер от обезвоживания 24 мая 1972 года, после 53 дней голодовки в кубинской тюрьме. Это была уже не первая его голодовка.

Марио Чанес Армасу повезло пережить ад. Но 30 лет его жизни были украдены режимом Кастро, бросившим его в тюрьму, несмотря на то что Чанес Армас был среди тех, кто вместе с Фиделем Кастро штурмовал казармы Монкада в Сантьяго-де-Куба 26 июля 1953 года, несмотря на то что он был одним из членов отряда, высадившегося с яхты «Гранма» в провинции Ориенте в 1956 году для начала вооруженного восстания против генерала Фульхенсио Батисты, был узником батистовской темницы, из которой его освободила победа Революции 1959 года.

«Я никогда не ощущаю ненависти или жажды мести к кому-либо; я никогда бы не смог быть судьей или обвинителем», – заявил Чанес Армас в интервью журналу «CONTACTO». Он находился в тюрьме с июля 1961 по июль 1991 года, по обвинению в подготовке покушений на жизнь лидеров режима Кастро.

Бывший заключенный утверждает, что никогда не был членом организации или группы, пытавшейся убить какого-либо политического лидера.

В своей книге «Куба: миф и действительность» социолог Джоан Кларк утверждает, что наибольшее число политических заключенных, которое Куба имела за всю свою историю? – приблизительно шестьдесят тысяч – приходится на 60-е годы XX века.

<...>

Известно, что во время вторжения в заливе Кочинос в апреле 1961 года более ста тысяч (!) кубинцев были брошены в тюрьмы, спешно переоборудованные из стадионов, школ и театров. Это являлось предупредительной мерой, направленной против попыток внутренней контрреволюции.

Во времена, предшествовавшие режиму Кастро, самое большое число политических заключенных было в период диктатуры генерала Херардо Мачадо (1929–1933 гг.), когда около пяти тысяч членов оппозиции были заключены в тюрьмы. Во время диктатуры Батисты (1952–1958 гг.) в кубинских тюрьмах находилось около пятисот политических заключенных.

«Сейчас буду ужинать: спагетти с кальмарами, шоколадный десерт по-итальянски и, в дополнение к свежеприготовленному кофе, – отличная сигара. Тебе не завидно?.. Когда поутру загораю в шортах и ощущаю ветерок, дующий с моря, мне кажется, что я нахожусь на пляже... Так меня могут заставить поверить, что я в отпуске! Что бы сказал Карл Маркс о таком революционере?»*

Вышеприведенная цитата – из письма, написанного Фиделем Кастро в то время, когда он находился в заключении в «образцовой» тюрьме Исла дель Пинос, приговоренный к 15 годам тюрьмы за организацию вооруженного нападения на казармы Монкада, в результате которого пострадало около ста человек. Кастро и его соратники отбыли из своих сроков только чуть больше 20 месяцев и были освобождены по амнистии генералом Батистой.

«Пир победителей»

Расправы над противниками Кастро начались с первых дней после победы революции.

Первыми жертвами режима Кастро стали военные – сторонники генерала Фульхенсио Батисты. Большинство из них были казнены по недоказанным обвинениям в преступлениях, совершенных во время братоубийственной войны, бушевавшей на Кубе с декабря 1956 по декабрь 1958 года.

«По всему острову действовали расстрельные команды. Именно в то время капитан Антонио Нуньес Хименес провозгласил, что год 1961, ранее объявленный как "Год образования", будет назван "Годом Расстрелов". И эти слова стали пророческими», – пишет в своей книге «Надеясь вопреки всему» бывший заключенный Армандо Валладарес, проведший в кастровских тюрьмах 22 года.

Рауль Кастро, бывший в то время главнокомандующим вооруженными силами, заявил, что «число расстрелянных прихвостней диктатора не превышает 400 человек», имея в виду военных и государственных чиновников прежнего режима.

Правда состоит в том, что точное количество людей, казненных по политическим мотивам за последние 40 лет кубинской истории, неизвестно, и все сведения относительно казней являются строго секретными. Казни продолжаются и по сей день.

Количество «классовых врагов» резко подскочило в дни вторжения в заливе Свиней (апрель 1961 года), когда тысячи кубинцев были брошены в лагеря и тюрьмы. Одним из них был Эдди Каррера, обвиненный в «попытке вооруженной поддержки захватчиков».

В те дни Каррера являлся координатором Христианского Демократического Движения в провинции Гавана. Он провел в тюрьме 16 лет.

Каррера вспоминает самые тяжелые моменты, которым он был свидетелем во время своего долгого тюремного заключения: расстрелы, пытка «фальшивыми расстрелами», когда тюремщики использовали холостые патроны, жестокие избиения за отказ политических заключенных носить синюю униформу уголовников, постоянные обыски в камерах, во время которых каждый раз заключенным угрожали оружием, голодовки, убийства заключенных в камерах и многое другое.

«Я не чувствую к моим тюремщикам ни ненависти, ни жалости. Ведь нужно иметь в виду, что многие из них были абсолютно невежественными людьми, почти дикарями...», – вспоминает бывший заключенный.

«Я жажду справедливого суда, но не хочу мести... Ведь они, как и мы, имели матерей, жен, детей», – добавляет Каррера.

Чанес де Армас рассказывает о самой жестокой психологической пытке, произошедшей в кубинских политических тюрьмах в XX веке.

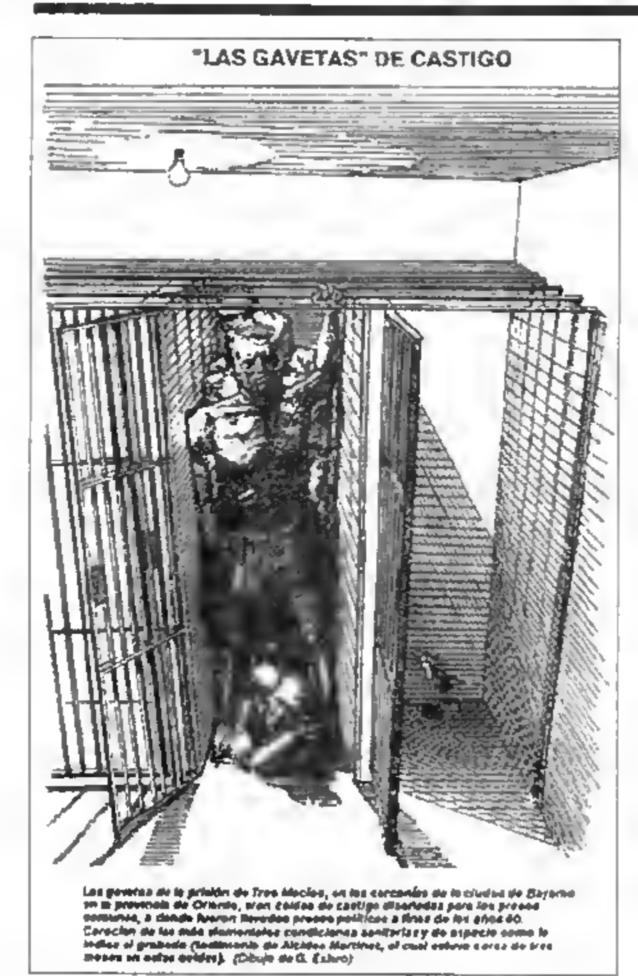
«Сразу после воздушной атаки 15 апреля 1961 года, предшествовавшей высадке в заливе Свиней, были заминированы все несущие опоры тюрьмы Исла дель Пинос, с тем чтобы, в случае попытки освобождения заключенных или начала военных действий армии США, было уничтожено более 6000 заключенных».

«Мы ощущали себя, как привязанные к бочке с порохом... У некоторых людей, чьи нервы оказались

Крепость Ла Кабанья, превращенная в тюрьму.

** Перевод письма приводится по книге "Героическая эпопея. От Монкады до Плайя-Хирон" (М., Политиздат, 1980.) Интересно сопоставить с другим письмом из тюрьмы: "Всё необходимое у меня теперь имеется, и даже сверх необходимого. Свою минеральную воду я получаю и здесь: мне приносят ее из аптеки в тот же день, как закажу". Владимир Ульянов – сестре. 1896 год. (Прим. пер.)*

Карцер в кубинской тюрьме.

неспособны противостоять этой пытке, психическая травма осталась на всю жизнь... Было невыносимо думать, что в любой момент тебя может разнести на клочки», – рассказывает Чанес Армас.

<...>

Взрывчатка была убрана из тюрьмы только после окончания Карибского кризиса (октябрь 1962 года.)

Стойкость

Характерным для политических заключенных, брошенных Кастро в тюрьмы сразу после победы революции, было то, что они отказывались носить синие робы уголовных заключенных. Расплатой за это были физические и моральные пытки. В результате в течение нескольких лет одежда многих политических заключенных состояла из одних трусов.

Временами власти прибегали к помощи мастеров боевых единоборств, чтобы принудить заключенных носить уголовную униформу.

Эдди Каррера вспоминает, как это происходило, когда он отбывал срок в трудовом лагере в провинции Пинар дель Рио.

«Они приводили нас по одному в помещение, где находились профессионалы-дзюдоисты и приказывали надевать робы. Тех, кто отказывался, мастера дзюдо избивали ударами рук и ног... В результате многие из нас оказывались совершенно без одежды, с серьезными повреждениями или переломанными костями».

За время своего заключения жертвы режима Кастро перенесли различные пытки и наказания. Одним из любимых способов наказания было размещение их в так называемых «боксах», которые были шириной 4 фута и длиной 6 футов (1,24х1,86 метра). Особенно часто они использовались в тюрьмах провинции Ориенте.

«Заключенные могли находиться в них только в положении на коленях. Эта пытка длилась пять-шесть месяцев», – рассказывает Каррера.

Джоан Кларк в своей книге упоминает другой тип камер, так называемых «крысиных нор», оборудованных в тюрьме Ла Кабанья и имевших размер 7 на 4 фута (2,17х1,24 метра). Аналогичные камеры в тюрьме Бониато носили название «tapiadas» (загородки), а в гаванской тюрьме Комбинадо дель Эсте – «прямоугольники смерти».

«Жестокость тюремной системы режима Кастро проявлялась также в содержании заключенных в переполненных камерах и ограничении медицинской помощи, отказ в предоставлении которой являлся одной из дисциплинарных мер», – пишет Кларк.

Женщины, являвшиеся сторонниками оппозиции, также попадали в заключение. Одна из них, доктор Анна Л. Родригес, автор книги «Дневник оставшейся в живых», провела в кубинских застенках 19 лет.

Новые заключенные

Большинство заключенных в этот период получили тюремные сроки свыше 20 лет. Эрнесто Диаз-Родригес, бывший профсоюзный лидер и поэт, был освобожден на три месяца раньше Чанеса Армаса. Эусейбио Пезальвер, воевавший в отряде Че Гевары во время войны с Батистой, вновь взял в руки оружие после победы Кастро и был схвачен в горах Эскамбрая.

Он провел в тюрьме 28 с половиной лет и является представителем черной расы, проведшим в зак-

Самодельный плакат с эмблемой общества политзаключенных имени Педро Луиса Бойтеля, переданный из кубинской тюрьмы. 2001 г.

Политзаключенный Эдди Эмилио Гонзалес Мате. В тюрьме заболел туберкулезом и анемией. Фото 1995 года

лючении по политическим мотивам самый долгий срок (на три года дольше, чем борец против апартеида и нынешний президент ЮАР Нельсон Мандела).

Уже начиная с 70-х годов на Кубе появились «новые» политические заключенные. Власти старались не допускать их совместного размещения и объявляли новых заключенных «лицами, подлежащими политическому восстановлению».

Но в мае 1983 года, как пишет в своей книге Джоан Кларк, диссиденты, осужденные после 1979 года, отвергли «реабилитационный план» и назвали себя «новыми, непреклонными» политическими заключенными, с целью отделить себя от предыдущей группы, или «исторических» заключенных, которые, по их утверждению, являются для нового поколения примером политического диссидентства.

Международная Амнистия и другие международные организации считают, что на Кубе есть узники совести. Самые известные – врач Оскар Элиас Бисcет (Oscar Elias Biscet) и Владимеро Рока (Vladimero Roca).

<...>

В конце 1991 года поэтесса Мария Елена Круз Варела была жестоко избита у дверей своего дома. Нападавшие пытались силой заставить ее съесть листы бумаги, на которых она написала «Декларацию Принципов», в которой требовала от властей предоставить кубинской нации свободу и демократию.

Избитую женщину переодетые в штатское сотрудники МВД доставили в отделение госбезопасности. Она была обвинена в «распространении вражеской пропаганды». Спустя два года, под давлением международной общественности, ее освободили.

«Кубинские женщины-политзаключенные заслуживают, чтобы, когда Куба станет действительно свободной, им установили памятник, – говорит Чанес Армас. – И по сей день их избивают и пытают в тюрьмах».

Начиная с 1995 года, когда возникли организации «Кубинский Совет» («Concilio Cubano») и «Движение независимых журналистов», множество активистов этих организаций – профессиональных репортеров – было арестовано и выслано из страны.

В июне 1997 года Владимеро Рока, Феликс Бонне Каркассес, Марта Бетарис Роке и Ренс Гомес Манзано представили корреспондентам иностранной прессы, аккредитованным на Кубе, документ под названием «La Patria Es de Todos» («Родина принадлежит всем»). Месяц спустя все они были арестованы и брошены в тюрьму, Рока – на пять лет, Бонне и Гомес – на четыре и Роке – на три года.

Согласно сообщению «Группы в поддержку Кубинского Совета», общее количество заключенных в кубинских тюрьмах превышает 275000 человек.

«Для сравнения, Испания, имеющая около 40000 заключенных в своих тюрьмах, считается страной с самым высоким количеством заключенных. Но Испания имеет население в 40 миллионов человек», – пишет в своей статье под названием «Остров железных решеток», распространенной через Интернет, Рудольфо Гонзалес Гонзалес, член «Группы в поддержку Кубинского Совета».

«Куба с населением в 11 млн. человек держит в тюрьмах более 275 тысяч заключенных, что эквивалентно почти всему тюремному населению европейских стран *(без учета бывшего СССР. – Прим. пер.)*», – добавляет Рудольфо Гонзалес.

<...>

«Отвратительно видеть, как главы некоторых государств приветствуют Кастро. Я уверен, что французы, например, не хотели бы иметь в своей стране политический режим, подобно кубинскому», – размышляет Чанес Армас.

Процитируем Армандо Валладареса: «Человек – самое чудесное создание природы. Подвергая его пыткам, разрушая его жизнь, преследуя его за веру, вы не просто нарушаете права человека – вы совершаете преступление против всего человечества».

Журнал «CONTACTO»

Перевод с испанского: Вл. Холмогорский

И все они будут стремиться убить тебя, и твоих друзей, и твое дело, потому что ... в этом мире не знают других способов переубеждать инакомыслящих...

Аркадий и Борис Стругацкие «Обитаемый остров»

От редакции:

В 1960 г. 23-летний инспектор банка, Армандо Валладарес, был брошен в тюрьму за отказ поменять свои политические и религиозные убеждения под давлением режима Кастро. Валладареса осудили на 30 лет как «контрреволюционера» только за то, что он не стал размещать над своим столом плакат: «Если Фидель – коммунист, то я тоже. Его идеи победят». Валладарес заявил, что не поддерживает коммунизм Кастро.

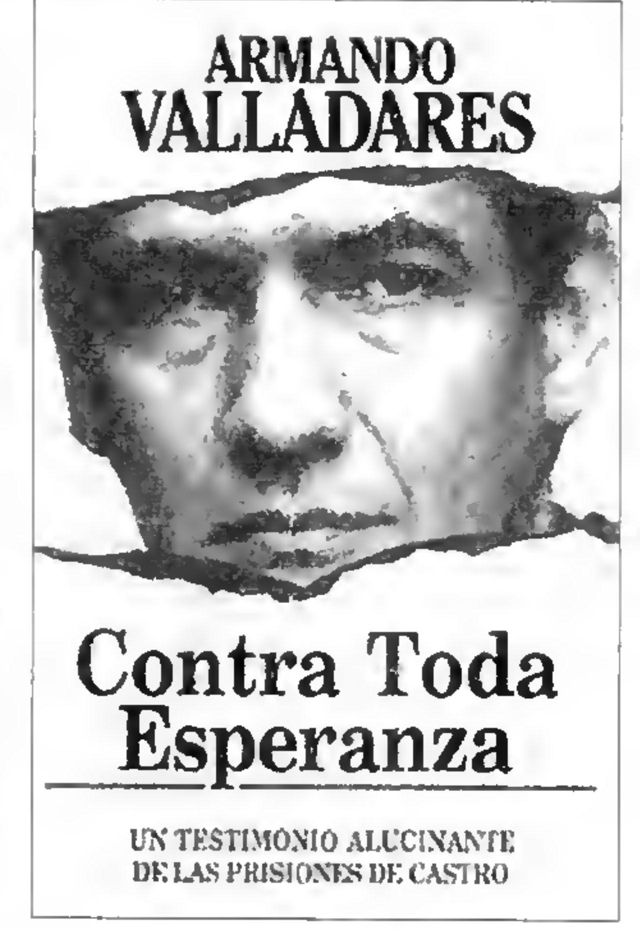
За его честность и храбрость он был брошен в печально знаменитую кубинскую тюрьму на острове Пинос, где содержался в ужасных условиях. За 22 года, проведенные там, Валладарес неоднократно был свидетелем смерти своих товарищей: одни умирали морально, других убивали физически. Он призывал узников Пиноса не отказываться от своих убеждений и веры в Бога. Валладаресу потребовалась исключительная сила духа для сопротивления идеологической обработке.

«Для меня отступничество было бы духовным самоубийством. Пока я был в тюрьме, никто не мог посягнуть на мою свободу, она вообще не место для чьих-то маневров. На Кубе много людей, которые могут идти куда вздумается, но они не свободны. Для меня эти годы – 8000 дней голода, постоянных избиений, тяжелого труда, одиночества в камере, 8000 дней борьбы за человеческое достоинство, 8000 дней, которые доказали, что мой дух может одержать победу над истощением и болью, 8000 дней испытания моей веры, борьбы с ненавистью, которую мои атеисты-тюремщики пытались привить мне с каждым уколом штыка, 8000 дней борьбы за то, чтобы я не стал таким, как они».

Вместо прошений Валладарес писал поэму, которая была тайно вывезена из страны и издана в Европе. Благодаря этой публикации он стал самым известным узником совести на Кубе и привлек внимание французского президента Франсуа Миттерана, который содействовал освобождению Валладареса в 1982-м, помог издать книгу его воспоминаний и стихов «Contra toda esperanza»(«Надеясь вопреки всему») и проводил кампанию по освещению тяжелого положения политических заключенных на Кубе.

В 1987 году, когда Армандо Валладарес был назначен президентом Рональдом Рейганом, прочитавшим его книгу, представителем Соединенных Штатов в Комиссии по правам человека ООН, ему удалось убедить провести исследования тюремной системы на Кубе и обнародовать свидетельства ее ужасающего состояния. Вспоминая о своем товарище, доведенном в тюрьме до самоубийства, Валладарес сказал: «Мы должны войти в камеру каждого такого Фернандо Лопеса дель Торо во всем мире, показать свою солидарность и сказать им: "Никто не отнимет вашу жизнь. Есть люди, которые хотят вам помочь. Ваше человеческое достоинство победит"».

Армандо Валладарес продолжает бороться против режима Кастро, он включил в новое издание книги «Надеясь вопреки всему» историю 10-летнего Элиана Гонзалеса, как политического заключенного, бессовестно используемого Кастро в своих политических целях. На недавнем дне рождения мальчика, выступая перед учениками младших классов, Кастро битых два часа произносил политическую тираду против США.

Валладарес обращается также к религиозным лидерам, которых одурачили левые и Кастро: «В течение многих лет, надеясь заставить нас отказаться от веры и лишить нас моральной опоры, кубинские коммунисты неоднократно использовали заявления некоторых представителей американской христианской церкви. Каждый раз, когда в Америке издавалась брошюра, в которой священник поддерживал диктатуру, перевод присылали нам, и это было гораздо хуже для узников совести, чем побои и голод, потому что мы очень нуждались в сочувствии и понимании наших братьев во Христе».

В предисловии к последнему изданию своей книги Валладарес пишет: «Мой ответ тем, кто все еще пробует оправдать тиранию Кастро, говоря, что он построил школы и больницы, таков: Сталин, Гитлер и Пиночет также строили школы и больницы, и, подобно Кастро, они также мучили и убивали своих противников. Они построили концентрационные лагеря и лагеря смерти и уничтожили все свободы, совершив самые тяжкие преступления против человечества».

Книга Армандо Валладареса «Надеясь вопреки всему» неоднократно издавалась на испанском, английском, французском и немецком языках. Настоящая публикация – первая на русском языке.

Армандо ВАЛЛАДАРЕС

НАДЕЯСЬ ВОПРЕКИ ВСЕМУ

Посвящается памяти моих товарищей,
которых мучили и убивали
в тюрьмах Фиделя Кастро,
и
тысячам заключенных, которые
в настоящее время страдают там.

Из предисловия к первому изданию

Эта книга – свидетельство о двадцати двух годах, проведенных мной в политических тюрьмах Кубы только за то, что мои мысли и идеи отличались от идей режима Фиделя Кастро.

В моей стране есть то, чего не могут опровергнуть даже самые пылкие защитники кубинской революции – существование диктатуры, длящейся более четверти века. Ни один диктатор не может удержаться у власти в течение такого времени без нарушения прав человека, без преследований, без политических репрессий и тюрем.

В настоящий момент на Кубе существует более двухсот исправительных учреждений, включающих тюрьмы строгого режима, концентрационные лагеря, так называемые «фермы» и «рудники», использующие принудительный труд заключенных.

В каждой из этих двухсот тюрем есть достаточно историй, которых хватило бы на несколько книг. Поэтому свидетельства, приведенные здесь, – лишь малая часть ужасной тюремной реальности.

Настанет день, когда вся реальность станет известна полностью. И тогда человечество ужаснется, как оно ужаснулось, узнав о преступлениях Сталина.

<...>

Для меня эта реальность – ночь, которая прошла, но она не кончилась для тех моих товарищей, что остаются в тюрьмах более двадцати пяти лет.

Их тюремные сроки – самые долгие в Латинской Америке, а может, – и во всем мире.

В этой книге есть фотографии людей, упомянутых, чтобы подтвердить подлинность рассказа. Они помещены с их согласия. Эти люди живут сейчас в США, Венесуэле и других странах. До них не дотянутся руки кубинского диктатора.

Тот, кому довелось побывать в тюрьмах, встречал там между тюремщиками настоящих людей, с риском для себя помогавших заключенным. Имена этих людей, как и то, что они сделали для меня, не могут быть здесь названы для их безопасности.

Я не могу не воскресить в своей памяти людей, благодаря которым я обрел свободу и возможность издать эту книгу. Я не пишу здесь их имена, потому что список получился бы очень длинным и потому, что многие думали обо мне, делали что-то для меня, даже не зная моего имени. О них самые добрые воспоминания – в моем сердце.

Мадрид, 1985 год.

Глава 4
Смерть вслед за смертью

Привели других заключенных, которых тоже ожидал суд. Это были два брата Байоло, крестьяне, обвиненные в краже динамитных патронов из каменоломни своего поселка. Байоло не имели адвоката, им не позволили встретиться с кем-либо из защитников. Я пообещал, что, когда ко мне придет мой адвокат, я попрошу заняться его их делом, но сам понимал, что адвокат мало что сможет сделать.

Как он сможет их защищать, не зная обстоятельств дела? О какой защите могла идти речь, когда он впервые увидел бы подсудимых за десять минут до суда? Мой адвокат не смог помочь даже тогда, когда братьев Байоло приговорили к смерти.

Через час было решено, что суд надо мной переносится в другое здание, в клуб офицеров. В это время там судили трех служащих телефонной компании. Смерти избежал только Армандо Родригес Вискано, остальные были расстреляны на рассвете следующего дня. Последнее, что я видел перед судом, – жену одного из них, безутешно рыдавшую у дверей клуба.

Тринадцать дней прошло с того момента, как меня вытащили из дома и привели в комиссариат на допрос. За этот короткий срок политическая полиция успела подготовить весь процесс, но не удосужилась предоставить мне, сидевшему в одиночке, ни единой встречи с адвокатом и, как выяснилось потом, не дала ему возможности ознакомиться с делом.

На деревянной сцене клуба стоял длинный стол, за которым сидели члены суда. Они болтали между собой, громко смеялись и дымили сигарами, перекатывая их во рту из угла в угол, как бандиты в старых фильмах. Все они были в военной форме. Это был типичный рабоче-крестьянский суд, подобные которому действовали в те дни по всей Кубе.

Когда началось «слушание», председатель суда Марио Тагле положил ноги на стол и открыл журнал с фотографиями танцовщиц. Иногда он наклонялся к своим «коллегам» и показывал им наиболее смешные, по его мнению, фотографии, и они начинали хохотать вместе. Они отлично знали, что приговор уже вынесен, и не скрывали этого.

Уже утвержденные приговоры поступали из штаба политической полиции. «Судьи» говорили только то, что было написано в приговоре, и никаких изменений быть не могло.

Прокурор начал допрос других обвиняемых. Никто из них меня не знал. Никто не подтвердил выдвинутых против меня обвинений.

Прокурор вызвал командира отряда, арестовавшего меня в моем доме.

– Это вы арестовали обвиняемого?

– Да, сеньор, и мы обыскали его дом, но ничего не нашли...

– Отвечайте только на поставленные вопросы, – выкрикнул прокурор, недовольный тем, что слова полицейского услышали военные, присутствовавшие в комнате суда.

Родственникам обвиняемых было запрещено присутствовать на суде, и часто они даже не знали, когда он состоялся.

Меня и других подсудимых на этом процессе защищал доктор права Арамис Тобоада, университетский товарищ Кастро. После университета они работали вместе в одной адвокатской конторе. Позже Кастро предложил Тобоаде написать воспоминания о тех годах. Эта книга должна была стать апологией диктатора и пополнить список книг, восхваляющих культ его личности. Тобоада отказался и очутился в тюрьме.

Через некоторое время он был освобожден, но в 1983 году вновь арестован и осужден за «разглашение государственной тайны» о готовящемся расстреле пятерых молодых людей, пытавшихся организовать независимый профсоюз по образцу польской «Солидарности». «Преступление» Арамиса Тобоады позволило спасти жизни приговоренных, поскольку поднялась волна международных протестов.

В начале 60-х Тобоада часто выступал защитником на политических процессах и по причине хороших связей в верхах новой власти имел достаточно точную информацию о приговорах. От него нам было известно, что на нашем процессе смертных приговоров не будет.

Это было несказанным облегчением.

Прокурор не смог привести ни одного доказательства моей вины. В своей речи он долго и нудно говорил о том, какой несчастной была Куба до Кастро, клеймил американских эксплуататоров, возмущался проституцией и закончил тем, что все обвиняемые на этом процессе хотели возвращения к позорному капиталистическому прошлому.

Обращаясь ко мне, обвинитель сказал:

– Вы сотрудничали со священниками, выпускавшими контрреволюционные воззвания.

– Нет, я не имею к этому никакого отношения.

– Но нам известно, что вы знаете многих священников и учились в католическом колледже.

Прокурор повернулся к председателю суда и заявил, что я враг революции, совершивший диверсии и акты саботажа, и торжествующе перечислил большое число статей, по которым мне полагалось суровое наказание.

Ни тогда, ни после, в течение всех двадцати лет моего заключения, никто из представителей власти не сказал мне, где и какие я совершил диверсии. Ведь результаты диверсии – конкретны и осязаемы, будь то последствия взрыва, пожара или акта саботажа. Я спросил прокурора, где, на какой фабрике, в каком учреждении, когда я совершил приписываемые мне диверсии. Я не получил ответа. Ответа и не могло быть, потому что я не совершал ничего из того, в чем меня обвиняли.

Представьте себе человека, обвиняемого в убийстве, которому говорят, что не знают, кого, когда и где он убил, и когда тот просит предъявить ему труп, то отвечают, что трупа тоже нет.

Адвокат Риверо Каро

Ни один суд в правовом государстве не смог бы вынести мне обвинительный приговор. У суда не было ни единой улики, ни одного свидетельского показания. Но я был осужден, поскольку так решила политическая полиция.

И я не был исключением. Известный адвокат Риверо Каро навсегда запомнил слова, сказанные ему следователем, доведенным до бешенства упорством адвоката, отказывавшегося подписать добытое под пытками признание задержанного:

– Ваше мнение как адвоката не имеет никакого значения, ваши протесты – не имеют значения, что скажет прокурор – не имеет значения, улики и доказательства – не имеют значения, мнение судьи – не имеет значения. Единственное, что имеет значение, – то, что прикажет Фидель.

Иногда, когда адвокат обвиняемого имел хорошие связи в руководстве политической полиции, то подсудимый мог узнать свой приговор еще до суда.

Так произошло с команданте Умберто Сори Марином, когда его старая мать узнала, что ее сын, один из бывших соратников Кастро, обвинен в подпольной деятельности и должен быть расстрелян.

По иронии судьбы, именно Сори Марин был автором известного закона, по которому были расстреляны десятки сторонников диктатора Батисты в первые месяцы 1959 года. Утро, когда Сори Марина привели во внутренний двор тюрьмы Ла Кабанья, наверное, стало самым тяжелым моментом в его жизни. В камерах смертников здесь были люди, осужденные на смерть по написанному им закону, и даже те, кому он лично выносил смертные приговоры. Каково же было его удивление, когда один из смертников протянул ему руку и сказал:

– Чувствуйте себя среди друзей. За этой железной решеткой мы все – товарищи.

Там находился экс-команданте Мирабаль, бывший начальник Генштаба и один из участников военного переворота 10 марта 1952 года. Он отвел Сори в камеру, показал ему удобное место, где положить матрас, и, вручив несколько сигар из своего небольшого запаса, просто сказал:

– Да поможет нам Бог!

Сори Марин был одним из самых близких соратников Кастро. Они вместе сражались в горах Сьерра-Маэстра, причем Умберто был членом Главного штаба повстанцев. Он разработал закон об аграрной реформе. После победы революции их отношения стали еще более тесными. Кастро обычно завтракал в доме Сори Марина, поскольку мать Умберто была превосходной кухаркой.

Поэтому, когда сеньора Марин узнала, что ее сына собираются расстрелять, она добилась встречи с Кастро. Состоялась драматическая встреча. Лидер

Умберто Сори Марин

революции обнял рыдающую женщину и ласково гладил ее по седой голове.

– Фидель, я прошу только об одном... не убивай моего сына, сделай это ради меня...

– Кальмезе, с Умберто ничего не случится, я обещаю тебе.

И мать Сори Марина, обезумев от радости, все еще с глазами, полными слез, поцеловала Фиделя и поспешила к семье, чтобы рассказать о спасении сына. Она верила Фиделю, ведь они ее сын перенесли вместе столько опасностей, они разделили столько огорчений и тревог. Их общее героическое прошлое не могло быть забыто.

На следующую ночь после встречи по личному приказу Кастро Умберто Сори Марин был расстрелян.

Те, кто сражался вместе с Кастро за установление демократии, были обмануты: кто-то бежал из страны, другие вновь взяли в руки оружие или ушли в подполье. Уже были расстреляны, часто бездоказательно, офицеры и чиновники прежнего режима. В те дни группы женщин, одетых в черное, входили беспрепятственно в камеры с арестованными и внимательно вглядывались в лица...

Достаточно было, чтобы одна из них указала на кого-либо из арестованных:

– Вот этот... Он убил моего сына!

Это был конец. Без какого-либо расследования человека расстреливали.

Никто не сможет сказать, сколько человек погибли из личной мести, а не за преступление.

21 января, выступая на манифестации у Президентского дворца, Кастро заявил:

– Подонки, которых мы расстреляли, а их около 400, виновны в массовых убийствах мирных жителей.

За неделю до этого, 12 января 1959 года, в лагере военнопленных в долине Сан-Хуан (провинция Ориенте), несколько сотен солдат из разгромленной армии Батисты были загнаны в широкий ров длиной более 50 метров, со связанными руками, и расстреляны из пулеметов. Затем ров был засыпан с помощью бульдозеров. Не было никакого суда. Многие из этих солдат были недавно крестьянами, поступившими на военную службу по экономическим причинам. Приказ о расстреле отдал Рауль Кастро. И это не единственный факт: массовые расстрелы солдат армии Батисты, без суда и следствия, проводились столь широко, что это невозможно расценить иначе как месть солдатам разбитой армии.

<...>

В камерах одиннадцать, двенадцать и четырнадцать печально знаменитой тюрьмы Ла Кабанья объединили самых разных людей: там были офицеры армии Батисты и революционеры, которые их победили. Многие бывшие сторонники Кастро были уничтожены по тем же законам, что и их бывшие враги.

Там был Давид Сальвадор, руководитель «Движения 26 июля», бывший Генеральный секретарь Федерации рабочих Кубы, известный не только заслугами перед революцией, но и своими радикальными взглядами. Это он на митинге в первые революционные дни вырвал микрофон у экс-президента Коста-Рики, когда тот сказал, что в войне между США и СССР Латинская Америка должна быть на стороне США. Этот экспрессивный поступок рабочего вожака вызвал у Фиделя, стоявшего рядом на трибуне, одобрительную улыбку. Тем не менее через несколько месяцев Давид Сальвадор был осужден на тринадцать лет тюрьмы как контрреволюционер.

Революция, подобно Сатурну, пожирала собственных детей.

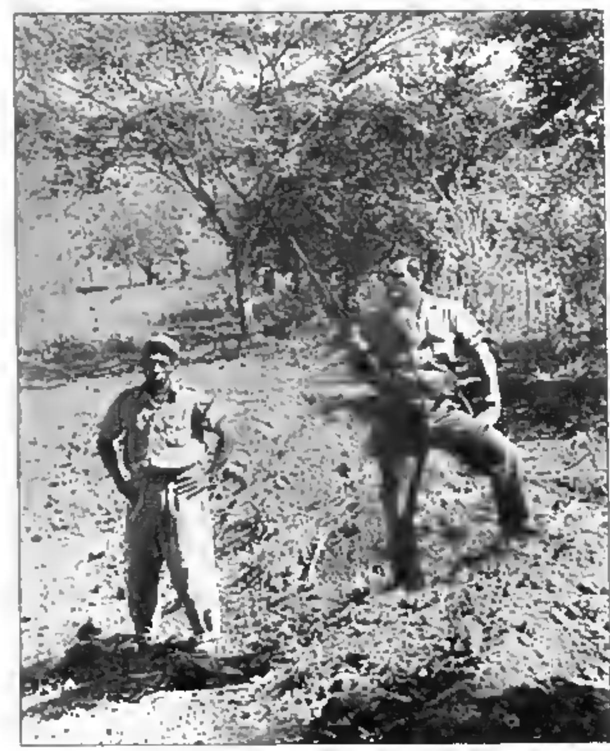
У бывших банкиров, студентов, офицеров армий Батисты и Кастро, рабочих, крестьян, всех, кто был брошен в тюрьмы, было то, что уравнивало и объединяло их всех, несмотря на прежние различия: черная буква «П» на спине, штыки, что угрожали и ранили, и винтовки, ждавшие часа расстрела.

Отношения между заключенными в те горькие дни – это была дружба, это было товарищество.

Да, были вспышки взаимной ненависти, когда вдруг в одной камере сталкивались бывший прокурор «революционного» суда и человек, приговоренный им к смерти. Но это было редко.

Внутри стальных решеток просыпался дух солидарности против общих угнетателей-коммунистов.

Гульермо Диаз Ланц был братом первого командующего Воздушными Революционными силами, сбежавшего в США через несколько месяцев после победы революции и оттуда продолжавшего бороться с Кастро. Для Гульермо это родство оказалось роковым. Он стал братом «предателя Педро Луиса Диаза Ланца» и поэтому попал за решетку. Гульермо был талантливым художником, легко рисовавшим портрет, карикатуру или пейзаж.

Участники расстрела солдат Батисты в январе 1959 года в провинции Сан-Хуан позируют фотографу, стоя на засыпанном рву с телами казненных.

Однажды рано утром куском мела он написал на стене слова Хосе Марти, апостола кубинской независимости:

«Убийца и предатель. Человек, не верящий в Бога. Враг людей, одурманивающий ложными доктринами новое поколение, внушающий им сладкими словами любви варварское евангелие ненависти».

На вечерней проверке охрана обнаружила лозунг. Утром солдаты ворвались в камеру. Скрытый в цитате из Марти намек на Кастро был слишком ясен. Гульермо считал, что слова Марти нельзя уничтожить. Он ошибся. Тюремщики избили его и заставили стереть надпись. Когда он закончил, его увели, сказав, что отправляют в карцер. За дверью Гульермо убили ударами штыка в спину.

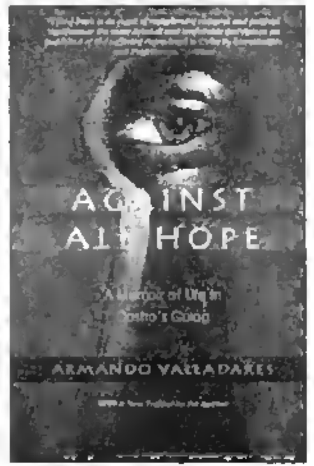
* * *

Около трех часов ночи спавшие близко к забранной стальной решеткой двери разбудили остальных криком: «Проверка!» Почти в то же мгновение внутренний двор наполнился полицейскими. Железные решетки оставались закрытыми. Полицейские выстроились напротив камер. Двери открыли и дали приказ выходить, и тут же началась стрельба поверх голов. Люди рванулись наружу, где их встречали удары палками. Одного из нас, семидесятивосьмилетнего старика Гойчочеа, который почти не мог ходить, сбили с ног, он упал и сломал бедро.

Я выбежал из камеры босиком и вдруг замер от ужаса. В одном из ботинок, стоявшем под моей койкой, были спрятаны мои часы. Обычно я успевал надеть ботинки и так сохранял часы от грабежа. Сейчас я был уверен, что лишился их навсегда. Они были подарком отца, и при мысли об их утрате меня охватила тяжелая тоска.

Лежавшего на земле Гойчочеа никто не поднял; мы бежали, прикрываясь от ударов, боясь затоптать его. Наконец заключенные сгрудились у стены под прицелом винтовок с примкнутыми штыками. При проверке присутствовали сотрудники Национальной Революционной полиции, которая сотрудничала с гарнизоном Ла Кабаньи.

Это была не просто проверка, а «РЕКВИЗИЦИЯ»! Несколько месяцев назад правительство начало кампанию по взиманию «добровольных» взносов на покупку оружия.

Книга Армандо Валладареса, изданная в США.

Правительство призывало народ жертвовать для этой цели деньги и драгоценности, в том числе кольца, серьги, золотые цепочки и т.д.

У всех заключенных были отобраны часы и обручальные кольца. Один за другим, раздетые догола, мы возвращались в камеры под крики полицейских:

– Живее! Вы должны помочь покупке самолетов и оружия!

Если кто-то осмеливался возражать против грабежа, того жестоко избивали. Мои часы оставались в камере, где полицейские перетряхивали все вещи. Я был уверен, что их несомненно нашли.

Все отобранные вещи полицейские сложили в брезентовые мешки. Когда мы вернулись в разгромленные камеры, нашим глазам предстало месиво из остатков личных вещей и одежды. Проклиная грабителей, мы принялись разбирать уцелевшее. Глубоко под койкой у самой стены я обнаружил один ботинок. Сунув внутрь руку, я нащупал там свои часы, пережившие обыск. И тут меня охватил страх. Страх иметь вещь, которая мне принадлежала.

Что будет, если обнаружат, что я скрыл часы от реквизиции? Они решат, что я насмеялся над ними, и станут мстить. Боже, что делать?

Я тупо смотрел на часы, зажатые в ладони, а мои сокамерники с изумлением глядели на меня и тихо спрашивали:

– Как тебе удалось?..

Мне запретили иметь свои собственные часы. Меня заставляли прятать их, словно я их украл. У меня возникла мысль подойти к двери, вызвать охрану и отдать им принадлежавшую мне дорогую для моей памяти вещь, чтобы спасти себя от дальнейшего преследования. Но если бы я поступил так, я проявил бы предательскую слабость и сделал бы роковой шаг по пути к моральной смерти. Я принял решение. Я не сделал того, что было противно моей душе.

Я всегда старался действовать в согласии со своими убеждениями, ибо можно выдержать пытки палача, но не собственной совести.

***

Они у меня всё отобрали
Перья
Карандаши
И чернила
Потому что они не желают
Чтобы я писал
И они держат меня
За тюремной решеткой
Но они меня не сломили.
Они у меня всё отняли
Или почти всё
Но у меня остается улыбка и гордость
Свободного человека
И в душе сад
Который цветет вечно.
Они всё отняли
Перья
Карандаши
Но у меня остаются чернила жизни –
Моя чистая кровь
Которой я пишу эти строки.

Перевод с испанского:
Владимир Холмогорский

Густаво АРКОС Бергнес

ПИСЬМО С КУБЫ

26 июля 2003 года кубинское телевидение продемонстрировало кадры пустого госпитального помещения, просторного, чистого. С большими окнами.

50 лет назад в этом помещении находился в заключении Фидель Кастро.

После неудачного нападения на казармы Монкада (Сантьяго-де-Куба), в которых размещались солдаты диктатора Фульхенсио Батисты, Кастро и около ста его соратников (среди которых был и я) были обвинены в попытке мятежа и осуждены на сроки до 15 лет.

Сам Кастро был приговорен к 15 годам тюремного заключения, но спустя 21 месяц, вместе с остальными участниками нападения, освобожден по амнистии и с тех пор никогда больше не арестовывался. В революцию 1959 года он пришел к власти и стал Тем, Кто Отправляет в Тюрьмы Других.

Для меня тюрьма 1953 года отнюдь не стала последней.

В середине 60-х, будучи послом Кубы в Бельгии, я выразил несогласие с действиями правительства Кастро, немедленно был отозван и приговорен к 10 годам тюрьмы, из которых отсидел три, а в 80-х, по обвинению в подготовке бегства с Кубы, был арестован и отправлен «досиживать» оставшиеся 7 лет.

Четыре месяца назад *(в марте 2003 г. – Ред.)* 75 мужественных кубинских диссидентов были захвачены в результате проведенных облав и спустя две недели приговорены к тюремным срокам до 28 лет.

В отличие от нас, так называемых «монкадистов», эти диссиденты не прибегали к насилию. Их «оружием» были пишущие машинки, кино- и фотокамеры, аудио- и видеокассеты.

Эти люди – писатели, врачи, адвокаты, экономисты, учителя, крестьяне и правозащитники – наивно верили, что правительство не бросит в тюрьмы тех, кто всего лишь распространяет Всеобщую Декларацию прав человека, которую это же правительство подписало.

Но есть трагический контраст между Кастро-заключенным полувековой давности и Кастро-тюремщиком ныне.

Заключенному Кастро, адвокату по профессии, было предоставлено три месяца до суда, чтобы подготовить собственную защиту. Тюремщик Кастро позволяет сегодняшним диссидентам встречу с адвокатом лишь за несколько минут до суда, если вообще не отказывает в этом.

Их камеры нисколько не походят на светлую и просторную больничную комнату заключенного Кастро в 1953-м: большинство содержатся в камерах, полных крыс и москитов, во многих кран для питьевой воды находится над отверстием в полу, используемым заключенными как туалет.

На свидания с родственниками (раз в три месяца) их выводят в наручниках или даже кандалах.

Мы, «монкадисты», как прибегшие к насилию, не могли бы быть признаны узниками совести сегодняшними гуманитарными организациями.

Тем не менее Батиста предоставил нам статус политических заключенных, и нас разместили в отдельной секции тюрьмы Исла дель Пинос, чтобы избежать контакта с уголовниками.

Сегодняшние диссиденты, объявленные Международной Амнистией узниками совести, брошены за решетку вместе с убийцами и насильниками. Поэты Рауль Риверо и Мануэль Васкес Портал – указываю на задокументированные случаи – размещены в общих камерах с самыми опасными из уголовников, в тех, которые сам Кастро называл «подлинными университетами преступлений».

В далеком 1953 году две заключенных женщины, входивших в нашу группу *(Айде Сантамария и Мельба Эрнандес. – Прим. пер.)*, постоянно питались вместе с семьей начальника тюрьмы, родственник одного из заключенных купил скотобойню на Исла дель Пинос и снабжал заключенных продуктами питания.

Сегодняшнее питание в тюрьмах для диссидентов – это совсем другая история, многие из 75 заключенных больны (и им отказывают в передаче лекарств от родственников), и каждый перенес сердечный приступ. Родственники заключенных сообщают об угрожающей потере веса только лишь после четырехмесячного заключения.

Я сейчас старик, мне 76, как и Кастро, и я не думаю, что тюремщих сможет причинить мне больший вред за мои выступления, чем мой возраст. Хотя я уверен, что мой младший брат, Себастиан, умер в тюрьме в 1997 году из-за преднамеренного отказа в медицинской помощи.

Я не надеюсь, что Кастро продемонстрирует заключенным то же великодушие, из какого он извлек выгоду в 1953 году, или что он освободит их по амнистии.

Но возможно, я ошибаюсь.

Это было бы достойным способом отметить годовщину.

Перевод с английского: В. Х.

Gustavo Arcos Bergnes – Генеральный секретарь Кубинского Комитета по правам человека.

Впервые опубликовано:
Scotsman News, 2003, 26, Июль.

ИЗ ДОКЛАДА МЕЖДУНАРОДНОЙ АМНИСТИИ

О ПОЛОЖЕНИИ С ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА НА КУБЕ. 2002 ГОД

1.Вступление

С начала деятельности Международная Амнистия определяла как «узников совести» «людей, находящихся в заключении исключительно по причине того, что их взгляды недопустимы для их правительства». Этот термин применялся в отношении кубинцев, арестованных за мирное выражение своих взглядов. Некоторые из ранних узников совести были деятелями профсоюзных и общественных движений, выступавшими, подобно сторонникам Фиделя Кастро, против диктатуры Фульхенсио Батисты, но арестованные после победы революции за критику действий своих прежних соратников. Другие были арестованы за их религиозные воззрения или за высказанные открыто возражения. Появившиеся со временем мирные политические группы с идеями и воззрениями, отличающимися от предписанных властью, подвергались преследованиям, а их члены, арестованные за диссидентскую деятельность, также пополнили список узников совести.

Помимо проблем, связанных с узниками совести, Международную Амнистию беспокоят следующие проблемы: условия содержания заключенных в тюрьмах, справедливые суды в отношении политических заключенных и смертная казнь.

За тридцать лет представители Международной Амнистии несколько раз посещали Кубу. В 1977 году представителям Амнистии разрешили встретиться с правительственными должностными лицами, но запретили встречи с политическими заключенными. Вторично Международная Амнистия посетила Кубу в 1988 году. В 1990 году во время проведения в Гаване Восьмого Конгресса ООН по предотвращению преступлений делегаты от Международной Амнистии вновь встретились с должностными лицами и представителями общественных организаций. В дальнейшем правительство Кубы не отвечало на просьбы Амнистии о доступе.

В последние годы работа Международной Амнистии сосредоточилась на отстаивании прав множества узников совести, привлечении внимания мировой общественности к продолжающемуся преследованию диссидентов и вынесению смертных приговоров.

Ситуация на Кубе

Международная Амнистия по-прежнему обеспокоена, что на Кубе продолжаются аресты людей за их религиозные и иные убеждения. Общее количество людей, задержанных в настоящее время за политические преступления на Кубе, неизвестно, но шестеро из них, о которых было сообщено в печати, идентифицированы Амнистией как узники совести. Признавая, что по сравнению с прошлыми десятилетиями это представляет значительное сокращение, Амнистия призывает к безоговорочному освобождению всех узников совести и аннулированию репрессивных законов, на основании которых они были осуждены.

В то время, когда число установленных узников совести сократилось, международные и общественные организации с беспокойством отметили увеличение других типов нарушений прав человека, включая краткосрочный произвольный арест, угрозы, вызовы в отделы милиции и госбезопасности и другие виды преследования, направляемые государством против политических диссидентов, независимых журналистов и других активистов с целью ограничить их возможность осуществления фундаментальных свобод.

Подобное преследование, в дополнение к действиям официальных активистов, широко применяется для удушения инициатив типа Проекта Варела о проведении референдума по вопросу о политических реформах, собравшего подписи 10000 избирателей, необходимых для представления этого проекта перед Национальной Ассамблеей Народных Сил. Кроме того, несколько недавних инцидентов использования насилия против протестующих могут свидетельствовать о начале чрезвычайно опасной тенденции в действиях кубинских властей в целях подавления инакомыслия. Примером этого являются действия сил безопасности во время событий 27 февраля 2002 года, когда 21 кубинец проехал в автобусе на территорию посольства Мексики в Гаване. Корреспондент агентства Рейтер Эндрю Кавторн и телеоператор Алфредо Тедеши, снимавшие репортаж об этом событии, были избиты полицейскими и сотрудниками госбезопасности. Источник в службе госбезопасности сообщил, что около 150 кубинцев, собравшихся в этот момент у ворот посольства, были арестованы с применением насилия. После того как полиции было разрешено войти на территорию посольства, она арестовала всех прорвавшихся туда кубинцев. Большинство задержанных, включая нескольких известных диссидентов, находятся в заключении по сей день.

Кубинский закон предусматривает применение смертной казни. По меньшей мере, 49 человек находится сейчас в камерах смертников, и Международная Амнистия продолжает настаивать на полной отмене смертной казни.

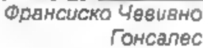
Узники совести

На Кубе ограничение свободы высказываний и ассоциаций закреплено законом.

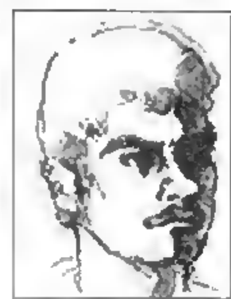
Особенно это относится к независимым журналистам и деятелям профсоюзного движения – т.е. тем, кто работает вне государственных СМИ и официальных профсоюзов.

Ниже приводится краткий список некоторых «преступлений», включенных в Уголовный кодекс Кубы, применяемый в отношении узников совести.

«Непочтительность» (ст. 144) – применяется в отношении тех, кто любым способом выражает неуважение или оскорбляет представителей власти.

Франсиско Чевиано Гонсалес

Оскар Элиас Биссет

Хесус Джозль Диас Эрнандес

Бернардо Аревало Падрон

Владимеро Рока

Журналист *Бернардо Аревало Падрон* осужден на шестилетний тюремный срок по обвинению в оскорблении президента Фиделя Кастро и вице-президента Карлоса Лага в интервью, данном американской радиостанции.

Хулия Сесилия Дельгадо провела в тюрьме 10 месяцев по обвинению в «непочтительности» за участие в мирном марше, призывавшем к соблюдению прав человека на Кубе. После освобождения она описывала условия в тюрьме Манто-Негро как «совершенно невыносимые: вода, предназначенная для питья заключенными, загрязнена канализацией. Большинство заключенных страдает кожными заболеваниями, диареей и вагинальными инфекциями».

«Общественный беспорядок» (ст.200-201) – применяется к тем, кто производит действия с намерением создать панику или волнения.

Карлосу Оквендо Родригесу грозят, по меньшей мере, два года тюрьмы за « создание общественного беспорядка» и «непочтительность», выразившиеся в публичной критике Кастро.

«Разглашение государственной тайны» (ст.95-96) – применяется к тем, кто разглашает государственные тайны любого вида.

Франсиско Чавиано Гонсалес, президент Национального Совета по гражданским правам на Кубе, неофициального объединения правозащитников, в 1994 году был осужден на 15 лет тюрьмы за передачу информации о кубинцах, погибших в море во время попыток бежать из страны. У него язва двенадцатиперстной кишки, артрит, гипертония и серьезные проблемы с легкими. Несмотря на это, он долгое время не получает никакой медицинской помощи и, более того, неоднократно отправлялся в карцер. Он был жестоко избит во время ареста и 17 июня 1999 года, когда, по сведениям Международной Амнистии, тюремщики сломали ему голень и изуродовали лицо. Франсиско Чавиано Гонсалес неоднократно объявлял голодовки протеста.

«Враждебная пропаганда» (ст.103) – применяется против тех, кто подстрекает против социалистического порядка, международной солидарности или социалистического государства посредством устной или письменной пропаганды, против тех, кто изготавливает, распространяет или хранит предметы враждебной пропаганды, тех, кто распространяет ложную информацию, способную сеять тревогу или недовольство среди населения.

Сесилио Ментегудо Санчес провел четыре года в тюрьме за изготовление листовки, призывавшей людей не голосовать на выборах в органы местной власти в октябре 1997 года. Листовка не была отпечатана и не распространялась. Согласно Кубинской Конституции, граждане имеют право голосовать, но не обязаны это делать.

Виктор Бресслер Виллазон и его сын *Эмилио Бресслер Сиснерос* провели в тюрьмах 8 и 6 лет соответственно. Они являлись членами общественной организации «Новое поколение», объединявшей независимых интеллектуалов и писателей Виктор Бресслер был приговорен к 12 годам тюрьмы за «подготовку восстания и враждебную пропаганду», за принадлежность к диссидентской организации и распространение листовок. Эмилио Бресслер был приговорен к шести годам тюрьмы за «враждебную пропаганду» в виде распространения листовок.

«Оскорбление национальных символов» (ст. 203) – применяется к тем, кто оскорбляет или выказывает презрение посредством любого действия к национальному флагу, гимну или гербу.

Оскар Элиас Биссет приговорен к трем годам тюрьмы за то, что в октябре 1999 г. вывесил кубинский флаг на своем балконе «вверх тормашками» во время проведения пресс-конференции с журналистами у себя дома.

«Распространение клеветы о борьбе за мир во всем мире» (ст. 115) – применяется против тех, кто распространяет клевету с намереньем опорочить борьбу за мир во всем мире или подвергает опасности престиж или репутацию Кубы и её хорошие отношения с другими государствами.

Генеральный секретарь независимого профсоюза *Хосе Орландо Гонсалес Бридин* провел 11 месяцев в тюрьме в 2001 году за интернет-статью, в которой он обвинял полицию в отказе расследовать убийство другого независимого профсоюзного лидера, Иоханны Гонсалес Нерреры, по утверждению властей, убитой ее бывшим мужем.

«Опасное состояние» (ст.72-74) – применяется к тем, кто находится в состоянии готовности к преступлению или демонстрирует поведение, противоречащее социалистическим моральным нормам.

Независимый журналист *Хесус Джозль Диас Эрнандес* провел два года в тюрьме, с января 1999-го до января 2001 года по этой статье. Расплывчатость формулировки этой статьи Уголовного кодекса неоднократно использовалась против тех, кто принимал участие в диссидентских акциях.

В документе, озаглавленном «La Patria es de Todos» (Родина принадлежит всем), известные диссиденты Владимеро Рока, Рене Гомес, Феликс Бонне и Марта Беатрис Роке критиковали решения, принятые Пятым съездом Компартии Кубы, обращались к кубинцам с призывом саботировать выборы, а ино-

странцам – воздержаться от инвестиций в экономику Кубы. Все четверо были арестованы 17 июля 1997 года и осуждены за «действия, угрожающие национальной безопасности» на различные сроки тюремного заключения – от трех до пяти лет. В мае 2002 года Владимеро Рока последним из осужденных вышел на свободу. Согласно заявлению, сделанному его женой Магали Армас, состояние здоровья Владимеро Рока крайне тяжелое. Он страдает артериальной гипертонией и хронической болезнью легких. Большую часть срока заключения Рока провел в одиночке и неоднократно помещался в карцер.

Владимеро Рока – сын Бласа Рока, одного из основателей Компартии Кубы.

...

Международная Амнистия призывает Кубинское правительство положить немедленный конец всем формам преследования и запугивания, направленным против диссидентов, которые всего лишь пытаются осуществлять свои фундаментальные свободы, указанные во Всеобщей Декларации прав человека.

Перевод с английского: В .Х.

Хуан Карлос ГОНСАЛЕС Лейва

АД КУБИНСКОЙ ТЮРЬМЫ

Это выдержки из письма Хуана Карлоса Гонсалеса Лейва, слепого политзаключенного тюрьмы в провинции Ольгин (Куба).

Записанное его женой Маризой Гонсалес письмо недавно было передано в Комиссию ООН по правам человека в Женеве.

Для Сильвии Ириондо (Союз Матерей и Женщин против Репрессий [MWAR]).

После 13 месяцев пребывания в тюрьме мне не предъявлено обвинение и я не предстал перед судом, но тюремщиками были приложены большие усилия, чтобы заставить меня предать Бога и права человека и начать сотрудничать с властями.

С января в меня через решетку бросают опилки, по всей вероятности, пропитанные раствором, вызывающим ощущения бегающих по всему телу миллионов жучков. Это вызывает у меня постоянный зуд и не дает уснуть.

Я не знаю, что это – биологическое вещество или химический агент, но я знаю, что это не насекомые, потому что, когда я касаюсь кожи, я не обнаруживаю следов укусов, хотя ощущения присутствуют.

Душ из опилок – ежедневное мероприятие тюремщиков.

Вчера это началось около 6 пополудни, когда я молился, стоя на коленях. Ощущение – как множество клопов, внезапно набросившихся на лицо и тело. Это мучение продолжалось до 2 или 3 часов утра...

Неоднократно я обнаруживал, что в мою еду подброшено уголовниками рвотное средство, и теперь стараюсь есть, тщательно закрывая еду своим телом.

Порой я чувствую, что все мое тело обвито цепями и вся тяжесть мира ложится на мои плечи. Я чувствую, что погибаю, что я не могу вынести это больше. Но я молюсь Богу, и Иисус дает мне силу.

Это постоянная борьба, постоянная пытка.

1 февраля я положил свой матрац ближе к двери из железной решетки, чтобы получить чуть больше воздуха. Надзиратель выдернул матрац из-под меня и выбросил его в коридор, после чего схватил меня за шею и стал душить, крича, что если я хочу спать, то могу спать и на полу в грязи, с муравьями, мышами и прочим.

Однажды они бросили в камеру так много какой-то химической смеси, что возникло ощущение, словно стены раскалились. Я был вынужден забиться в дальний угол и лишиться того малого количества свежего воздуха, что проходил через прутья дверной решетки.

Это вещество вызвало такую острую боль в глазах, что мне казалось, что они вот-вот лопнут.

Каждый день надзиратель угрожает мне смертью, если я продолжу голодовку в знак протеста против объявленного мне без суда восьмилетнего тюремного заключения.

Они не допускают ко мне адвоката или священника, лишают всякой информации. Мне дозволяется лишь слушать по радио проверенные государством «последние новости».

Я утверждаю, что ад существует, и Сатана показывает все его лица здесь.

Здесь я слышу плач молодых женщин и старух, их мучительные и жуткие рыдания навсегда врезаны в мое сознание.

Они молят о пощаде, ибо находятся в камерах, узких и тесных, забитых мужчинами, женщинами, стариками, больными и беспомощными.

Они молят о пощаде, потому что эти четыре стены станут их могилой.

В этих катакомбах крики людей почти не слышны из-за тяжелых железных дверей. Когда женщины умоляют о помощи, тюремщики смеются и говорят: «Это они хотят мужчину».

Часто заключенным делают инъекции транквилизаторов с целью получить публичное признание их вины.

Это мрачный мир.

Я надеюсь, что Господь наш Иисус даст мне силу выстоять в мучениях или дарует мне смерть, и я встречу моего Бога.

Miami Herald, 2003, 26 Апрель

Перевод с английского: В. Х.

ТРАГЕДИЯ БУКСИРА «13 МАРТА»

Человек любит свободу, даже если он не знает, что любит ее, и стремится туда, где она есть, и бежит оттуда, где ее нет.
Хосе Марти

Этот материал посвящен мужчинам, женщинам и детям, которые ради свободы рисковали жизнью, а многие лишились ее.

Они сами расскажут о той высокой цене, которую пришлось заплатить.

В 3 часа утра 13 июля 1994 года 72 кубинских гражданина пытались покинуть остров на буксирном судне «13 марта», чтобы направиться в Америку. Судно принадлежало одному из предприятий Министерства транспорта.

Согласно показаниям выживших свидетелей, вскоре после отхода буксира два корабля стали преследовать буксир. Примерно через 45 минут, когда буксир был уже в 7 милях от побережья Кубы, к преследователям присоединились еще два корабля, оборудованные водометами. На старый буксир обрушились потоки воды из брандспойтов. Одно из судов-преследователей блокировало буксир с носа, а второе с силой ударило в корму, расколов ее. Мольбы детей и женщин не остановили нападение. Судно утонуло и вместе с ним – 41 пассажир. Многие не могли спастись, потому что струи из брандспойтов загнали их под палубу.

Команды четырех атаковавших судов были одеты в гражданское, и они ничем не помогли тонущим.

Мария Виктория Гарсиа Суарес:

– Мы видели, как два пожарных судна приблизились к нам и стали обстреливать водой из брандспойтов. Буксир еще двигался, и мы кричали им, чтобы они пощадили нас: у нас дети. Но они продолжали нас обстреливать, хотя видели детей. Потом появились еще два корабля, они зажали нас с четырех сторон, продолжая заливать водой. Они хотели, чтобы буксир опрокинулся.

Те, кто спрятался в каюте, должны были закрыть ее, чтобы не залило двигатель... Тогда нас стали таранить, пока не пробили правый борт и буксир не стал тонуть.

– Они приказывали вам остановиться?

– Чего они хотели, обливая нас из брандспойтов? Нет, они не велели нам останавливаться, они просто поливали и поливали, пока мы уже не могли двигаться дальше, это было бы опасно. Тогда мы остановились и сказали: «Смотрите, мы повернули, мы остановились». И они, видя, что мы остановились, врезались в борт нашего буксира и пробили его.

Мария Виктория Гарсия осталась в живых, но потеряла 10-летнего сына.

– Что случилось потом?

– Буксир быстро затонул. Мы пытались держаться на поверхности. Там было очень глубоко. Я пыталась вытащить своего сына, я его не отпускала, тянула наверх, но я не умею плавать, я выплывала и снова тонула. Около меня оказалась захлебнувшаяся женщина, я ухватилась за нее и стала вытаскивать сына, но волны были высокие, и я уже не сумела... не могла... он захлебывался.

– Сколько было мальчику?

– Ему было 10 лет, 2 августа исполнилось бы 11. Он захлебнулся, но я держала его,потому что надеялась, что его еще можно спасти.

– Что произошло, когда вас вытащили из воды?

– Я потеряла своего мальчика...

Жанетт Эрнандес Гутьерес:

– Мы держали детей, чтобы они видели их, и кричали: «Пожалуйста, не надо!» Но они не обращали внимания. Парень, который с нами был, – Роман, он теперь в тюрьме, крикнул тому, кто направлял на буксир брандспойт: «Эй, приятель, успокойся, перестань. Посмотри, здесь дети», – он показал на свою трехлетнюю падчерицу. Если бы ее кто-то не взял вниз, в каюту, ее просто убило бы струей воды.

Они не предупреждали нас об атаке и не сообщали нам по громкоговорителю, чтобы мы остановились. Они просто позволили нам покинуть залив и напали в семи милях от берега, где не могло быть никаких свидетелей, – какие свидетели в открытом

Ялтамира Анайя и ее сын Хосе Карлос, Марта Каррасо (мать Ялтамиры), Йосель Перес Такоронте (11 лет). Каридад Такоронте (4 года), Мархолис Мендес (17 лет). ***Все они погибли.***

Капитан Фиденсио Рамель, Марта Такоронте (3 года), Хулия Каридад Руис (34 года), Анхел Рене Абреу (3 года). ***Все они погибли.***

море? Когда они врезались в нас, в воду сразу же упали двое мужчин – мой муж и Роман, тот парень, который кричал им, чтобы они пощадили детей. Буксир был предоставлен течению, потому что капитана, его имя было Фиденсио Рамель (Fidencio Ramel), сбило водой в море, он исчез. Тогда Рауль, его помощник, попытался что-то предпринять, чтобы спасти нас. Буксир набрал очень много воды. Они направили струи прямо на детей, не давая им поднять голову. Мы уже понимали, что утонем, догадывались, что они хотят нас убить.

Рауль остановил двигатель, но это привело их в бешенство. Для них уже не имело значения, плывем мы или нет. Буксир уже не мог держаться на плаву. Корабль, ударивший нас в корму, подошел с правого борта и проломил его. Те, кто оставался под палубой, были обречены. Там были в основном женщины и дети.

Хорхе Альберто Эрнандес:

– Позже началось некое подобие спасательных действий. Команда катера береговой охраны, наблюдавшая за происходившим, не предпринимала ничего. Пожарные суда не оказывали помощи тонувшим, криками приказывая им плыть к катеру береговой охраны. Некоторым удалось доплыть до него, но несколько детей были затянуты под винты и погибли.

По мнению Комиссии по правам человека, ущерб, причиненный незаконными действиями кубинского правительства, таков:

– смерть 41 человека – потерпевших кораблекрушение на буксире «13 марта»;

– ущерб, нанесенный душевному здоровью оставшихся в живых пассажиров буксира и родственников погибших, которые не имеют даже тел для захоронения.

Список погибших пассажиров буксира «13 марта»

Angel René ABREU Ruiz, 3 года
Jorge Arquimides LEBRIGIO Flores, 28 лет
Julia Caridad RUIZ Blanco, 35 лет
Pilar ALMANZA Romero, 30 лет
Yaltamira ANAYA Carrasco, 22 года
Marta CARRASCO Tamayo, 45 лет
Yuliana ENRIQUEZ Carranza, 23 года
Sindy RODRIGUEZ Fernández, 2 года
Manuel GAYOL, 58 лет
Caridad LEYVA Tacoronte, 4 года
Reinaldo MARRERO, 48 лет
Helen MARTINEZ Enriquez, 6 месяцев
Marjolis MENDEZ Tacoronte, 17 лет
Odalys MUÑOZ Garcia, 21год
José Carlos NIKEL Anaya, 3 года
Leonardo NOTARIO Góngora, 27 лет
Yousel Eugenio PEREZ Tacoronte, 11 лет
Yasse (or Yasser) PERODIN Almanza, 11 лет
Marta Caridad TACORONTE Vega, 3 года
Ernesto ALFONSO Loureiro, 25 лет
Lissette Maria ALVAREZ Guerra, 24 года
Giselle (или Lisette) BORGES Alvarez, 4 года
Lázaro BORGES Briel, 34 года
Joel GARCIA Suárez, 24 года
Armando GONZALEZ Raiz (или Raizes), 50 лет
Augusto Guillermo GUERRA Martinez, 45 лет
Mario GUTIERREZ, 35 лет
Elio Juan GUTIERREZ Garcia, 10 лет
Fidelio Ramel PRIETO Hernández, 50 лет
Mirails FERNANDEZ Rodriguez, 27 лет
Eduardo SUAREZ Esquivel, 35 лет
Eliecer SUAREZ Garcia, 11 лет
Estrella SUAREZ Esquivel, 45 лет
Yolindis RODRIGUEZ Rivero, 2 года
Omar RODRIGUEZ Suárez, 30 года
Yisel Borges Alvarez
Rigoberto Feut Gonzales

и четыре человека не опознаны...

КУБИНСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ

Спецслужбы Кубы – Главное управление разведки Министерства внутренних дел и Управление военной контрразведки революционных Вооруженных Сил (в составе Министерства революционных Вооруженных Сил). Оба тесно связаны с советскими, а теперь российскими разведывательными службами. Отношения между спецслужбами двух стран были закреплены в договоре о военном сотрудничестве от 14 июня 1993 года и в договоре о сотрудничестве в военной области от 22 апреля 1997 года.

Главное управление разведки (ГУР)

Главное управление разведки (ГУР) отвечает за внешнюю разведывательную деятельность. Оно было образовано в конце 1961 года. Тогда управление состояло из трех освободительных комитетов – Карибский бассейн, Центральная и Южная Америки. Все вместе входили в состав Управления освобождения (DL). В начале 60-х Управление также стало отвечать за поддержку освободительных движений в Африке, например, его сотрудники принимали участие в свержении правительства Занзибара в 1963 году. Однако советское влияние заставило Кубу изменить в конце 60-х свою революционную стратегию и подчинить ГУР КГБ. КГБ заставил Кастро сменить шефа ГУРа Мануэля Писейро (Manuel Piceiro) на Хосе Мендеза Коминчеса (José Méndez Cominches) в 1969 году.

В настоящее время ГУР состоит из шести департаментов, разделенных на две категории приблизительно равного значения: оперативные и поддержки. Оперативные включают в себя политико-экономический департамент разведки, департамент контрразведки и департамент военной разведки. Департаменты поддержки включают департамент технического обеспечения, департамент информации и подготовки. Департамент техобеспечения отвечает за изготовление поддельных документов, поддержку и разработку систем связи с агентурой. Департаменты информации и подготовки отвечают за анализ разведывательной информации.

Кубинская Лубянка – комплекс зданий Службы госбезопасности на площади Революции в Гаване

Политико-экономический департамент состоит из четырех управлений: Восточная Европа, Северная Америка, Западная Европа и Африка-Азия-Латинская Америка. Департамент контрразведки отслеживает деятельность иностранных спецслужб и надзирает над высланными. Департамент военной разведки координирует обмен информацией о вооруженных силах США с данными центра радиоэлектронной разведки в Лурдесе. Управление военной контрразведки ведет контрразведывательную деятельность, радиоэлектронную разведку и радиоэлектронную борьбу с США.

По данным американцев, несмотря на плачевное состояние кубинской экономики, Главное управление разведки остается угрозой для национальной безопасности США. Кубинская миссия в ООН – третья по численности персонала, и американцы предполагают, что почти половина ее персонала – сотрудники ГУР Кубы. ГУР ведет активную агентурную работу среди кубинских эмигрантов и использует поток беженцев для засылки своих агентов. ГУР собирает политическую, экономическую и военную информацию в США. В последние годы ГУР перенес акценты на ведение промышленного шпионажа в США, чтобы получить доступ к технологиям, которые могли бы помочь кубинской экономике.

США считают Кубу спонсором международного терроризма и обвиняют в тесных связях с пуэрториканскими сепаратистами и террористическими группами в Латинской Америке. По данным США, значительная часть этой деятельности координируется ГУР.

Американский департамент ЦК Компартии Кубы

Еще одной спецслужбой Кубы является Американский департамент ЦК Компартии Кубы. В декабре 1974 года Управление национально-освободительного движения (DLN) было реорганизовано в Американский департамент ЦК КПК. Департамент координирует тайные операции Кубы в поддержку национально-освободительных движений. Принимал участие в свержении режимов в Никарагуа и Гренаде.

Департамент отвечает за планирование и координацию деятельности спецназа и террористических групп, сетей агентурной работы и ведения пропаганды. Агенты департамента также действуют в Европе и других регионах в поддержку операций в Америках. Департамент состоит из четырех региональных секций – Центральная Америка, Южная Америка, Карибский бассейн и Северная Америка, так же, как Центр по изучению Латинской Америки (Center for Latin American Studies) и Центр по изучению Северной Америки (Center for North American Studies). Агенты департамента используют в качестве прикрытия посольства, Кубинское агентство новостей Prensa Latina, офисы авиакомпании Cubana Airlines, институт Дружбы народов (ICAP).

Агентура.Ру

РОМАН С ШАКАЛОМ

До сих пор ходят упорные слухи об участии кубинских спецслужб в убийстве Джона Кеннеди. Эту версию открыто высказывал даже президент США Линдон Джонсон: «Кеннеди пытался прикончить Кастро, но Кастро опередил его. В начале 60-х американцы организовали восемь покушений на кубинского лидера. Кастро, по данным ЦРУ, тоже посылал несколько групп для убийства Кеннеди. Все это когда-нибудь всплывет на поверхность».

Периодически всплывают новые данные о сотрудничестве кубинцев с легендарным международным террористом Карлосом Шакалом. В 1999 году парижский адвокат Серж Левиш даже возбудил дело против Кастро, обвиняя его в организации международной торговли наркотиками и в «оказании помощи террористу Карлосу».

Об Ильиче (Шакале) сообщали как о подающем надежды революционере, которым руководил ни больше ни меньше, как сам Фидель Кастро и КГБ. Согласно нескольким публикациям, молодой Ильич был отправлен в лагерь на Кубе для идеологической обработки. Этот лагерь назывался Mantanzas, и управлялся он совместными усилиями Кастро и советником Кастро из КГБ Виктором Семеновым.

Историки предполагают, что Ильич в лагере был «студентом» самого Антонио Дагуес-Боувнера, эквадорского террориста, партизана, знатока революционной войны и офицера КГБ. Ильич научился пользоваться взрывчаткой, автоматическим оружием, овладел методами шифрования. Другие источники утверждают, что он лично встречался с отцом Камильо, колумбийским священником, ставшим партизанским лидером у Че Гевары.

Во время поездки в Восточный Берлин в 1979 году Карлос привлек внимание Министерства государственной безопасности («Штази»). В «Штази» заинтересовались палестинским терроризмом сразу после теракта во время Олимпийских игр в Мюнхене и через некоторое время уже установили связи с палестинскими партизанскими группами. Агенты «Штази» установили прямой контакт с подельниками Шакала, которого отправили на Кубу.

Шакал. Рисунок сделан во время судебного процесса.

Решил раскрыть свое имя находящийся с 1986 года в американской эмиграции «команданте Икс» – один из главных свидетелей обвинения. Под этим псевдонимом скрывался Хуан Антонио Родригес Меньер, в прошлом высокопоставленный чиновник Министерства внутренних дел Кубы. 30 января 1999 года во французские судебные инстанции поступило письмо, в котором Хуан Меньер официально подтвердил, что кубинское правительство оказывало помощь венесуэльскому террористу Ильичу Карлосу Рамиресу (он же Карлос Шакал), отбывающему в настоящее время пожизненный срок во французской тюрьме.

Вот что заявил Меньер: «Карлос использовался Фиделем Кастро как киллер, ему указывали, с кем надо расправиться, и он выполнял задание. Главной опорой Карлоса в Париже был Архимед. Под этой кличкой скрывался резидент кубинских спецслужб во Франции, известный как парижский адвокат Армандо Лопес Орта. Архимед предоставил в распоряжение Карлоса пять явочных квартир, снятых кубинскими дипломатами и торговыми представителями. Он же снабжал террориста деньгами и паспортами».

Работы у Карлоса хватало. В частности, Хуан Антонио Родригес Меньер утверждает, что Карлос непосредственно причастен к убийству в сентябре 1980 года в Парагвае экс-диктатора Никарагуа Анастасио Сомосы. Утомившись от тяжелых трудов, Карлос часто приезжал на отдых на Остров Свободы, где обычно останавливался в отеле «Гавана либре».

Агентура.Ру

Ильич Карлос Рамирес (Шакал)

ПОЭТ И «СПЕЦИАЛИСТ»

Из стенограммы показаний свидетеля обвинения на суде над поэтом Раулем Риверо 5 апреля 2003 года.

«*Прокурор:* Ваше имя? Где вы живете? Чем вы занимаетесь в общественной жизни?

Нестор Багер: С большим удовольствием. Меня зовут Нестор Багер Санчес Галаррага. Живу в Сентро-Абана (центр Гаваны). По профессии я журналист, но, кроме того, с 1960 года работаю на органы государственной безопасности.

Прокурор: Каким именем вы пользуетесь для органов государственной безопасности?

Нестор Багер: Октавио.

Прокурор: Октавио. Будем звать вас Октавио. Да, Нестор, будьте любезны, расскажите нам тогда о том, как зародилась Ассоциация независимой прессы, если вы были связаны с этим видом деятельности.

Нестор Багер: Это предложение было мне сделано контрреволюционно настроенными лицами, потому что поначалу им нужен был журналист, но тогда я согласился на эту работу, чтобы выполнять ее для органов государственной безопасности, то есть, вместо того чтобы попасть в лапы тех, кто должен был причинить большой вред, я постарался уменьшить этот вред.

Прокурор: И это служило вам для получения информации и для того чтобы к вам обращались люди, заинтересованные в предоставлении информации врагу?

Нестор Багер: Именно так.

...

Прокурор: Могли бы вы рассказать нам о личности Рауля Риверо и его связях с этим типом мероприятий?

Нестор Багер: Он алкоголик, и алкоголизм довел его до самой крайней точки, он говорил бог знает что в УПЕКе, в УНЕАКе*, во весь голос, и за это его выгнали отовсюду. Тогда он оказался в одиночестве на самом дне и, чтобы заработать на жизнь, начал посылать стихи и другие вещи за границу, и так понемногу, когда увидел, что там журналистика другая, основана на лжи, но приносит деньги, он установил контакты со своими бывшими товарищами из УПЕКа и УНЕАКа, которые находятся за рубежом, поскольку все они предали родину, и он воспользовался дружбой с ними, чтобы они подыскали ему, куда писать. Тогда эти люди установили контакты с американскими журналистами и добились, чтобы он мог писать для майамской газеты «Геральд» – самой консервативной газеты на юге Флориды, и, естественно, ему платили очень хорошо.

Потом его связали с организацией американской прессы, в которую входят все владельцы газет США, а именно, с МАП (Межамериканской ассоциацией печати), и благодаря их влиянию и влиянию майамской мафии они добились, что Рауля назначили вице-президентом этой ассоциации по Карибскому региону и, конечно, с жалованием вице-президента американской организации.

Фелипе Перес Роке: Я хотел бы подчеркнуть, что Нестор Багер – агент кубинской госбезопасности Октавио с 1960 года ... Как видите, у него большой опыт по этим вопросам... Над чем ты смеешься, Анита? *(Обращаясь к Аните Сноу – заведующей бюро американского Агентства печати АП.)* Что ты катаешься со смеху?»

Фелипе Перес Роке во время пресс-конференции.

Вышеприведенный фрагмент озвучил и «прокомментировал» в своей многочасовой (по кастровской традиции) пресс-конференции министр иностранных дел Кубы Фелипе Перес Роке.

Пресс-конференция была посвящена суду «над наемниками на службе империи».

Что-то очень знакомое из недавней советской действительности слышится в «показаниях», а скорее – в дружеской беседе агента-провокатора и прокурора, из 60-80-х, с их травлей Пастернака, Солженицына, Сахарова, с процессами Даниэля и Синявского, Бродского, Галанскова, Ратушинской, Делоне, вот только приговор утягивает глубже – во тьму тридцатых– пятидесятых...

57-летний поэт и публицист Рауль Риверо был приговорен к 20 (двадцати!) годам тюрьмы за то, что осмелился думать не так, как предписывал великий вождь кубинского народа.

Для суда (руководствовавшегося принципами революционной справедливости) показания сексота с 40-летним стажем («У него большой опыт по этим вопросам», – заметил Фелипе Перес), разумеется, оказались более весомыми аргументами, чем сотни стихов знаменитого поэта, опубликованные в разных странах, в том числе и в СССР.

В отличие от поэзии диктатура – не вечна.

А поэт Рауль Риверо, в каких бы тюрьмах он ни находился, всегда будет в сердцах настоящих кубинцев.

УПЕК (UPEC) – Союз кубинских журналистов (Unión de Periodistas de Cuba)
УНЕАК (UNEAC) – Национальный союз писателей и деятелей искусств Кубы (Unión de Escritores y Artistas de Cuba).

Рауль РИВЕРО

ОСТАТЬСЯ В СЕРДЦЕ

Стихи Рауля Риверо, которые мы печатаем ниже, разделяет несколько десятилетий. Стихотворение «Краткая опись» было написано в середине 70-х годов, и перевод его на русский язык опубликован издательством «Прогресс» в сборнике «Поэзия Кубы» (Библиотека кубинской литературы) в 1980 году. Стихотворение «Ордер на обыск» – одно из последних стихотворений поэта, написанных им на свободе. Жена поэта Бланка Рейес сохранила его во время конфискации всех документов Риверо. Оно опубликовано в журнале «Letras Libres» в июле 2003. Перевод на русский публикуется впервые.

КРАТКАЯ ОПИСЬ

После последних формальностей
в начале забвения,
когда твое имя улеглось в чистые графы
медицинского заключения и других справок,
согласно человеческим и юридическим нормам,
я продиктовал твои данные – возраст и адрес –
чужим голосом и чужими словами,
так, словно речь шла о незнакомом мне человеке,
после того, как мы оставили тебя одного
среди глупых бумажных цветов и неуместно
яркого солнца,
я задумался о твоем наследстве.
Среди вещей я не нашел ничего интересного.
Серая одежда, ботинки, очеловеченные когда-то
твоей ногой, удостоверения, где на фото
ты безразлично глядишь в сторону фотокамеры.
Чемоданчик, сколоченный наспех
после марта 1952 года, и в нем
гнутые ножницы, желтые расчески,
щипчики для ногтей и очки,
расставшиеся с лицом, порванный календарь
да вырезка со статьей о моих первых стихах,
в которой больше любви, чем логики.
В твоей комнате от тебя остались и другие следы,
но они будут стерты будущими ремонтами,
покрасками, временем.
Ничего не останется,
только воспоминания, шквал ветра, надежды,
когда неожиданно в ушах зазвучит
твой угасший голос
или вдруг я обнаружу, что этот жест
принадлежит тебе,
или проснусь и пойму, что видел сон,
а в нем ты мне объяснял, что все было сном.
Вот все, что останется, царство смерти
не предлагает альтернатив, и все же
этому царству закрыт доступ
в человеческие сердца,
его тень не скрадывает человека навсегда,
человек сильнее, он выживает,
продлевается в своем пепле (влюбленном прахе),
в капле крови, любви, которая орошает землю,
оповещая, что была жизнь, красная теплая кровь
там, где сегодня не осталось ни пульса, ни взгляда.

Перевод с испанского: Юрий Исаев

ОРДЕР НА ОБЫСК

Что ищут в доме моем
Эти сеньоры?
Что думает полицейский,
Читая тот лист бумаги,
В котором я перебираю
Слова: «честь», «доступность» и «хрупкость»?
Какие такие тайны находят на фотокарточке,
Где стоит мой отец в крестьянской рубахе
(кожа темна)
У Национального Капитолия?
Что скрывает от них свидетельство о разводе?
Как они расшифруют
Военные письма прадеда?
Восемь полицейских
Листают тетрадки с рисунками моих дочерей
В поисках спрятанных адресов,
И они хотят знать, где спит Андреита,
И слушать ее дыхание, стиснутое астмой,
Шурша рядом с нею бумажной пылью.
И снова ищут шифровки в строчках моих записок,
С усмешкой читает «товарищ»:
«На улице похолодало,
Не стоит гулять с ребенком».
Чуть позже еще приходит:
Литературный критик,
Рецензирующий пистолетом строки моих стихов.
Восемь полицейских
Хозяйничают в доме,
Им дал на это право
«Законный» ордер на обыск.
По пролетарским законам они одержали победу:
Они конфисковали пишущую машинку,
Сотню черновиков и две беловые страницы
И печальную груду личных моих записок,
Все это происходило нынешним летом.

Перевод с испанского: Владимир Холмогорский

Виктор ЗАХАРЧЕНКО

ИНТЕРНЕТ ПО-КУБИНСКИ

Интернет на Кубе возник, как и многое другое, с одобрения великого Фиделя. В октябре 1996 г. было оглашено сообщение Министерства иностранных дел для печати. В нем говорилось: «Куба, подключившись к Интернету, превратила в действительность давнюю мечту: иметь доступ к международному наследию предков во всех областях познания, которыми уже пользуются 36 миллионов человек в 160 странах мира».

Именно с этого момента можно вести отсчет жизни кубинского Интернета, загадочной и непохожей на судьбы других национальных сетевых сегментов.

Будем и мы исходить из этой даты, хотя домен верхнего уровня .cu появился на свет еще 3 июня 1992 года. Но, как часто бывает в странах с сильным влиянием государства на все, развития Интернета до уровня, обозначенного заявлением МИДа, не было. Именно в 1996 году Интернет объявился на Кубе, где гарантируется свобода слова и гражданские права, но имеются многочисленные политзаключенные и запрещены оппозиционные политические партии.

С первых дней кубинское правительство объявило доступ к Интернету фундаментальным правом каждого кубинца. Но не все оказалось так красиво, как в заявлениях политиков. Только сегодня страна вышла на отметку 1 компьютер на 100 человек. При этом большинство машин сосредоточено в научных центрах и партийно-правительственных учреждениях. Вторая проблема в том, что цена подключения для личного пользования сегодня составляет эквивалент 250 долларов, а для организаций – в два раза больше. Такие суммы, при средней зарплате кубинцев в 5-10 долларов, становятся непреодолимым барьером на пути граждан к Сети.

Даже работники ИТ-сектора (технологическая революция на Кубе – в разгаре, по официальной версии) получают в месяц порядка 30 долларов. Государство оплачивает доступ примерно сорока тысячам партийных чиновников и ученых, что делает их явно привилегированным классом. Но и эти счастливчики не могут похвастаться свободой в Сети.

Весь Интернет проходит через государственного провайдера, выполнявшего до недавнего времени и роль партийного контролера. Через каналы Центра Автоматизированного обмена данными CENIAI проходила вся информация – как входящая, так и исходящая. Не пропускается ни под каким предлогом порнография и информация нежелательной политической окраски.

«Проблемы Интернета на Кубе никогда не были техническими или экономическими. Как и в любой другой стране, они на 70 процентов политические», – так отозвался о положении Интернета на Острове Свободы Мартинес, глава упомянутого CENIAI.

В своих интервью тов. Мартинес неоднократно отмечал, что в проблемах со связью (Кубе приходится пользоваться дорогим спутником) виновен северный сосед. По словам Мартинеса, злые янки не позволяют всему миру услышать правду о Кубе от самих кубинцев. Хотя старый и мудрый Фидель Кастро заявил, что именно Интернет даст его народу возможность вещать на весь мир.

Политики около и внутри кубинского Интернета очень много. Можно даже сказать, что Сеть и политика срослись и могут рассматриваться лишь в едином контексте. Не зря «Репортеры без границ» в своем докладе привели Кубу в качестве примера страны, где Интернет регулируется посредством воздействия через провайдера.

Не все правдиво в словах товарища Мартинеса. Существуют и проблемы чисто технические. И если о недостатке компьютеров сказано выше, то пришло время вспомнить и низкое качество телефонных соединений, что усложняет доступ к Сети даже счастливым обладателям логина и пароля. Правда, здесь наблюдаются позитивные сдвиги. Мексиканцы собираются инвестировать в телефонную сеть Кубы около 1 млрд. долларов. С помощью этих денег планируется полностью сделать цифровой телефонную сеть острова году этак в 2004-м.

Сегодня кубинский Интернет составляют порядка 18 000 сайтов, собирающие 15 миллионов посещений в неделю.

Ведущий кубинский портал www.cuba.cu поддерживается CENIAI и был запущен в 1997 году. Все материалы здесь публикуются на испанском. Приводится большое количество ссылок на сайты, где опубликована «правильная» информация о Кубе.

Другой кубинский портал, NotiNet del CubaWeb, является детищем еще одного провайдера – Notinet. Этот ресурс предоставляет пользователям большее разнообразие новостей и информации. Изначально все материалы публикуются на испанском, но наиболее важная информация дублируется на английском, французском, немецком и итальянском языках. Как и www.cuba.cu, CubaWeb публикует информационные материалы, спущенные сверху. И название, и логотип NNC что-то очень напоминают...

Схожее положение – и у кубинских сетевых масс-медиа. В самой стране из официальных представительств информационных агентств есть лишь представительство CNN в Гаване. Остальная же картина событий на Острове Свободы мировыми агентствами формируется либо по рассказам свежеприбывших эмигрантов, либо на материале тайных записок кубинских диссидентов.

Если уж мы заговорили о цензуре, то следует упомянуть и о просмотре электронной корреспонденции. Официальные власти этого и не отвергают, они лишь утверждают, что просматриваются лишь сообщения из потенциальной «группы риска» на предмет контрреволюционных замыслов. К группе риска, понятно, относятся практически все, имеющие доступ к Интернету на Кубе. Местные же «контрреволюционеры» передают свои материалы для печати в США с помощью специально кодированных писем или факсимильных сообщений.

Из сетевых представительств оффлайновых СМИ следует назвать Granma – официоз кубинской компартии. Материалы в сетевом варианте газеты пуб-

ликуются на многих языках. Не зря рупор партии является одним из самых посещаемых ресурсов в зоне .cu. Еще один рупор, правда, рангом и популярностью пониже, – Portada. Тема правильности избранного пути варьируется во всех материалах и этого издания.

А что же кубинская оппозиция? Очевидно, что на Кубе подобные сайты размещаться не могут. Пристанище они нашли в одном из самых крупных центров кубинской диаспоры – Майами. И ресурс CubaNet, и Союз свободных кубинцев позволяют взглянуть на кубинскую жизнь с точек зрения, не представленных рупорами.

Есть на Кубе и свое Интернет-радио. Радио Havana Cuba (RHC) транслируется в коротковолновом формате на испанском и английском языках. Интернет обеспечил RHC значительный рост аудитории. Подобно большинству кубинских сайтов, RHC поддерживается из Кубы, а размещен в Канаде. Сайт выходил из строя всего раз, но это произошло как раз в день приезда в Штаты бабушки Элиана Гонсалеса (помните еще этого мальчика?).

Свою информацию в Сети размещают и различные министерства и ведомства. Среди них Министерство культуры и Департамент таможенных служб. Большинство публикаций на этих сайтах дублирует газетные публикации. Исключением, пожалуй, является лишь метеослужба, ежедневно публикующая в Сети прогнозы погоды. Информация на всех этих сайтах – на испанском языке.

Пользуются на Кубе и электронной почтой (существует даже база данных кубинских пользователей www.cubaweb.it/cubaweb/directorio.htm). Все без исключения, как уже говорилось, опасаются, что их переписка может просматриваться. Поэтому внутри страны избираются иные способы передачи сообщений, а в корреспонденции за пределы острова используются PGP и другие способы шифровки.

При беглом взгляде на кубинские сайты бросается в глаза малое количество страниц на иностранных языках. Это особенно удивительно в свете заявлений властей. Если Куба хочет и в самом деле открыть глаза миру на жизнь кубинцев, то надо бы обзавестись и полноценным англоязычным ресурсом, как минимум.

Исключение составляют сайты, ориентированные на иностранных туристов. Поскольку климат Кубы делает ее потенциально привлекательной для туристов всего мира, Интернет широко используется для рекламы кубинских курортов. Поразительно, но на Кубе даже функционирует специальный провайдер GET Teledatos, предоставляющий Интернет-услуги исключительно туристам и курортным отелям. Из рекламных сайтов назовем порталы CubaVIP и GoCuba, ориентированные на англоязычных туристов, а также FlexiVacations, предназначенный для франкоговорящего населения планеты Земля. Все они расхваливают Кубу, солнечный тропический рай с чарующим побережьем, яркими культурными традициями, играми и музыкой на каждом шагу.

Такими, в принципе, и должны быть сайты-визитки курортных стран, но туристы параллельно с этой информацией проходятся и по оппозиционным сайтам в поисках данных о реальной ситуации в стране. Таким образом, мы снова возвращаемся к политике в КуНете (не обессудьте за такое сокращение, вытекающее из имени домена). Точнее, к оппозиционным сайтам за рубежом. На Остров Свободы информация с этих страниц, закрытых к доступу из Кубы, пересылается в виде приложений к письмам надежным людям. Помимо уже упомянутых сайтов из солнечной Флориды, активно вещает в Сети Кубино-американский демократический проект www.cadp-nyc.org, призывающий освободить кубинский народ от коммунистической опеки.

Достается на орехи и самому Фиделю Кастро. Сайт с красноречивым названием No Castro публикует материалы, очерняющие бородатого вождя всех кубинцев. Более сдержан в своих суждениях Кубинский Институт Демократии, объединяющий всех демократически настроенных кубинцев, проживающих в США.

Сегодня основные проблемы нормального развития Интернета на Кубе лежат где-то между политикой и экономикой.

В последней отрасли заметно больше позитивных сдвигов. Благодаря переоборудованию телефонных линий уже к 2004 году на Кубе будет создано дополнительно 200 Интернет-узлов. Предусмотрены льготы для поставщиков ПО на Кубу. Рост поставок программного обеспечения возрос с 1999 по 2000 год в 6,5 раза. Да и в самой стране уже функционируют более 30 подобных компаний. Уже сегодня на острове 40 локальных сетей учебных заведений объединены в общую образовательную сеть Кубы. Намного улучшит качество связи и оптоволоконный кабель, соединяющий остров с Флоридой.

Все реже приходится слышать о лаптопах, тайком привезенных из-за границы и подключаемых к телефонной сети на работе. Есть еще проблемы с доступом, которые удастся преодолеть лишь в случае оптимизации отношения «средняя зарплата/цена подключения».

А пока на черном рынке идет бойкая торговля оплаченными государством паролями.

Хоть в политической сфере и заметны изменения к лучшему (так, в 2000 году на смену CENIAI пришло специально созданное Министерство информации и технологий), но фактический контроль государства никуда не делся. Парадоксально выглядит ситуация, когда кубинские власти хотят с помощью Интернета донести всему миру правду о жизни Острова Свободы и в то же время ограничивают доступ к Сети своим гражданам.

Кубинцы сегодня на перепутье. Их власти решают, как правильно поступить с Интернетом: позволить кубинцам свободно пользоваться информацией из Сети, понизив тарифы и сняв архаичные ограничения, или же оградить от «неправильной» информации умы сограждан, обрекая их на информационную изоляцию от современного мира.

Автор выражает искреннюю благодарность всем кубинским журналистам, предоставившим информацию при подготовке этого материала.

Спасибо, друзья!

2003 г.

Свобода, она как воздух или как здоровье, – пока она есть, ты ее не замечаешь и не понимаешь, каково это – без нее или вне ее.

Борис Стругацкий «Комментарии к пройденному – "Обитаемый остров"»

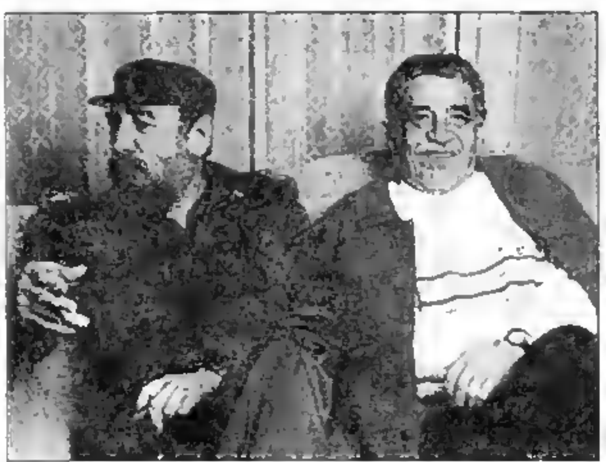
Габриэль Гарсиа МАРКЕС

КУБИНСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

Интернационализм – традиционное качество кубинцев. Революция сделала его сильнее и определеннее в соответствии с принципами марксизма, но сущность духа интернационализма заложена уже в поступках и статьях Хосе Марти. Это боевое устремление проявило себя в Латинской Америке, Африке и Азии. Еще до провозглашения социалистического характера Кубинской революции Куба предоставила такую значительную помощь Алжирскому Фронту национального освобождения в его борьбе с французским колониализмом, что правительство Де Голля в качестве ответных мер запретило полеты кубинских самолетов над Францией.

Позже, в дни, когда Куба была опустошена ураганом Флора, батальон кубинских бойцов-интернационалистов был отправлен в Алжир, воевавший с Марокко. Фактически, ни одно африканское освободительное движение не отклонило предложения о кубинской помощи, выражавшейся либо в оружии и военной технике, либо в военных и гражданских специалистах. Мозамбик (в 1963-м), Гвинея-Бисау (в 1965-м), Камерун и Сьерра-Леоне (Западная Африка) – все получали помощь в той или иной форме. Президент Республики Гвинея Секу Туре отразил нападение наемников с помощью кубинских воинских частей. Командующий Педро Родригес Перальта (теперь член Центрального Комитета Компартии Кубы) был захвачен в плен португальцами в Гвинее-Бисау и провел в тюрьмах несколько лет. Когда Агостиньо Нето обратился к ангольским студентам в Португалии с призывом продолжить учебу в социалистических странах, многие из них выбрали Кубу; сегодня все они заняты строительством социализма в независимой Анголе, некоторые – на важных постах...

Однако ничто не иллюстрирует продолжительность и интенсивность кубинского присутствия в Африке лучше, чем тот факт, что Че Гевара лично, в период его наибольшей известности, отправился в Конго для участия в партизанской войне. Он покинул Кубу 25 апреля 1965 года, в тот же день, как отправил прощальное письмо Фиделю Кастро, слагая с себя должность командующего и все остальные обязанности, юридически связывавшие его с кубинским правительством. Он путешествовал на коммерческих авиалиниях, под псевдонимом и с измененной внешностью. Его личный багаж составляли книги и многочисленные ингаляторы, для облегчения мучительной астмы. Он проводил долгие томительные часы в гостиничных номерах, бесконечно играя в шахматы с самим собой. Через три месяца он встретился с 200 кубинскими бойцами, отправленными из Гаваны на судне, груженном оружием. Целью миссии Че было обучение ангольских военных методам «герильи» – партизанской войны с войсками Моиза Чомбе, марионетки бельгийских колониалистов и международных горнодобывающих компаний. После убийства Патриса Лумумбы номинальным главой Национального совета революции был Гастон Сумиало, но фактически действующим лидером был Лоран Кабила, находившийся в военном лагере повстанцев Кигона у озера Танганьика

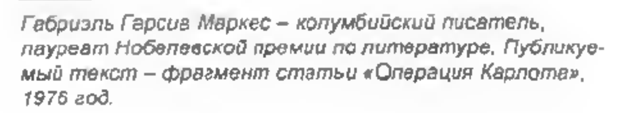

Фидель и Габриэль

Эта ситуация, несомненно, позволила Че Геваре сохранять инкогнито, и, для большей скрытности, он даже не считался лидером миссии. Именно поэтому он был известен под псевдонимом Тату, что на языке суахили означает «второй».

Че Гевара находился в Конго с апреля по декабрь 1965 года, не только обучая партизан, но и непосредственно участвуя в сражениях. Его личные связи с Фиделем Кастро, бывшие предметом многочисленных обсуждений, не ослабевали ни на мгновение: оба поддерживали постоянный и дружественный контакт благодаря превосходной системе связи.

После свержения Чомбе конголезцы попросили кубинцев уйти, чтобы облегчить заключение перемирия. Че ушел так же, как и пришел, – молча. Он взял билет на рейс до Дар-эс-Салама и провел все шесть часов дороги, уткнувшись в книгу шахматных задач...

За это свое короткое анонимное пребывание в Африке Че Гевара посеял семена, которые никто не уничтожит. Некоторые из его людей отправились в Браззавиль обучать отряды партизан Африканской партии независимой Гвинеи во главе с Амилкаром Кабралом и МПЛА. Один из этих отрядов позже тайно вступил в Анголу и под названием «Колонна Камило Сьенфуэгоса» присоединился к борьбе с португальцами. Другие обосновались в Кабинде и позже, форсировав реку Конго, проникли на родину Агостиньо Нето, где борьба с португальскими колонизаторами не прекращалась в течение пятисот лет. Таким образом, кубинская помощь Анголе не закончилась кратковременной вспышкой, а стала последовательной политикой Кубинской революции в Африке. Но был один новый и драматический момент, связанный с решением правительства Кубы. Ведь это была не просто помощь, но осуществление крупномасштабной, регулярной войны на расстоянии более чем 10000 километров, с неисчислимой экономической и человеческой ценой и со многими непредсказуемыми политическими последствиями.

Габриэль Гарсиа Маркес – колумбийский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе. Публикуемый текст – фрагмент статьи «Операция Карлота», 1976 год.

В КУБИНСКОЙ ТЮРЬМЕ

ОБРАЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ К МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

В прошлом [1978] году известнейший кубинский гинеколог доктор медицины Марта Фрайде, пятидесяти восьми лет, была приговорена кубинским правительством к двадцати девяти годам тюремного заключения за шпионаж. Это трагедия. Доктор Фрайде – выдающаяся гуманистка – и как врач, и как идеалистка-революционерка. Ее медицинская карьера говорит сама за себя. После окончания в 1946 году Гаванской Высшей медицинской школы она работала в медицинской школе Мак-Гилл в Монреале, а затем – заместителем главного врача Гаванского госпиталя. Доктор Фрайде была штатным консультантом в больнице Св. Антония (Париж) и Св. Петра (Брюссель); в 1952 году избрана членом Американского общества эндокринологов в Майами. В 1959 году, после победы Кубинской революции, доктор Фрайде назначена директором Национальной больницы в Гаване.

Доктор Фрайде была сторонником Фиделя Кастро; их встреча произошла во время режима Батисты. Фидель Кастро и доктор Фрайде были членами одной группы левой оппозиции. В 1957 доктор Фрайде была арестована полицией за выступления против диктатуры. Ей удалось бежать в Мексику, где она пробыла в добровольном изгнании до падения режима Батисты. После революции доктор Марта Фрайде стала вице-президентом общества Кубино-китайской дружбы, президентом Кубинского движения за мир и в 1959 году сопровождала Фиделя Кастро в его поездке в США и Канаду. С 1963 по 1964 год доктор Фрайде преподавала гинекологию в больнице Брока (Париж) и являлась представителем Кубы в ЮНЕСКО.

Вернувшись на Кубу в 1964 году, доктор Фрайде во время встречи с Фиделем Кастро высказала свою тревогу по поводу его чрезмерного сближения с Советским Союзом. В 1965 году доктор Фрайде была уволена со всех официальных постов и стала вести частную практику. В 1968 году выданное ей разрешение на выезд в Испанию для преподавания в Мадридской медицинской школе было внезапно отменено за четыре дня до отъезда. Отказ был мотивирован «соображениями национальной безопасности». В 1976 году доктор Фрайде помещена под домашний арест, ее личное имущество и медицинская библиотека были конфискованы правительством и уничтожены. Доктор Фрайде была заключена в женскую тюрьму для уголовных преступников Нуэво-Аманесер. В тюрьме доктор Марта Фрайде страдала от голода и отсутствия санитарных условий. После серьезного отравления она была переведена в тюрьму Бенефика. На закрытом судебном процессе она была приговорена к двадцати девяти годам тюрьмы по обвинению в шпионаже в пользу ЦРУ.

Марта Фрайде на церемонии вручения премии "Casa de America", 1999 г.

Невероятно, чтобы женщина с таким экстраординарным революционным прошлым как доктор Марта Фрайде, честно и открыто выразившая свое несогласие с Фиделем Кастро и его просоветской формой развития Кубинской революции и открыто требовавшая предоставления права на выезд, действовала бы в интересах ЦРУ.

Обеспокоенные интеллектуалы в Европе и США возмущены засекреченным судебным фарсом, осудившим доктора Фрайде, и требуют, чтобы кубинское правительство немедленно освободило доктора Марту Фрайде.

Жан-Поль Сартр, Мишель Фуко, Симоне де Бовуар, Клод Руа, Филипп Соллерс, Хосе Ангел Валенте, Хосе Мария Кастелет, Хуан Гойтисоло, Фернандо Клаудин, Хосе Луис Арангурен, Хоакин Руис Химерес, Росанна Россанда, Октавио Пас, Норман Мейлер, Барбара Пробст Соломон, Уильям Стайрон, Рози Стайрон.

Примечания:

Марта Фрайде (Martha (Marta) Frayde) – после досрочного освобождения из тюрьмы переехала в Испанию. В настоящее время возглавляет Кубинский комитет защиты прав человека в Мадриде.

Жан-Поль Сартр – французский философ, писатель и драматург, лауреат Нобелевской премии.

Мишель Фуко – французский культуролог.

Симона де Бовуар – французская писательница

Клод Руа – французский писатель и поэт.

Филипп Соллерс – французский писатель

Хосе Ангел Валенте – испанский поэт и эссеист.

Хосе Мария Кастелет – испанский писатель.

Хуан Гойтисоло – испанский писатель.

Фернандо Клаудин – испанский историк, член Компартии Испании.

Хосе Луис Арангурен – испанский философ, теолог, эссеист.

Хоакин Руис Химерес – испанский политический деятель

Росанна Россанда – итальянский философ и эссеист.

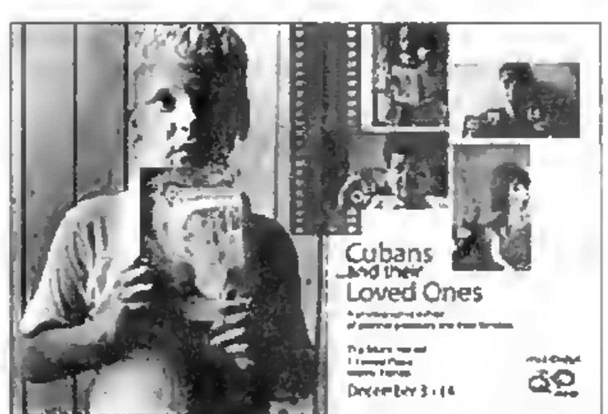
Октавио Пас – мексиканский писатель, лауреат Нобелевской премии.

Норман Мейлер – американский писатель.

Барбара Пробст Соломон – американская писательница.

Уильям Стайрон – американский писатель.

Рози Стайрон – американская поэтесса, публицист, правозащитник.

Афиша выставки «Куба. Политзаключенные и их семьи», проходившей в Майами (США).

ЗАКОН № 88

«О ЗАЩИТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И ЭКОНОМИКИ»

Ст. 4.1: Тот, кто лично или посредством третьих лиц предоставил информацию правительству Соединенных Штатов Америки, его агентствам, представительствам, должностным лицам, направленную на поддержание целей закона Хелмса-Бертона, блокады и экономической войны против нашего народа, закона, направленного на подрыв внутреннего порядка, дестабилизацию страны и ликвидацию Социалистического Государства и независимости Кубы, наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет. 2. Наказание – лишение свободы на срок от восьми до двадцати лет, в случае наличия одного из следующих обстоятельств: a) если деяние совершено двумя и более лицами; b) если деяние совершено с целью получения прибыли, вознаграждения или иного дохода; c) если лицу удалось узнать или обладать информацией посредством ее утаивания, или использования любого другого недозволенного способа; d) если лицо, злоупотребляя служебным или должностным положением, распространило информацию; e) если последствием деяния стало причинение тяжелого ущерба национальной экономике; f) если, вследствие этого, правительство Соединенных Штатов Америки, его агентства или представительства принимают ответные меры против промышленных, коммерческих, финансовых или иных организаций, кубинских или иностранных, или против кого-либо из их руководителей и их родственников.

Ст. 5.1: Тот, кто собирает информацию, могущую быть использованной для применения закона Хелмса-Бертона, блокады и экономической войны против нашего народа, закона, направленного на подрыв внутреннего порядка, дестабилизацию страны и ликвидацию Социалистического Государства и независимости Кубы, наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет или штрафом от трех тысяч до пяти тысяч МРОТ, либо и тем, и другим. 2. Наказание – лишение свободы на срок от пяти до двенадцати лет, в случае наличия одного из следующих обстоятельств: a) если лицу удалось узнать или обладать информацией посредством ее утаивания или использования любого другого недозволенного способа; b) если деяние совершено двумя и более лицами. 3. Наказание – лишение свободы на срок от семи до пятнадцати лет, если полученная информация, из-за характера её содержания, причинила тяжелый ущерб национальной экономике.

Ст. 6.1: Тот, кто собирает, размножает, распространяет материалы подрывного характера, поступающие от правительства Соединенных Штатов Америки, их агентств, представительств, должностных лиц или любой другой иностранной организации, чтобы поддерживать цели закона Хелмса-Бертона, блокаду и экономическую войну против нашего народа, направленного на подрыв внутреннего порядка, дестабилизацию страны и ликвидацию Социалистического Государства и независимости Кубы, наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет или штрафом от трех тысяч до пяти тысяч МРОТ, либо и тем, и другим. 2. Под эту же санкцию подпадает то лицо, которое с равными намерениями ввезло в страну материалы, о которых шла речь в предыдущем разделе. 3. Наказание – лишение свободы на срок от четырех до десяти лет, в случае наличия одного из следующих обстоятельств, о которых шла речь в предыдущих разделах, а именно: a) если деяние совершено двумя или более лицами; b) если деяние совершено с целью получения прибыли, вознаграждения или иного дохода. 4. Наказание – лишение свободы на срок от семи до пятнадцати лет, если материал, из-за характера его содержания, причинил тяжелый ущерб национальной экономике.

Ст. 7.1: Тот, кто, пытаясь добиться целей закона Хелмса-Бертона, блокады и экономической войны против нашего народа, закона, направленного на подрыв внутреннего порядка, дестабилизацию страны и ликвидацию Социалистического Государства и независимости Кубы, сотрудничает с радиостанциями, телевидением, газетами, журналами или другими иностранными средствами массовой информации, наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет или штрафом от одной тысячи до трех тысяч МРОТ, либо и тем, и другим. ... 3. Наказание – лишение свободы на срок от трех до восьми лет или штраф от трех тысяч до пяти тысяч МРОТ или обоих, если деяние, описанное в разделе 1, совершено с целью получения прибыли, вознаграждения или иного дохода.

Ст. 8.1: Тот, кто мешал публичному порядку с намерением поддерживать цели закона Хелмса-Бертона, блокады и экономической войны против нашего народа, закона, направленного на подрыв внутреннего порядка, дестабилизацию страны и ликвидацию Социалистического Государства и независимости Кубы, наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет или штрафом от одной тысячи до трех тысяч МРОТ, либо и тем, и другим. 2. Тот, кто подвигнул, организовал или побудил к тому, чтобы реализовать пертурбацию (изменение) публичного порядка, о котором идет речь в предыдущем разделе, наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет или штрафом от трех тысяч до пяти тысяч МРОТ, либо и тем, и другим.

Ст. 9.1: Тот, кто, способствуя целям закона Хелмса-Бертона, блокады и экономической войны против нашего народа, закона, направленного на подрыв внутреннего порядка, дестабилизацию страны и ликвидацию Социалистического Государства и независимости Кубы, осуществил любое действие, направленное на препятствование или нанесение ущерба экономическим связям кубинского государства или промышленных, коммерческих, финансовых организаций и иных учреждений, отечественных или иностраннных, как государственных, так и частных, наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет или штрафом от трех тысяч до пяти тысяч

МРОТ, либо тем и другим. 2. Наказание – лишение свободы на срок от восьми до двадцати лет, в случае наличия одного из следующих обстоятельств: а) если при совершении деяния применяется насилие, запугивание, шантаж или другой недозволенный способ; b) если деяние совершено с целью получения прибыли, вознаграждения или иного дохода; с) если вследствие этого правительство Соединенных Штатов Америки, его агентства или представительства принимают ответные меры против промышленных, коммерческих, финансовых или иных организаций, кубинских или иностранных, или против кого-либо из их руководителей и их родственников.

Ст. 10: Наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет или штрафом от тысячи до трех тысяч МРОТ, либо и тем, и другим, тот, кто: а) предложил или побудил других, любым способом или формой, к совершению какого-либо из преступлений, предусмотренных в этом законе; b) договорился с другими людьми о совершении какого-либо преступления, предусмотренного в этом законе *(речь идет о соучастии в преступлении. – Прим. пер.)*.

Ст. 11: Тот, кто при совершении деяний, предусмотренных в этом законе, прямо или посредством третьих лиц, получал, распределял или участвовал в распределении финансовых, материальных или иных средств от правительства Соединенных Штатов Америки, его агентств, служб, представителей, служащих или частных организаций, наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет или штрафом от одной тысячи до трех тысяч МРОТ, либо и тем, и другим.

Перевод с испанского: О. И.

Клаудиа МАРКЕС Линарес

СЦЕНЫ ПОДАВЛЕНИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ НА КУБЕ

Удары кулака сотрясли дверь в нашу квартиру. Это были сотрудники госбезопасности с ордером на обыск для поиска, как они сказали, «материальных доказательств правонарушений».

Человек, командовавший обыском, представившийся как Пепе, вошел в мою комнату в 4 часа пополудни, не обращая внимания на то, что я была в нижнем белье. Он неторопливо разглядывал меня, пока я не потребовала, чтобы мне дали возможность одеться. Выходя из комнаты, он потребовал поторопиться, чтобы начать обыск.

В течение 10 часов двенадцать гэбэшников (двое – с оружием) обшаривали наш дом. Результаты их грабежа теперь находятся в переполненных правительственных складах: сотни газетных статей, журналистских расследований, 150 книг (по политике, экономике, законодательству, социальным наукам), более 50 папок с распечатками Интернета, видеокамера, цифровой фотоаппарат, старый лаптоп, 36 дискет с доказательствами нарушений законности кубинским правительством, 6 компакт-дисков, с материалами подпольного журнала «Куба», издаваемого ассоциацией независимых журналистов и Энциклопедией Евросоюза для молодежи.

В то время, когда «сотрудники органов» вытряхивали ящики наших столов и изучали семейные фотографии, телевидение транслировало «Круглый стол» говорящих голов, хором обличавших нас как «предателей».

Целый вечер обыскивающие прослушивали аудиокассеты с записями моих уроков немецкого языка. Они забрали все бюллетени Либерального Интернационала, «зонтичной» организации для всех либеральных партий мира, в том числе и ЛДП, возглавляемой моим мужем.

Они читали любовные письма, которые мой муж, Освальдо Альфонсо Вальдес, писал мне восемь лет назад, когда его забрали от меня в отделение госбезопасности в Вилья-Мариста в Гаване.

Естественно, что любой сторонник гражданского общества всегда клеймился кубинскими властями как «капиталистический наемник» и «контрреволюционер». Уже больше года 18 правозащитников держали под арестом без суда и следствия.

Неожиданным стало то, что власти внезапно провели такую широкую акцию задержания. Что послужило тому причиной? То, что мы сообщали о перебоях с электричеством, о массовой проституции, о незаконных арестах? То, что мы проводили симпозиумы по журналистской этике, осуществляя продекларированную свободу собраний? Или то, что мы обсуждали с иностранцами политическую ситуацию на Кубе? То, что мы посмели иметь собственное мнение и высказывать его?

Чего они боятся? Я спрашиваю себя об этом, и в моей душе, как и в душах многих других людей, ставших жертвами произвола властей, остается надежда, что Куба станет свободной и демократической страной, в которой чтение книг Марио Варгаса Льосы и Милана Кундеры не будет считаться «материальным доказательством правонарушения».

Опубликовано: CUBANET

Перевод с испанского: В. Х.

Клаудиа Маркес Линарес (Claudia Marquez Linares) – независимый журналист, правозащитник

...человек не для того создан, чтобы терпеть поражения... Человека можно уничтожить, но его нельзя победить.

Эрнест Хемингуэй "Старик и море"

ТЕ, КОТОРЫЕ НЕ МОЛЧАЛИ

Семьдесят пять диссидентов, арестованных кубинской госбезопасностью весной 2003 года, представляют практически все направления диссидентского движения на Кубе. Среди них – диссиденты «со стажем», лидеры действующих общественных правозащитных организаций и объединений, рядовые правозащитники.

Сведения, публикуемые ниже, основаны на данных Международной Амнистии, а также иной доступной на данный момент информации о причастности арестованных к диссидентскому движению.

Там, где возможно, приводятся фрагменты из обвинительных актов и приговоров суда. Упоминаемая в материале статья 91 Уголовного кодекса Кубы гласит: *«Действия против независимости или территориальной целостности государства. Лицо, совершающее действие в интересах иностранного государства с целью причинения ущерба независимости кубинского государства или целостности его территории, приговаривается к лишению свободы на срок от 10 до 20 лет или к смертной казни».*

Ниже даны описания некоторых важных инициатив в недавней истории инакомыслия на Кубе, дающие представление о действиях некоторых из арестованных.

Concilio Cubano (Кубинский Совет) был объединением приблизительно 140 неофициальных групп правозащитников, политической оппозиции и журналистов, адвокатов, женщин, молодежи, экономистов, инженеров, экологов и деятелей профсоюзного движения. Он был создан в октябре 1995 г. для разработки и проведения политических реформ мирным путем. Его цели включали амнистию политических заключенных; уважение к Конституции; выполнение Кубой международных обязательств по правам человека и движение к свободным и открытым прямым выборам.

Репрессии против членов Кубинского Совета начались в конце 1995 года.

Запланированная на 24 февраля 2003 года общенациональная встреча была запрещена властями. Многие из членов организации подвергались краткосрочным арестам, а четверо активистов были приговорены к тюремному заключению.

«Todos Unidos» («Все вместе») – это движение диссидентских групп было организовано в начале 1999 года. Объединенная Декларация, подготовленная движением в преддверии намечавшейся иберо-американской встречи на высшем уровне, была подписана представителями значительного числа диссидентских групп. В марте 2001 года 117 представителей групп, входящих в *«Todos Unidos»*, подписали заявление в поддержку Проекта Варела (см. ниже) и организовали сбор подписей за проведение референдума. В декабре 2002 года *«Todos Unidos»* распространил документы, содержавшие предложения о мерах преодоления кризиса, включая решение экономических, трудовых, социальных и юридических (законных) мер.

Освальдо Пайя

Proyecto Varela (Проект Варела) – документ, содержащий требования по проведению референдума о политических реформах, гарантирующих личные, политические и экономические свободы, а также амнистию политическим заключенным. Инициатором этого документа стало *Movimiento Cristiano Liberación*, (Христианское освободительное движение), возглавляемое Освальдо Пайа Сардинасом *(Oswaldo Paye Sardiñas)*. В марте 2002 года организаторы акции сообщили, что собрано 10000 подписей, которые необходимы по Конституции, чтобы представить это предложение на рассмотрение Национального Собрания.

18 декабря 2002 года Освальдо Пайа был награжден Премией имени академика Андрея Сахарова, считающейся самой высокой наградой Европейского Союза в области защиты прав человека.

Активисты Проекта Варела постоянно подвергались со стороны властей угрозам, кратковременным арестам, обыскам и конфискациям и другим формам преследования с активным участием органов госбезопасности.

Биографии диссидентов расположены в алфавитном порядке фамилий (испанского языка). Эти 75 человек, арестованные в марте 2003 года, приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Международная Амнистия считает, что все они являются узниками совести, репрессированными за попытку мирного осуществления основных свобод.

1. Нельсон Альберто Агияр Рамирес (Nelson Alberto Aguiar Ramirez), 57 лет. Президент неофициальной *Partido Ortodoxo de Cuba* (Кубинской ортодоксальной партии) и член недавно образованного *Asamblee para Promover la Sociedad Civil* (Собрания для развития гражданского общества). По образованию – электрик, диссидентской деятельностью занимается много лет. В декабре 1999 года он был арестован вместе с

большой группой диссидентов, готовившихся отметить годовщину Всеобщей Декларации прав человека, приходящуюся на 10 декабря.

20 марта 2003 года он был вновь арестован, его дом был тщательно обыскан, многие документы были конфискованы. Среди обвинений, предъявленных Нельсону Агияру, – участие в антиправительственных акциях, начиная с 1990-х годов, получение грантов от правительства США, членство в *Confederacion de Trabajadores Democraticos de Cuba* (Конфедерации демократических рабочих Кубы) с 2000 года.

Нельсон Агияр осужден по статьям 6.1 и 11 Закона 88 на 13 лет тюремного заключения. В настоящее время находится в тюрьме Бониато (Сантьяго-де-Куба).

2. Освальдо Альфонсо Вальдес (Osvaldo Alfonso Valdes), 38 лет. Президент *Partido Liberal Democrático* (Либерально-демократической партии), член движения *«Todos Unidos»* и комитета по разработке Проекта Варела.

Освальдо Альфонсо был арестован 18 марта 2003 года. В числе обвинений, предъявленных ему, значились: сотрудничество с Агентством международного развития США (USAID), разработка,подписание и распространение (совместно с другими диссидентами) документа «Куба: меры по преодолению кризиса».

Освальдо Альфонсо был осужден по ст.91 УК за «действия против независимости или территориальной целостности государства» и ст. 4.1, 4.2a-b, 6.1, 6.2a-b, 7.1, 7.2, 7.3, 8.1, 8.2, 9.1, 9.2, 10 и 11 Закона 88. Обвинение требовало пожизненного заключения. Поскольку Вальдес признал себя виновным по ряду пунктов обвинения, он был осужден на 18 лет тюрьмы. Находится в тюрьме Ганахай провинции Гавана.

3. Педро Пабло Альварес Рамос (Pedro Pablo Alvarez Ramos), 55 лет. Президент *Consejo Unitario de Trabajadores Cubanos (CUTC)* (Объединенного Совета кубинских рабочих) (CUTC). Этот Совет находится в тесных связях с региональными и международными профсоюзными организациями, такими, как *Central Latinoamericana de Trabajadores (CLAT)* (Латиноамериканский союз рабочих), *Confederación Mundial de Trabajadores* (Мировая конфедерация рабочих).

Педро Пабло Альварес являлся активным членом Concilio Cubano и одним из разработчиков Проекта Варела.

С 1996 года Педро Пабло Альварес подвергался преследованию за свою профсоюзную деятельность. Он помещался под домашний арест, неоднократно допрашивался службами госбезопасности.

В августе и октябре 2000 г. Педро Пабло Альварес подвергался краткосрочным задержаниям, очевидно, с целью помешать подготовке первого конгресса CUTC, запланированного на 20-21 октября. Несколько членов профсоюза и активных диссидентов были арестованы 13 октября 2000 года, а другие лидеры CUTC были предупреждены властями, что в случае их участия в конгрессе они будут арестованы. Педро Пабло Альварес провел под арестом 3 месяца по обвинению в сопротивлении действиям властей.

Утром 19 марта 2003 года Педро Пабло Альварес был арестован, его дом обыскан и все находившиеся там книги частной библиотеки *«Biblioteca sindical Emilio Máspero»* были конфискованы. Он осужден на 25 лет тюрьмы по ст. 91 УК и в настоящий момент заключен в тюрьму провинции Сьего-де-Авила.

4. Педро Аргуэлес Моран (Pedro Arguelles Morán), 55 лет. Член *Cooperative de Periodistas Independientes* (Кооператива независимых журналистов). Он также член *Comité Cubano Pro Derechos Humanos* (Кубинского комитета по правам человека).

С 1997 года Педро Аргуэлес неоднократно подвергался угрозам и арестам.

Он приговорен к 20 годам тюремного заключения по ст. 6.1, 6.3b, 7.1, 7.3 и 11 Закона 88.

В настоящее время находится в тюрьме провинции Санта-Клара.

5. Виктор Роландо Арройо Кармона (Victor Rolando Arroyo Carmona), 52 года. Вице-президент организации *Foro por la Reforma* (Форум для реформ) и член *Unión Periodistas y Escritores Cubanos Independientes* (UPECI) (Союза независимых кубинских журналистов и писателей).

В январе 2000 года он был приговорен к шести месяцам тюрьмы за организацию раздачи игрушек, закупленных на деньги, присланные из Майами кубинскими эмигрантами. 20 июня он был освобожден и продолжал диссидентскую деятельность, несмотря на постоянные преследования со стороны властей.

Виктор Арройо был арестован 18 марта 2003 года. 5 апреля он был осужден по статье 91 УК на 26 лет тюрьмы. Среди других обвинений ему ставилось в вину получение премии Хеллман/Хеммета, вручаемой за заслуги в защите прав человека организацией Human Rights Watch. (*Среди лауреатов премии – авторы журнала «Карта» Григорий Пасько и Буи Нгок Тан. – Прим. ред.)* Виктор Арройо отбывает срок в тюрьме провинции Гуантанамо.

6. Михель Барсага Луго (Mijail Barzaga Lugo), 35 лет. Арестован 20 марта 2003 года и приговорен по ст. 4.1, 4.2b, 7.1 и 7.3 Закона 88 к 15 годам тюрьмы.

В обвинении говорилось, что Михель Барсага Луго является независимым журналис-

том, получающим гранты от правительства США: «В 2002 году он опубликовал на различных веб-сайтах, таких, как CubaNet, Cubaliberal и Payolibre, различные статьи подрывного и контрреволюционного характера с очевидной целью дискредитировать Кубинское социалистическое государство».

Михель Барсага Луго находится в тюрьме провинции Санта-Клара.

7. Оскар Элиас Биссет Гонсалес (Oscar Elias Biscet González), 41 год. Президент *Fundación Lawton de Derechos Humanos* (Лаутонского фонда прав человека), ранее арестовывался более 20 раз.

После ареста 3 ноября 1999 года он был обвинен в «оскорблении государственных символов», «общественном беспорядке» и «подстрекательстве к преступлению» и осужден на три года тюрьмы.

Через два месяца после освобождения, 6 декабря, Оскар Биссет вновь арестовывается вместе с 16 другими диссидентами за попытку проведения в доме Биссета пресс-конференции по правам человека.

Когда сотрудники полиции перекрыли вход в дом, чтобы не пропустить внутрь участников пресс-конференции, Оскар Биссет с соратниками устроили на улице сидячую акцию протеста, выкрикивая лозунги «Да здравствуют права человека!» и «Свобода политическим заключенным!».

Оскар Биссет предстал перед судом вместе с диссидентами, арестованными в марте 2003 года, и был приговорен по ст. 91 УК к 25 годам тюрьмы. В настоящее время находится в тюрьме провинции Пинар-дель-Рио.

Он содержится с обычными преступниками в камере, без окон и другого света, которую он сам называет «темницей». Его поместили туда за отказ вставать в присутствии тюремных охранников и во время пересчета заключенных.

Его наказание также включает запрет на визиты семьи, на получение продовольственных передач и одежды, на переписку и прогулки на открытом воздухе.

В тюрьме он носит только нижнее белье, так как отказывается носить тюремную робу, поскольку считает себя невиновным и не признает вынесенного приговора. Он страдает от повышенного кровяного давления и инфекции в ротовой полости.

Директор тюрьмы *Kilo* 8 («Восьмой километр»), где содержится Бискет, сообщил Эльзе Морехон (Elsa Morejon), что ее муж «невоспитан», поскольку, когда охранники пытались заставить его встать во время пересчета заключенных, он громко выкрикнул: «Долой диктатуру!».

«Моего мужа невозможно узнать с тех пор, как я видела его последний раз четыре месяца назад, он настолько худой, бледный и больной. Если он и дальше будет находиться там, где сейчас, он умрет», — заявила 3 января после свидания со своим мужем Эльза Морехон.

8. Маргарито Брохе Эспиноса (Margarito Broche Espinosa), 45 лет. Ранее был судим и оштрафован за попытку побега из страны в 1992 году. Он был арестован 18 марта 2003 года.

Согласно приговору, Маргарито Брохе организовал группу диссидентов под названием *Asociación Nacional de Balseros, Paz, Democracia y Libertad del Centro Norte de Cuba* (Национальная ассоциация лодочников за мир, демократию и свободу на Кубе), занимавшуюся, как сказано в приговоре, «созданием атмосферы уважения к людям, пытавшимся бежать из страны».

Маргарито Брохе был приговорен к 25 годам тюрьмы по ст. 91 УК Кубы и сейчас находится в тюрьме Ганахай провинции Гавана.

9. Марсело Кано Родригес (Marcelo Cano Rodriguez), 38 лет. Доктор медицины. Национальный координатор общественной *Colegio Médico Independiente de Cuba* (Кубинской независимой медицинской ассоциации). Он также член *Comisión Cubana de Derechos Humanos y Reconciliación Nacional (CCDHRN)* (Кубинской комиссии по правам человека и национальному согласию).

Марсело Кано был арестован 25 марта 2003 г. Он обвинялся в посещении политических заключенных и их семей и в связях с международной организацией «Врачи без границ».

Он осужден по ст. 91 УК Кубы и ст. 4.1, 4.2а-b, 6.1, 6.2а-b, 7.1, 7.2, 7.3, 8.1, 8.2, 9.1, 9.2, 10 и 11 Закона 88 на 18 лет тюрьмы. В настоящий момент заключен в тюрьму провинции Сьего-де-Авила.

10. Хуан Роберто де Миранда Эрнандес (Juan Roberto de Miranda Hernandez), 57 лет. Вице-президент *Colegio de Pedagogos de Cuba* (Коллегии преподавателей Кубы). Неоднократно преследовался властями за диссидентскую деятельность, в том числе арестовывался в сентябре 1998 г.

После ареста в марте 2003 года Роберто де Миранда был приговорен к 20 годам тюрьмы. В вину Роберто де Миранде вменялось «создание в 1996 году незаконного и контрреволюционного учебного заведения, клеветническая критика кубинской системы образования и попытки принизить достижения в этой области революционного процесса». Обвинение требовало 25-летнего заключения. По информации, поступившей в Международную Амнистию, он недавно перенес в тюрьме сердечный приступ, страдает гипертонией и болезнью почек. В настоящее время находится в тюрьме в провинции Матансас.

11. Кармело Агустин Диас Фернандес (Carmelo Agustin Diaz Fernández), 65 лет. Является членом *Unión Sindical Cristiana Cubana* (Христианского Кубинского Союза рабочих) и президентом *Agencia de Prensa Sindical Independiente de Cuba (APSIC)* (Агентства прессы независимых профсоюзов Кубы). Он – кубинский корреспондент венесуэльского журнала *Desafios*, автор ряда статей в Интернете.

Неоднократно преследовался властями за свою профессиональную деятельность журналиста. Кармело Диас был приговорен к 16 годам по статье 91 Уголовного кодекса. Он в настоящее время находится в тюрьме Ганахай в провинции Гавана.

12. Эдуардо Диас Флейтас (Eduardo Diaz Fleitas), 51 год. Член многих правозащитных групп провинции Пинар-дель-Рио, таких, как *«Movimiento 5 de Agosto»* («Движение 5 августа»). По профессии – фермер, к диссидентскому движению примкнул в начале 90-х. Постоянно подвергался преследованию властями, арестам, обыскам, допросам.

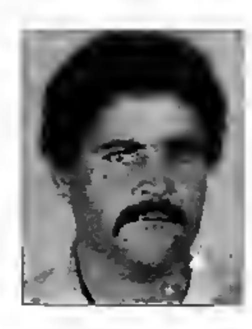
В его приговоре сказано, что он «возглавляет группу оппозиции, занимающуюся так называемыми "правами человека", организует мероприятия с использованием национального флага и распространяет плакаты с требованием свободы для политических заключенных и "узников совести", что является откровенным вызовом судебной, политической и социальной системе».

Эдуардо Диас был осужден по статьям 4.1, 4.2a-b, 6.1, 6.3a-b, 7.1, 7.3 и 11 Закона 88 на 21 год тюрьмы.

Содержится в Вилла Мариста, в штаб-квартире Управления госбезопасности.

13. Антонио Рамон Диас Санчес (Antonio Ramón Diaz Sánchez), 40 лет. Член *Movimiento Cristiano Liberación* (Христианского освободительного движения), активист Проекта Варепа. По профессии – электрик. Осужден по ст. 91 Уголовного кодекса на 20 лет тюрьмы. После организации акции протеста был переведен из тюрьмы провинции Гавана в тюрьму на другой конец острова, в провинцию Ольгин.

14. Альфредо Рудольфо Домингес Батиста (Alfredo Rodolfo Dominguez Batista). Член *Movimiento Cristiano Liberación* (Христианского освободительного движения), активист Проекта Варела в провинции Лас-Тунас.

Арестован 19 марта 2003 года и приговорен к 14 годам тюрьмы. После организации акции протеста был переведен из тюрьмы провинции Лас-Тунас в тюрьму на другой конец острова в провинцию Ольгин.

15. Оскар Мануэль Эспиноса Чепе (Oscar Manuel Espinosa Chepe), 62 года. Бывший служащий Национального банка Кубы. Работал экономическим советником посольства Кубы в Белграде. После увольнения за критику политики правительства – независимый журналист и обозреватель по экономическим и политическим вопросам.

Оскар Эспиноса был осужден по статье 91 Уголовного кодекса и ст. 4.1, 4.2a-b, 6.1, 6.2a-b, 7.1, 7.2, 7.3, 8.1, 8.2, 9.1, 9.2, 10 и 11 Закона 88 на 20 лет тюрьмы. В числе прочих обвинений – «...наличие регулярной программы на *Radio Marti* (Радио Марти) под названием "Разговор с Чепе", в которой он давал искаженную информацию относительно кубинской экономики».

По информации Международной Амнистии, состояние здоровья Оскара Эспиносы крайне тяжелое. В настоящий момент он находится в тюремной больнице провинции Гуантанамо с болезнью печени, гипертонией и истощением, но, по сообщениям членов семьи, не получает достаточного лечения.

16. Альфредо Фелипе Фуэнтес (Alfredo Felipe Fuentes). Член *Consejo Unitario de Trabajadores Cubanos (CUTC)* (Объединенного Кубинского Совета рабочих). Активист по сбору подписей в поддержку Проекта Варела в провинции Гавана. Приговорен к 26 годам тюрьмы. Содержится в тюрьме провинции Санта-Клара.

17. Эфрен Фернандес Фернандес (Efren Fernández Fernández), 54 года. Секретарь *Movimiento Cristiano Liberación* (Христианского освободительного движения). Активист по сбору подписей в поддержку Проекта Варела в провинции Гавана. Он был обвинен в преступлениях против государственной безопасности по ст. 91 УК и приговорен к 12 годам тюрьмы.

18. Хуан Адольфо Фернандес Сайнц (Juan Adolfo Fernandez Sainz), 54 года. Профессиональный переводчик с английского языка. Журналист независимого агентства *Patria* («Родина»).

В июле 2002 года кубинское правительство отказало Адольфо Фернандесу и трем другим диссидентам в

поездке в Страсбур (Франция) для участия в семинаре «Как демократизировать Кубу изнутри», проходившем в Европарламенте.

Адольфо Фернандес был признан виновным по ст. 4.1, 4.2b, 7.1 и 7.3 Закона 88 и приговорен к 15-летнему тюремному заключению.

19. Хосе Даниэль Феррер Гарсия (Jose Daniel Ferrer Garcia). Активист Проекта Варела и региональный координатор *Movimiento Cristiano Liberación* (Христианского освободительного движения) в провинции Сантьяго-де-Куба.

За свою диссидентскую деятельность Хосе Даниэль Феррер неоднократно подвергался преследованиям со стороны властей. Он был задержан на несколько дней в ноябре 2000 года вместе с другими диссидентами, протестовавшими против суда над своими соратниками. 22 января 2002 года сотрудники полиции остановили автобус, в котором ехали Хосе Даниэль Феррер и активисты Проекта Варела, вытащили их из машины и избили. Рассказывая об этом инциденте журналисту из США, Хосе Даниэль Феррер сказал: «Мы за мирные реформы. Это разрешено нашей Конституцией. Мы не нарушаем законов, собирая подписи, и они знают это. Они знают это».

Хосе Даниэль Феррер был приговорен к 25 годам. Обвинение требовало для него смертный приговор. В настоящий момент он находится в тюрьме провинции Пинар-дель-Рио.

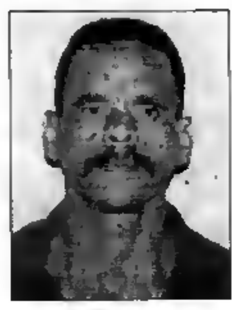
20. Луис Энрике Феррер Гарсиа (Luis Enrique Ferrer Garcia), 27 лет. Брат Хосе Даниэля Феррера Гарсиа. Член *Movimiento Cristiano Liberación* (Христианского освободительного движения). Неоднократно арестовывался за свою деятельность. Приговорен к 28 годам тюрьмы. Переведен в тюрьму Комбинадо-дель-Эсте после организации акта протеста вместе с другими активистами, арестованными в марте 2003 года.

21. Орландо Фандора Алварес (Orlando Fundora Alvarez), 47 лет. Президент *Asociación de Presos Políticos «Pedro Luis Boitel»*, (Ассоциации политических заключенных имени Педро Луиса Бойтеля. Его жена Йоланда Триана (Yolanda Triana) является директором частной библиотеки и также активным диссидентом.

Орландо Фандора и его жена неоднократно подвергались репрессиям со стороны властей. На их дом были совершены нападения «неустановленными лицами».

После ареста в марте 2003 года Орландо Фандора был приговорен по ст. 91 УК к 18 годам тюрьмы. Он страдает болезнью сердца и гипертонией.

22. Просперо Ганца Агуеро (Prospero Gainza Agüero), представитель провинции Ольгин в *Movimiento Nacional de Resistencia Cívica «Pedro Luis Boitel»* (Национальном движении гражданского сопротивления имени Педро Луиса Бойтеля). Неоднократно подвергался репрессиям.

Он был арестован 18 марта 2003 года. Обвиненный в «подрывных действиях» на основании документов, обнаруженных во время обыска в его доме, он был приговорен к 25 годам тюрьмы.

Содержится в тюрьме провинции Сантьяго-де-Куба и, по сообщениям, тяжело болен.

23. Мигель Гальван Гутьерес (Miguel Galván Gutierrez), 38 лет. По образованию инженер. Автор статей для независимого агентства Гавана Пресс, президент *Colegio de Ingenieros y Arquitectos de Cuba* (Коллегии инженеров и архитекторов Кубы). Он также является региональным координатором Проекта Варела. Мигель Гальван неоднократно подвергался репрессиям. Был арестован 18 марта 2003 года и приговорен по ст.91 УК и Закону 88 к 26 годам тюрьмы. Он – инвалид после автомобильной катастрофы.

24. Хулио Сезар Гальвес Родригес (Julio Cesar Gálvez Rodriguez), 58 лет. Журналист. В 2001 году он уволился с государственных радиостанций *Radio Ciudad de La Habana* и *Radio Cadena Habana* для сотрудничества с независимым агентством *Cuba Free Press*.

Он был арестован 19 марта 2003 года и приговорен по статьям 4.1, 4.2b, 6.1, 6.3b, 7.1, 7.3, и 11 Закона 88 к заключению на 15 лет. Страдает хронической гипертонией.

25. Эдель Хосе Гарсиа Диас (Edel José Garcia Diaz), 57 лет. Директор независимого агентства печати в Гаване. Неоднократно арестовывался и вызывался на допросы в период 1997-1999 гг.

Эдель Хосе Гарсиа Диас был осужден по статьям 4.1, 4.2b, 6.1, 6.3b, 7.1, 7.3, и 11 Закона 88 на 15 лет. Среди других обвинений – публикация статьи о плохом состоянии школьных зданий в Гаване «с приложением фотографий». Содержится в тюрьме провинции Сантьяго-де-Куба.

26. Хосе Луис Гарсиа Панеке (José Luis García Paneque), 38 лет. Пластический хирург, член *Colegio Médico Independiente de Cuba* (Кубинской независимой медицинской ассоциации). Он также занимается журналистикой, являясь директором независимого агентства *Libertad* и членом *Sociedad de Periodistas «Manuel Marquez Sterling»* (Общества журналистов имени Мануэля Маркеса Стерлинга). Активист Проекта Варела.

18 марта 2003 года Хосе Луис Гарсиа был арестован. Его дом был обыскан, и все журналистское и медицинское оборудование было конфисковано. Обвинение требовало для Хосе Луиса Гарсиа 18 лет тюрьмы. Суд приговорил его к 24-летнему заключению.

27. Рикардо Севернно Гонсалес Альфонсо (Ricardo Severino Gonzales Alfonso), 53 года. Президент независимого *Sociedad de Periodistas «Manuel Marquez Sterling»* (Общества журналистов имени Мануэля Маркеса Стерлинга) и корреспондент международного общества «Репортеры без границ».

Рикардо Гонсалес неоднократно арестовывался. Так, в октябре 1997 года он был арестован за распространение информации о нарушениях прав человека в провинции Санта-Клара.

Он был освобожден через два дня с предупреждением, что если он не прекратит писать такие статьи, то должен будет выбрать между заключением и изгнанием. 16 марта 2001 г. он вновь арестовывается за подготовку семинара «Этика и журналистика». 22 февраля и 15 июля того же года он вызывался на допрос в органы госбезопасности.

Рикардо Гонсалес был арестован 18 марта 2003 года и приговорен к 20 годам тюрьмы по ст.91 УК. Обвинение требовало пожизненного заключения за «агрессивные и клеветнические публикации против кубинского правительства».

28. Диосдадо Гонсалес Марреро (Diosdado González Marrero). Неоднократно задерживался за диссидентскую деятельность. В 1999 году он провел в тюрьме 6 месяцев за сбор сведений о нарушении прав человека перед иберо-американским саммитом.

Арестованный в конце марта 2003 года, Диосдадо Гонсалес осужден по Закону 88 на 20 лет тюрьмы. Он содержится в тюрьме провинции Пинар-дель-Рио. По сообщениям родственников заключенного, его держат в темной одиночной камере, выпуская на прогулку один раз в день на один час.

29. Лестер Гонсалес Пентон (Léster González Pentón), 26 лет. Активист правозащитного движения, представитель от провинции Санта-Клара в *Confederación de Trabajadores Democráticos de Cuba* (Кубинской конфедерации демократических рабочих).

Неоднократно подвергался преследованию со стороны властей, например, превентивным задержаниям, угрозам уголовного преследования за тунеядство, в то время как был уволен с работы за участие в независимом профсоюзе.

Лестер Гонсалес арестован 18 марта 2003 года и приговорен к 20 годам тюрьмы по ст.91 Уголовного кодекса. Находится в тюрьме города Саньяго-де-Куба.

30. Алехандро Гонсалес Рага (Alejandro González Raga), 45 лет. Журналист, активист сбора подписей в поддержку Проекта Варела. Осужден на 14 лет тюрьмы по ст. 91 УК. Содержится в тюрьме провинции Сьего-де-Авила.

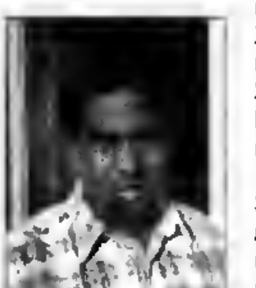
31. Хорхе Луис Гонсалес Танкеро (Jorge Luis González Tanquero), 32 года. Член группы *Movimiento Independentista Carlos Manuel de Céspedes* (Движения независимости имени Карлоса Мануэля Сеспедеса). Активист Проекта Варела в провинции Лас-Тунас.

Арестован 19 марта 2003 года и осужден на 20 лет тюрьмы. Находится в тюрьме Ганахай, провинция Гавана.

32. Леонель Граве де Перальта Альменарес (Leonel Grave de Peralta Almenares). Член *Movimiento Cristiano Liberación* (Христианского освободительного движения) в провинции Санта-Клара. Активист Проекта Варела. Владелец частной общедоступной библиотеки им. Бартоломе Массо.

В сентябре 2002 г. его дом подвергся нападению *Brigadas de Respuesta Rápida* (кубинского ОМОНа). Леонель Граве де Перальта был осужден вместе с несколькими другими членами Христианского освободительного движения и приговорен к 20 годам тюрьмы по Закону 88. Находится в тюрьме провинции Пинар-дель-Рио.

33. Иван Эрнандес Каррильо (Iván Hernández Carrillo, 32 года. Активист демократического движения, член *Partido por*

la Democracia «Pedro Luis Boitel» (Демократической партии имени Педро Луиса Бойтеля), независимый журналист, владелец частной общедоступной библиотеки в провинции Матансас.

По сведениям Международной Амнистии, Иван Эрнандес неоднократно подвергался полицейским преследованиям (кратковременным арестам, вызовам на допросы в январе и феврале 1997 г., ноябре 1999 г.).

В июне 2002 года он вместе с несколькими членами демократической партии был подвергнут превентивному аресту с целью недопущения встречи с группой сторонников демократии из муниципалитета Перико.

Иван Эрнандес был арестован 18 марта 2003 года. В числе обвинений, предъявленных ему, было наличие компьютера, предположительно полученного из США, и денежные переводы на приобретение книг для библиотеки. Свидетели обвинения показали, что дом Ивана Эрнандеса посещали автомобили с дипломатическими номерами.

Иван Эрнандес Каррильо был осужден на 25 лет тюрьмы по статьям 4.1, 4.2а-b, 6.1, 6.3b, 7.1, 7.3 и 8.2 Закона 88. Заключенный тюрьмы провинции Ольгин.

34. Нормандо Эрнандес Гонсалес (Normando Hernández González), 32 года. Директор *Colegio de Periodistas Independientes* (Коллегии независимых журналистов). Неоднократно подвергался репрессиям. В феврале и марте 2001 года он был силой остановлен на улице, посажен в полицейскую машину и увезен за несколько миль от города в пустынную местность. 8 марта 2002 года явившиеся в дом Нормандо Эрнандеса полицейские несколько часов вели с журналистом «разъяснительную беседу», угрожая тюрьмой за его публикации. С 15 июня 2002 ему отключили телефон, несмотря на полную оплату по счетам. Нормандо Эрнандес был арестован 24 марта 2003 года. Полиция конфисковала уже оформленные документы на выезд с Кубы самого журналиста и его жены.

Среди «преступлений», инкриминируемых Нормандо Эрнандесу, – «подготовка 116 сообщений для носящей провокационное название радиостанции «Хосе Марти», в которых он тенденциозно искажал факты с целью причинить вред безопасности страны и в которых он нападал на систему здравоохранения и образования, высказывал сомнения в справедливости социалистического правосудия, отрицал достижения в области туризма, культуры, сельского хозяйства, рыболовства...»

Нормандо Эрнандес приговорен к 25 годам тюрьмы по ст. 91 Уголовного кодекса. Находится в тюрьме Бониато (провинция Сантьяго-де-Куба).

35. Реджис Иглесиас Рамирес (Regis Iglesias Ramírez), 36 лет. Член *Movimiento Cristiano Liberación* (Христианского освободительного движения) в Гаване. Он был вовлечен в работу, связанную с Проектом Варела. Ранее не судим.

Реджис Иглесиас был арестован в конце марта и осужден 3 апреля 2003 года. Он был приговорен к заключению на 18 лет по статье 91 Уголовного кодекса. Он находится в тюрьме муниципалитета Камагуэй.

36. Хуан Карлос Эррера Акоста (Juan Carlos Herrera Acosta), 36 лет. Член *Movimiento Cubano de Jóvenes por la Democracia* (Кубинского молодежного движения за демократию) и *Asociación de Presos Políticos «Pedro Luis Boitel»* (Ассоциации политических заключенных имени Педро Луиса Бойтеля). Независимый журналист в провинции Гуантанамо.

С 1987 по 2001 год Хуан Карлос Эррера отбывал четырехлетний тюремный срок за попытку незаконной эмиграции. За время заключения он неоднократно попадал в карцер, лишенный доступа света, за организацию акций протеста и отказ сотрудничать с тюремными властями.

Хуан Карлос Эррера был арестован 19 марта 2003 года и судим вместе с Мануэлем Убалсом Гонзалесом. Несмотря на то, что предъявленное им обвинение в связях с террористической эмигрантской организацией *«Comandos F-4»* не было подкреплено фактами и доказательствами, Хуан Карлос Эррера был приговорен к 20 годам тюрьмы по Закону 88. В настоящий момент находится в тюрьме Бониато (Сантьяго-де-Куба)

37. Хосе Убальдо Исквиердо Эрнандес (José Ubaldo Izquierdo Hernández). Владелец частной общедоступной библиотеки имени Себастьяна Аркоса Бергнеса и независимый журналист, сотрудничающий с агентством *«Grupo Decoro»*. Неоднократно его дом и он сам лично подвергались нападениям, организованным сотрудниками кубинской госбезопасности. Хосе Убальдо Исквиердо был арестован в конце марта 2003 года и приговорен к 16 годам тюрьмы.

38. Рейнальдо Мигель Лабрада Пенья (Reinaldo Miguel Labrada Peña), 40 лет. Член *Movimiento Cristiano Liberación* (Христианского освободительного движения), активист Проекта Варела. Был арестован 19 марта в провинции Лас-Тунас. Приговорен к 6 годам тюрьмы. Это самый малый срок тюремного заключения из всей группы диссидентов, арестованных весной 2003 года.

За организацию акции протеста Рейнальдо Мигель Лабрада переведен в тюрьму строгого режима в провинции Гуантанамо.

39. Либрадо Рикардо Линарес Гарсиа (Librado Ricardo Linares García), 42 года. Президент *Movimiento Cubano Reflexión* (Движения сомневающихся), объединяющего сторонников реформ. По профессии – инженер, в 1992 году был исключен из Компартии Кубы за призывы к проведению экономических реформ. Активист диссидентского движения. Неоднократно, в 1995, 1996, 1999 годах, подвергался преследованиям со стороны властей (превентивным арестам).

Был арестован 18 марта 2003 года, его дом был обыскан сотрудниками полиции, и многие личные вещи Либрадо Рикардо Линареса, включая велосипед, были конфискованы. Приговорен к 20 годам тюрьмы за то, что, «прикрываясь защитой прав человека, занимался контрреволюционной деятельностью путем организации встреч, конференций и семинаров».

40. Эктор Фернандо Маседа Гутьеррес (Héctor Fernando Maseda Gutierrez), 60 лет. По профессии – инженер-физик. Активист диссидентского движения, автор многочисленных статей по истории, экономике и культуре. Арестовывался в 1997 и 2000 годах.

Эктор Маседа был арестован у себя дома 18 марта 2003 года. Он был осужден по статье 91 Уголовного кодекса и статьям 4.1, 4.2a-b, 6.1, 6.2a-b, 7.1, 7.2, 7.3, 8.1, 8.2, 9.1, 9.2, 10 и 11 Закона 88 и приговорен к 20 годам тюрьмы. В настоящее время Эктор Маседа находится в тюрьме муниципалитета Манакас.

41. Марсело Мануэль Лопес Баньобре (Marcelo Manuel Lopez Bañobre), 39 лет. По профессии – капитан буксира. Примкнул к работе *Comisión Cubana de Derechos Humanos y Reconciliación Nacional (CCDHRN)* (Кубинской комиссии по правам человека и национальному согласию) после потопления береговой охраной буксира «13 марта» с беженцами, позже стал официальным представителем жертв этой трагедии.

С начала политических репрессий в марте 2003 года Марсело Мануэль Лопес собирал сведения об арестованных диссидентах. В те дни он писал:

«Волна обысков, конфискаций и арестов, начавшаяся 18 марта, – чрезвычайно опасна. Как представитель Кубинской комиссии по правам человека, я свидетельствую, что Комиссия пытается установить имена арестованных и место их нахождения. Это очень сложно: люди боятся говорить, потому что они не знают своих прав, потому что невозможно никуда пройти, введены специальные пропуска, пользоваться телефоном – бесполезно».

К моменту опубликования этой статьи Марсело Лопес уже был арестован.

Его схватили 25 марта 2003 года на улице Гаваны. 4 апреля состоялся суд над ним и еще пятью диссидентами, включая его соратника по CCDHRN, известного правозащитника Марсело Кано Родригеса (Marcelo Cano Rodríguez).

Марсело Лопес осужден по ст.91 Уголовного кодекса и ст. 4.1, 4.2a-b, 6.1, 6.2a-b, 7.1, 7.2, 7.3, 8.1, 8.2, 9.1, 9.2, 10 и 11 Закона 88 на 15 лет тюрьмы.

Согласно приговору, его преступлением является связь с Международной Амнистией и другими международными правозащитными организациями и «передача им [организациям] сведений о людях, приговоренных к смертной казни ...что дает возможность нашим противникам осуждать нашу страну перед Комиссией по правам человека в Женеве». Также Марсело Лопес был обвинен в контактах «с родственниками приговоренных к смерти с целью передачи информации вышеупомянутым международным организациям». Содержится в тюрьме Ганахай провинции Гавана.

42. Хосе Мигель Мартинес Эрнандес (José Miguel Martinez Hernández), 39 лет. Активист *Movimiento 24 de Febrero* (Движения 24 февраля), Проекта Варела и владелец частной общедоступной библиотеки, открытой в его доме. После ареста в марте 2003 года был приговорен к 13 годам тюрьмы. Находится в тюрьме провинции Камагуэй.

43. Марио Энрике Майо Эрнандес (Mario Enrique Mayo Hernandez), 38 лет. По профессии – адвокат. Как журналист публиковал статьи в СМИ, возглавлял независимое агентство «Феликс Варела» в Камагуэе.

В ноябре 2000 года в дом к журналисту для «разъяснительной беседы» пришел агент госбезопасности, угрожавший ему наказанием за диссидентские действия.

Марио Энрике Майо был арестован 19 марта и предстал перед судом в Камагуэе. В приговоре по его делу говорится о «множестве контрреволюционных статей», написанных Марио Энрике Майо на темы здравоохранения, условий содержания заключенных, ситуации с семьями политических заключенных. Его обвинили в том, что его статьи дают основания для осуждения Кубы в Комиссии по правам человека и, следовательно, создают условия для «гуманитарной интервенции».

Марио Энрике Майо был приговорен к 20 годам тюремного заключения по статье 91 Уголовного кодекса. В настоящее время находится в тюрьме провинции Ольгин.

44. Луис Милан Фернандес (Luis Milán Fernández). Врач по профессии, член негосударственной *Colegio Médico de Cuba* (Кубинской медицинской ассоциации).

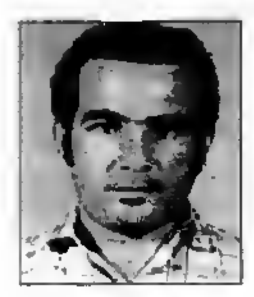
В июне 2001 года Луис Милан и его жена, также врач по профессии, подписали документ под названием *«Manifiesto 2001»*, призывающий к соблюдению основных свобод на Кубе. Вместе с другими профессиональными медиками он провел однодневную голодовку с целью привлечь внимание к проблемам медицинского обслуживания заключенных. Луис Милан приговорен к 13 годам тюрьмы.

45. Нельсон Молине Эспино (Nelson Moliné Espino), 38 лет. Президент негосударственной *Confederación de Trabajadores Democráticos de Cuba* (Конфедерации демократических рабочих Кубы). Неоднократно подвергался преследованиям со стороны властей.

20 марта 2003 года дом Нельсона Молины был подвергнут обыску,а он сам был арестован. В обвинительном акте указывалось, что «в его доме обнаружено много литературы подрывного характера». Также в вину Нельсону Молине ставилось то, что «он получает деньги за его подрывную деятельность, которые позволяют ему вести удобную жизнь».

Нельсон Молине был осужден на 20 лет тюрьмы по ст. 91 УК. В настоящее время он находится в тюрьме провинции Пинар-дель-Рио, далеко от дома, что делает сложным посещение его женой и четырехлетней дочерью. Он страдает тяжелой формой гипотонии.

46. Хесус Мигель Мустафа Фелипе (Jesús Miguel Mustafa Felipe), 58 лет. Член *Movimiento Cristiano Liberación (MCL)* (Христианского освободительного движения). Активист сбора подписей по Проекту Варела в своем родном городе Пальма-Сорьяно (провинция Сантьяго-де-Куба).

Хесус Мустафа был арестован 17 декабря 2002 года вместе со своим другом Робертом Монтейро Тамайо (Robert Montero Tamayo) после визита в отделение полиции, где они пытались выяснить причины ареста их соратника по MCL Рамела Винаджера Стевенса(Ramuel Vinajera Stevens). Спустя несколько дней их освободили, но 19 февраля 2003 года состоялся суд, приговоривший их к 18 месяцам тюрьмы за «неповиновение» и «сопротивление».

Находящийся в заключении Хесус Мустафа был вторично судим в начале апреля 2003 года и приговорен к 25 годам тюрьмы. Обвинение требовало пожизненного заключения. В настоящий момент содержится в тюрьме Комбинада-дель-Эсте провинции Гавана.

47. Анхел Хуан Мойа Акоста (Angel Juan Moya Acosta), 38 лет. Президент *Movimiento Opción Alternativ* (Движения «Альтернативный выбор») в провинции Матансас и член *Consejo Nacional de Resistencia Cívica* (Национального Совета Гражданского Сопротивления). Активист движения «Todos Unidos». Анхел Мойа неоднократно арестовывался ранее, признан Международной Амнистией как узник совести. В декабре 2000 года он был приговорен к одному году домашнего ареста за «непочтительность».

Арестованный в марте 2003 года, Анхел Мойа был приговорен Гаванским трибуналом к 20 годам тюрьмы по ст. 91 Уголовного кодекса.

48. Феликс Наварро Родригес (Félix Navarro Rodriguez), 49 лет. Член *Partido Solidaridad Democrática* (Партии демократической солидарности) в провинции Матансас, журналист. Бывший директор школы в своем родном городе Перико, уволенный после ареста в связи с участием в диссидентских акциях в 2001 году. Активист Проекта Варела и «Todos Unidos».

Арестовывался в декабре 1992 года (за расклейку плакатов с призывами к демократии), в ноябре 1996 (за распространение в школе эмигрантской газеты «El Nuevo Herald»), в ноябре 1999г. и сентябре 2001г. (за участие в поминовении политических заключенных, умерших в тюрьме), в феврале 2002 года (за сбор подписей в поддержку Проекта Варела). Во время последнего ареста госбезопасность конфисковала все собранные им подписные листы.

Феликс Наварро был арестован в марте 2003 года. В приговоре указывалось, что « среди книг и документов, конфискованных в его доме, находились агрессивно враждебные и разлагающие рукописные и печатные материалы».

Феликс Наварро был приговорен к 25 годам тюрьмы по ст. 4.1, 4.2а-b, 6.1, 6.3b, 7.1, 7.3 и 8.2 Закона 88. Содержится в тюрьме провинции Гуантанамо.

49. Хорхе Оливейра Кастильо (Jorge Olivera Castillo), 41 год. Бывший редактор телевидения. Директор независимого агентства печати Гаваны. Материалы, подготовленные агентством, публиковались в эмигрантском издании *Nueva Prensa Cubana* и в Интернете.

Хорхе Оливейра постоянно подвергался преследованиям властей за свою деятельность. В сентябре 1997 года он был арестован за освещение в эмигрантских СМИ суда над диссидентом Марицой Луго Фернандес (Maritza Lugo Fernández). В своем выступлении по телевидению за неделю до иберо-американского саммита в Гаване Фидель Кастро назвал Хорхе Оливейру в числе «опасных контрреволюционеров».

Хорхе Оливейра был осужден на 18 лет тюрьмы по ст. 4.1, 4.2b, 6.1, 6.3b, 7.1, 7.3, и 11 Закона 88. Находится в тюрьме провинции Гуантанамо.

50. Пабло Пачеко Авила (Pablo Pacheco Avila), 31 год. Независимый журналист. Неоднократно арестовывался полицией за видеосъемки действий против диссидентов. Он был осужден по статьям 6.1, 6.3b, 7.1, 7.3 и 11 Закона 88 на 20 лет тюрьмы. В настоящий момент находится в тюрьме провинции Матансас. Страдает тяжелой формой гипертонии.

51. Эктор Паласио Руис (Héctor Palacios Ruiz), 61 год. Директор негосударственного *Centro de Estudios Sociales* (Центра социальных исследований), секретарь комитета в коалиции «Todos Unidos».

Эктор Паласио – один из известнейших кубинских диссидентов. Он неоднократно арестовывался полицией и госбезопасностью. В августе 1994 года он арестовывается за участие в столкновениях между участниками мирной антиправительственной демонстрации и полицией.

В январе 1997 года, будучи президентом *Partido Solidaridad Democrático (PSD)* (Партии демократической солидарности), он был арестован и приговорен к 18 месяцам тюрьмы за «непочтительность» после интервью, данного немецкому телевидению, в котором он критиковал действия правительства.

Эктор Паласио был арестован 20 марта 2003 года и приговорен к 25 годам тюрьмы на основании ст. 91 Уголовного кодекса и ст. 4.1, 4.2a-b, 6.1, 6.2a-b, 7.1, 7.2, 7.3, 8.1, 8.2, 9.1, 9.2, 10 и 11 Закона 88.

В числе прочих обвинений, предъявленных Эктору Паласио, было то, что «в его доме находилась общедоступная частная библиотека ... с книгами подрывного и контрреволюционного содержания».

Эктор Паласио в настоящий момент находится в тюрьме провинции Пинар-дель Рио. Его жене Гизеле Дельгадо Саблон (Gisela Delgado Sablon) было отказано в свидании с мужем в мае 2003 года. Ей угрожают тюремным заключением, если она будет принимать участие в общественных акциях в защиту мужа.

52. Артуро Перес де Алехо Родригес (Arturo Pérez de Alejo Rodriguez). Президент организации *Frente Escambray Derechos Humanos* (Фронт прав человека Эскамбрая). Активист Проекта Варела. В январе 2003 года он был арестован за распространение Декларации ООН по правам человека.

Артуро Перес де Алехо был арестован 18 марта 2003 года. Он был признан виновным и приговорен к 20 годам тюрьмы. Содержится в тюрьме провинции Пинар-дель-Рио.

53. Омар Перне Эрнандес (Omar Pernet Hernández), 57 лет. Лидер *Movimiento Nacional por los Derechos Humanos «Mario Manuel de la Peña»* (Национального движения за права человека имени Марио Мануэля де ла Пенья). Активный правозащитник. Осужден на 25 лет за «подрывные действия путем распространения сведений о якобы имеющихся нарушениях прав человека на Кубе. Эти сведения передавались им контрреволюционным радиостанциям на территории США, таким, как *Radio Marti, Radio Mambi* и *La Poderosa*, призывающим американское правительство к усилению агрессивной политики в отношении нашей страны». Находится в тюрьме провинции Гавана.

54. Орасио Хулио Пина Боррего (Horacio Julio Piña Borrego), 36 лет.

Активист Проекта Варела. Ранее арестовывался в мае 2001 года.

Арестован 19 марта 2003 года и осужден на 20 лет тюрьмы по статьям 4.1, 4.2a-b, 6.1, 6.3a-b, 7.1, 7.3 и 11 Закона 88.

55. Фабио Прието Льоренте (Fabio Prieto Llorente). Журналист, работает для *Agencia de Prensa Independiente de Isla de Pinos* (Независимого агентства печати острова Пинос).

Фабио Прието Льоренте занимается независимой журналистикой с ноября 1999 года. Он неоднократно получал предупреждения и угрозы от полиции и госбезопасности с требованиями прекратить диссидентскую деятельность.

Арестован 18 марта 2003 года и осужден на 20 лет тюрьмы.

56. Альфредо Мануэль Пулидо Лопес (Alfredo Manuel Pulido López), 42 года. Живет в Камагузе. Журналист. Работал для независимого агентства *El Mayor* в Камагузе. Активист Проекта Варела.

Альфредо Пулидо был арестован 18 марта 2003 года. Он приговорен к 14 годам тюрьмы по статье 91 Уголовного кодекса.

57. Хосе Габриэль Рамон Кастильо (Jose Gabriel Ramón Castillo). По профессии – учитель. Директор негосударственного *Instituto Independiente Cultura y Democracia* (Института независимой культуры и демократии), основанного в Сантьяго-де-Куба. Как незави-

симый журналист опубликовал много информационных заметок и статей на различных веб-сайтах, таких как *CubaNet*.

Неоднократно подвергался преследованию властями с самого начала его диссидентской деятельности.

Хосе Габриэль Рамон арестован 19 марта 2003 года и приговорен к 20 годам тюрьмы. Находится в тюрьме провинции Санта-Клара.

58. Арнальдо Рамос Лазерике (Arnaldo Ramos Lauzerique), 60 лет.

Живет в Гаване. Член *Instituto Cubano Economistas Independientes* (Кубинского института независимых экономистов).

Он был арестован в числе других диссидентов в марте 2003 года и осужден по статье 91 Уголовного кодекса на 18 лет тюрьмы. Содержится в тюрьме провинции Ольгин.

59. Блас Гиралдо Рейес Родригес (Blas Giraldo Reyes Rodriguez), 46 лет.

Активист Проекта Варела и директор частной общедоступной библиотеки, расположенной в его доме.

Арестован в марте 2003 года и приговорен к 25 годам тюрьмы. Находится в одной из тюрем провинции Матансас.

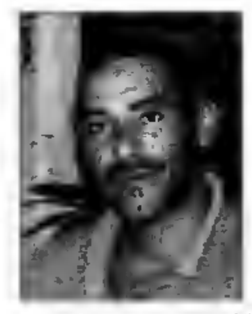

60. Рауль Риверо Кастанеда (Raúl Rivero Castañeda), 57-летний поэт и журналист. Основатель и директор независимого агентства *Cuba Press*.

Ранее многократно подвергался арестам за диссидентскую деятельность: в январе и феврале 1996 года за членство агентства *Cuba Press* в Concilio Cubano; в июле 1997 года за публикацию статьи о диссиденте Владимиро Роха; вновь арестован в августе 1997. После вступления в силу Закона 88 в марте 1999 года он был вызван в отделение госбезопасности для трехчасового допроса, во время которого его предупредили, что он будет одним из первых, к кому этот закон будет применен, если он не прекратит свою журналистскую работу.

Рауль Риверо был арестован 18 марта 2003 года. Его судили 4 апреля 2003 года в одном процессе с журналистом Рикардо Северино Гонсалесом *(Ricardo Severino González)*. Его обвиняли по статье 91 УК в «осуществлении подрывных действий, направленных против независимости и территориальной целостности Кубы». Также в обвинительном акте указывалось, что он распространял «заведомо ложную информацию в интересах его спонсоров в правительстве США» и сотрудничал с агентством Франс Пресс и международной организацией «Репортеры без границ».

Рауль Риверо Кастанеда был признан виновным и приговорен к 20 годам тюрьмы. Содержится в тюрьме провинции Сьего-де-Авила.

61. Алексис Родригес Фернандес (Alexis Rodriguez Fernández), 33 года.

Член *Movimiento Cristiano Liberación* (Христианского освободительного движения). Активист по сбору подписей в поддержку Проекта Варела.

Неоднократно арестовывался властями.

Алексис Родригес был арестован в марте 2003 года и приговорен к 15 годам тюрьмы. В настоящее время находится в тюрьме провинции Матансас.

62. Омар Родригес Салудес (Omar Rodriguez Saludes), 37 лет.

Директор независимого агентства новостей, фотограф. Неоднократно арестовывался в 1998,1999 и 2000 годах за диссидентскую деятельность.

17 ноября 2002 года он был задержан для многочасового допроса после встречи с испанскими дипломатами. Во время допроса сотрудники госбезопасности обвиняли Омара Родригеса в незаконной и контрреволюционной деятельности.

В 2002 году в статье, опубликованной в New York Times, он писал: «Мы знаем: то, что мы делаем, – опасно... Даже у себя дома – мы под угрозой. Правительство следит за нами. Оно знает о нас больше, чем мы сами».

«Из-за ограничений свободы на Кубе, – писал Омар Родригес, – я никогда не видел сайтов, на которых были бы размещены мои фотографии. Многие фотографии существуют только в негативах... Я – слепой фотограф».

Среди обвинений, выдвинутых против Омара Родригеса, – фотографирование мест, «дающих искаженное изображение кубинской действительности и размещение их в иностранной, главным образом, контрреволюционной прессе».

Омар Родригес был осужден по ст. 91 Уголовного кодекса на 27 лет тюремного заключения. Он заключен в тюрьму «Кило 8» в провинции Камагуэй.

63. Марта Беатрис Роке Кабелло (Marta Beatriz Roque Cabello), 57 лет.

Экономист, возглавляет *Instituto Cubano Economistas Independientes* (Кубинский институт независимых экономистов). Она также возглавляет *Asamblea para promover la sociedad civil* (Ассамблею по развитию гражданского общества), «зонтичную» организацию для диссидентских групп, созданную в октябре 2002 года.

Марта Беатрис Роке ранее отбывала три с половиной года тюремного заключения после ареста 16 июля 1997 года вместе с тремя другими членами *Grupo de Trabajo de la Disidencia Interna para el Análisis de la situación Socio-Económica Cubana* (Рабочей группы внутренних диссидентов по анализу кубинской социально-экономической ситуации). Все они были обвинены в «действиях против национальной безопасности» (ст.125(с) УК Кубы) и «подстрекательстве к мятежу» (ст. 100(с) УК Кубы). Арест последовал вскоре после пресс-конференции, устроенной диссидентами для иностранных журналистов, на которой были опровергнуты официальные документы и распространен собственный критический анализ, названный *«La Patria es de Todos»* («Родина для всех»). 20 мая 2000 года Марта Беатрис Роке под давлением международной общественности была освобождена.

Марта Беатрис Роке повторно арестована 20 марта 2003 года.

Среди предъявленных ей обвинений «действия, рассчитанные на ниспровержение существующего строя кубинского государства, провоцирование его дестабилизации и утраты независимости, получение от правительства США финансовой поддержки для осуществления этих целей…Создание на североамериканском сервере веб-сайта самозванного Института независимых экономистов, на котором размещались пропагандистские материалы, искажающие реальную экономическую действительность…»

Марта Беатрис Роке осуждена на 20 лет тюрьмы (обвинение требовало пожизненного заключения). В настоящий момент содержится в тюрьме Манто-Негро, в провинции Гавана.

64. Омар Мойсес Руис Эрнандес (Omar Moisés Ruiz Hernández), 56 лет. Независимый журналист. Арестовывался в январе и марте 1996 года. Вызывался на допрос в отдел госбезопасности в октябре 1997 года.

После ареста весной 2003 года приговорен к 18 годам тюрьмы по ст.91 УК Кубы. Содержится в тюрьме провинции Гуантанамо.

65.Кларо Санчес Альтарриба (Claro Sanchez Altarriba), 49 лет. Член *Movimiento de Jóvenes Cubanos por la Democracia* (Движения кубинской молодежи за демократию) в Сантьяго-де-Куба.

Кларо Санчес был арестован 19 марта 2003 года. Приговорен к 15 годам тюрьмы по ст. 4.1, 6.1 и 7.1 Закона 88. Находится в тюрьме «Кило 8», Камагуэй.

66 и 67. Ариель и Гвидо Сиглер Амайа (Ariel y Guido Sigler Amaya), 39 лет. Братья Сиглер – члены *Movimiento Opción Alternativa* (Движения за альтернативный выбор) в провинции Матансас. Братья Сиглер были признаны узниками совести после их ареста в

декабре 1999 года за участие в мирной демонстрации в честь 51-й годовщины Всеобщей Декларации прав человека. Они были освобождены через полгода. В декабре братья были вновь арестованы, вместе с Оскаром Элиасом Биссетом и 14 другими диссидентами, за организацию встречи диссидентов в Гаване.

18 марта 2003 года Ариель и Гвидо Сиглер были арестованы и приговорены каждый к 20 годам тюрьмы по Закону 88.

68. Рикардо Сильва Гуал (Ricardo Silva Gual). По профессии – врач. Член *Movimiento Cristiano Liberación* (Христианского освободительного движения).

Постоянно преследовался властями за диссидентскую деятельность.

Рикардо Сильва был арестован 18 марта 2003 и приговорен к заключению на10 лет по статьям 4.1 и 6.1 Закона 88. Он в настоящее время находится в тюрьме провинции Гуантанамо.

69. Фидель Суарес Крус (Fidel Suárez Cruz), 33 года. Фермер, член *Partido Pro Derechos Humanos en Cuba* (Кубинской правозащитной партии) в Пинар-дель-Рио. Директор частной библиотеки *«San Pablo»*.

В 2000 году он был приговорен к шести месяцам «ограничения свободы» за нарушение закона о рыболовстве, однако в декабре приговор изменен на тюремное заключение за диссидентскую деятельность.

Фидель Суарес был арестован 18 марта 2003 года и приговорен к 20 годам тюрьмы по статьям 4.1, 4.2а-b, 6.1, 6.3а-b, 7.1, 7.3 и 11 Закона 88. Находится в тюрьме провинции Матансас.

70. Мануэль Убалс Гонсалес (Manuel Ubals González), 34 года. Президент *Consejo por la Libertad de Cuba* (Совета за свободу Кубы).

В 1994 году был приговорен к трем годам исправительных работ за «незаконный выход с национальной территории».

Мануэль Убалс был арестован 20 марта 2003 года и судим вместе с Хуаном Карлосом Эррера. Несмотря на то что предъявленное им обвинение в связях с террористической эмигрантской организацией «Comandos F-4» не было под-

креплено фактами и доказательствами, Мануэль Убалс был приговорен к 20 годам тюрьмы по Закону 88. В настоящий момент находится в тюрьме провинции Матансас.

71. Хулио Антонио Вальдес Гевара (Julio Antonio Valdés Guevara), 52 года.

Директор частной общедоступной библиотеки, принадлежащей группе *Unión de Activistas y Opositores «Golfo de Guacanayabo»* (Союз активистов и оппозиционеров «залив Гуаканаябо») в Манзанилло, провинция Гранма.

Был арестован 19 марта 2003 года и приговорен к 20 годам тюрьмы.

Хулио Антонио Вальдес страдает гипертонией, болезнью почек и сильным головокружением. По имеющейся информации, он не получает медицинской помощи.

72. Мигель Вальдес Тамайо (Miguel Valdés Tamayo), 46 лет. Вице-президент группы *«Hermanos Fraternales por la Dignidad»* («Братство защиты достоинства»). По профессии – телевизионный мастер.

Мигель Вальдес ранее арестовывался 23 октября 2002 года в Гаване, когда он и другие члены его организации, по сообщениям, пытались зажечь свечи в Центральном парке. *(23 октября 1962 г. президент США Джон Кеннеди подписал приказ о введении режима карантина вокруг Кубы. – Прим. пер.)*

Он был арестован 19 марта 2003 года и приговорен по ст.91 Уголовного кодекса к 15 годам тюрьмы. В настоящее время содержится в тюрьме «Кило 8» муниципалитета Камагуэй. По имеющейся информации, Мигель Вальдес страдает от многих болезней, в том числе от язвы желудка, гипертонии и болезни сердца.

73. Эктор Рауль Валле Эрнандес (Hector Raúl Valle Hernández), 35 лет. Вице-президент *Confederación de Trabajadores Democráticos de Cuba* (Конфедерации демократических рабочих Кубы) и активист *Partido Pro-Derechos Humanos* (Правозащитной партии).

Ранее был задержан 16 ноября 2002 года и доставлен в отделение полиции для допроса, во время которого от него потребовали прекратить антиправительственную деятельность.

Арестован в марте 2003 года, приговорен к 12 годам тюрьмы по ст.91 Уголовного кодекса.

74. Мануэль Васкес Портал (Manuel Vazquez Portal), 51 год. Независимый журналист и поэт. Его статьи размещены на *CubaNet* и других сайтах. Ранее арестовывался в ноябре 1999 года.

Он был арестован 19 марта 2003 года и приговорен к 18 годам тюрьмы по статьям 4.1, 4.2b, 6.1, 6.3b, 7.1, 7.3, и 11 Закона 88. Сейчас находится в тюрьме Бониато провинции Сантьяго-де-Куба.

75. Антонио Аугусто Виллареал Акоста (Antonio Augusto Villareal Acosta). Активист по сбору подписей для Проекта Варела. Приговорен к 15 годам тюрьмы и в настоящее время содержится в тюрьме Бониато провинции Сантьяго-де-Куба.

Международная Амнистия, основываясь на имеющейся в ее распоряжении информации, считает, что кубинское правительство необоснованно характеризует этих диссидентов как «наемников» или «иностранных» агентов. Организация полагает, что действия, за которые эти люди были арестованы, судимы и приговорены, являлись попытками мирного осуществления фундаментальных свобод и прав человека.

Международная Амнистия и Human Rights Watch настаивают на немедленном и безоговорочном освобождении всех арестованных в марте 2003 г. диссидентов и объявляют их УЗНИКАМИ СОВЕСТИ.

Бесконечная мука – вот единственное подходящее название для этих страниц. Бесконечная мука, ибо мука, порожденная тюрьмой, – самая тяжкая, самая опустошающая из всех; она убивает разум, иссушает душу и оставляет в ней следы, которым никогда не изгладиться.

Хосе Марти "Каторжная тюрьма на Кубе"

Жозе САРАМАГО

Я ОСТАЮСЬ

Я остаюсь. С этого момента Куба продолжит следовать собственным путем, а я остаюсь. Расхождение во мнениях – это право, которое есть и будет вписано невидимыми чернилами во все декларации прав человека прошлого, настоящего и будущего. Разойтись во мнениях – это полное и неоспоримое право нашей совести. Иногда расхождение во мнениях может привести к предательству, но это всегда должно быть доказано бесспорными фактами. Не думаю, что недавний судебный процесс, закончившийся непропорционально суровыми приговорами для кубинских диссидентов, был процессом юридически безупречным. И непонятно, если заговор действительно был, почему до сих пор не выслан из страны представитель Отдела Интересов США в Гаване – один из участников заговора.

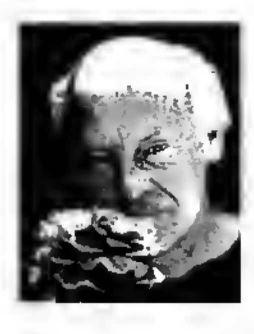
А теперь еще и расстрелы. Попытка угнать корабль или самолет – это преступление, строго наказуемое в любой стране мира, но нельзя приговаривать угонщиков к смертной казни, тем более учитывая, что при этом не было жертв. Расстреливая этих троих человек, Куба не выиграла никакой героической битвы, но зато потеряла мое доверие, ранила мои надежды и разочаровала мои ожидания. Я остаюсь.

Перевод Олега Ясинского

Жозе Сарамаго (Jose Saramago) – португальский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1998 года.

Эдуардо ГАЛЕАНО

БОЛЬНО ЗА КУБУ

Тюрьмы и расстрелы на Кубе – прекрасные новости для планетарной супервласти, так давно мечтающей вытащить эту проклятую кость, застрявшую у нее в горле. И напротив, – это очень плохие и грустные новости, новости, от которых больно для тех, кто считает, что мужество этой маленькой, но способной на столькие жесты величия страны, заслуживает восхищения, и в то же время думает, что, если в мире возможны свобода и справедливость, они возможны только вместе. Время худших из новостей: как будто нам мало было наблюдать за преступной безнаказанностью иракской бойни, кубинское правительство предпринимает эти шаги, которые, как сказал бы дон Карлос Кихано *(видный уругвайский политик. – Прим. ред.)*, «грешат против надежды».

Роза Люксембург, отдавшая жизнь за социалистическую революцию, расходилась с Лениным в проекте нового общества. Она написала пророческие слова о том, чего не хотела. 85 лет назад она была убита в Германии, но эти строки актуальны и сегодня: «Свобода только для сторонников правительства, только для членов одной партии, как бы многочисленна она ни была, – свободой не является. Свобода – это всегда свобода для того, кто думает иначе» и еще: «Без всеобщих выборов, без неограниченной свободы прессы и собраний, без борьбы свободных мнений жизнь во всех общественных институтах превращается в жалкое прозябание, и единственным активным элементом становится бюрократия».

Век XX и то, что уже стало частью века XXI, стали свидетелями двойного предательства социализма: капитуляции социал-демократии, которая в наши дни, благодаря сержанту Тони Блэру, достигла своего апогея, и катастрофы коммунистических государств, превращенных в государства полицейские. Многие из этих государств уже пришли к своему бесславному концу, и их непотопляемые бюрократы с привычным рвением служат новым хозяевам.

Кубинская революция родилась, чтобы стать другой. Ставшая объектом постоянного имперского давления, она выжила не как ей хотелось бы, а как смогла. Этот народ, щедрый и благородный, пожертвовал многим для того, чтобы стоять в полный рост в мире, наполненном услужливо склонившимися. Но за столькие годы этого трудного процесса революция утрачивала постепенно тот ветер непосредственности и свежести, что подтолкнул ее когда-то в путь. Я говорю это с болью. Мне больно за Кубу.

Угрызения совести не заплетают мой язык, чтобы еще раз повторить сказанное мною много раз на острове и за его пределами, – я не верю и никогда не верил ни в демократию при одной-единственной партии (как и в Соединенных Штатах, где есть однаединственная партия, притворяющаяся двумя), ни в то, что всевластие государственного аппарата может являться адекватным ответом на всевластие рынка.

<...>

Эдуардо Галеано (Eduardo Galeano) – уругвайский писатель и публицист.

Я верю в священное право народов на самоопределение, где бы то ни было и когда бы то ни было. Я могу сказать это без малейших угрызений совести, потому что всегда, когда это право нарушалось от имени социализма и под одобрение широких кругов левых сил, как, например, при вводе советских танков в Прагу в 1968 г. и при вторжении советских войск в Афганистан в конце 1979 г., я говорил об этом прямо и во весь голос.

Симптомы упадка модели сверхцентрализированной власти, превращающей в революционную заслугу беспрекословное подчинение распоряжениям, поступающим сверху, на Кубе очевидны.

Блокада и множество других видов агрессии блокируют развитие демократии по-кубински, вдохновляют милитаризацию власти и предоставляют алиби бюрократической неповоротливости. Факты доказывают, что открыть крепость, которая углубляла рвы и возводила новые стены по мере того, как была вынуждена защищаться, сегодня оказывается сложнее, чем когда бы то ни было ранее. Но факты показывают и другое – то, что сегодня демократическая открытость как никогда ранее, необходима. Революции, оказавшейся способной пережить ненависть 10 президентов Соединенных Штатов и 20 директоров ЦРУ, для того чтобы смочь противостоять приближающимся трудным временам, необходима эта энергия, энергия участия и разнообразия.

И сами кубинцы, только кубинцы и никто другой, должны стать теми, кто откроет новые демократические пространства и завоюет недостающие сегодня свободы изнутри сделанной ими революции и из глубины корней их собственной земли, земли, щедрее и благороднее которой мне не известно.

Перевод Олега Ясинского

Джеймс ПЕТРАС

НАШИ МОРАЛИСТЫ

Задача интеллектуалов – прояснить главные проблемы и определить главные угрозы миру, социальной справедливости, национальной независимости и свободе в каждый исторический период, а также распознать и поддерживать основных защитников этих принципов. На интеллектуалах лежит обязанность различать оборонительные меры, принятые странами и народами, атакованными империалистами, и агрессивные методы имперских сил, направленные на завоевание. Это вершина ханжества и лицемерия – морально уравнивать насилие и репрессии империалистических государств с действиями стран третьего мира, подвергающихся военным и террористическим нападениям. Ответственные интеллектуалы критически исследуют политическую ситуацию и анализируют отношения между имперской державой и ее платными местными функционерами, коих именуют «диссидентами», они не выносят моралистические приговоры, основываясь на своих политических догматах. Интеллектуалы, преданные своему делу, которые заявляют, что говорят как моральные авторитеты, особенно если они называют себя критиками империализма, несут политическую ответственность за разоблачение манипуляции государств и СМИ, особенно в отношении имперской риторики нарушения прав человека независимыми странами третьего мира. <...> Эти любители моральных сравнений смотрят в микроскоп на Кубу и в телескоп на США – что придает им определенный вес среди имперских либералов.

Джеймс Петрас (James Petras) – политолог, профессор Государственного Нью-Йоркского университета.

Моральные императивы и кубинская реальность: морализаторство как бесчестие

По вопросу об американо-кубинском конфликте интеллектуалы разделились во мнениях: [*левые – Ред.*] Бенедетти, Састре, Петрас, Санчес-Васкес, Пабло Гонсалес Касанова и другие защищают Кубу, правые, включая Варгаса Льосу, Саватера и Карлоса Фуэнтеса, разумеется, повторяют свои обычные обвинения против Кубы, и отряд в остальном прогрессивных интеллектуалов – Чомски, Галеано, Сарамаго, Зонтаг, Зинн и Валлерстайн – присоединился к осуждению Кубы, упирая на свою предыдущую критическую позицию, дабы их не смешивали с правыми/госдеповскими противниками Кубы. Именно эта группа нанесла наибольший ущерб зарождающемуся антиимпериалистическому движению, и эти критические заметки обращены к ним. Мораль, основанная на пропаганде, – смертоносная смесь, особенно, когда моральное осуждение провозглашают уважаемые левые интеллектуалы, а пропаганду поставляет крайне правое правительство Буша. Многие «прогрессивные» критики Кубы признают, в общем и целом, что США – враждебный агрессор против Кубы, и «щедро» даруют кубинцам право на самоопределение, – и затем испускают залпы необоснованных обвинений и искажений, оторванных от конкретной обстановки, что могло бы прояснить вопрос и предоставить реальные основания для «морального императива».

Стоит начать с основных фактов. Левые критики, основываясь на ярлыках госдепартамента, обвиняют кубинское правительство в подавлении личностей, диссидентов, включая журналистов, владельцев частных библиотек и членов политических партий, участников ненасильственных политических действий,

пытавшихся воспользоваться своими политическими правами. Что «прогрессисты» не распознали (или не желают признать), так это то, что арестованные были платными функционерами американского правительства.<...>

Американские «прогрессивные» интеллектуалы пренебрегли своей обязанностью проанализировать и критиковать и приняли за чистую монету определение, данное госдепартаментом США американским платным функционерам как диссидентам, борющимся за «свободу».

Некоторые защитники американских агентов-диссидентов заявляют, что они получили «постыдно длинные сроки». И снова эмпирическая близорукость усугубляет ложный морализм. Куба находится в состоянии войны.<...> Полнейшая нехватка серьезности в моральных прописях Чомски, Зинна, Зонтаг, Валлерстайна состоит в том, что они не заметили непосредственную и серьезную угрозу американского нападения с применением оружия массового поражения, объявленную заранее. <...>

Наглая и неприкрытая политическая деятельность Джеймса Кейсона в лад с его кубинскими последователями среди платных агентов/диссидентов – часть внутренних планов подрыва верности кубинцев государству и революции. Взаимосвязь между этими двумя тактиками и их стратегическое единство не замечается интеллектуалами-критиками, предпочитающими роскошь моральных императивов насчет повсеместной свободы для каждого, пока психопаты из Вашингтона приставляют Кубе нож к горлу. Нет, спасибо, Чомски, Зонтаг, Валлерстайн, – у Кубы есть право дать своим врагам пинка в зад и послать их рубить сахарный тростник, чтобы честно заработать на жизнь. <...>

Моралисты не понимают, почему эти негодяи пытаются покинуть Кубу противозаконно. Буш практически отменил выдачу виз кубинцам, желающим уехать. Число виз снизилось с 9000 за первые 4 месяца 2002 года до 700 в 2003-м. Это – явное подстрекательство к терактам на Кубе, которые потом можно использовать для осуждения суровых приговоров, вызывая дружный хор поддакивающих голосов прогрессивного американского и европейского интеллектуального истеблишмента. Основаны ли эти моральные осуждения Кубы на чистом невежестве или это что-то другое? – моральный шантаж, чтобы вынудить кубинцев обратиться против властей, своего народа или получить нагоняй от почтенных интеллектуалов – попасть в изоляцию и получить клеймо «апологетов Кастро». Недвусмысленные угрозы Сарамаго – забыть своих кубинских друзей и поддержать платных агентов США. Скрытые угрозы – не приезжать больше на Кубу и бойкотировать конференции. Что это – моральная трусость – размахивать американской папкой перед Кубой, ... из-за свободы платных агентов, которые подлежат уголовному преследованию в любой стране мира? Но что уж точно бесчестно, это полностью замалчивать огромные достижения революции в том, что касается безработицы, образования, здравоохранения, равенства и кубинской героической и принципиальной оппозиции имперским войнам – единственной из всех стран – и ее способности противостоять почти 50-летию вторжений. Все это не стоит ничего в глазах американских интеллектуалов – это просто позор! <...>Не забудем, что те же интеллектуалы поддерживали «диссидентов» Восточной Европы и СССР, оплаченных Соросом и Госдепартаментом. <...> Высокоморальные интеллектуалы должны признать политическую ответственность за последствия и не прятаться за абстрактными морльными банальностями ни в том, что касается их прошлого соучастия с созданием империи, ни в отношении нынешних позорных обвинений Кубы. Они не могут утверждать, что не знают, как отзовутся их слова и дела. Они не могут притворяться невинными после всего, что видели, слышали и читали о военных планах США против Кубы. Главный автор и пропагандист антикубинской декларации в США – Джоанн Лэнди, самозванная «демократическая социалистка» и пожизненная сторонница насильственного свержения кубинского правительства – в течение последних 40 лет. <...> Для протокола стоит отметить, что Лэнди была яростной противницей китайской, вьетнамской и других социальных революций... Несмотря на их прославленный критический интеллект, «прогрессивные» интеллектуалы проглядели неаппетитные политические взгляды этой пропагандистки антикубинского манифеста.

Роль интеллектуалов в наши дни

Многие критики Кастро говорят о «принципах», как будто существует только один комплект принципов на все случаи жизни, независимо от того, о ком идет речь и каковы последствия. Это значит утверждать «принципы» типа «свободы» для тех, кто строит планы свержения кубинского правительства в сообщничестве с Госдепартаментом, что превратит Кубу в Чили – где Пиночет свергнул Альенде – и приведет к разрушению всех достижений революции для широких масс. Есть принципы более важные, чем свобода кубинско-американских функционеров, а именно безопасность и народный суверенитет. Существует, особенно среди американских левых, определенная склонность к жертвам из третьего мира, потерпевшим поражение, и враждебность к победившим революционерам. Похоже, что американские прогрессивные интеллектуалы всегда находят алиби, дабы избежать солидарности с революцией. Для некоторых из них это старый припев: сталинизм – если государство играет главную роль в экономике. <...> Службы безопасности, успешно предотвращающие теракты, они именуют «репрессивным полицейским государством». Живя в стране с одним из наименее политически активных населений в мире, с одной из наиболее продажных и лакейских профсоюзных бюрократий на Западе, практически без всякого влияния вне нескольких университетских городков, практичные интеллектуалы в США не имеют никакого опыта и понимания ежедневных угроз и насилия против революционных правительств и активистов в Латинской Америке. Их политические теории, аршины, которые они вытаскивают, чтобы заклеймить или похвалить любые политические действия, существуют исключительно в их головах, в их благоприятных, прогрессивных университетских местечках, где они наслаждаются всеми привилегиями капиталистической свободы без малейшего риска, против которого приходится защи-

щаться революционерам третьего мира. Немного скромности, дорогие мои, уважаемые критические проповедники свободы. <...> Я хочу закончить предложением ... не строить из себя судью, прокурора и присяжных, клеймя прогрессистов, достаточно смелых, чтобы защищать революционеров. Самый кошмарный пример – непристойные нападки Сьюзен Зонтаг на колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса, которого она обвинила в бесчестности и в том, что он апологет кубинского террора (именно так!). <...> Это – та самая Зонтаг, которая с восторгом поддерживала имперскую агрессию и бомбежку США против Югославии, апологет фундаменталистского боснийского режима и молчаливая свидетельница убийств и этнических чисток сербов и других меньшинств в Косово. Да уж, честность, ничего не скажешь!

Американо-европейские интеллектуалы не должны смешивать свою собственную политическую бесполезность и непоследовательность с позицией своих латиноамериканских коллег. Возможен конструктивный диалог и споры, но никогда – личные выпады, унижающие тех, кто ежедневно рискует своей жизнью.

Критическим интеллектуалам легко быть «друзьями Кубы» в хорошие времена праздников и конференций (когда угрозы уменьшаются). Гораздо труднее быть «друзьями Кубы», когда тоталитарная империя угрожает героическому острову и его защитникам. В такие времена – перманентных войн, геноцида, агрессии, когда Кубе нужна солидарность критически мыслящих интеллектуалов, которую она получает – из Европы и особенно из Латинской Америки. Разве не пришло время для нас в США, со всеми нашими почтенными и прославленными прогрессивными интеллектуалами, со всей нашей высочайшей моральной чувствительностью, наконец, осознать, что идет жизненно важная, героическая революционная борьба для защиты против американского кровожадного чудовища, скромно отложить наши важнейшие заявления и поддержать революцию вместе с миллионом кубинцев, отмечающих 1 мая с их лидером Фиделем Кастро?

Опубликовано: http://www.rebelion.org/petras/english/petrasmay12003.htm

Перевод Лидии Волгиной (Left.Ru)

Примечания:

Марио Бенедетти *(Mario Benedetti) – уругвайский писатель.*

Альфонсо Састре *(Alfonso Sastre) – испанский драматург.*

Адольфо Санчес-Васкес *(Sanchez-Vázquez) (р. 1915) – мексиканский философ-марксист. Профессор, заведующий кафедрой Мексиканского национального автономного университета.*

Пабло Гонсалес Касанова *(Pablo Gonzalez Casanova) – историк, философ, социолог, заведующий кафедрой Мексиканского национального автономного университета.*

Марио Варгас Льоса *(Mario Vargas Llosa)– перуанский писатель.*

Фернандо Саватер *(Fernando Savater) – испанский философ, писатель, профессор университета.*

Карлос Фуэнтес *– мексиканский писатель.*

Ноам Чомски *(Наум Хомский)(Noam Chomsky) – известный американский лингвист, политолог, публицист, общественный деятель.*

Эдуардо Галеано *– уругвайский писатель и публицист.*

Жозе Сарамаго *(José Saramago) – португальский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1998 года.*

Сьюзен Зонтаг *(Susan Sontag) (р. 1933) – американская писательница и эссеистка.*

Говард Зинн *(Howard Zinn) – американский историк, заслуженный профессор Бостонского университета.*

Иммануил Валлерстайн *(Immanuel Wallerstein) – американский историк и социолог, профессор Йельского университета.*

Джеймс Кейсон *(James Cason) – глава дипломатического представительства США на Кубе.*

Джоанн Лэнди *(Joanne Landy) – член редакционного совета журнала New Politics и содиректор Campaign for Peace and Democracy. В статье, опубликованной в New Politics, vol. 9, no. 3, Дж.Лэнди пишет, что все написанное Дж.Петрасом в его статье относительно ее позиций и взглядов – «возмутительная ложь», придуманная с целью «дискредитировать своих противников».*

Габриэль Гарсиа Маркес *– колумбийский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1982 года.*

От редакции «Карты»:

Публикуя (в сокращении) статью почтенного американского профессора, мы предлагаем читателям самим подсчитать, сколько лет тюрьмы получил бы сей житель «прогрессивного университетского местечка», если бы к нему применили статьи Закона 88, действующего на столь активно защищаемой социалистической Кубе?

И в заключение одна цитата из российской прессы:

«Сегодняшний собеседник "Известий" Альберто Мартинес – террорист. Он этого, собственно, и не скрывает. В программе Революционных вооруженных сил Колумбии (ФАРК), одним из руководителей которых является Мартинес, прямо говорится, что для свержения "эксплуататорского режима" приемлемы любые методы борьбы. И террор среди этих методов – самый популярный. За 38 лет, что в Колумбии идет гражданская война, погибли 130 тысяч человек. В основном – мирные жители, ставшие жертвами терактов. [...]

Вопрос:

– Какова ваша идеологическая платформа?

Ответ:

– Мы основываемся на учении Маркса, Энгельса и Ленина, идеях американского диссидента Ноама Чомского, на публикациях Джеймса Петраса».

Из интервью Фиделя Кастро Федерику Майору Сарагосе

Федерико Майор: Мне хотелось бы теперь затронуть деликатную тему: тему свободы слова и мысли. Кубинский режим регулярно подвергается нападкам за его репрессивную политику в этом плане.

Фидель Кастро: Я уже догадался, что ты собирался сказать. Прежде надо бы спросить, можно ли говорить о свободе слова и мысли в регионе мира, где огромное большинство граждан полностью или функционально неграмотны. Это может показаться жестокой насмешкой...

Через десять лет культура кубинцев будет на уровне выпускника университета, и она будет комплексной, а не дробной. Для этого уже созданы все условия. Никто теперь не сможет помешать тому, что мы станем самым культурным народом Земли... На службу столь великой цели мы поставим созданные человеком сказочные технологии без коммерческой рекламы. Лучше немного подождать, чтобы говорить о настоящей свободе слова и мысли.

Ф.М.: ... Что вы думаете о кубинских диссидентах как внутри страны, так и во Флориде?

Ф.К.: Я не понимаю, какая может быть разница между тем, что ты называешь внешними и внутренними диссидентами. Это совершенно одно и то же. И те, и другие одного происхождения и находятся под одним руководством. И те, и другие являются инструментом политики Соединенных Штатов по отношению к Кубе, и те, и другие выступают за империализм, против социализма и за аннексию.

В эти славные и героические годы двойной блокады и особого периода, когда решается, жить или погибнуть нашей Родине, в атмосфере подвигов нашего народа они погрязнут в болоте бесчестия и будут забыты, что, несомненно, наиболее соответствует и подобает их жалкой роли.

Ф.М.: Вам выпала привилегия при жизни превратиться в миф. Вы продолжите оставаться мифом и после смерти?

Ф.К.: ... Конечно, я продолжу быть мифом и после смерти.

2003 г.

Опубликовано на Rednews.ru

Карлос АЛЬБЕРТО Монтанер

«КОМА-АНДАНТЕ» И ЕГО НАСЛЕДНИКИ

Фидель Кастро... Ровно 45 лет назад этот человек пришел к власти на Кубе в форме революционера, чтобы стать пожизненным диктатором. От той когорты больших политиков – Эйзенхауэр, де Голль, Хрущев – уже никого не осталось в живых.

А сам Фидель стал ходячей энциклопедией всевозможных болезней – от Паркинсона до сердечной ишемии.

Если раньше у него на Кубе было прозвище Кабальо – «Жеребец», то сейчас его все чаще называют «Кома-анданте» – «Ходячая кома».

В уходящем году Кастро обрушил невиданные доселе репрессии против тех, кто рискнул выступить против «маразматического социализма». За решетку брошены 75 человек – многие приговорены к 28 годам заключения. В этом списке – Рауль Риверо, самый известный на Кубе поэт, журналисты, писатели, библиотечные работники, экономисты, активисты борьбы за права человека. Вся их вина заключается в том, что они посмели поставить свои подписи под призывом провести всенародный референдум о демократизации политической системы в стране.

Новая волна арестов привела к тому, что многие европейские интеллектуалы, еще недавно поддерживавшие Кастро, очнулись. «Вот куда мы пришли!» – слова португальского писателя Жозе Сарамаго стали укором для всех. В Испании, например, если кто сегодня и поддерживает кастровский режим, так это террористы из баскской сепаратистской группировки ЭТА. От Фиделя отвернулись буквально все в Европе. Отныне ему не дождаться никаких преференций в торговле – как минимум до тех пор, пока он не разрешит свободную эмиграцию для диссидентов. Наконец-то Европа поняла, что кубинская проблема сводится не к конфликту между Вашингтоном и Гаваной, а к противостоянию между демократами всего мира и последней диктатурой советского покроя. Об этом громко и ясно заявил экс-президент Чехии Вацлав Гавел, объявивший о создании Международного комитета за демократизацию на Кубе.

В Восточной Европе Гавел не одинок в своих чувствах к Фиделю. К последней коммунистической диктатуре в Западном полушарии не испытывает симпатий и российское руководство. Визит российского Президента на Кубу три года назад не привел к восстановлению прежней «братской дружбы». Кубинский лидер продолжает мечтать о том, что когда-нибудь коммунизм в России вновь придет к власти. А Президент Путин, после того как тот сблизился с американцами и решил демонтировать базу электронного шпионажа в Лурдесе, для него – предатель и враг.

Когда лидер одного из латиноамериканских государств напомнил Фиделю, что Путин – бывший офицер КГБ, Кастро ответил: «А я думал, что он из ЦРУ». Правда, на остров продолжают ездить бывшие начальники российского Президента по Лубянке, в частности, экс-глава аналитической службы КГБ генерал Николай Леонов. Но это – дань уважения Фиделя и его

Карлос Альберто Монтанер – писатель и журналист, президент Кубинского либерального союза.

младшего брата Рауля бывшим товарищам по классовой борьбе против империализма.

А на государственном уровне никаких перспектив улучшения отношений между Кастро и прагматичным Путиным быть не может по одной простой причине: Куба никогда не отдаст России ни одного цента из своего долга в 24 миллиарда долларов.

В прошлом году произошло и еще одно серьезное событие, имеющее отношение к политическому будущему Кубы.

Американские политики – и республиканцы, и демократы – составили совместный меморандум, в котором договорились о будущей стратегии по отношению к Гаване. В документе отмечается, что США сочтут совершенно неприемлемым, если на смену авторитарному режиму Кастро придет некая «дружественная Вашингтону» военная диктатура коммунистического толка.

Публикация меморандума стала для кубинских военных во главе с Раулем Кастро ушатом холодной воды. Ведь они мечтали после смерти лидера «продать» Вашингтону образ мирной и безмятежной Кубы – без нелегальных иммигрантов и наркоконтрабандистов – в обмен на восстановление экономических и дипломатических отношений и признание своего нового режима. Но американцы дали понять, что не желают покупать этот «товар».

Они прекрасно понимают, что в такую упаковку будет завернута бомба замедленного действия. Не купят гнилой товар и европейцы. Режим не переживет своего каудильо, который его породил четыре с половиной десятилетия назад.

Опубликовано: Агентство «Прима»

Сидни ГОЛДБЕРГ

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ СЛОВАРЕЙ

Казалось? только вчера Фидель Кастро осуждал собак капитализма. Действительно, это было вчера. На сей раз объектом его презрения была... Россия!

В речи, изданной на прошлой неделе в кубинской (коммунистической) газете, Кастро объявлял, что Россия «предала Кубу», оборвав торговые соглашения несколько лет назад, – те соглашения, которые помогали держать остров «на плаву». Предательство России, кроме того, «было плодом ее ошибок и ложного пути, на котором она проиграла идеологическое сражение против западного капитализма и буржуазного империализма, под давлением Соединенных Штатов».

Объяснимо использование Кастро марксистско-ленинской терминологии для общения с затравленным кубинским народом или своими соратниками.

Какие же слова находит сегодня «буржуазный империализм» для характеристики самого Фиделя Кастро и ему подобных?

Самое последнее издание Webster's New World College называет его просто: «Cuban revolutionary leader, prime minister and president» («Кубинский революционный лидер, премьер-министр и президент»). Звучит довольно внушительно – почти теми же словами характеризуется и Макартур. Но разве Кастро не диктатор? Очевидно, словарь не счел возможным так его охарактеризовать...

Это – не единственный случай, обнаруженный в Webster's New World, – по крайней мере, когда рассматриваемый «лидер» принадлежит к «революционному» строю. Словарь может называть Гитлера «Nazi dictator of Germany» («Нацистский диктатор Германии»), но Сталина – просто «Soviet premier, general secretary of the Communist party of the U.S.S.R» («Советский премьер-министр, генеральный секретарь Коммунистической партии СССР»), Муссолини – «Italian dictator» («Итальянский диктатор»), но Тито – «Yugoslav Communist Party leader, prime minister and president of Yugoslavia» («Лидер Коммунистической партии Югославии, премьер-министр и президент Югославии»), Франко – «Dictator of Spain» («Диктатор Испании») и Салазара «Prime minister and dictator of Portugal» («Премьер-министр и диктатор Португалии»), но Мао-Цзедуна – «Chinese Communist leader, chairman of the People's Republic of China and of it's Communist Party» («Китайский Коммунистический лидер, председатель Китайской Народной Республики и ее Коммунистической партии»).

А Ленин? «Russian leader of the Communist revolution of 1917, premier of the U.S.S.R.» («Российский лидер Коммунистической революции 1917, премьер-министр СССР»). Это кажется особенно несправедливым, так как письма Ленина открыто инспирировали террор, ставший основой его правления. Однако хороший буржуазный словарь не должен заходить слишком далеко.

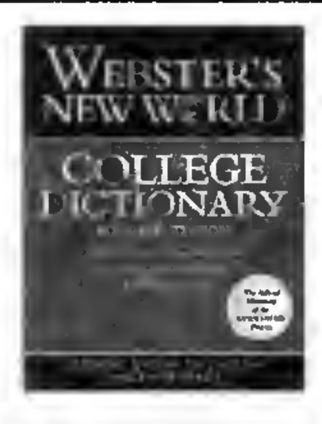
Webster's New World – не единственный труд, на который можно сослаться для демонстрации подобной «словарной дипломатии». Самое последнее издание American Heritage Dictionary of the English Language называет предшественника Кастро *(генерала Фульхенсио Батисту. – Прим. пер.)* – «Cuban dictator and president» («Кубинский диктатор и президент»). Но сам Кастро – «Cuban revolutionary leader who overthrew Fulgencio Batista in 1959 and established a socialist state» («Кубинский революционный лидер, свергнувший Фульхенсио Батисту в 1959 году и создавший социалистическое государство»). Не полицейское государство, конечно.

Для American Heritage, Гитлер – разумеется, «Absolute dictator» («Абсолютный диктатор»), но Сталин – «Soviet politician who was general secretary of the Communist Party and premier of the U.S.S.R. («Советский политический деятель, генеральный секретарь Коммунистической партии и премьер-министр СССР»). Не берутся в расчет репрессии, чистки, убийства, геноцид – повседневная работа этого «политического деятеля». К слову, о геноциде, как вы думаете, American Heritage определяет Пол Пота? «Cambodian political leader whose Khmer Rouge movement overthrew the Cambodian government in 1975» («Кампучийский поли-

Сидни Голдберг – консультант средств информации в Нью-Йорке.

Загляните под обложку...

тический лидер, чьё движение красных кхмеров свергло Кампучийское правительство в 1975»). Каждый должен задаться вопросом – являются ли слова «политический лидер» полной характеристикой стиля правления Пол Пота.

В других словарях прослеживается тот же стиль. Random House Webster's Unabridged Dictionary называет Батисту «Cuban military leader: dictator of Cuba; president» («Кубинский военный лидер: диктатор Кубы; президент»), а Кастро только «Cuban revolutionary and political leader: prime minister and president» («Кубинский революционный и политический лидер: премьер-министр и президент»). Гитлер – «Nazi dictator of Germany» («Нацистский диктатор Германии»), конечно, но Сталин – «Soviet political leader» («Советский политический лидер»).

Oxford American Dictionary и Language Guide не имеют персоналий, но они определяют гитлеровца как «a person who embodies the authoritarian characteristics of Adolf Hitler, Ger. dictator» («человек, который соответствует авторитарным характеристикам Адольфа Гитлера, немецкого диктатора»). А что относительно «сталинизма»? Это – идеологическое направление, названное по имени «J.V. Stalin (Dzugashvili), Soviet statesman» (И.В. Сталина [Джугашвили], советского государственного деятеля»). Государственного деятеля!

Но давайте оставим имена на время в стороне и посмотрим на более широкие темы, скрывающиеся за ними. American Heritage упоминает о «фашистской философии Гитлера» Имеется его определение фашизма: «A system of government marked by centralization of authority under a dictator, stringent socioeconomic controls, suppression of the opposition through terror and censorship, and typically a policy of belligerent nationalism and racism» («Система правления, отмеченная централизацией власти диктатором, строгим социально-экономическим контролем, подавлением оппозиции через террор и цензуру и, как правило, политикой воинственного национализма и расизма»).

Достаточно точно, особенно, если описывается нацистская разновидность фашизма. Коммунизм, с другой стороны, определяется так: «A system of government in which the state plans and controls the economy and a single, often authoritarian party holds power, claiming to make progress toward a higher social order in which all goods are equally shared by the people» («Система правления, с государственным планированием и управлением экономикой, при которой власть принадлежит одной, часто авторитарной партии, чьи силы направлены на создание социального порядка, при котором все блага распределены между людьми поровну»). Нет даже намека на террор и цензуру, и конечно – никакой диктатуры.

В лучшем случае, определения словарями политических терминов дилетантские и глупые. В худшем случае, они преднамеренно антилиберальные и ангажированные. Или, возможно, не преднамеренно. Действительно, иногда кажется, что в них по-прежнему отражены взгляды левых лексикографов, долгое время убеждавших нас, что прогрессивные тенденции приходят только «слева», невзирая на реальные факты истории.

Чем иначе объяснить такие определения в Webster's II New College Dictionary, изданном в прошлом году. Правые: «A political group, as a faction or party, whose policies are conservative or reactionary» («Политическая группа, фракция или партия, чья политика консервативна или реакционна»). Левые: «Those who advocate the adoption of sometimes extreme measures to achieve the equality, freedom, and well-being of the citizens of a state» («Те, кто защищают принятие иногда чрезвычайных мер для достижения равенства, свободы и благосостояния граждан государства»). Звучит тепло и... нечетко. Но возможно, правые тоже заботятся о благосостоянии граждан государства?

В Merriam-Webster's Collegiate Dictionary (2001 edition) правые, среди всего остального, выступают против «change in the established order» («изменений в существующем порядке») и одобряют «traditional attitudes and practices («традиционные отношения и методы»). Прекрасно! Левые, тем временем, защищают «change in the name of freedom or well-being of the common man» («изменение от имени свободы или благосостояния обычного человека»). Вновь благородные мотивы сосредоточены в одной стороне.

Эта неуклюжая односторонность кого-нибудь волнует? Да и нет. К упомянутым трудам относятся так, будто их содержание является вершинами учености и научной точности. Словно никто не чувствует ошибок и тенденциозности, проникающих в культуру под такой маской.

Однако большинство из нас будут изучать политику и историю не по кратким статьям в словаре, и если вы достаточно молоды, чтобы учиться, то у вас есть время для других, более обстоятельных книг. К сведению будущих лексикографов: «The Black Book of Communism»(«Черная Книга коммунизма») – недавнее изданное подведение итогов столетия «революционных» режимов – является хорошим началом для обучения. Сталин там назван палачом.

И Кастро тоже.

Перевод с английского: Вл. Холмогорский

«CUBA SI, CASTRO NO»

Манифестация в Балтиморе (США). Группа ветеранов высадки в заливе Кочинос.

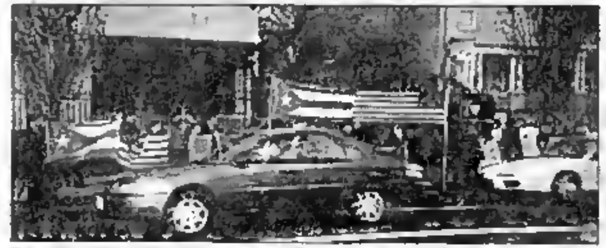
Акция в Париже в поддержку арестованных кубинских диссидентов, 2003 г.

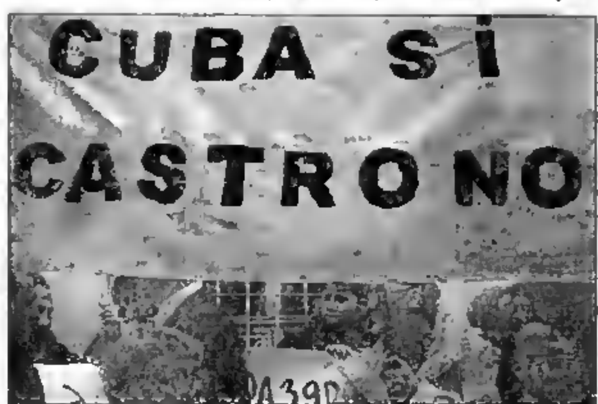
Кубинский правозащитник Освальдо Пайя и бывший президент Чехии Вацлав Гавел на конференции в Праге, посвященной нарушениям прав человека на Кубе.

Демонстрация протеста в Вашингтоне. Сентябрь 2003 г.

Акция возле посольства Кубы в Москве. Март 2003 г.

Акция протеста у здания ООН. Май 2003 г.

Актриса Катрин Денев зачитывает письмо протеста 750 деятелей культуры против репрессий на Кубе. Париж, сентябрь 2003 г.

31 марта 2003 года возле посольства Кубы в Москве состоялась организованная информационным агентством «Прима» акция протеста против политических репрессий в этой стране, в частности, ареста корреспондента «Примы», кубинского диссидента Адольфа Фернандеса Сайнца.

Акцию попытались сорвать коммунисты, которые пришли, как предполагается, по просьбе кубинского посольства.

В организованном «Примой» пикете приняли участие также активисты партии «Яблоко» и Транснациональной радикальной партии (ТРП). Пикетчики держали лозунги «Свободу Адольфо Фернандесу Сайнцу», «Свободу политзаключенным», «Cuba Si, Castro No».

Адольфо Фернандес, 54 года, с 2001 года работал собственным корреспондентом агентства «Прима» в Гаване.

20 марта 2003 года он был арестован кубинской госбезопасностью. Его обвиняют в подрыве коммунистического строя на Кубе, за что он может быть приговорен на срок до 10 лет лишения свободы.

В самом начале акции пикетчиков попытались вытеснить коммунисты (около 50 человек), которые стали размахивать советскими, кубинскими и иракскими флагами, выкрикивать коммунистические лозунги.

На требование пикетчиков отойти коммунисты не реагировали, и только вмешательство милиции «разделило» манифестантов, между которыми уже начали вспыхивать потасовки. Милиция не стала удалять коммунистов с места пикета, хотя их акция не была санкционирована. Один из организаторов коммунистического пикета был задержан.

Информационное агентство «Прима»

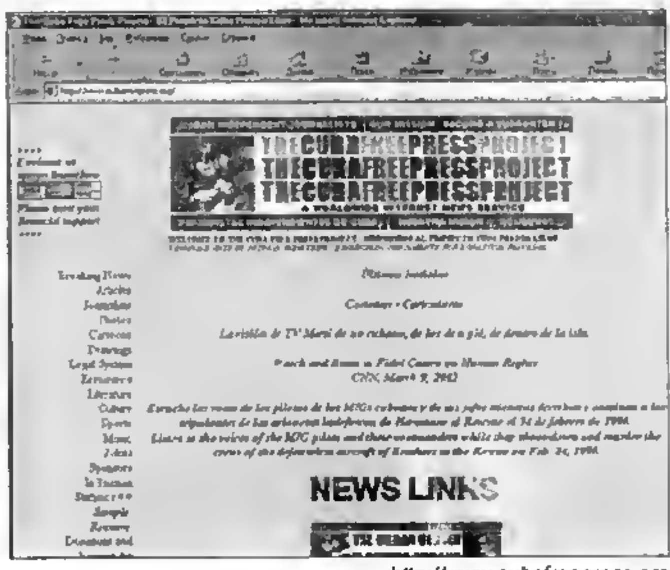

http://www.directorio.org

http://www.rsf.org/rubrique.php3?id_rubrique=367

http://www.cubafreepress.org

Ирина ХОЛМОГОРСКАЯ

КОГДА МЕЧТА СТАНОВИТСЯ ЗАКОНОМ

Если бы Кубинской революции не было, ее стоило бы выдумать. В любой из социалистических революций 20 века было что-то ужасающее или неприглядное, что-то совершенно нелитературное, нефотогеничное или фатальное, на что можно было показать пальцем и сказать: вот почему ничего не получилось! Кубинская революция, напротив, как поздний и любимый ребенок, получила замечательные подарки от добрых фей: безукоризненных лидеров (О, большой Фидель! О, великий Че! О, пламенный Камило!), благородные национально-освободительные мотивы, островное расположение республики с прекрасным климатом, добрую и богатую тетю в лице социалистического блока. Все должно было получиться на этот раз: если выбран верный принцип, система обязана была заработать; если возможно создание развитого социализма в отдельно взятой нищей стране революционными методами – то вот он, шанс; если есть идеология, способная в короткий срок превратить рабов в господ – флаг ей в руки! Как хочется счастья, как жаждется чуда! Да скорее же, скорей!

Вспоминается недавно увиденная телепередача, где в одном из сюжетов телезрителей знакомят с лучшим модельером Гаваны. Он живет со старенькой мамой на втором этаже когда-то красивого, но теперь, мягко говоря, нуждающегося в ремонте дома, только благодаря тропической растительности не выдающего окончательно своего возраста. За неимением прислуги (не положено!) дверь на первом этаже приходится открывать гостям длинной растрепанной веревкой, привязанной к ручке. «Дерни за веревочку, дитя мое!» – подсказывает некстати подлая память. Такие ассоциации вызвал еще и вид самого модельера – огромного чернокожего кубинца, окруженного нереально гибкими и красивыми девушками-моделями – он как раз занимался их дрессурой. Подиумом служила зала того же дома, где красотки прохаживались по щербатому, покрытому лужами каменному полу. Нет, никакой чернухи,– великан сияет, девушки смеются – просто абсурд. Потому что ЛУЧШИЙ модельер Гаваны. Именно такие милые сценки, непохожие на агитки и пугалки, больше говорят уму и сердцу, как там на Кубе и что. Да, опять кто-то улетел (уплыл) с Кубы и не долетел (не доплыл) до Америки, но может быть, это малодушные и корыстолюбивые предатели, не постигшие своим слабым сознанием идей Революции?

Вот фрагменты знаменитой речи Кастро на судебном процессе в Сантьяго-де-Куба в 1953 году:

«...Революционное правительство при поддержке народа и доверии всей нации после чистки учреждений от взяточников и продажных чиновников немедленно приступило бы к индустриализации страны...

... Революционное правительство разрешило бы жилищную проблему, решительно снизив на 50% плату за жилье, освободив от всякого налога дома, заселенные их собственными владельцами...

...Куба могла бы обеспечить всем необходимым население в 3 раза большее, чем оно есть сейчас, поэтому нет причин для существования нищеты среди ее сегодняшних жителей. Рынки должны ломиться от продуктов. Кладовые домов должны быть полны...»

Что-то слышится родное в этой песне...

«Васюкинцы денег платить не будут. Они их будут по-лу-чать! ... НКПС построит железнодорожную магистраль Москва – Васюки. Это – раз. Два – это гостиницы и небоскребы для размещения гостей. Три – поднятие сельского хозяйства в радиусе на тысячи километров...»

Но Остап – великий комбинатор, по-простому – жулик. Другое дело – пламенные революционеры, профессиональные рыцари, Ланцелоты: они симпатичны, отважны, бескорыстны, они искренне несут чепуху, верят в нее и вызывают воодушевление миллионов. В своем интервью на вопрос о том, как он пришел к коммунистическим убеждениям, Фидель Кастро отвечает: «Я, скорее, следовал определенным этическим нормам. Мне претили воровство, злоупотребления и т.д. К тому же я обладал бунтарским характером... Не имея политических убеждений, но весьма решительно настроенный, я, как Дон-Кихот, стал бороться против всего этого». Правда, симпатяга? Но борьба «против всего этого» после победы революции не остановилась, просто расширились границы того, против чего нужно было бороться: сюда попали и все инакомыслящие – как ни странно, но часть из них была в прошлом соратниками и единомышленниками Фиделя. На Кубе осталась одна партия во главе с одним вождем и на вопрос «куда же подевалась оппозиция?» Кастро, не задумываясь, отвечает: «... именно массы пришли к выводу о том, что все традиционные механизмы правления, механизмы власти изжили себя. И, естественно, мы согласились с этим всеобщим настроением: "Для чего нужны выборы?!" И тогда буржуазные политические партии, видя радикализацию революционного процесса и невозможность возвращения к тем механизмам, которые существовали до революции, стали терять надежду. Большинство из них занялось заговорщической деятельностью, стало покидать страну. Так прекратили свое существование буржуазные партии». Ну, один к одному – история про унтер-офицерскую вдову, которая «сама себя высекла». Были выборы – и вдруг стали не нужны, были оппозиционные партии – и вдруг исчезли. Кастро говорит об этих удивительных событиях с непосредственностью то ли ребенка, то ли сумасшедшего. Начинается поразительная трансформация героического Ланцелота в коварного Бургомистра: «Я ведь не обыватель какой-нибудь, а бургомистр. Я сам не говорю себе правды уже столько лет, что и забыл, какая она, правда-то. Меня от нее воротит, отшвыривает» (Евг. Шварц «Дракон»).

Просто говорить неправду – мало, надо делать это так убедительно, чтобы самому в эту неправду поверить. В этом умении Фиделю нет равных, его знаменитые многочасовые речи зомбируют и слушателей, и его самого гораздо лучше, чем сеансы Кашпировского.

Но что же делать героям, когда они побеждают, в конце концов? Нужно строить новую жизнь, что уже

совсем не так интересно. Че Гевара это понимал, ушел геройствовать дальше, вплоть до славной героической кончины. Че любим до сих пор во всем мире. Фидель проявил ответственность по отношению к своему народу (или недомыслие по отношение к себе?), остался править, стал Бургомистром – и его уже не любят. Где справедливость? Хороший герой – мертвый герой? Просто не геройское это дело – экономика. Воодушевление рано или поздно кончается, хочется просто жить и пожинать обещанные плоды, с которыми как раз оказалось все не так просто. Ведь обещал Кастро избавить Кубу от монокультуры сахара, как от зла, навязанного империалистами. Не получилось. И обещанное изобилие продуктов настолько не состоялось, что пришлось вводить карточную систему. Образование на Кубе получили за это время миллионы, но специалисты не нужны, когда в стране экономический кризис. Грустно перечислять. Россия на себе испытала последствия советской экономики и переходного периода с шоковой терапией. Хочется сочувствовать.

Цитируемая выше речь Фиделя Кастро заканчивается словами «История меня оправдает». За что? За героические Монкаду и Плайя-Хирон или за взятый после победы курс на социализм? За заимствованные у соцстран приемы борьбы со своим народом? За идеологию, которая рассчитана не на людей, а на роботов, которые никогда не сомневаются, которые могут не есть годами, не снижая производительности труда и присутствия духа? За очередную попытку построения рая на земле, оказавшегося тупиком?

Еще одна примечательная цитата из той же речи Фиделя Кастро:«Тем, кто назовет меня мечтателем, я отвечу словами Марти: "Настоящий человек не ищет, где лучше живется, – он ищет, где его долг, и это единственно практичный человек, чья сегодняшняя мечта станет завтра законом"».

Наверное, когда мечтатель становится законодателем, это еще страшнее, чем самая циничная тирания, – там хоть знаешь, с кем имеешь дело и что ожидать. Хотя бы иллюзий не испытываешь, и не надо постоянно «пламенеть» и геройствовать. А уж что там всяким романтикам может придти в голову – интересно только в печатном виде. Законодатель должен как раз ОТЛИЧАТЬ мечту от реальности, а «над вымыслом слезами обливаться» – это дома, когда никто не видит. Ох уж эти «строители светлого будущего» и «отцы народов»! Все они начинают с призыва «Свободу!», а заканчивают насаждением своих инфантильных представлений о государстве, политике и экономике, уподобляясь доктору Франкенштейну из пророческого романа Мэри Шелли: настырно воплощая заветную мечту о вечной жизни, создают противоестественное чудовище, несущее смерть. Человек не может быть свободен, если боится высказать свое мнение, если он беден, а значит, зависим. Обществу несвободных людей не дает развалиться только обязательная для всех идеология, что само по себе противно человеческой природе – противоречивой и любопытной. Любая общественная идеология еще и развращает нацию, позволяя делать то, что личная совесть, которая есть у каждого, запрещает. Она как индульгенция: совершать преступления можно, но только во имя великой идеи.

Есть два способа разбить парк: быстрый и долгий. В первом случае дорожки делаются в соответствии с планом, во втором они протаптываются сами собой, а потом благоустраиваются. Нетрудно догадаться, что в парке, разбитом по плану, надо к каждой клумбе охранника приставлять, потому что люди любят ходить так, как им удобнее, а не так, как кто-то запланировал, размечтавшись. Может, задумано и красиво, как в Версале, но нежизнеспособно. Вот и превращается благородный мечтатель в злобного Дракона, охраняющего свои владения от тех, для кого он их создал. «По газонам не ходить!», «Собак не гулять!», или как в случае с Кубой – «Социализм или смерть!».

В нашей истории, кроме уроков Революции (пойдут ли они на пользу когда-нибудь?), есть один безусловно положительный момент:

«Когда были получены известия о Кубинской революции, европейцам пришлось спросить себя, где находится Куба, и тут они открыли, что существует часть света, именуемая Латинской Америкой. Тогда они ею заинтересовались, начали изучать, старались понять ее. И среди многих вещей, которые уже имеются в Латинской Америке, оказалась литература, которую они не знали... Кубинская революция послужила нам громогласным рупором» (Габриэль Гарсиа Маркес).

Из взбаламученного времени и социальных потрясений всегда ярко и мощно заявляет о себе национальная культура. Весь мир узнал Мигеля Астуриаса, Хуана Рульфо, Карлоса Фуэнтеса, Алехо Карпентьера, Николаса Гильена, Жоржи Амаду, Хулио Кортасара, Габриеля Гарсиа Маркеса, Пабло Неруду... В книгах каждого из них есть строки о Кубинской революции, о Фиделе Кастро. У одних – с любовью и восхищением, у других – с горечью и негодованием...

Фидель Кастро – уникальная фигура в истории, он умудрился воплотить в себе три ипостаси правителя (по мудрой пьесе Евгения Шварца): Ланцелота, Бургомистра, Дракона. В сказке Ланцелот, уходя на подвиг, говорит: «Эй, вы! Не бойтесь. Это можно – не обижать вдов и сирот. Жалеть друг друга тоже можно. Не бойтесь! Жалейте друг друга. Жалейте – и вы будете счастливы! Честное слово, это правда, чистая правда, самая чистая правда, какая есть на земле. Вот и все. А я ухожу. Прощайте».

Вот так бы все и кончилось! И молодые Че и Фидель, ослепительно улыбаясь, машут на прощание руками! И – занавес!

Но это уже совсем ДРУГАЯ ИСТОРИЯ.

ДЕЛАЙ, ЧТО ДОЛЖНО

Со Львом Левинсоном, правозащитником, экспертом Института прав человека, беседуют Андрей Блинушов, Юлия Середа и Сергей Смирнов.

Семья и монашеская среда

— К месту, в котором я нахожусь последние лет десять, меня привела семейная история. Странными зигзагами привела. Я родился в Москве в 1963 году и рос с мамой. Она была редактором художественной литературы, переводчиком с молдавского и вообще интересным человеком, близким к диссидентам.

К семи годам у меня были свои представления о советской власти. Мама была совершенно далека от политики, но общалась (в силу принадлежности к литературным кругам) со многими людьми, которые или сами были диссидентами (как Глазов и Суперфин), или проходили «по касательной» в большой «кухонной тусовке». У нас постоянно бывали какие-то писатели, в том числе национальные, например, Друцэ – он сейчас стал апостолом молдавской литературы.

Так как мама полжизни проводила в Молдавии, то меня воспитывала бабушка. Еврейское воспитание, совершенно не иудаистское – советское. После смерти бабушки в 1974 году мама совершила настоящий разворот: неожиданно пришла в православие. Крестилась, обратилась к вере. До конца своих дней она вела жизнь истинного христианина. Для нее это была полная перемена, она попала в монашескую среду к жестким ортодоксам.

— Как на нее это повлияло? Позитивно или негативно?

— Не знаю... До могилы они ее точно довели раньше времени. Работу ей пришлось оставить, так как она была несовместима с религией – ведь мама работала «на идеологическом фронте», в издательстве «Советский писатель».

— Что такое монашеская среда в 74-м?

— Монашеская среда формально была сосредоточена в Троице-Сергиевой лавре. На территории РСФСР был еще один монастырь — Псково-Печерский, в УССР — Почаевская лавра, в БССР — Жировицкий монастырь.

В Троице-Сергиевой лавре к тому времени сложилось некое сообщество – на фоне опасливой, осторожной массы, избиравшей монастырскую стезю как карьерный трамплин, поскольку только в черном духовенстве можно продвигаться по иерархической лестнице.

Тогда за православием присматривали, но «сквозных» зачисток и просвечиваний не было. И вот, обра-

Фото: Евгения Окунь

Лев Левинсон

зовалась группа очень правильных, с точки зрения догматических установок, вплоть до нетерпимости, относительно молодых священнослужителей, наиболее горячие из которых начали бунтовать против компромиссов, разврата, который там царил (я думаю, царит и поныне). Скоро они перешли на полуподпольное существование.

Один из них стал духовником моей мамы. Тогда – иеромонах, теперь архимандрит Амвросий (Юрасов), духовник радио «Радонеж». Очень близко мне знакомый человек. Скитался по разным монастырям, приходам. Поставил себя в позу проповедника, апостола, вне одобренных для советской церкви форм работы с внешним миром. В то время они были четко выровнены: что можно, что нельзя.

— *Например?*

— Нельзя было крестить по домам, нельзя было проповедовать свыше определенной планки. А уж переходить на политику – тем более нельзя. Проповедь должна была быть максимально абстрактна и лучше даже, если она будет плохой.

Друг Амвросия, иеромонах Павел (Лысак), тоже «вылетел» из Троице-Сергиевой лавры «за излишнюю активность». Нет, конечно, на улицу его не выгнали, а дали направление на приход в Винницкую область, откуда он был родом. Это была форма изгнания. Он не поехал, ушел на дно.

Этим дном оказалась наша квартира, где он жил около десяти лет. Развил большую активность в Москве, сам по себе был человеком честным, искренним, но упертым. До предела. Догматик. Хотя душа у него другая, но в голове... как кирпич. Все встало и уже не поворачивается. И все же отец Павел – противоположность Амвросию. Видно, поэтому теперь, когда церковь из гонимой превратилась в торжествующую, Амвросий «вписался», сделал карьеру, а Павел так и остался «за бортом».

— *О какой московской активности ты говоришь?*

— В те времена в храмах была только официальная жизнь. Общинной – не было. Люди, которые искали содержательной христианской жизни (не только внешней, в храме), как правило, ее не находили. С первых же лет появления иеромонаха из нашей квартиры была устроена такая «общинная катакомба». Нет, он не вышел из РПЦ, и все его прихожане ходили причащаться в православный храм. Но они были его духовными чадами, исповедовались у него. Сам же он пристроился чтецом в один из храмов.

— *Чтец – это ведь какая-то младшая должность?*

— Да, но не запрещено и священнику читать. Он там внештатно был, деньги ему были не нужны. Каждую субботу вечером, на исповедь, к нам в квартиру набивалось до пятидесяти человек. Павел был для них центром притяжения. Причем много было известных людей, продвинутых, обеспеченных, которые его материально поддерживали.

Кого там только не было! Помимо, там, директоров магазинов, всяких генеральских жен у него перебывала масса народу: Леонид Дербенев, композитор Владимир Мартынов, пианист Алексей Любимов...

— *Что их всех притягивало?*

— Во-первых, ему доверяли. Во-вторых, он давал достаточно высокий нравственный, религиозный порог. По-видимому, их привлекали такие жесткие задачи. В плане следования всем установлениям.

— *Но в такой квартире должно было быть око Большого Брата.*

— Естественно. Поэтому он и сел в конце концов.

— *А ты-то к этому сам как относился?*

— Я поначалу сопротивлялся всем этим вещам. Чуть-чуть повзрослев, годам к двенадцати, стал глубоко верующим человеком. У нас с иеромонахом были расхождения. Он вообще все считал неприемлемым.

А я, например, когда лет в одиннадцать научился самостоятельно передвигаться по городу, стал человеком очень театральным, и никакое мое православие не мешало этому.

Я потом и работал какое-то время в театре. Для меня и до сих пор театр – средоточие культуры, а то и культа. Он же считал, что театр – бесовское торжище.

Архимандрит Амвросий (Юрасов)

Троице-Сергиева лавра

Не могу жаловаться, он мне был фактически за отца, полностью обеспечивал мою жизнь.

В те советские времена эти директора магазинов иногда приносили удивительные вещи. Порой осетриной холодильник был забит. Но он не ел мяса, и в доме не было мяса. Все посты он свято соблюдал. В то время пирожок с мясом за 10 копеек мне был дороже черной икры! Запретный плод...

Естественно, в нашей «катакомбной общине» были стукачи. Кто – точно не знаю, да и не имеет значения. Народу через эту квартиру прошло – сотни. Не говоря уже о том, что он там крестил, наверное, человек сто.

— Как – крестил?

— Погружением. Купил для этого большой надувной бассейн! Некоторые люди опасались креститься в церкви – чиновники, например. Один генерал даже, помню, был.

В конечном счете, нашу квартиру чуть ли не штурмом брали. Не помню весь сценарий в деталях, меня не было тогда в Москве, а мама была в монастыре. Отец Павел был в квартире один. Видимо, предполагал, что за ним следят. Квартира на первом этаже «хрущевки». Он в окно увидел – дом окружают. Позвонили в дверь. Он не стал открывать, затаился. Они дежурили трое или четверо суток, дверь ломать не стали. Каждые полчаса звонили, по 15 минут давили на кнопку звонка. Телефон отключили.

— Но в это же время к нему должны были люди приходить?

— Людей останавливали, задерживали, потом отпускали. Потом он каким-то образом сумел сообщить «на волю», что происходит, и уже никто не приходил. Ну и однажды ночью ему показалось, что все нормально, никого нет. Он вышел – и его схватили. Месяца через полтора судили.

— Очень быстро!

— Да... Ему инкриминировали не какую-то политику, а очень простую статью: нарушение паспортного режима.

— Не сумели сделать политическое дело?

— Скорее, не хотели раздувать. Но все равно там звучало про Би-Би-Си, про «Голос Америки». В суд каких-то комсомольцев нагнали, как обычно. Дали ему 10 месяцев, которые он все честно отсидел. С тех пор мы не общались.

Почему-то у него сложилось убеждение, что в эту квартиру ему нельзя возвращаться. Он сейчас живет, здравствует. Может быть, реабилитирован. Но так нигде и не служит. Думаю, какой-то круг близких людей у него остался. Узкий круг тех, кто сохранил ему верность.

Учеба в школе и работа в церкви

— В детстве я не читал детских книг. Что, наверное, не есть хорошо. Когда выучился читать, доставал из маминого книжного шкафа подряд все книги. Но приключенческих среди них не было. Потом, повзрослев, очень много читал христианской литературы. На меня оказал большое влияние Лев Толстой, я и сейчас отношусь к нему с большим почтением. Перечитал всю его нравственную литературу, все его учения. Я прекрасно понимал все его расхождения с церковью, но для меня они были несущественны.

— А школа?

— До 6-го класса у меня были только пятерки. В школу я фактически перестал ходить класса с седьмого. У меня было вообще-то слабое здоровье, болел, брал справки в поликлинике, в школе меня чаще всего не видели. Но я читал массу всего дома – все, что можно было и что нельзя. Например, мама купила дореволюционное издание полного собрания сочинений Владимира Сергеевича Соловьева – я перечитал все. Сейчас бы меня не заставили.

— Конфликты с учителями из-за такого необычного воспитания в околодиссидентской, околоцерковной среде были?

— В четвертом классе, когда эти представления уже созрели, был такой эпизод: я на глазах у всех сорвал с себя пионерский галстук, потом спустил его в унитаз.

— В каком году?

— В 1973-м.

— Были последствия?

— Маму вызвали в школу, но она не пошла. Я думаю, это по-детски прошло. Еще в восьмом классе был забавный эпизод, он потом повлиял на мою дальнейшую судьбу очень смешным образом. Как-то на уроке обществоведения задали написать сочинение. Четыре темы на выбор: две из них касались брежневских «Целины» и «Малой земли», третья – в том же духе, четвертая – «Что дала советская власть вашей семье?».

Я там разошелся! Причем на полном серьезе. Не помню уже, что конкретно я там написал, но трактат вышел совершенно антисоветский, страниц на сорок. Я как засел строчить, исплевал советскую власть, как мог, спокойно пошел и сдал. Что началось – страшно себе представить! Учительница побежала к директору. Меня вызвали, я пришел. Директор был хороший мужик, но на него, видимо, кто-то давил. Короче, куда-то они это дело засунули, замяли. Конец семидесятых – то еще время... Во многом в силу этого я так и остался без высшего образования.

— Почему? Не дали сдать экзамены?

— Когда сдавал документы в Литературный институт, меня через знакомого пригласили к ректору и сказали: «Мы Вас взять не можем, Вам надо в технический поступать». А в технике я был и остаюсь полным нулем. Отсоветовали. Я, собственно, не очень переживал и решил избрать церковную стезю. Почему-то (в силу своей дурости, наверное) считал, что уж в семинарию-то мне никто не помешает поступить.

— А почему же тогда сначала пошел в Литературный?

— Потому что я из театра не вылезал. У меня тогда «двойная жизнь» была.

— Писал что-то?

— Ой, постоянно! Стихи, прозу. Нигде не печатал. А церковь... С семнадцати лет я уже читал в подмосковной церкви в селе Рахманово, где жил у знакомых. Все службы знал наизусть. В общем, взял рекомендации от священника и пошел поступать в семинарию. Это, конечно, было совсем абсурдно, семинария – еще более идеологический институт.

Но я думал – почему не попробовать? Поступал два раза. Оценок там не ставят. Экзамены такие: изложение, собеседование, что-то элементарное.

о. Александр Мень, о. Глеб Якунин. 1963 г., Алабино. Фото В. Андреева из библиотеки о. Якова Кротова.

о. Глеб Якунин. 2003 г. Фото о. Якова Кротова

Неделю там живешь, общаешься. Оба раза не поступил.

— В *Троице-Сергиеву лавру?*

— Да, в Московскую духовную семинарию. Но я продолжал активно заниматься самообразованием, в гуманитарном плане, хотя и не по всем направлениям, о чем сейчас жалею. Языки я изучал только древние, например. Я и сейчас могу Евангелие по-древнегречески прочитать, хотя уже немного подзабыл.

Когда я не поступил в институт и в семинарию, устроился в московскую церковь Адриана и Наталии в Лосинках и проработал там около шести лет. Из Лосинок меня буквально выперли – нет, не потому, что я чем-то не устраивал. Отношения были замечательные и с настоятелем, и с клириками.

Кстати, тогда в церкви антисемитизма почти не было, очень много выкрестов-евреев работало в Патриархии. У меня друг был Володя Лев — чистокровный еврей, много лет работал главным псаломщиком в Новодевичьем. Но нам покоя не давали – в прямом смысле. Один год даже пришлось мне жить в глухой деревне в Ивановской области...

Десять километров пешком по снегу до цивилизации. Мы там со священником были фактически вдвоем. Прихожан – две старушки. Несколько лет в Москве в сторожах сидел по разным конторам, читал книжки.

В 1987-м из лагеря выпустили Глеба Павловича Якунина, и мы встретились.

С Глебом Якуниным

— Когда его посадили, я еще маленьким был. Можно сказать, знал его заочно: собирали ему посылки в Ыныкчан.

— *Посылки в какой среде собирали?*

— В диссидентской. И в церковной. Когда Глеб вышел на свободу, подмосковный митрополит Ювеналий дал ему приход возле Щелково, в селе Жегалово, вторым священником.

— *В то время не было уже ограничений на место жительства?*

— Жил-то он в Москве, но служить в столице ему не дали. Вот под Москвой спокойное место, Жегалово. Через месяц после того, как он туда пришел, там оказался я.

Времена были другие, меня взяли в штат. Я там проработал четыре года. С Глебом мы быстро нашли общий язык. В 1990 году он стал депутатом Верховного Совета и очень меня звал пойти к нему работать.

Но у меня никакого интереса к политике не было. Мне было интересно общаться с ним как с личностью, неординарным священнослужителем. Но идти в Верховный Совет!..

Я не пошел. Он покинул Жегалово, где его еле-еле терпели (кстати, ушел он все-таки вполне мирно). Политических проповедей он там не произносил. Просто был неприятен всей той кодле. Через месяц ушел и я.

К тому времени я уже был совершенно нерелигиозным человеком. До сих пор хорошо отношусь к институту церкви как душепопечительному, хотя, конечно, он может быть разным. Как, скажем, психиатрическая больница может быть мягкой, полезной клиникой.

Кроме того, церковь значима как некая культурная ценность. Я ни в коем случае не хочу это сбрасывать со счетов. Но, работая в церкви долго, я, как ни парадоксально звучит, стал совершенно неверующим человеком, каковым и сейчас остаюсь.

Лет с 13 до 20 я все соблюдал, прочитал всех святых отцов, каких только было можно, – греческих, российских, вплоть до Игнатия Брянчанинова. Все законспектировал. Одно время я даже вел неофициальные курсы – «Устав церковной службы», нескольких нынешних священников выучил богослужебной науке – литургикой называется.

Но времена менялись, церковь становилась государственным институтом, по

Церковь Вознесения Господня. Московская область, с. Рахманово.

крайней мере, стала претендовать на это, и тут же была заключена в объятия власти. Это мне претит. Нет, я ни с кем не ссорился, меня ценили как специалиста, который любую службу может спасти, даже если хор не придет, и к Пасхе подготовить храм за полчаса.

— *Так что же стало решающим толчком к твоему уходу?*

— Наверное, когда вышел фильм «Иисус» – или «Иисус из Назарета»? – совершенно дебильный фильм, по-моему. Он шел во всех кинотеатрах Москвы и в Щелково (это рядом с церковью, где я работал) – восемь сеансов в день.

В церковь позвонила директор кинотеатра и говорит, мол, батюшка уже выступал, не могли бы теперь Вы выступить перед сеансом? Меня это покоробило. Я понял: все, времена изменились. Выступать я не стал. И вскоре после этого смылся оттуда.

— *Отец Глеб – глубоко верующий человек?*

— Да. Но абсолютно не догматичный, очень свободомыслящий. Он верующий, но его вера совершенно не подчинена никаким оковам, условностям. Он никаких постов не соблюдает, откровенно.

— *И прихожанам говорит?*

— Нет, не говорит. То есть говорит тем, кто способен это услышать. Что он, бабушке будет говорить? Он очень правильный в этом смысле. В нынешней политике ему места нет, да и тогда, в начале девяностых, он, думаю, во многом ошибался. Не хочу его идеализировать, хотя очень уважаю.

В театре

— В 1990 году я попал в театр Погребничко, лучший, я считаю, в Москве. Тогда он назывался «Театр на Красной Пресне», сейчас – «Театр около Дома Станиславского». Это – великий режиссер.

Очень замкнутый театральный мир строит, оригинальный. Мыслит образами такими потусторонними: у него все ходят в ватниках, в валенках на сцене, даже когда Гамлета играют. Кстати, мы ведем переговоры, чтобы один его спектакль в зоне показать. В основном у него довольно трудные спектакли, для подготовленных людей. Мы нашли более-менее «членораздельный» для свежего человека – по «Лесу» Островского, называется «Нужна трагическая актриса». Разыгрывается зэками, на сцене одни мужики.

— *Погоди, а кем ты был в театре? Неужели актером?*

— Да нет, был оформлен пожарным, а удостоверение выдали — «администратор». Кстати, Борщев Валерий Васильевич, мой будущий шеф, несколько раньше, в 80-е годы, тоже работал пожарным в Театре на Таганке, когда его за участие в фонде Солженицына из журналистов выгнали.

А я ходил в свой театр постоянно, видел все десятки раз, у меня там друзья близкие работают. Глеб меня в ту пору активно звал в Верховный Совет, а я вместо Верховного Совета пошел в театр и работал там года полтора. Мне очень дорого время, которое я провел в театре...

В Верховном Совете

— На первом году моей жизни в театре Глеб Якунин меня все-таки уломал. Он говорил: «Помощь нужна! Помоги хотя бы с почтой разбираться!»

Храм Адриана и Наталии. Московская область, с. Жегалово.

Скоро я получил книжечку помощника народного депутата Верховного Совета. Ходил раз в неделю в Белый дом. У Глеба там был настоящий кабинет, он был заместитель председателя Комитета по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности! Такое было название.

Председателем был не менее известный человек, отец Вячеслав Полосин, позже перешедший в ислам. Тоже личность оригинальная. Единственный известный мне протоиерей, перешедший в ислам...

Ну вот, скоро я стал приходить два раза в неделю, потом проводил там уже и выходные, а скоро свободного времени вовсе не осталось.

Из театра ушел, думая, правда, что на время, даже заявление оставил, что в соответствии с законом о статусе депутата после окончания его полномочий я, как бывший помощник, имею право восстановиться на прежней работе.

Только объем работы возле такого депутата, как Глеб Якунин, оказался огромным: взять хотя бы переписку с зэками. Пришлось вникать, изучать проблему. К девяносто третьему году я уже приобрел некоторые познания в законодательстве.

— *Много было писем?*

— Когда я пришел, на столе лежала огромная гора почты, некому даже было распечатать. В день – несколько десятков писем.

Постепенно я понял, что законодательная работа в новых условиях имеет смысл. Первым серьезным опытом живой работы стал 1993 год, когда была предпринята первая попытка изменить закон 1990 года «О свободе вероисповеданий».

Московская Патриархия задействовала определенные силы в ельцинской администрации, это шло при поддержке Хасбулатова. Толкнули новый закон «О свободе совести и религиозных организациях»,

Полосин Али Вячеслав

его принял Верховный Совет. Глеб возглавил оппозицию этому закону.

— *А что там было плохого? Как в законе 1997 года – разделение на традиционные и нетрадиционные религии?*

— По сути, да. По своей концепции эти законы похожи, хотя закон 1993 года не был столь жестким, как нынешний. (Закон 1990 года вообще был наилиберальнейшим).

Я сутками сидел, готовили всякие бумаги. В правовую проблематику свободы совести я вошел полностью, а содержательная мне вообще понятиа, я религиозной темой очень хорошо владел. И представление о других конфессиях имел, а что не знал – прочитал.

— *Лев, извини, такой каверзный вопрос: помогло ли тебе то, что ты был верующим?*

— Да, помогло. Я, с одной стороны, имел опыт внутренней религиозной жизни и знал ее, а с другой стороны, я на религию смотрел извне, отстраненно.

— *Глазами светского человека?*

— Да. У меня не было никаких внутренних тормозов, мол, нехорошо обижать «своих».

Глеб Якунин стал членом Комиссии по расследованию причин и обстоятельств ГКЧП и буквально засел в архивах КГБ... как это ведомство на тот момент называлось, наверное, ФСК?

Председателем Комиссии был Лев Пономарев. Комиссия расследовала обстоятельства 1991 года, ей дали «зеленый свет». Не на все, но на многое. Конечно, если бы подойти системно, можно было сделать все больше и лучше, можно было поднять тонны интересных материалов... Был момент! Но не вышло. Да я не сужу, как могли – так работали. Во всяком случае, Глеб набрался терпения и переписал несколько толстых тетрадок.

— *«Отксерить» ничего нельзя было?*

— Я его тоже спрашивал. В 1991 году была еще не та чудо-техника, но при желании можно было достать. В общем, переписал он много. Достоверность этой информации у меня не вызывает никаких сомнений. Лев Александрович Пономарев и я – мы можем выступать гарантами истинности переписанного.

Некоторые факты мы потом сопоставляли с «Журналом Московской Патриархии».

Многие псевдонимы невозможно раскрыть, они просто исчезают. В сводках 4-го отдела 5-го управления КГБ, курировавшего церковь, сообщается примерно так: «На мирную конференцию в Женеву направлен агент Адамант. Ему дано указание такое-то, выступить с инициативой такой-то, попытаться продвинуть на руководящие посты во Всемирном Совете Церквей такого-то...» Открываем «Журнал Московской Патриархии», читаем: «В марте такого-то года на мирную конференцию в Женеву поехал митрополит такой-то».

Все становится ясно. Еще несколько сверок, все подтверждается. Адамант продолжает свою деятельность. То же с Дроздовым *(По утверждению о. Глеба Якунина, исследовавшего архивы КГБ, Дроздов – оперативный псевдоним нынешнего патриарха РПЦ Алексия II [Ридигера]. – Прим.ред.)* и с другими. Было раскрыто примерно 15 кличек. Переписанное касается в основном внешнеполитической деятельности. Этот срез не очень большой, но в высшей степени интересный.

— *Результаты где-нибудь были опубликованы?*

— На эту тему много всего было. Глеб написал (точнее, мы вместе написали) книжку «Подлинный лик Московской Патриархии». Мне, правда, не очень нравится ее прибауточный стиль.

Довольно много информации мне удалось «нарыть» в 1994 году, уже в Думе, при помощи депутата Савицкого, ныне покойного, а в то время зампреда думского комитета.

Добрались до Государственного архива РФ, я просидел там месяца три: переписывал, ксерокопировал архивы Совета по делам религии.

Есть хороший архивист и журналист – Женя Поляков, мы с ним вместе работали, он много сделал по этой части. Обнаружили много любопытного. Фактически – документальное подтверждение происхождения и сущности Московской Патриархии.

Оценивать, конечно, можно по-разному, тут свободу аналитического творчества никто не исключает. Но что факт, то факт. Например, мы опубликовали письмо Алексия, тогда управляющего делами в Совете по делам религии, написанное в 1984 году. Письмо адресовано начальнику какого-то хозяйственного управления в ЦК КПСС, а содержание такое: постоянные члены Священного Синода на протяжении длительного времени пользуются услугами 4-го управления Министерства здравоохранения. Тыр-пыр, какие-то вежливые фразы, выражающие признательность. Хотели бы также просить Вас решить вопрос и о санаторно-курортном обслуживании. Наверное, было решено положительно.

— *Это к вопросу отделения церкви от государства...*

— В таких формах это было намного безобиднее, чем сейчас. Пусть они там парятся в бане, в конце концов. То, что происходит сейчас – серьезнее.

Лев Левинсон

— А можно какой-нибудь пример твоей успешной работы в Верховном Совете? Что-то, к чему ты лично приложил руку?

— Ну, скажем, в году 91-м в один старинный храм в Ивановской области пришел батюшка, который стал все там скоблить, чистить, переделывать и, к сожалению, портить росписи. Уже замазали какую-то часть XVIII века.

Я подготовил обращение Комитета по свободе совести в администрацию Ивановской области и Министерство культуры – разобраться. Написал в очень жестких выражениях. (Сейчас, набив руку, я бы так уже не писал). Что там началось! Сейчас напиши такое от любого депутата – не будет такой реакции. А тогда минкультовская комиссия поехала в эту глушь, настоящая заваруха там была. Росписи удалось спасти.

Работа с Борщевым. Палата по правам человека

— Что ты вкладываешь в понятие «заниматься законодательством»?

— Круг проблем не сразу стал таким широким, как сейчас. Хотя, например, альтернативной гражданской службой я всерьез занялся с 1994 года.

Принятый в 1994 году в первом чтении закон об АГС шел через наш Комитет Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций. Я тогда еще неофициально вошел в рабочую группу. И с тех пор из этой проблемы «не вылезал».

Потом стал подступать к другим проблемам, в основном, конечно, к свободе совести. Очень глубоко тогда этим занимался, составил «Белую книгу» о нарушениях свободы вероисповедания на 1995 год. Особо меня увлекла тема новых религиозных движений, так называемых «сект».

В конце 1995-го стало понятно, что Глеб Якунин не попадает в следующую Думу. Мы с ним организовали Общественный комитет по защите свободы совести. В силу определенных причин это не совсем состоявшееся дело, но кое-что удалось. (Формально Комитет до сих пор существует).

Меня позвал к себе Валерий Васильевич Борщев. К тому времени я уже показал большую активность как помощник депутата. С Борщевым я работал и в Думе, и еженедельно вел прием в округе, в Новогиреево, четыре года. Это очень полезно, я научился «полевой» правозащитной работе.

В 1996 году, вскоре после выборов, была образована Палата по правам человека Политического консультативного совета при Президенте РФ. В этот совет вошли все 43 блока и партии, участвовавшие в выборах. Прошлая Дума оказалась коммунистической, и Ельцин решил организовать такой противовес. Да и Рыбкина (тогда он в своих в Кремле ходил) надо было куда-то пристроить. И вот создали нечто. Противовес не получился. Из двадцати палат за дело взялись только две-три. Но они себя реализовали.

— Какие еще?

— Точно не берусь сказать, знаю лишь, что большинство толком не работало, — мне говорили в администрации — вот, Палата по правам человека работает активнейшим образом, и еще две-три.

Многие правозащитники вошли в эту Палату, лидеры известных организаций. Я стал ответственным

Валерий Борщев

секретарем. С того момента депутатская приемная Борщева стала по сути приемной Палаты по правам человека.

Я вел прием с 16 до 23-24 часов, были огромные очереди. Часть очереди – наши избиратели, те, кто приходил на прием к Борщеву. Мы старались их вперед принять. С разными проблемами, в основном – жилье, всякие бытовые, социальные вещи.

А другая часть – те, кто приезжал из других городов, по уголовным делам, по каким-то сложным вопросам. С Андреем Бабушкиным, конечно, никто не может сравниться по умению сидеть до шести часов утра.

Но и мы старались. Прием – очень большая работа. Каждое обращение требовало реакции, я старался действовать оперативно. Колоссальная переписка: несколько тысяч писем во все инстанции по всем делам от московского жилдепартамента до всяких прокуратур.

К середине 90-х я совершенно влился во всю ту проблематику, которую сейчас развиваю.

— Почему у тебя получился такой широкий круг интересов?

— Потому что Палата по правам человека по определению занималась всеми правами. Мы работали четыре года, с 1996-го по 2000-й. Собирались примерно раз в месяц в администрации Президента.

Это была полезная площадка для переговоров, туда не мог не прийти, скажем, заместитель генпрокурора. Палата по правам человека пережила приход Путина и завершение депутатских полномочий Борщева.

Сергей Адамович Ковалев

В начале августа 2000 года Путин подписал указ о роспуске Политического консультативного совета. На этом история кончилась.

— А, скажем, Уголовно-процессуальный кодекс?

— УПК для меня был темным лесом. Но с 1997 года, когда Мара Федоровна Полякова начала кампанию по проекту УПК, я всерьез этим занялся. Сейчас я – в рабочей группе у Мизулиной по мониторингу. Мы ведем мониторинг, и эта проблематика становится понятной.

Палата... наши обращения где-то таяли, в основном. Но иногда нас использовали для пользы дела. Когда сильно распоясался губернатор Кондратенко в Краснодарском крае, из администрации Президента мне позвонил чиновник и попросил прислать тематический план наших мероприятий. Нет, никакого давления не было. Но мы тоже действовали не очертя голову, действовали грамотно, ощущая себя квазипарламентской организацией. (Кстати, в Палате были и другие точки зрения. Например, был один ЛДПРовец). Так вот, позвонил этот чиновник: а не хотите ли вы «заняться» Краснодарским краем?

— А почему таким замысловатым путем они с этим Кондратенко? Сами бы надавали ему по шее...

— Ну... не хотелось им наезжать, были какие-то соображения. Мы сказали: да, знаем о нарушениях – про месхетинцев и другое. Нам говорят: вот, и месхетинцев, и свободу совести обсудите. Мы впряглись. Сюда приехали замглавы администрации края, начальники отделов – целый десант!

— Вызвали на ковер кондратенковскую братию?

— Самого Кондратенко не было. Хотя мы, конечно, послали ему официальное приглашение. Мне кажется, что заседание оказалось полезным.

Третья Дума. Работа с Ковалевым

— Борщев, как известно, в третью Думу не попал. Я стал работать у Сергея Адамовича Ковалева. С Ковалевым работать непросто, но интересно. На сегодняшний день у нас с ним разные взгляды. Но он не диктатор в этом смысле. Он может ругаться, но в конце концов демонстрирует уважение к оппоненту.

— И что – опять работа с письмами?

— В том числе Я брал на себя часть сложных случаев – обращения «пожизненников» или, там, по наркотикам. То, что мне интересно из его почты. Но у нас также были люди, которые работали с корреспонденцией.

— Ты, можно сказать, эксперт?

— Это была и экспертная работа, и как помощника Сергея Адамовича. Я подготовил очень много поправок от его имени, даже законопроектов. Наша с ним активная совместная творческая работа началась, как только я пришел к нему в третью Думу.

Как раз Борис Борисович Надеждин прибежал со своим законопроектом о Конституционном Собрании, где половина назначалась Президентом и т.д. Он, как танк, очень воодушевляется новыми перспективами. Остановить его можно только регламентным путем.

Я сел и за две недели написал альтернативный законопроект более чем из ста статей. Мы успели его внести – и это тормознуло. На сегодня Борис Борисович, он умный и достойный человек, понял, что был неправ, мне кажется.

У него были с Сергеем Адамовичем диспуты, слушания в парламенте, Конституционном Собрании. Мы предложили другую модель: не собрания чиновников-назначенцев, а Учредительного собрания, избираемого органа. По особой модели, да не так, как Дума, это не должны быть парламентарии. Иначе, чем же отличается от парламента? Это была моя первая из действительно крупных законопроектных работ. Мы не ставили целью, чтобы этот законопроект был принят. То есть я был бы не против, но возможности такой нет.

— Конституционное Собрание...

—... это тот орган, который может быть собран для изменения Конституции.

— И еще референдум.

— Референдум «с нуля» невозможен. Он возможен, только если Конституционное Собрание, выработав новый текст Конституции, вынесет его на референдум.

— А может не вынести?

— А может принять его само.

— Это нечестно!

— Это честно. Даже лучше, если б не было референдума. Ведь Конституция – в деталях, в нюансах вся заключена. Имел ли хоть кто-то из большинства граждан представление о том, что написано в Конституции, которая была принята в 1993 году? Да и как вообще это сделать? Не то, чтобы нам Конституция не нравилась в целом. Нам очень многое нравится, вторая глава нам в принципе нравится. Но есть желание кое-что развить, изменить...

— В 59 статье, например.

— Да, 59 статью вообще надо изменить, как она в прежней Конституции была изложена. Отдельное право, а не как какие-то вариации на тему защиты отечества. Но выносить это на референдум... Тут я согласен с Ковалевым.

Впрочем, референдум должен оставаться – желательно, по другим вопросам – как некий политический инструмент. Ковалев – единственный из правых осенью 2002 года подписал запрос коммунистов в Конституционный Суд против отмены референдума (тогда запретили проводить референдум за год до выборов).

Сам референдум нельзя истреблять, да и законодательство нельзя менять в угоду политической конъюнктуре. Или есть право, или нет. Но Ковалев всегда говорит: было бы странно, если бы математическая теорема принималась референдумом. В этом есть правда. Плебисцит и референдум хороши на местном уровне. А на уровне решения национальных, международных проблем это уже принимает силу масштабов.

— Проблема смертной казни?

— Да-да. Вот фактический пример недопустимости референдума. Это как карты разного масштаба: мы смотрим на карту какого-нибудь района и все понимаем, но если решать судьбу этого района на глобусе...

— С другой стороны, в европейских странах решения о присоединении к Европейскому Союзу принимаются как раз референдумом.

— Это же политические решения о судьбе нации. Это, наверное, можно.

— Хотя, казалось бы, Конституция больше на судьбу нации влияет, чем вхождение в ЕС.

— Может быть, какие-то хорошо развитые общества могут себе позволить. Но опыт показывает, что все конституции, принятые референдумом, принимались именно в том виде, в каком они были написаны теми, кто их проталкивал. Вот и все.

— Так выборы в Конституционное Собрание точно так же будут проходить! И выберутся туда в результате манипуляции выборами...

— А мы предложили модель (она действует, например, в Австрии и других странах) двухмандатных округов для Учредительного собрания (которое называется Конституционным Собранием по Конституции). Когда избирается не один человек, а два, набравшие максимальное количество голосов. Это очень правильная модель.

— Возможность манипуляций снижается?

— Да. Как правило, если общество разделено по каким-то вопросам – там, левый-правый – это чувствуется, особенно в регионах. Идет коммунист, а следом кто-то другой, или наоборот. Они, как правило, и отражают интересы большинства.

— Вопрос, который напрашивается: пример самого-самого, чего удалось достичь?

— Приведу пример, который близок моему сердцу, он касается все той же материи, религиозной проблематики. Через Думу мучительно долго шел законопроект «О памятниках истории и культуры или объектах культурного наследия».

Очень важный и весьма неплохой, потому что «выравнивал» проблемные места, а их немало. Но Патриархия, подсуетившись, умудрилась вставить туда уже ко второму чтению понятие памятников культуры религиозного назначения и прописать это таким образом, что половина недвижимых памятников архитектуры и культуры с особым статусом должна принадлежать им. И на такие памятники закон уже не распространялся. Предлагалось даже разрешить приватизировать памятники мирового значения, если они религиозные, причем режим использования памятников определяется в таком случае церковью.

Например, к могиле Пушкина в Святогорском монастыре ты без платочка на голове уже не придешь. И так далее, и так далее. Если им нужно отапливать собор – они будут его отапливать, несмотря на то что от этого фрески осыпаются.

А во Владимире, в Успенском соборе, старухи мыли фрески Рублева стиральным порошком, я сам был свидетелем! Ну и предполагалось, что памятники религиозного назначения – это богадельни, духовные семинарии, монастырские сады и так далее.

В таком понимании и учреждение, например, бывшая духовная консистория – тоже памятник религиозного назначения. Мы подали поправки, я вошел в рабочую группу. Поначалу были очень сильные препирательства. С их стороны сидел отец Борис Михайлов, искусствовед, настоятель храма Покрова Богородицы в Филях, представлявший интересы Патриархии и яростно со мной боровшийся.

Когда я взял на себя атаку, оказалось, что вся рабочая группа, кроме этого представителя Патриархии, «за», включая известную коммунистку Елену Драпеко, руководителя группы, которая с этой точки зрения оказалась вполне вменяемым человеком.

Научным руководителем группы был вообще замечательный человек, историк архитектуры Алексей Комеч. Окончательная редакция закона получилась по-нашему. Они до сих пор скрежещут зубами. Архиепископ Климент даже ставил на отдельное голосование в Думе эту поправку, но она не прошла.

Мы убрали приватизацию религиозными организациями памятников «всемирного значения», согласование использования памятников культуры религиозного назначения с церковью. Ну, оставили кое-где в мягких формах.

А главное, мы дали определение «памятников религиозного назначения». Церкви, часовни, мечети, синагоги, пагоды, минареты, монастыри. Точка. То есть только культовые здания. Если бы взяли верх они, то все музеи, библиотеки, архивы, сидящие сейчас в бывших церковных богадельнях, гостиницах, семинариях, вылетели бы очень быстро.

Это понимали и в правительстве: отдай – съедят с потрохами. И Дума, и Президент это поддержали. Наша поправка закреплена в законе, я этим очень горжусь. Тем, что мы нашли такой ход, компромиссный, конечно, но закон, в этой части, очень хороший.

— Владимирские фрески это от дурных старух не спасет.

— Не спасет. Но Владимирский собор – кафедральный, он принадлежал «старухам» и при советской власти. Он не был их собственностью, но они им пользовались, что тут поделаешь. Органы охраны памятников, прокуратура обязаны следить за этим по закону – это уже вопрос правоприменения. Если по

закону, им вообще голову оторвать. Другой вопрос – что никто ничего не делает. Это уже от нас не зависит.

— А еще примеры?

— Да много всего было, трудно так вот с ходу... По сути, законом об альтернативной гражданской службе я тоже горжусь. В том смысле, что он не настолько плох, как мог бы быть.

Сергей Адамович меня ругает: дескать, влезли – и только хуже получилось. Я не согласен: мы очень много сделали, заявительный порядок прописали, например. Ну, конечно, очень плохо, что установлен предел: только за полгода до призыва можно подать заявление.

Это плохо, поскольку ограничивает права. Но закон не содержит отправной точки – с какого момента ты можешь подать заявление. Любой гражданин, поставленный на учет в военкомате, т.е. в период с 1 января до 31 марта в год достижения им возраста 17 лет, уже может подать заявление на АГС. И пусть только откажут – сам может судиться, родители (как законные представители несовершеннолетнего) могут судиться.

Еще пример. То, над чем мы бились несколько лет и что меня волнует, может быть, больше всего – проблема наркотиков, даже «наркополитики».

Я фактически работал как эксперт в Комитете по законодательству. У меня прекрасные отношения с Павлом Крашенинниковым, там были нормальные люди, приличный комитет. Ко мне «в стол» поступали все проекты, касающиеся наркотиков. Например, закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» касается Комитета по охране здоровья, а поправки в Уголовный кодекс находятся в Комитете по законодательству.

К 2001 году у меня в папке скопилось более двадцати проектов по этой теме. Все они, кроме одного (внесенного Борщевым в 1998 году, мною же и написанного), направлены на ужесточение наказания: смертная казнь, пожизненное лишение свободы, уголовная ответственность за потребление. Лекарева выдумывала такие изыски: смертная казнь за вовлечение детей в распространение. Депутат Владимир Лысенко даже предложил почему-то смертную казнь за распространение в крупных размерах, а в особо крупных – нет.

— Почему такая активность? Я понимаю, тема важная, но...

— Просто все спешили отметиться. Мы все собрали, обсудили, я с Крашенинниковым поговорил. Он человек непростой, весьма неоднозначный, но с ним работать можно. Мне дали карт-бланш созвать рабочую группу по этой проблеме.

Группа была очень хорошая: очень вменяемые представители Верховного Суда, Генпрокуратуры, даже МВД. Все понимали, что закон в нынешней редакции, 228 статья УК и все эти массовые наркорепрессии – кошмар.

За одну сотую грамма – от семи до пятнадцати лет, как и за килограмм! Мы выработали нормальную версию. Там было много полезных изменений, главное – мы ввели критерий размеров: крупный – более 10 условных разовых доз, которые по специальной процедуре утверждаются, особо крупный – более 50 (мы вообще-то предлагали более 100).

Внесли это от большой группы депутатов. Причем удалось так обыграть дело, что нас в полном составе поддержала фракция «Народный депутат», которая вообще-то выступает за смертную казнь.

На нашу сторону встал наиболее вменяемый человек в этой фракции – генерал Воротников. Он оказался не таким уж страшным. Генерал КГБ, руководитель Ассоциации ветеранов госбезопасности – а по этому вопросу оказался нашим сторонником. (Я всегда говорю: даже с Жириновским можно сотрудничать).

Сорок членов фракции подписалось под этим проектом. Это давало ему почти зеленый свет.

В конечном счете мы, однако, решили действовать через Президента – с подачи Саши Баранникова, одного из самых близких мне сейчас по работе депутатов.

Получилось в результате, что эти идеи, коренным образом меняющие уголовный закон в сторону снижения наркорепрессий, внес Президент, и они были приняты.

Баранников оказался очень умным, толковым, умеющим работать человеком, который сумел наладить отношения с Козаком и с другими нужными людьми, которые тоже много понимают и на некоторые вещи способны. Хотя я не в восторге от Козака, но в данном случае, по УК, они сработали великолепно.

Но, конечно, большинство тех предложений, с которыми мы выходили через Ковалева и через Баранникова, было обречено на провал. Это не значит, что этого делать не надо было. Это раскачивало саму проблему, и хотя бы поэтому не лишено смысла. Вопрос обсуждается, внимание привлекается. Иногда нужно что-то делать просто для того, чтобы не прошло худшее.

Вместе с Баранниковым мы очень активно поработали по АГС. Вплоть до того, что мне пришлось написать два проекта. Сначала мы сделали проект Рыбакова (тогда еще без Саши, он присоединился потом) – компромиссный, но все-таки наш проект, где основные вещи решены нормально. Потом, когда замаячил жесткий правительственный вариант, мы внесли сверхлиберальный, идеальный: как должно быть в нормальном обществе. Это проект Володи Семенова.

— Заведомо непроходной.

— Да. Потом я своими же руками писал отрицательный отзыв и на рыбаковский, который сам сочинял, он же баранниковский, и на семеновский. Потому что деваться было некуда, надо было двигать правительственный, чтобы не проиграть окончательно. Юлий Рыбаков сначала подверг нас остракизму, но потом смирился и простил. Баранников, бедный, на Комитете по законодательству выступил по этим трем законопроектам.

Из его выступления следовало, что проект Рыбакова очень хороший, и он сам, Баранников, в числе авторов, а правительственный проект плох, но поддержать надо правительственный. Эта игра не всем понравилась – прописным нашим либералам типа Похмелкина, которые тут же осудили такое «двуличное поведение». Но, веди мы себя по-другому, результат был бы худшим: правительственный проект отдали бы в Комитет по обороне. А так мы хотя бы держали ситуацию под контролем.

Ради дела

— Работа в парламенте предусматривает компромиссы, соглашения?

— Безусловно. Например, нам говорят: тот проект, что вы приняли в первом чтении, мы вставляем в проект Президента. Пусть доброе дело идет от Президента. С одной стороны, ради дела правильно на это идти. С другой стороны, это же хамство: почему Президент не может подписать мой проект, если он уже принят?

— А как это психологически? Вот человек сидит днями и ночами, тяжелейшую работу делает: пишет законопроект... на плохом компьютере...

— На жутком! Тормозном, без Интернета...

— Вкладывает сто процентов души, интеллекта, а потом пишь пять-десять процентов из этого проходит.

— И это достаточно много. Может быть, в силу своей приверженности театру я считаю, что процесс важнее, чем результат. Конечно, не такой процесс важен, когда как белка в колесе, а ориентированный на результат. Но сам результат при этом не всегда зависит от нас. Скажем, когда Софья Васильевна Каллистратова защищала диссидентов, то не потому, что была уверена, что их оправдают. Она знала: результат предсказуем. Но нельзя было их не защищать, правильно?

— Фактически это перефразированный диссидентский принцип: делай что дОлжно, и будь что будет.

— Да, но здесь мы расходимся с Сергеем Адамовичем. Он считает: делай, что дОлжно, но зачем ты идешь на компромиссы с Крашенинниковым, зачем вы там с Памфиловой всякие шуры-муры устраиваете, зачем с Мироновым в игры играть, и так далее. Да, делайте, вносите, но чего крутиться?! А я считаю: процесс дипломатии очень важен. Ну Сергею Адамовичу можно: он в силу своего положения...

— Белый ворон?

— Да, он играет эту свою роль. Он был депутатом, членом парламента, достойно выступал обличителем всех неправд. Называет черное – черным, белое – белым. На его месте это нормально, ему зачем вертеться. Но мы-то другую цель преследуем! Если мы займем такую же позицию, то вся игра, в которую мы играем, например, с Валентином Гефтером – он во многих группах со мной состоит, – она будет невозможна. С нами просто не станут работать. Тогда мы играли бы в духе «Экспресс-хроники». Я уверен: вот Лев Александрович Пономарев, он и на Гражданский Форум не пошел, но приди он в Думу – поведет себя по-другому. И никто его не осудит. Потому что если ты хочешь что-то продвигать, то не стоит в белые ризы облачаться. Это понимают все.

Фото: Евгения Окунь

Лев Левинсон с сыном Андреем

Редакция благодарит о. Якова Кротова за помощь в подготовке материала

ПОЛОСИН АЛИ ВЯЧЕСЛАВ – *доктор философских наук, кандидат политических наук. Советник Совета муфтиев России, Сопредседатель информационно-аналитического центра Совета муфтиев России. Родился в Москве 26 июня 1956 г.*

Окончил философский факультет Московского государственного университета по специальности «социология», диплом: «Критика концепции "духа капитализма" Макса Вебера».

1980 – работал в православной церкви чтецом.

1983 – закончил Московскую духовную семинарию.

1983–1985 – служил священником в Средней Азии, был настоятелем церкви в Душанбе, откуда был выслан советскими властями.

1991 – вышел за штат церкви, с 1996 в деятельности церкви не участвовал. 1990–1993 – народный депутат РФ от Калужской области, член Верховного Совета РФ, член Президиума Верховного Совета РФ, председатель Комитета Верховного Совета РФ по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности. Соавтор законов РФ «О свободе вероисповеданий» и «О свободе совести и о религиозных объединениях», многих других законодательных инициатив и поправок.

1993 – закончил Дипломатическую академию МИД РФ, защитил кандидатскую диссертацию по политологии на тему «Церковь и государство в СССР в 1971 – 1991 годах».

март 1994 – октябрь 2000 – эксперт Государственной Думы РФ, советник Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций, государственный советник 3 класса.

1999 – выпустил книгу «Миф, религия, государство» о влиянии религиозных мифов на политическое развитие общества и защитил докторскую диссертацию по философии религии на тему «Диалектика мифа и политическое мифотворчество». Автор ряда публикаций на религиозные и религиозно-политические темы.

В том же году публично объявил о своем возвращении к Единобожию и исповедовал ислам, принял второе имя – Али.

2000 – преподаватель Московского исламского колледжа (сравнительное религиоведение). Выпустил книгу «Прямой путь к Богу», в которой раскрыты богословские основы, побуждающие христианина принять ислам.

Председатель религиозной организации мусульман «Прямой путь» в Москве.

2001 – один из разработчиков «Основных положений социальной программы российских мусульман», выпущенных Советом муфтиев России.

С ноября 2001 – главный редактор общероссийской независимой газеты «Всё об Исламе».

ОТЕЦ ГЛЕБ ЯКУНИН

Родился в Москве в 1934 году в семье музыканта. Потеряв веру в Бога в ранней юности, вернулся в христианство под влиянием Александра Меня, с которым учился в Иркутском сельхозинституте.

В 1958 году, по окончании института, поступил в Московскую духовную семинарию, но под давлением КГБ был исключён. Работал алтарником, певчим, псаломщиком в церквях г. Москвы.

10 августа 1962 года рукоположен в сан священника. Служил в храмах городов Зарайска и Дмитрова.

В 1965 году вместе со священником Николаем Эшлиманом выступил с открытым письмом протеста против коллаборационистской политики руководства Московской Патриархии. В мае 1966 года отец Глеб был подвергнут запрещению в священнослужении с формулировкой: «Впредь до раскаяния».

В 60-70-х годах отец Глеб – деятельный участник правозащитного движения. В 1976 году – соучредитель и председатель «Христианского комитета защиты прав верующих в СССР». До ареста (1 ноября 1979 года) опубликовал сотни материалов, свидетельствующих о массовом подавлении религиозной свободы в СССР. Эти материалы получили широкий международный резонанс.

28 августа 1980 года осуждён Мосгорсудом по статье 70, часть I, за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Был узником Лефортовской тюрьмы и политического лагеря Пермь-37 до 1985 года, затем отбыл два с половиной года ссылки в Якутии в поселке Ыныкчан.

В 1987 году вместе с другими узниками совести амнистирован, вернулся в Москву и после 21 года нахождения под запрещением восстановлен Патриархией в сане священника, назначен служить в Никольском храме в селе Жегалово Московской области.

В 1990 году избран депутатом Верховного Совета РСФСР, участвовал в работе над Законом о свободе вероисповеданий, способствовал открытию многих храмов и монастырей, опубликовал архивные материалы КГБ о сотрудничестве церковной номенклатуры с госбезопасностью. Фактически за раскрытие этих архивов 1 ноября 1993 года Московской Патриархией был противозаконно лишен сана священника. Это решение не признал и в феврале 1994 года был принят в «сущем сане» в юрисдикцию Украинской Православной Церкви и направлен служить священником Богоявленского Собора города Ногинска.

В 1993–1995 годах – депутат Первой Государственной Думы. В 1995 году организовал Общественный комитет защиты свободы совести.

8 сентября 2000 года принял участие в создании новой религиозной организации – Церкви Православного Возрождения.

ВАЛЕРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОРЩЕВ

Родился 1 января 1943 года. Образование высшее – окончил Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, журналист. Активным участником правозащитного движения стал после знакомства с Андреем Сахаровым в 1975 году. В 80-е годы работал в Фонде Солженицына, организовывал помощь политзаключенным и их семьям.

С 1990 по 1993 годы – депутат Моссовета, председатель Комиссии по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности. Один из начинателей христианско-демократического движения.

С 1994 по 1999 годы – депутат Государственной Думы первого и второго созывов, член фракции «Яблоко». Являлся заместителем председателя Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций, членом Комиссии Государственной Думы по проверке фактов наруше-

ний прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах и изоляторах временного содержания системы МВД России.

Председатель Постоянной палаты по правам человека Политического консультативного совета при Президенте Российской Федерации, член Политического консультативного совета при Президенте Российской Федерации.

Председатель Антимилитаристской радикальной ассоциации.

Член Совета директоров Российского отделения Международной ассоциации религиозной свободы.

Член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации.

Член Международного неправительственного трибунала по делу о преступлениях против человечности и военных преступлениях в Чеченской Республике.

Член Комиссии при Президенте Российской Федерации по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести.

Член Национального комитета по проведению Года прав человека в Российской Федерации.

Член Московской Хельсинкской группы.

Член правозащитной инициативной группы «Общее действие».

Член Совета Общероссийского правозащитного движения «За права человека».

СЕРГЕЙ АДАМОВИЧ КОВАЛЕВ

Родился 2 марта 1930 года в г. Середина-Буда Сумской обл. (Украина), в семье железнодорожника. В 1932 г. семья Ковалева переезжает под Москву, в пос. Подлипки. В 1954 г. окончил биофак МГУ. Биофизик, специалист в области нейронных сетей. Жил и работал в Москве. Опубликовал более 60 научных работ; в 1964 г. защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата биологических наук.

С середины 1950-х гг. принимал участие в борьбе против «учения Лысенко» – антинаучной доктрины, господствовавшей в советской биологии и поддерживаемой партийной властью. С 1968 г. Ковалев примкнул к возникавшему тогда движению в защиту прав человека в СССР. В мае 1969 г. вошел в состав Инициативной группы защиты прав человека в СССР – первой независимой правозащитной общественной ассоциации в стране.

С 1971 г. он – один из ведущих участников издания «Хроники текущих событий» – машинописного информационного бюллетеня советских правозащитников. 28 декабря 1974 г. Ковалев был арестован по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде».

В декабре 1975 года суд приговорил его к 7 годам лагерей строгого режима и 3 годам ссылки. Срок отбывал в Скальнинских (пермских) лагерях и в Чистопольской тюрьме; в ссылку был отправлен на Колыму. По отбытии срока ссылки поселился в г. Калинине (ныне Тверь).

В годы перестройки вернулся в Москву. Принимал участие в различных общественных инициативах: входил в оргкомитет Международного гуманитарного семинара (декабрь 1987), участвовал в создании пресс-клуба «Гласность», в учредительном съезде общества «Мемориал» (с 1990 – сопредседатель этого общества). В 1989 г. вошел в Московскую Хельсинкскую группу. С 1990 по 1993 гг. – депутат Съезда народных депутатов России, член Президиума Верховного Совета Российской Федерации. Дважды, в 1993 и 1995 гг., был избран депутатом Государственной Думы РФ. С 1996 года – член российской делегации на Парламентской Ассамблее Совета Европы.

В 1993 г. принял активное участие в создании движения, а затем и партии «Выбор России» (ныне – «Демократический выбор России»). Член Политсовета ДВР. Председатель Комитета по правам человека Верховного Совета России (1990–1993); председатель Комиссии по правам человека при Президенте России (с 1993; в январе 1996 подал в отставку).

В январе 1994 г. избран первым Уполномоченным по правам человека (смещен Государственной Думой с этого поста в марте 1995).

Ковалев – один из авторов Российской Декларации прав человека и гражданина (январь 1991) – рамочного документа, определившего будущие конституционные нормы Российской Федерации в области прав человека. Играл ведущую роль в разработке 2-й главы ныне действующей Конституции России – «Права и свободы человека и гражданина», а также ряда федеральных законов, затрагивающих проблематику прав человека.

В 1994–1996 гг. Ковалев получил широкую известность как последовательный и резкий критик политики Кремля в Чечне. В первые же дни войны он отправляется в район боевых действий. «Группа Ковалева», состоящая из ряда депутатов и представителей общественных организаций, собирает информацию о происходящем и прикладывает максимальные усилия, для того чтобы эта информация получила широкую огласку. При поддержке общества «Мемориал» и ряда других общественных организаций создается Миссия Уполномоченного по правам человека на Северном Кавказе (с марта – Миссия общественных организаций под руководством С.А. Ковалева). Ковалев и его коллеги сыграли решающую роль в спасении заложников в Буденновске в июне 1995 г.

Награды, премии, почетные звания:

Премия Международной Лиги прав человека.
«За вклад в дело демократии».
Премия Совета Европы.
Чешская премия «Человек в беде».
Премия им. Б. Крайского.
Премия «Золотой параграф» польского журнала «Prawo i Życie» («Закон и жизнь»).
Премия им. Теодора Хэккера города Эслинген-на-Неккаре.
Орден «Рыцарь Чести» Чеченской Республики Ичкерия (отказался от получения до конца чеченской войны. Орден вручен в январе 1997 г.).
Нюрнбергская премия по правам человека.
Премия по правам человека Норвежского Хельсинкского Комитета.
В 1995 и в 1996 номинировался на соискание Нобелевской премии мира.
Почетный гр-н Кракова. Почетный доктор медицины Каунасской академии медико-биологических наук.
Почетная докторская степень в области прав человека Эссекского университета.
Премия Кеннеди.

ГОД ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Хроника текущих событий

> Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.
>
> Всеобщая Декларация Прав Человека, статья 19.

Выпуск 4 /9/. 9 31 августа 1969 года.

Содержание: К годовщине вторжения в Чехословакию. – Суд над десятью крымскими татарами. – Два суда по назначению принудительных мер медицинского характера. – Арест Генриха АЛТУНЯНА. – Дело Юрия ЛЕВИНА. – Следствие по делу Ильи ГАБАЯ и Петра Григорьевича ГРИГОРЕНКО. – Новые преследования месхов. – Внесудебные политические преследования. – Новости самиздата. – Краткие сообщения. – Исправления и добавления к выпускам хроники.

Леонард ТЕРНОВСКИЙ

САГА О "ХРОНИКЕ"

«...труд усердный, безымянный...»
А. С. Пушкин

В воспоминаниях диссидентов и в статьях постсоветской журналистики о правозащитном движении порой как что-то общеизвестное упоминается «Хроника». Хотя вряд ли даже пишущие на диссидентские темы журналисты (не говоря уже об их читателях!) имеют ясное представление об этом поразительном и уникальном феномене нашей новейшей истории.

Что же такое – «Хроника»? Кто-то ответит – была такая самиздатская то ли газета, то ли журнал. Тоненькие такие, отстуканные на машинке листочки, сцепленные канцелярской скрепкой. И за эти машинописные листочки – ***сажали.***

– И вовсе не машинописные, – возразит другой. – Я сам как-то видел два толстенных серых тома страниц под 500, выпущенных, помнится, в Амстердаме.

– Да не в Амстердаме, а в Нью-Йорке, – скажет третий. – И не толстые тома, а средних размеров зеленые тетрадки. Они мелькали иногда среди попадавшего в СССР тамиздата.

Кто прав? Все правы. Но наиболее верен первый ответ. Ибо составлялась «Хроника» всегда в Советском Союзе. Да, с 74-го года (а родилась «Хроника» в 68-м) 28-й и последующие ее номера стали по мере поступления переиздаваться в США издательством «Хроника», созданным эмигрировавшим из СССР Валерием Чалидзе. (Впрочем, и раньше многие выпуски «Хроники» вместе с другими материалами самиздата перепечатывались издательством «Посев»). А первые 27 номеров «Хроники» были в 1979 году собраны и переизданы в Амстердаме Фондом имени Герцена.

...Но все это было спустя годы и годы. А тогда, в конце 60-х, тоненькие выпуски «Хроники», переходя доверительно от знакомого к знакомому, размножались на машинках (часто – на папиросной бумаге, чтобы больше экземпляров получалось в одной закладке) и разлетались сначала по Москве, а там – на Украину, в Ленинград, в Ташкент, в Прибалтику – и по всему Союзу. И обратным током, тоже от знакомого к знакомому, в Москву стекались ручейки информации. О том, что тогда остро волновало многих, о чем мы догадывались (не представляя, впрочем, масштабов происходящего) и о чем молчала (или лгала!) вся советская пресса. О политических судах и о политзаключенных (мы-то думали – «политических» можно сегодня перечесть по пальцам, ведь сейчас не сталинские времена, не подозревая, что их и теперь сотни и сотни).

О протестных письмах в связи с этими судилищами (оказывается, под ними многие десятки и сотни подписей, и среди них известнейшие люди – писатели, ученые). О высланных крымских татарах, которым не позволяют вернуться на родину (а они привозят в Москву петиции с тысячами и десятками тысяч подписей). О спецпсихбольницах за инакомыслие. (Неужели такое возможно в XX веке? Ведь даже сто с лишним лет назад, при Николае I, Чаадаева не заперли в дурдом, а только объявили сумасшедшим). А преследования (с лагерными сроками!) за религию?! А движение евреев за выезд в Израиль?!

Бесстрастная, безоценочная (только факты!) информация «Хроники» открывала интеллигенции глаза на целые пласты неизвестных ей и непривычных явлений. И этим ставила нас перед выбором.

Кто же выпускал «Хронику»? Из-за постоянных преследований этот информационный бюллетень поневоле выходил анонимно. Сегодня о тех, кто его

Леонард Борисович Терновский – врач, участник диссидентского движения с 1968 г. Член «Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях». Член «Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений». В 1980 году арестован. За правозащитную деятельность приговорен к трем годам лишения свободы. В 1991 г. реабилитирован.

составлял, можно, наконец, говорить открыто и безбоязненно. Основателем и первым редактором «Хроники» была Наталья Горбаневская, поэт, правозащитник, член ИГ *(Инициативной группы по защите прав человека в СССР. – Прим. ред.)*, в дальнейшем – политзаключенная Казанской СПБ, после освобождения вынужденная в декабре 1975 года эмигрировать во Францию. Впоследствии из-за постоянных репрессий КГБ у «Хроники» сменилось несколько редакций. Но об этом я расскажу позднее.

Сколько лет выходила «Хроника»? Кажется невероятным, но вопреки непрерывным и жестоким преследованиям, вопреки неоднократным решениям КГБ окончательно задавить «Хронику» к такому-то сроку эта летопись Сопротивления продержалась полтора десятилетия и выпускалась подпольно с 1968 по 1982 год. Известно 64 составленных за это время выпуска. Это больше **пяти тысяч страниц. Это рассказ о судьбах свыше полутора тысяч узников совести и о тысяче с лишним подвергшихся иным – внесудебным – преследованиям людей.**

...Напрашивается сопоставление с первой русской бесцензурной газетой, издававшейся в эмиграции Герценом и Огаревым в 1857-1867 гг. Их «Колокол» выходил два, иногда три и четыре раза в месяц. Всего было напечатано 245 номеров. Полиция и тайные службы всемерно препятствовали проникновению эмигрантских изданий в Российскую империю, но «Колокол» все равно широко читала образованная Россия. Конечно, *Бруты и Кассии 3-го отделения* могли попытаться выкрасть (или просто убить) дерзких лондонских «пропагандистов». И Герцен получал предостережения о подобных их намерениях. Но *в проклятое царское время* (говоря языком советского сленга) тайные службы предпочитали все-таки избегать прямой уголовщины. А редакторы «Хроники» жили в Советском Союзе и потому были беззащитны перед произволом властей.

В характере самих изданий немало схожего. Как и «Колокол», «Хроника» рассказывала о событиях и фактах, о которых умалчивали (или истолковывали их превратно) издававшиеся в России подцензурные газеты. Но Герцен и Огарев часто печатали в своей газете проблемные статьи и публицистику. «Хроника» избегала публицистики. Впрочем, иногда и на ее страницах – как наличествующие факты общественных выступлений – помещались: некролог А. Твардовскому (А. Солженицына); статья Л. Чуковской в защиту М. Джемилева; письмо Т. Ходорович Л. Плющу и т. п.

«Колокол» рассказывал порой о событиях недалекой истории (например, о «Новгородском возмущении 1831 г.»). В некоторых номерах «Хроники» также попадалась рубрика «Процессы прошлых лет».

Встречались и различия. Правозащитное движение (голосом которого была «Хроника») призывало власти к соблюдению существующих законов. «Колокол» выступал за коренные реформы. Правозащитники изначально были противниками насильственных действий. Герцен и Огарев не отвергали в теории даже кровавых революций: *«...они бывают иногда необходимы»*. Но, отмечал Герцен, с годами *«растет в нас отвращение от кровавых переворотов»*. *«Какая бы кровь ни текла, где-нибудь текут слезы»*. И отвечая на «Письмо из провинции» *Русского Человека*, призывавшего: *«К топору зовите Русь!»*, Герцен писал: *«Но к топору мы звать не будем до тех пор, пока остается хоть одна разумная надежда на развязку без топора»*.

Книги Герцена стали вновь печататься в России после революции 1905 года, спустя 35 лет после смерти автора. А сам «Колокол» был факсимильно переиздан только в 60-х годах XX века.

Впервые публично рассказывать о «Хронике» стало возможным в России в 1989 году. Наверно, не мне одному памятны правозащитные вечера в доме культуры МАИ и в клубе «Медик». А в мае 1993 года журнал «Огонек» (с тиражом свыше четверти миллиона!) напечатал статью Александра Даниэля «Так начиналась "Хроника"». Но подробного рассказа об этом легендарном бюллетене нет и по сей день.

Убежден, что «Хроника» была ничуть не меньшим явлением в отечественной истории, чем герценовский «Колокол». И оказала не меньшее воздействие на судьбы России. Разумеется, издававшийся в эмиграции «Колокол» не изменил (да и не мог изменить!) курс российского корабля. А «Хроника» подобной задачи вообще не ставила. Крах тоталитаризма в августе 1991 г. был следствием множества причин – экономических, политических, социальных. За долгие 73 года большевистская тирания изжила себя и обанкротилась идеологически. Этот крах, зачастую неосознанно, подготавливало множество наших сограждан. Тут и первый советский реформатор Н. Хрущев, освободивший многие тысячи безвинных узников и положивший начало разоблачению сталинского культа. И последний преобразователь СССР М. Горбачев, не сознававший, куда ведут проводимые им реформы, и ставший могильщиком коммунистической утопии. Разоблачению режима способствовали гулявшие в самиздате лагерные воспоминания Евгении Гинзбург, В. Шаламова, О. Волкова, Ек. Олицкой и др., историософские эссе Г. Померанца, А. Амальрика, В. Турчина и многих других. И борьба – на воле и в лагерях – тысяч правозащитников, националов, религиозников. И героическое противостояние тираническому режиму академика Сахарова и писателя Солженицына, поведавшего миру страшную правду про «Архипелаг ГУЛАГ». Вопреки своим намерениям краху тоталитаризма порой способствовал и КГБ: так, он не предвидел, что осуждение писателей Синявского и Даниэля к 7 и 5 годам «строгача» всколыхнет весь мир и окажется толчком для возникновения в СССР правозащитного движения. Да и геронтократы из Политбюро тупо саморазоблачали перед всем миром волчью сущность своего режима – подавлением венгерской революции в 1956 году, чехословацких

реформ в 1968-м, агрессией в Афганистане в 1979-м. Словом, победа над тиранией никому не принадлежит конкретно. Она порождена совокупной работой мысли множества лиц, стала плодом их – порой разнонаправленных – действий и усилий, и, следовательно, ее подлинный автор – история. Но свою (немалую!) лепту в дело духовного раскрепощения нашей страны внесла и «Хроника».

Всё отечественное Сопротивление 60–80-х годов очень многим обязано этому скромному самиздатскому бюллетеню. «Хроника» стала голосом всех, кто противостоял произволу, кого тоталитарный режим беспощадно и планомерно давил. Ее голос проникал за «железный занавес», и через «Хронику» зарубежная общественность узнавала о существовании оппозиционеров и о преследовании их в Советском Союзе. Да и сами мы глохли и слепли без выверенных и бесстрастных сообщений «Хроники». Прав был А. Сахаров, утверждавший еще весной 1974 года в разговоре с С. Ковалевым о правозащитном движении: «"Хроника" – это самое важное из того, что сегодня делается».

...Почти полтора века назад первым пунктом своей программы «Колокол» заявил «освобождение слова от цензуры». Обретенная прессой в 1905 г. свобода погибла в результате Октябрьского переворота 1917 г. Первенцем воскрешения свободной периодики стала в советские времена «Хроника». Не выдвигая никаких программ, под непрерывно сыпавшимися жестокими ударами, она явочно, самим фактом своего 15-летнего бесцензурного существования утверждала свободу слова в нашей несвободной стране. И потому справедливым и резонным представляется мне предложение (сделанное в 1998 г. «Мемориалом»): провозгласить в России дату выхода первого выпуска «Хроники» – **30 апреля – «Днем свободы печати».**

Первое знакомство

...Не берусь точно сказать, когда впервые я познакомился с «Хроникой». Должно быть, в начале осени 1968 г., вскоре после грянувшей 21 августа советской оккупации Чехословакии. Это могло случиться на «Автозаводе» (так мы называли между собой квартиру Петра Якира возле метро «Автозаводская»). Или на Рязанском проспекте, где в однокомнатной квартире жили в то время мои друзья, педагог и бард Юлий Ким и его жена Ира Якир, дочь Петра Ионовича. Юлика тогда уже выгнали за диссидентство из физико-математической школы, где он преподавал историю и литературу. А Иру еще не исключили из числа студенток Историко-архивного института.

В ту тревожную, наполненную отзвуками чехословацких событий осень я был завсегдатаем диссидентского клуба на «Автозаводе» и его филиала на Рязанском проспекте. И редко когда уходил оттуда без какой-нибудь свежайшей самиздатской новинки. Помнится, в тот раз именно Ира протянула мне стопочку сколотых машинописных листков: «Это можно взять почитать». Гляжу – наверху титульного листа напечатано: «Год прав человека в Советском Союзе». И ниже подзаголовок: **«Хроника текущих событий».** Я припомнил (хоть и не тотчас), что в связи с 20-летием принятия Генеральной ассамблеей «Всеобщей декларации прав человека» 1968 год был объявлен ООН **«Годом прав человека».** Статья 19 этой декларации, провозглашавшая свободу убеждений и свободу получать и распространять информацию и идеи, была поставлена эпиграфом на первой странице выпуска.

...Признаюсь: я не сразу оценил и выделил «Хронику» из вороха других ходивших тогда по рукам самиздатских писем и документов. Зато сразу почувствовал: за такие листочки «Софья Власьевна» (читай – советская власть) не погладит по головке. А будет без жалости карать. И тех, кто их читает и дает читать своим знакомым. И тех, у кого их найдут. И уж, конечно, тех, кто их составляет и печатает.

Почему? Может быть, «крамольный» бюллетень разглашал страшные государственные тайны? Клеветал на советский строй? Нет, информация «Хроники» была достоверной и точной. И дело не в каких-то тайнах. Порой то, о чем сообщал бюллетень, и без того было известно всему миру (но не советским людям). Случалось даже, что о событиях, рассказываемых в «Хронике», писала и советская печать. Но писала так, «как положено».

...Так, целых две газеты – «Московская правда» и «Вечерняя Москва» – в номерах от 12 октября 1968 г. напечатали статьи «В расчете на сенсацию» и «По заслугам» – о закончившемся накануне в Мосгорсуде процессе над «нарушителями общественного порядка». Что же сообщали советским читателям авторы статей Н. Бардин и А. Смирнов?

Подсудимые, согласно их рассказу, учинили *«групповые действия, грубо нарушившие общественный порядок».* А именно: 25 августа 1968 г. в 12 часов дня на Красной площади, *«святыне нашего народа»,* они уселись возле Лобного места и развернули *«оскорбительные для советских людей плакаты»* и *«стали выкрикивать грязные лозунги».* Но их *«сборище»* длилось лишь несколько минут. Ибо возмущенные *«рабочие, колхозники, студенты»* вырвали и разорвали плакаты, а милиционеры *«с трудом провели эту компанию сквозь разгневанную толпу»* и доставили ее в отделение. О действиях подсудимых это все.

Надо уметь так написать! Как догадаться, что речь тут идет о суде **над демонстрантами против советской оккупации Чехословакии?** Даже слова «Чехословакия» нет в этих статьях советских газет. И не демонстрация, разумеется, а «сборище». Тексты «оскорбительных» плакатов (а именно: «Руки прочь от ЧССР», «За вашу и нашу свободу», «Долой оккупантов», «Свободу Дубчеку» и – по-чешски – «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия»)

Лариса Богораз

Павел Литвинов

вообще не упомянуты. Хотя как раз эти лозунги были расценены судом как «заведомо ложные клеветнические измышления» и являлись центральным пунктом обвинения. Впрочем, главной задачей авторов как раз и было – не дать понять неосведомленному читателю, что именно произошло на Красной площади 25 августа.

Зато в статьях пространно говорится об *«аморальности»* подсудимых. Их имена (К. Бабицкий, Л. Богораз, В. Делоне, В. Дремлюга, П. Литвинов) в газетах все же приводятся. Далее, конечно, говорится, что всех их объединяет *«неудержимая страсть к спиртным напиткам, к разврату и тунеядству»*. Газеты напоминают, что и ранее Богораз и Литвинов были соавторами *«грязных клеветнических пасквилей»* (читай: протестов против судилища над А. Гинзбургом, Ю. Галансковым, В. Лашковой и А. Добровольским), что им разъясняли антиобщественный характер их поведения. Сообщив приговор (3 года заключения Дремлюге и 2 года 10 месяцев – Делоне, 5 лет ссылки Литвинову, 4 – Богораз и 3 – Бабицкому), авторы, разумеется, не забыли сказать, что *«представители общественности Москвы с одобрением встретили приговор суда»*.

Ну, разве могло быть интересно советскому читателю то, что никто из подсудимых не признал себя виновным? Что и защитники настаивали на оправдательном приговоре? Или что на формально открытый суд не допустили (не считая родственников) никого из друзей и знакомых подсудимых? Демонстранты настаивали на установлении личности и привлечении к ответственности «лиц в штатском», которые задерживали и избивали их, хотя они мирно сидели с плакатами у Лобного места и даже не сопротивлялись погромщикам. Но ведь об этом тоже ни к чему сообщать советским людям. «Тунеядцы»? Лариса Богораз, работавшая в институте технической информации, была уволена уже **после своего ареста**. Павла Литвинова выгнали с работы в начале 68-го из-за его общественных выступлений. Вадим Делоне до июня 1968 года учился в Новосибирском университете. Владимир Дремлюга не работал только последний месяц перед арестом. Константин Бабицкий до самого ареста был младшим научным сотрудником в Институте русского языка.

Так можно ли стерпеть, чтобы о подобных «несущественных» подробностях процесса, ни у кого не спросясь, рассказывала какая-то ничтожная самиздатская «Хроника»? Да ведь и не только о демонстрантах. Об аресте, а затем суде 21 августа 1968 года над Анатолием Марченко (автором книги «Мои показания» о послесталинских лагерях), формально обвиненном в нарушении паспортного режима, советская печать вообще не сообщала. Восемь друзей А. Марченко (в их числе Л. Богораз и П. Литвинов) в связи с его арестом обратились к согражданам с открытым письмом в его защиту. Марченко это не помогло. Зато вскоре была арестована И. Белогородская, в сумке которой, нечаянно забытой в такси, были обнаружены экземпляры этого письма. Составители обращения в защиту Марченко сразу же заявили, что только они, авторы (но никак не Белогородская!), могут быть ответственны за содержание своего письма, что они ручаются за полную достоверность всего в нем напи-

санного. И тогда Белогородскую освободили? Как бы не так! Продержав в Лефортове больше полугода, ее осудили «за попытку распространения заведомо ложных клеветнических измышлений» к году лишения свободы. При этом ни один из авторов письма не был даже вызван в суд свидетелем!

Можно ли допустить, чтобы «Хроника» предавала огласке подобную **ненужную советским людям** информацию? Или скажите, зачем на ее страницах (в обзоре самиздата) аннотируется письмо В. Каверина о «Раковом корпусе» А. Солженицына? Две публицистических статьи Л. Чуковской: в связи с 15-летием смерти Сталина и по поводу травли А. Солженицына? Младенцу ясно – раз эти письма не напечатаны в СССР, значит, они **неинтересны** для советского читателя. Нет, нет, терпеть подобную самодеятельность решительно невозможно!

...Стоит ли объяснять, что вскоре я сделался горячим поклонником своей **новообретенной знакомицы.** И раз за разом давал читать ее выпуски своим друзьям. И с нетерпением ждал все новых свиданий с ней.

Становление под огнем

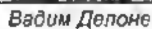
Где-то с весны 1968 г. в кругах московских диссидентов стала ощущаться потребность в выпуске самиздатского бюллетеня. После только что закончившегося процесса А. Гинзбурга и Ю. Галанскова, вызвавшего волну протестов, в Москву к активистам-протестантам стали стекаться все новые сообщения – о фактах произвола, о политических преследованиях и судах в Ленинграде и в Киеве, в союзных советских республиках, в провинции, в лагерях. Эта информация все множилась, и с ней надо было что-то делать.

Свидетельствует Н. Горбаневская: *«Идея самиздатского информационного бюллетеня носилась в воздухе. ... Неоднократно говорила об этом Лариса Богораз, но она была загружена другими делами. ... Разговоры могли продолжаться долго, если бы не нашелся кто-то, чтобы взяться за это. Этим "кем-то" оказалась я»* (находясь в декретном отпуске, Наташа располагала тогда свободным временем). Переговорив предварительно с друзьями (Ирой Якир и Юлием Кимом, Ильей Габаем и Павлом Литвиновым), которые дали «добро» и обещали помогать, Наташа села за пишущую машинку. 30 апреля был напечатан первый выпуск – два десятка машинописных страниц. Большая его часть посвящена январскому процессу Ю. Галанскова, А. Гинзбурга, А. Добровольского и В. Лашковой и событиям вокруг этого суда, а также недавно закончившемуся в Ленинграде процессу над членами ВСХСОН (Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа).

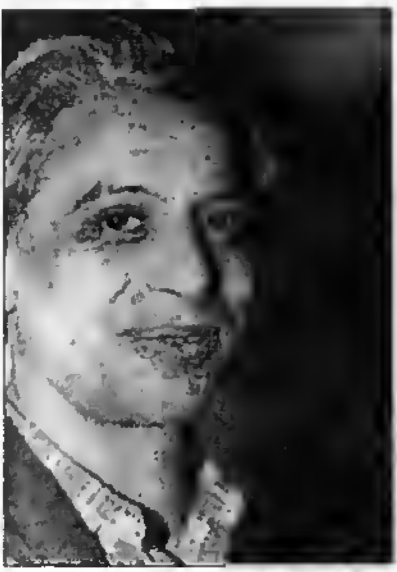
Традиции и структура бюллетеня вырабатывались на ходу. Первоначальная периодичность выпусков – каждые два месяца. В декабре 1969 года закончился объявленный ООН всемирный «Год прав человека», но в Советском Союзе *«Год прав человека – продолжается. ... "ХРОНИКА" будет выходить и в 1969 году»*. Так подзаголовок сделался названием бюллетеня.

Появлялись все новые разделы и рубрики. Начиная со второго выпуска – «Поправки и дополнения». Тут исправлялись неизбежные в таком издании ошибки. Со второго же номера – «Краткие сообщения». В пятом выпуске появляется обзор «Новости самиздата». Из этой рубрики читатели «Хроники» узнавали о выступлениях правозащитников, о самиздатских статьях и монографиях, таких, например, как «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» академика А. Сахарова. Или о появлении в самиздате не пропущенной цензурой поэмы А. Твардовского «По праву памяти». Кажется невероятным, но можно говорить и о вкладе «Хроники» в ... лениниану. Только в разгар перестройки советские читатели узнали о секретном письме Ленина к Политбюро от 19. 03. 22 г. с людоедскими требо-

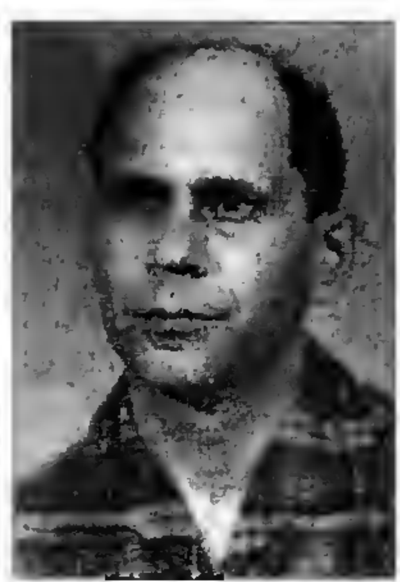

Вадим Делоне

Виктор Файнберг

Константин Бабицкий

ваниями беспощадных расстрельных мер в отношении духовенства, сопротивлявшегося насильственному изъятию церковных ценностей. А мы, читатели «Хроники», знали об этом письме еще в 69-м году. Сообщение об этом письме, появившемся в самиздате, помещено в 9-м выпуске бюллетеня. Или другой пример. В декабре 1989 г. (спустя полвека после подписания!) Советский Союз впервые гласно признал существование дополнительных секретных протоколов к советско-германскому договору 1939 г., приведших к разделу Польши и присоединению к СССР стран Прибалтики. Но эти самые протоколы циркулировали в самиздате еще в 1969 году и тогда же были аннотированы в 10-м выпуске «Хроники».

В мае 1969 г. была создана **Инициативная группа** по защите прав человека в Советском Союзе (ИГ), первая в СССР правозащитная ассоциация. «Хроника» постоянно сообщала об обращениях и документах ИГ, а также о вскоре начавшихся преследованиях ее участников. Некоторые из членов ИГ (Н. Горбаневская, А. Якобсон, Т. Великанова, С. Ковалев, А. Лавут) в разное время составляли и редактировали «Хронику». К выпускам этого бюллетеня, как к одному из главных источников информации, я вновь и вновь обращался в конце 90-х годов, когда писал статью об истории ИГ. Нелепо было бы искать даже упоминания о ней в советской печати. А материалы об исключении А. Солженицына из Союза писателей в 1969 году? О его высылке из СССР в 1974-м? О преследованиях и высылке в Горький академика А. Сахарова? Об обмене политзаключенного В. Буковского на чилийского политзаключенного, секретаря компартии Луиса Корвалана? Где, в каких советских изданиях можно было прочесть обо всем этом правдивую информацию?!

Со временем возникали и другие рубрики: «Аресты», «Суды», «В тюрьмах и лагерях», «В ссылке», «Освобождения», «В психиатрических больницах», «Внесудебные политические преследования», «Преследования верующих», «Право на выезд», «Разные сообщения».

Бюллетень быстро рос и взрослел. Но не дремала и «Галина Борисовна» (ГБ). Материалы одиннадцатого выпуска чуть было не пропали на «шмоне» у Гали Габай, но ее мать удачно спасла их от ГБ, утопив в кастрюле с варившимся супом. Уже дважды производились обыски у Н. Горбаневской. 24 декабря 1969 г. у нее прошел третий обыск, и Наташа, основатель и первый редактор «Хроники», была арестована. Материалы подготовленного ею одиннадцатого выпуска чудом уцелели.

...Заканчивать выпуск довелось Анатолию Якобсону. И ему же предстояло редактировать опасный бюллетень в последующие два с половиной года и выпустить шестнадцать номеров.

Наталья Горбаневская с сыновьями.

Мне случалось уже не раз рассказывать о Толе, Тоше, как звали его друзья. Постараюсь не повторяться. Педагог, за идеологическое вольнодумство отставленный от школы. Литератор и поэт-переводчик. Человек с обнаженной совестью и большим гражданским мужеством. Он без колебаний взялся за работу, единственной «наградой» за которую могли стать для него годы неволи.

Информацию для «Хроники» собирали другие, и другие люди ведали последующим распределением тиража – распространением. Зато Якобсон занимался самым важным и ответственным делом – составлением текста бюллетеня, литературным редактированием.

В апреле 1978 г., в Израиле, меньше чем за полгода до своей гибели, Толя так вспоминал об этом: *«...Я понял, что нужно делать "Хронику" не дома и не в каком-то заведомо известном КГБ месте ...и делать быстро. ...Первые два номера после [Наташи] я сделал целиком и полностью....С 13-го номера стало легче, потому что, кроме меня, в изготовлении участвовали и другие люди»* (естественно, Тоша не называет имена этих других людей – кроме тех, кто эмигрировал или сам открыто заявил об этом, т. к. в то время называть их было опасно). *«...Образовался некий коллектив, как я в шутку называл, "бригада антикоммунистического труда". "Бригада" могла состоять из одного, двух, четырех человек... Мы меняли места, меняли дома. ...До 27-го номера включительно [я] оставался литературным редактором "Хроники" и автором многих материалов. ...Я за это дело отвечал».*

«Хроника» имела немалый успех. Саморазмножаясь, ее листочки разлетались по всему Советскому Союзу сначала в десятках, а потом и во многих сотнях экземпляров. Порой выпуски бюллетеня перелетали через границу, и тогда его материалы звучали по зарубежным радиоголосам. В кругу моих знакомых и друзей «Хроника» вызывала жгучий интерес и сочувствие, хотя не обходилось и без замечаний. Так, кто-то считал излишним писать о преследованиях за религию (мол, религиозники – не политические, уж не собирается ли «Хроника» вести религиозную пропаганду?). Изредка «Хроника» отвечала на подобные замечания читателей.

А времена были неспокойными. И «Хронике» приходилось раз за разом рассказывать об арестах и судах над П. Григоренко, И. Габаем, А. Амальриком, И. Белогородской, И. Яхимовичем, М. Джемилевым, В. Морозом и многими другими. О присуждении Нобелевской премии А. Солженицыну и последовавшей травле писателя. О помещении Ж. Медведева в психиатрическую больницу. О присуждении к «лечению» в спецпсихбольницах (СПБ) П. Григоренко, Н. Горбаневской и ряда других диссидентов. Не раз до нас доходили слухи о том, что «сам» Ю. Андропов обещал Политбюро в ближайшее время покончить с «Хроникой», что принято соответствующее решение ЦК КПСС. Но все это были, так сказать, цветочки.

Наступил 1972 год. И принес с собой давно обещанные КГБ «ягодки».

Охота на «Хронику»

5 января 1972 г. проходил суд над В. Буковским. По 70-й статье УК РСФСР, или, говоря языком советской юстиции, за «антисоветскую агитацию и пропаганду», Володя был осужден на 7 лет «строгача» и на 5 лет ссылки.

КГБ давно был зол на Буковского. Еще в 1961 г. его исключили из МГУ за участие в машинописном журнале «Феникс». Помещали в СПБ за изготовление фотокопии книги М. Джиласа «Новый класс». Сажали на 3 года в лагерь за демонстрацию в защиту арестованных Ю. Галанскова, А. Добровольского, В. Лашковой и П. Радзиевского. Можно бы, казалось, взяться за ум. Так нет, ему все равно неймется. Освободившись в январе 1970 г., Буковский вскоре дает интервью московскому корреспонденту «Вашингтон пост», которое было опубликовано в этой газете 17 мая. В интервью Буковский на основании своего опыта рассказал о преследованиях инакомыслящих в СССР, о психиатрических репрессиях, о бесчеловечных условиях содержания в лагерях и психбольницах. Буковского вызвали в прокуратуру и предупредили, что за подобные действия его могут снова привлечь к уголовной ответственности. Но даже такое предупреждение для Буковского, похоже, – как с гуся вода.

28 января 1971 г. он обращается с открытым письмом к врачам-психиатрам США, Англии, Голландии, Канады и Израиля, призывая их выступить против продолжающихся психиатрических репрессий в СССР в отношении диссидентов. В приложении к письму были помещены копии заключений судебно-психиатрических экспертиз шести советских правозащитников. Это письмо, вызвавшее большой резонанс и положившее начало борьбе с психиатрическим террором в нашей стране, переполнило чашу терпения КГБ. 29 марта 1971 г. Буковский был снова арестован. И вот спустя 9 месяцев – суд.

«Хроника» подробно писала о процессе Буковского. КГБ не сумел сломить этого бойца. Он отверг обвинения в клевете, доказывал, что во всех своих выступлениях всегда говорил только правду, боролся (и не перестанет впредь бороться) за законность и справедливость. Свое последнее слово Володя закончил так: *«И сожалею я только о том, что за короткий срок – 1 год 2 месяца и 3 дня, – которые я пробыл на свободе, я успел сделать для этого слишком мало».*

Процесс над Буковским ознаменовал резкое усиление преследований правозащитников в СССР. Вскоре в Москве прошла серия обысков, а затем и допросов по «делу № 24». Вопросы следователей касались в основном изготовления и распространения «Хроники». В мае 1972 года – новая серия обысков по «делу № 24» (в том числе у А. Якобсона и у П. Якира). А 21 июня П. Якир был арестован.

Якир (так же, как и арестованный 12 сентября другой видный диссидент, В. Красин) капитулировал на следствии, признал «антисоветский характер» своей деятельности и дал на недавних сотоварищей об-

Анатолий Якобсон

ширные показания. В том числе о «Хронике» и о роли в ее издании Якобсона. В январе 1973 г. КГБ передал через жену В. Красина Н. Емелькину: если выйдет очередной, 28-й номер бюллетеня, Якобсон будет немедленно арестован.

Выходит, издателей «Хроники» и правозащитников предупреждали (и не раз!), что они занимаются антисоветчиной и нарушают закон. Так чего же стоят тогда все эти лицемерные жалобы на жестокость и несправедливость, когда их настигает карающая рука правосудия?! Не дети – должны были наперед предвидеть последствия своих художеств.

А мы и предвидели. И хорошо понимали, что за свою деятельность можем поплатиться годами лагерей или психушек. Только вот карал нас не закон, а беззаконие. Закон не запрещал ни писать, ни печатать и распространять правдивую информацию. Другое дело, что информация, к примеру, той же «Хроники» была неприятна и опасна властям, они просто не могли допустить, чтобы их преступления становились известны общественности. Это ясно сознавали правозащитники. *«"Хроника" ни в какой степени не является нелегальным изданием,* – написано еще в пятом ее выпуске, – *но условия ее работы стеснены своеобразными понятиями о легальности и свободе информации, выработавшимися за долгие годы в некоторых советских органах».* Но, как сказал в последнем слове Буковский, *«преступник не тот, кто выносит сор из избы, а тот, кто в избе сорит».*

Преследованиями и угрозами КГБ уже давно стремился заставить оппозиционеров прекратить выпуск бюллетеня. И хотя правозащитники были готовы (и не раз доказали это своими поступками) рисковать собой, разговоры о закрытии «Хроники» все-таки возникали. Свидетельствует Н. Горбаневская: *«Вышла я в 1972 г. В том году было заведено знаменитое дело № 24 (о "Хронике"), раздавались угрозы, а кое с кем велись переговоры о том, какие благодеяния КГБ ...совершит, если издание прекратят сами безымянные редакторы: кого-нибудь освободит, а кого-нибудь – не посадит».* Ира Якир при встрече спросила Наташу, что она думает о намерении некоторых диссидентов закрыть «Хронику»? Наташа ответила, что поскольку от «Хроники» она теперь отошла, то вроде ей не подобает высказываться. Ира настаивала. Тогда Наташа сказала: *«...Пока я сидела, я знала: все, что со мной происходит, по крайней мере, все, что удается узнать, попадает в "Хронику". Сейчас продолжают сидеть другие люди. Прекратить "Хронику" значило бы оставить их на произвол судьбы: о них не будут знать, забудут, с ними можно будет делать что угодно».* ...На некоторое время «Хронику» тогда отстояли.

Но как быть редакторам бюллетеня теперь, когда в заложники назначен их товарищ? Можно ли обрекать Тошу на явную гибель в лагере или в психушке? Не попытаться спасти его – даже ценой приостановки «Хроники»? В начале 1973 г. собралось несколько человек, причастных к «Хронике». И тогда, согласно рассказу самого Якобсона: *«Мы ...обсудили вопрос, быть или нет 28-му номеру. И я, естественно, был лишен права голоса как лицо заинтересованное. ...И решили: нет, не выйдет сейчас 28-й номер».*

«Хроника» молчала полтора года. Но материалы к бюллетеню продолжали собираться. 7 мая 1974 г., когда Якобсон был уже в Израиле, Т. Великанова, С. Ковалев и Т. Ходорович открыто передали западным корреспондентам сразу три номера «Хроники»: 28, 29 и 30-й. Заложнический шантаж был сорван.

...Увы, эмиграция не спасла нашего Тошу. В Израиле мысль, что ему больше не увидать Россию, не встать рядом с преследуемыми друзьями, *«что уже никогда, никогда... Боже мой, никогда!..»* (А. Галич, «Опыт ностальгии»), раз за разом ввергала его в жесточайшую депрессию. 28 сентября 1978 г. он покончил с собой. Но ведь и дома его с неизбежностью ожидали годы лагерей (или психушки) – вынес ли бы он их? В посвященном Тоше стихотворении «Прощание» Давид Самойлов писал:

Но кто б ему наколдовал
Баланду и лесоповал,
Чтобы он голову совал
В родное пекло.

Интермедия

А какие события в сфере борьбы за права человека происходили в то время, пока молчала «Хроника»? Между октябрем 1972-го и маем 1974 г. ? Вот неполная выборка.

...4 ноября 1972 г. в лагерной больнице умер Юрий Галансков, политзаключенный, публицист и поэт, год и два месяца не доживший до конца своего 7-летнего срока. Ему было 33 года.

...Больше года крутилась дьявольская круговерть вокруг дела Якира и Красина. Весной приятели неожиданно напомнили о себе. В апреле 1973 г. офицер КГБ доставил академику А. Сахарову письмо из Лефортовской тюрьмы от П. Якира с призывом прекратить всякие протестные выступления, поскольку они (как осознал теперь Петр Ионович) используются вражеской пропагандой. И в том же апреле В. Красин передал (с разрешения следователя!) письмо, адресованное «друзьям на воле». Красин писал, что «демократическое движение» потерпело поражение и призывал для спасения людей всемерно содействовать следствию и давать откровенные показания не только о себе, но и о своих друзьях. К этому же они призывали на очных ставках своих товарищей: Н. Емелькину, Ю. Мальцева, И. Белогородскую, И. Якир, Ю. Кима, И. Габая и других. Но капитулянтским призывам последовали немногие.

...30 октября 1972 года, отсидев девять месяцев под следствием, был осужден к 5 годам «строгача» за распространение самиздата и, в частности, «Хроники» Кронид Любарский, ученый-астроном из подмосковной Черноголовки.

...29 января 1973 года, после года тюремно-следственных мытарств, молодой ученый-математик Леонид Плющ был признан Киевским судом невменяемым и направлен на принудительное лечение в спецпсихбольницу. Главными пунктами обвинения было его членство в ИГ и участие в распространении «Хроники».

...26 ноября 1973 года Мосгорсуд признал невменяемым и направил на «лечение» в психиатрическую больницу (общего типа) математика Юрия Шихановича. В числе прочего его обвиняли в размножении и распространении «Хроники».

...Арестованного 3 июля 1973 года Габриэля Суперфина судили в мае 1974г. по 70-й статье УК за передачу на Запад тюремных дневников «самолетчика» Эдуарда Кузнецова и за участие в редактировании «Хроники». Приговор – 5 лет «строгача» и 2 года ссылки.

...Виктора Некипелова, поэта и врача, арестованного в июле 1973 г., судили в мае 1974 г. Ему инкриминировалось распространение одного выпуска «Хроники», а также собственных стихов и публицистических статей. Сначала, видимо, Некипелова намеривались объявить невменяемым и направили на психиатрическую экспертизу, но потом передумали и по 190-1 ст. УК приговорили к 2 годам лагеря.

...В декабре 1973 г. в Париже был напечатан первый том солженицынского «Архипелага ГУЛАГ». Сразу же всю советскую прессу захлестнули волны «народного гнева». Читатели, не прочитавшие ни строчки из его книги, возмущались «предателем и клеветником» и требовали для него сурового наказания. 12 февраля 1974 г. Солженицын был арестован, а на следующий день – лишен советского гражданства и выслан из СССР. Ряд советских граждан открыто

Юрий Галансков

осудили травлю писателя и высылку его из Советского Союза.

...Приговор главным «героям» «дела № 24» – Якиру и Красину – был вынесен 1 сентября 1973 г. На суде оба они выразили раскаяние и подтвердили антисоветскую направленность документов Инициативной группы и материалов «Хроники», признали клеветой сообщения о психиатрических репрессиях в СССР. За это гуманный советский суд приговорил «лидеров движения» по суровой 70-й статье к 3 годам лагеря и 3 – ссылки. Спустя четыре дня на пресс-конференции Якир и Красин повторили все это перед иностранными журналистами. И при кассации приговор был смягчен, обоим приятелям оставили отбывать только ссылку. А спустя год – амнистировали.

Отрывки их интервью показали по советскому телевидению. Но вскоре, в том же сентябре, мы прочли и заявление Инициативной группы о суде над своими бывшими участниками. Вот что там было сказано: *«...П. Якир и В. Красин на следствии, суде и пресс-конференции выступили с ложными заявлениями. Трагично, что эта ложь касается также судьбы и репутации всех политических заключенных в лагерях, тюрьмах и психиатрических больницах СССР. ...Мы сообщаем только факты. Мы убеждены в истинности наших сообщений».*

Отвергая обвинения в клевете, группа заявила о намерении продолжать и впредь свою деятельность.

Прочтя в самиздате это заявление ИГ, сочувствующие диссидентам люди ощутили, что капитуляция Якира и Красина не убила правозащитное движение, что оно – живо. Вот только «Хроника» больше не выходит, и о многом из рассказанного выше мы узнавали теперь от случая к случаю, изустно и неполно.

...Трагическим эхом «дела № 24» стала гибель Ильи Габая. Человек чести, поэт, ощущавший чужую боль едва ли не острее собственной, он был обречен вступаться за гонимых и преследуемых. Илья в мае 1972 г. освободился после трех лет лагеря, и почти полтора года КГБ не обходил его своим зловещим «вниманием». На допросах и «беседах» чекисты угрозами и увещеваниями упорно стремились склонить Габая к «покаянию». Но Илья был просто не способен последовать примеру Якира, которого он долгие годы числил своим другом и падение которого болезненно переживал. Габай был запредельно измучен, но даже самые близкие друзья не поняли вовремя всей глубины его отчаяния. Да и чем мы могли ему помочь? 20 октября 1973 г. Илюша выбросился с балкона своей квартиры на 11 этаже...

Разорванная петля

«...Весной 1974 года собрался довольно большой круг людей, и мы решили возобновить выпуск "Хроники". Тогда же обсуждалось, открывать или нет имена редакторов, но все же решили оставить редакцию анонимной. Не столько из соображений безопасности, сколько потому, что по самой своей природе "Хроника" анонимна. А вот ответственность за распространение взяли на себя Татьяна Ходорович, Сергей Ковалев и я. Об этом мы сделали заявление в мае 1974 года. Тогда же вышли и три задержанных на время номера, а через месяц – еще один», – рассказывает Татьяна Великанова.

Оценит ли сегодняшний читатель мужество людей, открыто объявивших тогда о своей причастности к «Хронике»? Когда за «крамольным» бюллетенем гонялся КГБ, когда немало людей уже получили срока за его изготовление и распространение? Московская редакция напомнила своим читателям, что причиной приостановления издания *«являлись неоднократные и недвусмысленные угрозы органов КГБ отвечать на каждый новый выпуск "Хроники" новыми арестами»*, что редакторам приходилось *«принимать решения не только за себя. Но и дальнейшее молчание означало бы поддержку – пусть косвенную и пассивную – "тактики заложников", несовместимую с правом, моралью и достоинством человека. Поэтому "Хроника" возобновляет публикацию материалов, стремясь сохранить направление и стиль прежних выпусков».*

...1974 годом датированы еще три выпуска бюллетеня. Но теперь (не берусь утверждать с уверенностью) «Хронику» стали меньше перепечатывать внутри страны. Возможно, одной из причин этого было уведомление нью-йоркского издательства о том, что оно, *«имея ясно выраженные полномочия, будет, по мере поступления, переиздавать типографским способом выпускаемый в СССР в самиздате журнал "Хроника текущих событий"».* Перепечатывать на машинке в Советском Союзе «крамольные» выпуски объемом по 40 (а то и по 90) страниц – дело не только трудоемкое, но и очень опасное. Не лучше ли дождаться, когда напечатанный за кордоном бюллетень сам вернется к нам вместе с прочим тамиздатом? Да, так было и легче, и проще. Но пропадала оперативность. Путешествуя в течение многих месяцев за рубеж и обратно, информация – увы! – теряла свою актуальность. Между тем в 1974 г. «Хроника» сообщала:

Илья Габай

– об освобождении из психиатрической больницы после 5 с лишком лет «лечения» разжалованного генерала П. Григоренко;
– о преследованиях Литовской католической церкви;
– о преследованиях крымских татар и о новом аресте М. Джемилева;
– об исключении из Союза писателей Лидии Чуковской и Владимира Войновича;
– о длившемся почти двое суток в Киеве обыске у писателя-фронтовика Виктора Некрасова;
– о положении в тюрьмах и политлагерях;
– о содержании инакомыслящих в психбольницах;
– о суде в Ленинграде над литератором М. Хейфецем (за написанную им статью о И. Бродском и за прочий самиздат его приговорили к 4 годам «строгача» и 2 годам ссылки);

– о суде, приговорившем 56-летнего винницкого врача М. Штерна к 8 годам лагерей: фальсифицированное обвинение во взятках и мошенничестве возвели на него после того, как его младший сын подал заявление на выезд в Израиль;
– и о множестве других (не перечесть!) событий, обойденных вниманием подцензурной советской прессы. И, наконец, о том, что 27 декабря, накануне нового 75-го года, был арестован Сергей Ковалев – один из тех троих, кто принял на себя ответственность за распространение бюллетеня и кто после отъезда в Израиль А. Якобсона был выпускающим редактором семи его выпусков. Арест и осуждение Ковалева стали как бы искупительной жертвой за возобновление «Хроники». Но петля заложнического шантажа была отныне разорвана.

Как это делалось

Что надо было для того, чтобы выпускать «Хронику»?

Разумеется, надо было располагать информацией. Но как ее получить? Ждать корреспонденции от читателей? Увы, ни почтового адреса, ни имен своих редакторов бюллетень объявить не мог. *«Тем не менее, каждый ...легко может передать известную ему информацию в распоряжение "Хроники". Расскажите ее тому, у кого вы взяли "Хронику", а он расскажет тому, у кого он взял "Хронику" и т. д. Только не пытайтесь единолично пройти всю цепочку, чтобы вас не приняли за стукача»,* – написано в редакционном извещении, заключавшем 5-й выпуск бюллетеня. На деле все обстояло не так просто.

Изустно передаваемый рассказ, как «испорченный телефон», порождает и множит ошибки и неточности. Поэтому сообщения надо было записывать. Надо было отсеять и перепроверить все сомнительное. Как? Путем сопоставления с рассказами других людей о тех же событиях. Иногда подобные сообщения показывали «экспертам» (например, бывшим политзаключенным) и спрашивали их, возможно ли такое? Все недостоверное откладывали для перепроверки и не включали в выпуск. Информацию надо было искать. Надо было опросить родственников политзаключенных, присутствовавших на их судах или вернувшихся со свиданий с ними.

Ошибки все равно случались. Например, из-за трудностей расшифровки «мелкописи» – сообщений из лагерей. Т. Великанова рассказывала об «ошибке века»: в списке заключенных пермских лагерей, помещенном в 33-м выпуске, про ингуша Юсупа Тачиева было написано, что он был председателем колхоза. В 35-м выпуске помещена поправка: не «был председателем колхоза», а «убил председателя колхоза». В постоянном разделе «Поправки и дополнения» «Хроника» всегда аккуратно исправляла все обнаруженные ошибки.

И надо было «не засветить», уберечь от КГБ собирателей информации, выпускающих редакторов, перепечатчиков. Именно поэтому эти группы делателей «Хроники» были отделены друг от друга. И отсюда же наше всегда подразумеваемое правило: не спрашивать: кто? как? откуда? (и не рассказывать даже самым близким и доверенным людям) ничего лишнего, если этого не требуют интересы дела. Например, от кого получил «Хронику» или кто причастен к ней.

Но вот информация собрана. Наступал самый ответственный этап – составление и редактирование текста. Для этого старались подыскать «чистую», т. е. не находящуюся «под колпаком» КГБ, квартиру. И в этой отгороженной от мира «келье» 3-4 «хроникера» насколько возможно быстро составляли рукопись номера. Затем другие люди в другом месте печатали «нулевую закладку». И уничтожали наконец все черновики, испещренные рукописными пометами.

Все? Нет. Теперь надо было, чтобы «Хроника» разлетелась по стране. И попала бы за границу, в чалидзевское издательство в Нью-Йорке. Только это гарантировало, что весь предыдущий труд не окажется напрасным, что собранная информация не сгниет в архивах КГБ и станет доступной отечественной и мировой общественности. Т. Великанова упоминала, что лично знала о шести каналах, по которым бюллетень расходился по Советскому Союзу, но что на деле их было намного больше. Что же касается попадания за рубеж... Письма, адресованные за границу, не только подвергались негласному просмотру, но попросту задерживались, если власти находили это нужным. Электронной почты в те времена не было. Передавать выпуски западным корреспондентам? Лишь недавно я узнал, что это был не единственный и даже не главный путь. Но, может быть, и сегодня еще рано об этом...

Что нужно было еще? «Какая-то техническая база, – подсказывает мне сегодняшний молодой читатель. – Персональных компьютеров в ваши допотопные времена еще не было, но уже были, кажется, ксероксы. Невозможно же раз за разом перестукивать тексты на машинке. И еще нужны гранты – ну, на те же пишущие машинки, на бумагу, на оплату перепечатки».

Что ответить этому современному молодому человеку? Ксероксы тогда имелись только в «секретных» отделах и под замком; попытка воспользоваться ими была бы верной дорогой к провалу. Никакой помощи из-за границы (ни тем более неслыханных в то время «грантов») никто из правозащитников не получал.

Да мы и сами не хотели этого. Не только потому, что нас немедленно объявили бы «платными агентами империализма». Но мы сами ощущали свою правозащитную деятельность частным и внутренним делом. Так что на машинки, бумагу, перепечатку мы тратили лишь собственные средства и время. Впрочем, «гонорары» мы все равно получали. Только выражались они в щедрых тюремных и лагерных сроках или даже в помещении в психушку.

...Рассказывают, что советологи на Западе считали, что для выпуска такого издания, как «Хроника», необходим целый институт. В действительности у каждого номера бюллетеня было чаще всего лишь 3-4 выпускающих редактора; за все время существования бюллетеня их было, вероятно, чуть больше полутора десятков. И своей «хроникерской» деятельностью они занимались сверхурочно, в свободное от основной работы время. Если же считать всех, так или иначе причастных к «Хронике» людей, то таких оказалось бы, наверное, на целый порядок больше.

И самое главное, самое необходимое, что нужно было для многолетнего существования «Хроники», это чтобы нашлись самоотверженные и мужественные люди, готовые безвозмездно, с риском для себя, сообщать обществу правдивую информацию вопреки всем угрозам выполнять то, что они считали своим гражданским долгом.

«Хроникеры»

Пора рассказать подробнее о тех, кто делал «Хронику». Сколько их было? Сборщиков информации. Выпускающих редакторов. Перепечатчиков. Тех, кто годами составлял или печатал бюллетень. И кто участвовал в этом эпизодически или даже однократно. Тех, кто заплатил за свое участие годами неволи. И тех, кого минула чаша сия.

...30 апреля 1993 года в московском «Мемориале» отмечалось 25-летие рождения «Хроники». На листочках бумаги, розданных участникам встречи, были напечатаны 67 фамилий – тех, кого вспомнили, кто в той или иной степени был причастен к выходу бюллетеня. Из них около двадцати – бывшие узники лагерей или психушек. Далее я попытаюсь коротко, не выстраивая по ранжиру, рассказать о наиболее активных и знакомых мне «хроникерах». И пусть простят меня те, о ком я не напишу, поскольку мне не известна их роль в создании этой беспримерной летописи.

Наталья Горбаневская. Она была не только основательницей, не только редактором первых десяти номеров, но и перепечатчиком бюллетеня, – первые его выпуски она сама отстукала на машинке. Ею заложена традиция безоценочной фактографии и хороший литературный уровень бюллетеня. После ареста Наташи ее сменил на посту редактора **Анатолий Якобсон.** Он выпустил с 11-го по 27-й номер «Хроники» (кроме 15-го). И сумел подобрать энергичную команду, с помощью которой, отгородившись ото всего и всех, быстро составлял текст и печатал бюллетень на чьей-то «чистой» квартире. Эта техника работы была во многом воспринята и последующими редакторами. Уже в первой «Хронике», то есть во времена Горбаневской и Якобсона, участие в ее выпусках (кто от случая к случаю, кто регулярно) принимали: **Илья и Галя Габай, Ира Якир, Юлий Ким, Надежда Емелькина, Вера Лашкова, Ирина Белогородская, Елена Сморгунова, Габриэль Суперфин, Александр Лавут, Сергей Ковалев, Татьяна Великанова, Леонид Седов.** И, вероятно, еще несколько человек.

Сергей Ковалев редактировал 7 выпусков бюллетеня. За четыре дня до ареста у него на обыске изъяли письма политзаключенных, заявления в их защиту, «Архипелаг ГУЛАГ», выпуски «Хроники» и прочие правозащитные бумаги. В ночь на 27 декабря 1974 г. Сергей вместе с академиком А. Сахаровым составил обращение с призывом к всемирной амнистии узников совести. Приглашенный по телефону следователем «для короткого разговора», Сергей пришел на Лубянку утром 27 декабря и был арестован.

В защиту Ковалева тотчас выступил Сахаров. И много других людей, коллективно или индивидуально. Заявление Инициативной группы в защиту Сергея поддержали 52 человека. А вот слова из отдельного, личного заявления К. Бабицкого, мужа Т. Великановой: *«Я имею честь быть другом Сергея Ковалева. Это один из самых благородных людей, которых я знаю, возможно, самый совершенный из них. ...Я разделяю образ мыслей Сергея Ковалева и одобряю его деятельность. ... Если я сам не занимаюсь этим, то это вопрос личных склонностей и способностей. ...Я удивляюсь людям, чьими руками осуществлен арест Сергея Ковалева. Неужели они не понимают, что, принимая личное участие в столь бессовестной несправедливости, они ... навсегда сами лишают себя возможности считаться порядочными людьми?»*

Суд над Сергеем проходил в декабре 1975 года в Вильнюсе (власти предпочли провести процесс подальше от друзей подсудимого и внимания иностранных корреспондентов).

На официально открытом процессе кроме «публики по пропускам» присутствовали только родственники Сергея. Адвокатов С. В. Каллистратову и Д. И. Каминскую, которым он хотел доверить свою защиту, не допустили к участию в процессе, а от «казенного» защитника Сергей отказался сам. Сотрудники КГБ воспрепятствовали поездке в Вильнюс Т. Великановой, Т. Ходорович и М. Ланды, задержав их в милиции до отхода поезда. А. Сахарова, которому совсем недавно была присуждена Нобелевская премия мира, власти удерживать не стали, но в зал, где проходил суд, все равно не пустили. Судили Ковалева «за антисоветскую агитацию и пропаганду» по 70-й статье УК. Сергея обвиняли в составлении и подписании многих правозащитных писем и заявлений, в передаче на пресс-конференции 30 октября 1974 г. «клеветнических» сведений о лагерях, в распространении книги «Архипелаг ГУЛАГ» и в ряде других подобных «прегрешений». Но центральным пунктом обвинения было составление и передача за границу возобновленной «Хроники». И отсюда главный вопрос: содержится ли в этом бюллетене клевета? В 28-34-м номерах, редактировавшихся Сергеем, из содержавшихся в них примерно 2800 «эпизодов» следственной проверке подверглись 685: обвинение ус-

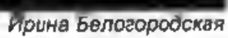

Юлий Ким

Ирина Якир

Ирина Белогородская

Юрий Шиханович

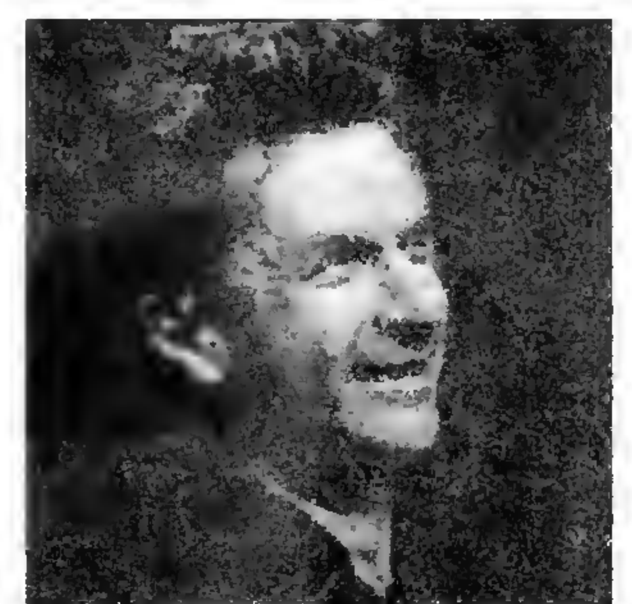

Александр Лавут

Александр Даниэль

Татьяна Осипова

Иван Ковалев

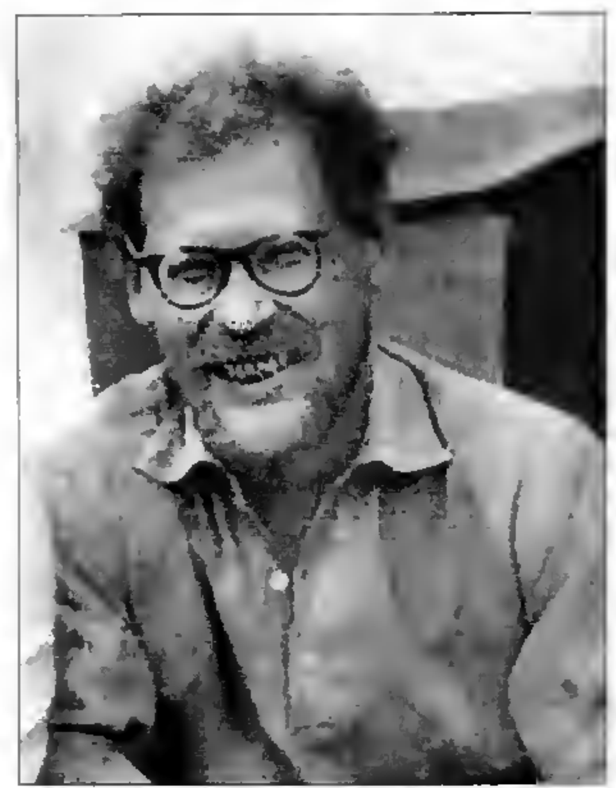

Юрий Гастев

Вера Лашкова

Георгий Ефремов

Мальва Ланда

Татьяна Ходорович

Сергей Ковалев

мотрело «клевету» в 83-х из них; сам же Ковалев только в одиннадцати допускал вероятность непреднамеренной ошибки. И собирался доказывать это в суде. Но ему не дали этого сделать. Допрошенных свидетелей после перерыва (несмотря на возражения Ковалева) фактически изгнали из зала судебного заседания. Возмущенный таким нарушением процессуального кодекса, Сергей отказался от участия в процессе вплоть до их возвращения, потребовал удалить себя из зала суда и объявил голодовку; он отказался даже от последнего слова. Так протекал суд, приговоривший Ковалева к 7 годам строгих лагерей и к 3 годам ссылки. И тем превративший редактора «Хроники» в постоянного персонажа своего издания, действующего лица его раздела «В тюрьмах и лагерях».

Возобновленную, «вторую "Хронику"» (наряду с некоторыми из ранее упомянутых мной ее составителей) делают теперь и новые люди: **Юрий Шиханович, Юрий Гастев** (политзэк сталинских времен), **Александр Даниэль, Марк Гельштейн, Наталья Кравченко, Борис Смушкевич, Александр Грибанов, Иван Ковалев** (сын Сергея), **Татьяна Осипова, Георгий Ефремов, Ефим Эпштейн** и другие.

Среди «хроникеров» появляется некоторая специализация. Так, А. Лавут, подготовивший (совместно с Ю. Гастевым) 31-й выпуск «Хроники» (посвященный крымско-татарскому движению за возвращение в Крым), и в дальнейшем регулярно вел в бюллетене эту рубрику. Раздел о преследованиях «За религию» обычно вела Н. Кравченко, вести из Прибалтики – Г. Ефремов.

Расскажу вкратце о тех «хроникерах», которых я знал. О Н. Горбаневской и А. Якобсоне, первых редакторах «Хроники», я уже написал раньше.

Илья и Галя Габай – педагоги. Оба они были причастны к «Хронике» в период ее становления. За протестные выступления и поддержку крымско-татарских «активистов» Илья в мае 1969 г. был арестован и осужден к 3 годам лагерей. О трагической судьбе Ильи после освобождения я уже писал выше.

Ира Якир и **Юлий Ким** помогали в выходе «первой "Хроники"» и редактировали некоторые ее номера. Оба они – мои давнишние друзья. Ю. Ким, отлученный за «подписантство» от преподавания в школе, со временем нашел себя как поэт, бард и драматург. Ира за участие в правозащитном движении была исключена из Историко-архивного института. Обоих многократно допрашивали по «делу № 24». Ира помогала собирать материалы и для «второй», возобновленной «Хроники». В мае 1999 г. Ира Якир умерла от рака в Израиле.

Надя Емелькина помогала в выпуске бюллетеня А. Якобсону. В 1975 г. вместе со своим мужем В. Красиным эмигрировала в США.

Вера Лашкова в 1968 г. была подельницей А. Гинзбурга и Ю. Галанскова. После освобождения не раз помогала в выходе «Хроники».

Габриэль (Гарик) Суперфин – молодой историк. Участвовал в подготовке материалов и в редактировании некоторых номеров «Хроники», что нашло отражение и в предъявленном ему на суде обвинении. Был приговорен к 5 годам строгого лагеря и 2 – ссылки.

Елена Сморгунова, филолог, работала многие годы в Институте русского языка. Была выпускающим редактором ряда номеров бюллетеня.

Александр Лавут, математик. Эпизодически принимал участие в выпусках «Хроники» еще в 1972-73 годах. С весны 1974 г. и вплоть до своего ареста делал это постоянно. По 190-1 ст. УК был осужден к 3 годам лагеря.

Татьяна Ходорович, филолог, член ИГ, одна из трех человек, заявивших в мае 1974 г., что они будут способствовать распространению возобновленной «Хроники». Несколько раз у нее проводили обыски, вызывали на допросы. В ноябре 1977 г. эмигрировала во Францию.

Юрий Шиханович, математик. Был арестован в сентябре 1972 г. Обвиненный, в частности, в размножении и распространении «Хроники», Шиханович был признан невменяемым и находился на «лечении» в психиатрической больнице (общего типа) по июль 1974 г. Вновь арестованный в 1983 г. (за участие в редактировании все того же бюллетеня), он на этот раз был признан вменяемым и осужден к лишению свободы. Был освобожден из лагеря в 1987 г.

Юрий Гастев, математик, литератор. Узник сталинских лагерей. Принимал участие в редактировании некоторых номеров «Хроники». Подвергался обыскам и допросам. Вынужденно эмигрировал в 1981 г. Умер в США в 1993 г.

Мальва Ланда, геолог, правозащитница, одна из распорядителей Фонда помощи политзаключенным. Активно помогала «Хронике». Ее дважды приговаривали к ссылке.

Александр Даниэль, сын писателя Юлия Даниэля и Ларисы Богораз. Активный правозащитник, один из редакторов «Хроники». Подвергался обыскам и допросам. В настоящее время – историк правозащитного движения.

Наталья Кравченко, физик.

Леонид Вуль, филолог, и **Борис Смушкевич,** программист. Оба они были выпускающими редакторами многих номеров возобновленной «Хроники».

Марк Гельштейн, математик, редактировал некоторые выпуски бюллетеня.

Леонид Блехер, программист, помогал печатать «нулевую» закладку бюллетеня.

Ефим Энштейн, инженер. Умер в Москве в 1993 году.

Быть может, «хроникеры» найдут этот список недостаточным. Что ж, я буду рад дополнить его.

«Директор»

Но душой «второй "Хроники"» (особенно после ареста С. Ковалева) стала **Татьяна Великанова.** Математик, окончила МГУ. В команде бюллетеня она занималась, прежде всего, организацией работы, и «хроникеры» шутя называли Таню «директором». *«Редактированием мне приходилось заниматься только изредка, при тяжелой необходимости,* – вспоминала сама Татьяна. – *Все делалось в большой конспирации. О тех, кто занимался редактированием, другие ничего не знали. Те, кто собирал материалы, были отделены от тех, кто составлял номер».* Могу засвидетельствовать: многолетний читатель «Хроники», я догадывался, конечно, о причастности к ее составлению ряда моих товарищей-диссидентов, но достоверно знал это лишь о немногих. Ира Якир и Анатолий Якобсон сами как-то признались мне в этом. Т. Великанова, С. Ковалев и Т. Ходорович раскрыли свое участие в бюллетене в заявлении, сделанном ими в мае 1974 г. ; и только из 38-го выпуска бюллетеня, вышедшего после эмиграции Н. Горбаневской, я, давно знакомый с нею, узнал, что именно она была основателем «Хроники»...

Людмила Алексеева (она была перепечатчиком многих номеров бюллетеня) вспоминала: «*Наш домашний телефон, конечно, прослушивался. Поэтому с материалами "Хроники" Таня приезжала ко мне без звонка и – чтобы наверняка застать – после 12 ночи. Молча отдавала бумаги. Сверху лежала записочка: "Заеду забрать через 2 дня". Если я видела, что не смогу справиться с работой за 2 дня, я зачеркивала эту цифру, писала вместо нее – 3 или 4. И Таня уезжала. Что могла записать установленная "подслушка"? Только звонок в дверь».*

Да, Таня берегла своих сотрудников и помощников. И никогда – без необходимости – не называла их имена даже тем, кому полностью доверяла. Так, только во время последней беседы с Таней в больнице,

незадолго до ее смерти, такие завзятые «хроникеры», как С. Ковалев и А. Даниэль, с удивлением узнали, что Н. Горбаневская, оказывается, участвовала и в возобновленной, «второй "Хронике"». Т. Великанова привозила ей «сырые» материалы, которые Наташа редактировала. Но об этом Таня не говорила тогда даже близким друзьям.

Случались разные казусы. Помню, Таня рассказывала мне: однажды вечером, поджидая трамвай, она звонила кому-то из автомата. Поговорила, и тут как раз подошел ее номер. Таня вскочила в вагон. И только когда двери закрылись и трамвай тронулся, ее как обожгло: сумку-то, сумку, в которой полно всяких опасных бумаг, она забыла в кабине автомата! Как она бежала назад со следующей остановки! Добежала и – слава Богу! – сумка на месте. В этот раз обошлось.

...Где-то с середины семидесятых мне все чаще случалось бывать в Таниной квартире на улице Красикова – то на каких-то домашних праздниках, то по деловым, правозащитным поводам. Бывала она и у меня, нередко мы виделись и у кого-то из общих знакомых. И чем ближе я узнавал Таню, тем явственней ощущал ее редкое душевное обаяние, ее нравственную высоту и чистоту. В ней естественно сочетались: самоотверженность – и полное отсутствие рисовки; внешняя хрупкость – и сила духа; отзывчивая готовность помочь – и полнейшее бескорыстие; щедрость самоотдачи – и житейская непритязательность; отважная правдивость – и благородная сдержанность. Не я один – едва ли не весь наш круг – в душе признавал Таню лучшей среди нас. Пожалуй, еще лишь два человека обладали для нас столь же высоким нравственным авторитетом – С. В. Каллистратова и А. Д. Сахаров.

Однажды за разговором и совместным разбором документов, поступивших из лагерей, я допоздна засиделся «на Красикова». Таня дала мне с собой целый ворох «мелкописи» – длинных узеньких листочков, на одной стороне которых политзаключенные писали свои сообщения, заявления, протесты. Потом такие записочки скатывались в трубочки, запаивались в полиэтилен и проглатывались родственниками заключенных на личных свиданиях или освобождающимися. Таков был один из способов передачи информации на волю. Мне надо было дома разобрать и сжато изложить содержание этих листочков. Я понимал – это для «Хроники». И Таня понимала, что я понимаю это. Но прямо об этом не сказала. А сказала уже в дверях: «А вообще, нам давно пора перейти на "ты"». Мы не пили с ней «на брудершафт», только обменялись поцелуями, и я выскочил на ночную улицу.

Время было заполночь. Успею ли на последний троллейбус? Доехать хотя бы до Варшавского шоссе, а там мне до дома и пешком каких-нибудь минут 15. Стоящий на той стороне площади троллейбус выезжает на круг, освещает салон и подходит к остановке. Я оказываюсь чуть ли не единственным пассажиром. Сажусь на сиденье лицом к заднему стеклу. Все-таки успел. Повезло. Не сразу я обратил внимание, что какая-то «Волга» тронулась вслед за троллейбусом. Но не стала его обгонять. Троллейбус останавливается на остановке – и она сразу следом за ним. И на следующей остановке. И на следующей... Понятное дело – «хвост». Как быть, если меня задержат? Разумеется, я не признаюсь (хоть это и ясно), от кого я еду и откуда в моем портфеле «крамольные» бумаги, но ведь они попадут в лапы КГБ и пропадут... «Волга» не отставала. И все так же утыкалась на остановках в хвост троллейбуса. И вот уже моя остановка – «Фруктовая улица». Так ничего и не придумав, с портфелем в руке я сошел на тротуар. «Волга» на этот раз обогнала троллейбус и остановилась сразу перед ним. Сейчас из нее вылезут молодчики «в штатском» и подойдут ко мне... Я отвернулся. Ну, где же вы, филеры-провожатые? Почему медлите, не подходите? Когда я снова оглянулся, «Волга» уезжала вдоль улицы, и на остановке было пусто...

Что ж, значит, в этот раз команды задерживать меня не было, только проследить – куда я еду. Но ведь и домой в любой момент могут прийти с обыском. В ближайшие дни вместе с женой мы через лупу прочли всю «мелкопись» и составили извлечение, стараясь при этом не упустить ничего существенного. Свой конспект и листочки я снова отвез к Тане. Упомянул вскользь о сопровождавшем меня на обратном пути «почетном эскорте». Меня порадовало, что потом я увидел эти материалы в вышедшем номере бюллетеня, в его рубрике «В тюрьмах и лагерях».

...Увы, этим крохотным эпизодом и ограничилось мое участие в «Хронике». Хотя я был готов и дальше в меру сил помогать ее составителям.

Новая волна

А время шло и шло все той же привычной чередой.

1975 год. Продолжается следствие по делу С. Ковалева. Л. Плюща все так же упорно «лечат» в Днепропетровской СПБ. Арестован А. Твердохлебов, член Комитета прав человека. В мае вернулся в Москву после лагеря и ссылки А. Амальрик, молодой историк и диссидент (через год ему придется эмигрировать). В августе подписан Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе («Хельсинкское соглашение»); в нем есть и гуманитарная «третья корзина» – положения, касающиеся прав человека, но почти все правозащитники убеждены, что наши власти и не подумают соблюдать записанные в ней обязательства... И верно, все остается как прежде: в сентябре на 8 лет «строгача» осужден «почвенник» В. Осипов, издатель самиздатского журнала «Вече». В октябре академику А. Сахарову присуждена Нобелевская премия мира – и вся советская пресса клеймит ученого как отщепенца и предателя. Суд в Вильнюсе в декабре приговаривает С. Ковалева к 7 годам «строгача» и 3 годам ссылки. Эмигрирует во Францию Н. Горбаневская.

Наталья Горбаневская, Краков, октябрь 1999 г.

1976 год. 9 марта от инсульта умирает Г. Подъяпольский, ученый-геофизик, правозащитник, член ИГ. Одесский суд признает невменяемым и направляет в психиатрическую больницу (общего типа) Вячеслава Игрунова, в будущем – депутата Государственной Думы. В апреле суд в Омске в очередной раз приговаривает к 2 с половиной годам лагеря М. Джемилева; до самого суда, в течение почти 10 месяцев, Мустафа держал голодовку, и все это время его пытали «искусственным кормлением». 24 апреля умирает от инфаркта Е. Давидович, полковник в отставке, награждавшийся боевыми орденами и медалями. В 18 лет он добровольно ушел на фронт и пять раз был ранен. За намерение эмигрировать и за поддержку советских евреев, стремящихся уехать в Израиль, а также за выступление на антифашистском митинге в Минске он был лишен звания полковника и всех наград, соответствующей пенсии и медицинского обслуживания. А в Израиль его так и не отпустили… Словом, все идет заезженной до тошноты советской колеей.

Но вот сообщение из 40-го выпуска «Хроники»: 12 мая 1976 г. в Москве образована «Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР». Руководителем **Московской группы «Хельсинки» (МГХ)** стал профессор Юрий Орлов, ее членами – еще 10 известных правозащитников. Группа заявила о намерении доводить до сведения общественности и правительств, подписавших хельсинкский Заключительный акт от 1 августа 1975 г., информацию обо всех случаях нарушения положений этого соглашения. Всего 3 дня спустя, 15 мая, КГБ объявило Ю. Орлову «предостережение», а ТАСС в тот же день в заявлении на «заграницу» назвало его «провокатором».

Группа сразу же начала энергично действовать. Первый документ, выпущенный МГХ 18 мая, был посвящен суду над М. Джемилевым. Мустафа был осужден за устные высказывания в лагере (квалифицированные судом как «клеветнические и антисоветские»), т. е. за выражение собственных взглядов и убеждений. Причем и это обвинение не было доказано, т. к. единственный непосредственный свидетель, солагерник Джемилева В. Дворянский, на суде отказался от данных на следствии показаний, заявив, что они были получены путем шантажа и угроз. Группа заявила, что беззаконное осуждение М. Джемилева грубо нарушает положения подписанных СССР хельсинкских соглашений.

До конца 1976 года МГХ составила 15 документов (не считая дополнительных заявлений и обращений). В их числе документы: об условиях содержания узников совести; о репрессиях против религиозных семей; о положении бывших политзаключенных; о злоупотреблениях психиатрией; об образовании **Украинской группы «Хельсинки»** и другие.

Власти явно стремились поскорей покончить с подобной общественной «самодеятельностью». Уже в конце декабря прошли «рождественские» обыски у членов Украинской ХГ, сопровождавшиеся подбрасыванием компромата – запрещенной в советские времена у частных лиц валюты (40 долларов), порнографических открыток и даже старой немецкой винтовки…

В 1977 году власти приступают к ликвидации неприятных для них организаций. Сначала, в январе, – серия обысков и допросов членов МГХ. 3 февраля был арестован член группы А. Гинзбург, 10 февраля – руководитель МГХ Ю. Орлов, 15 марта – член группы А. Щаранский. Но еще до этих арестов состав группы пополнился: в январе в нее вступили Ю. Мнюх и Н. Мейман, а адвокат С. Каллистратова стала ее консультантом по правовым вопросам; вскоре она уже полноправный член МГХ. 22 февраля вынужденно уезжает в США член группы Л. Алексеева; в дальнейшем в течение многих лет она была представителем МГХ за рубежом. 5 февраля арестованы члены Украинской ХГ: поэт, инвалид Отечественной войны М. Руденко и учитель А. Тихий. Но состав Украинской ХГ также пополнился.

Возникают новые Хельсинкские группы: в ноябре 1976 года – в Литве, в январе 1977-го – в Грузии, в апреле – в Армении. С появлением подобных групп также и в странах Запада возникло международное Хельсинкское движение.

«Хроника» постоянно рассказывает о документах этих групп и, разумеется, об обрушившихся на них репрессиях. В дальнейшем не было ни одного выпуска бюллетеня, где не было бы сообщений о деятельности МГХ или других хельсинкских групп. Летом 1978 г. состоялись процессы над рядом их членов. Но об этих судах я расскажу в одной из следующих глав. А пока мне пора опять вернуться к нашей «Хронике».

Интермедия. Юбилей под обстрелом

Вторая половина 70-х. Глухая пора беспросветного «застоя». Похоже, он продержится и тысячу лет. Что ему какие-то оппозиционеры? Кого не додавят здесь – выдавят за границу. В январе 1977 г., отбыв срок «от звонка до звонка», освободился из Владимирской тюрьмы К. Любарский. Заключение не смирило его: вскоре он выступил на пресс-конференции перед иностранными журналистами, стал одним из распорядителей Фонда помощи политзаключенным. Но уже в октябре под угрозой нового срока ему пришлось покинуть СССР. В марте того же года был освобожден львовский врач М. Штерн, вскоре он эмигрировал в Израиль. На Украине новые аресты членов ХГ – М. Мариновича и Н. Матусевича, в Грузии – членов ХГ З. Гамсахурдиа и М. Коставы. Изгнаны из Союза писателей В. Корнилов и Л. Копелев.

В 1977 г. власти решили «осчастливить» советских людей новой Конституцией. В июне был опубликован – «для всенародного обсуждения» – подготовленный Конституционной комиссией проект. На протяжении трех месяцев вся советская пресса была заполнена «откликами трудящихся», – или полностью одобрявшими его, или предлагавшими косметические поправки. Зато письма, посылавшиеся в те же самые газеты, но содержащие серьезную критику, не только ни разу не были опубликованы, но даже не упоминались. И только «Хроника» в 46-м и 47-м выпусках рассказала про голоса тех, «кто не согласен, критикует, спорит». В этих – индивидуальных и коллективных – письмах отмечалась декларативность положений проекта, ущемлявшего еще больше (даже в сравнении с действовавшей Конституцией) права человека. Многие авторы категорически возражали против ст. 6 проекта, конституционно закреплявшей руководящую и главенствующую роль КПСС. В ряде писем критиковалась абсурдная система «выборов без выбора» (боюсь, что не все сегодняшние молодые знают: в советское время в избирательном бюллетене всегда стояло имя только одного кандидата, из которого нам и предлагалось сделать свой «выбор»). Критике подверглись и статьи, ставившие в неравноправное положение и ущемляющие права верующих. Предлагалось конституционно признать право на забастовку, на свободу выбора места жительства, на эмиграцию, отменить предварительную цензуру, реорганизовать судебную систему по типу суда присяжных, создать в нашей стране Конституционный суд. Предложения диссидентских критиков тогда пропали втуне; внеочередная сессия Верховного Совета все равно утвердила Конституцию именно в той редакции, которая устраивала тоталитарный коммунистический режим. Но остановить ход истории не под силу даже большевикам. Загнанные в подполье мысли оказались востребованными какое-нибудь десятилетие спустя. И реформы конца 80-х – начала 90-х годов во многом шли в русле идей, когда-то высказывавшихся правозащитниками.

Закончилось конституционное шоу, и все опять вернулось на круги своя. Впрочем, почему – вернулось? И во время обсуждения проекта, и после принятия «брежневской» Конституции репрессии против инакомыслящих не прекращались ни на день. Так, 1 июля 1977 г. закончился суд над членами Украинской ХГ писателем М. Руденко и учителем А. Тихим. Родственники смогли узнать о дате «открытого» суда лишь на третий день после его начала. Суд расценил как «антисоветскую пропаганду» собственные статьи, роман и поэмы Руденко, статьи Тихого (например, «Мысли о родном языке») и прочий найденный у них самиздат. За эти «преступления» Руденко был приговорен к 7 годам «строгача» и 5 – ссылки, Тихий – к 10 годам особого режима и 5 – ссылки.

Да не сочтет кто-нибудь из моих читателей, что арестованных и осужденных в 1977-78 годах диссидентов было всего несколько человек. Просто я упомянул лишь малую часть из тех, кого брежневская «застойная» власть мстительно преследовала и сажала по мотивам идеологической несовместимости. Их было гораздо больше – правозащитников, крымских татар, «националов», «религиозников», отказников. Причем проблема эмиграции касалась не только евреев. Выселенным в Казахстан этническим немцам годами отказывали в праве на эмиграцию в ФРГ, даже когда у них имелись там родственники. Когда же в знак протеста они отсылали в милицию свои паспорта, их судили «за нарушение паспортных правил» (так, названным в 46-м выпуске Я. Петерсу и И. Тейреру дали по году лагерей). Можно множить и множить подобные примеры.

Назову хотя бы Ф. Сереброва (члена «Рабочей комиссии» при МГХ, расследовавшей злоупотребления психиатрией), осужденного по вздорному поводу к году лишения свободы; В. Рождестаова, которого Калужский областной суд направил в ноябре 1977 г. в спецпсихбольницу, поскольку он «высказывал бредовые идеи реформаторства и борьбы с существующим общественно-политическим строем», а также слушал антисоветские передачи западных радиостанций; писателя Г. Снегирева, арестованного в Киеве; члена Литовской ХГ В. Пяткуса, арестованного в августе 1977 г.; члена МГХ П. Григоренко, выехавшего по гостевой визе в США и лишенного советского гражданства; виолончелиста М. Ростроповича и певицу Г. Вишневскую, перед которыми также была захлопнута дверь для их возвращения на родину; члена Грузинской ХГ Г. Гольдштейна, осужденного в Тбилиси за

«тунеядство» к 1 году лагерей; М. Мариновича и Н. Матусевича, членов Украинской ХГ, – каждому из них суд назначил по 7 лет строгого лагеря и 5 лет ссылки; П. Винса, члена Украинской ХГ, осужденного на год лишения свободы за «тунеядство»; бывшего политзаключенного Б. Гаяускуса, вновь осужденного к 10 годам особого режима и 5 годам ссылки...

В каждом номере «Хроники» – информация об обысках, допросах, арестах, судах... Но изредка попадаются и хорошие сообщения: так, 22 декабря 1977 г. по окончании очередного срока освобожден М. Джемилев. В Крым, правда, его все равно не пускают, а в Ташкенте поставили под административный надзор, и за ним вплотную ходят агенты милиции.

...Мое повествование между тем приблизилось к знаменательному рубежу: ***30 апреля 1978 г. исполнилось 10 лет «Хронике»***. Где были той весной те, кто стояли когда-то у ее колыбели? «Иных уж нет, а те – далече...» Н. Горбаневская – во Франции. Давно погиб И. Габай. Еще жив – в Израиле – А. Якобсон. В заключении – С. Ковалев, Г. Суперфин, А. Гинзбург, но сидят в лагерях и другие «хроникеры», не столь известные. А скольким лагерные испытания еще предстоят? Уехали Л. Алексеева, И. Белогородская, Т. Ходорович. П. Литвинов и В. Чалидзе с 1974 г. печатают и переиздают в Нью-Йорке составляемые в Москве выпуски бюллетеня. В 49-м выпуске «Хроника» сообщила о нескольких приветствиях, полученных ею в связи со своим юбилеем. От Московской группы «Хельсинки». От редакции самиздатского альманаха «Память». От бюллетеня «Хроника Литовской католической церкви». И просто – от некоторых правозащитников.

25-летие «Хроники» пришлось уже на постсоветские времена. Этот юбилей можно было отмечать и праздновать открыто. На него приехала в Москву Наталья Горбаневская. Но сама «Хроника» уже принадлежит истории.

Судебные расправы

Весна 1978 года. 15 мая, спустя год и 3 месяца после ареста, в Москве начался суд над основателем Московской группы «Хельсинки» профессором Ю.Ф. Орловым. Я был знаком с Юрием Федоровичем. 29 августа 1977 года по его делу меня допросил следователь КГБ В. Капаев. В начале допроса, когда Капаев сообщил мне статью УК, по которой обвинялся Ю. Орлов (на тот момент – 190-1, позднее она была переквалифицирована на 70-ю), я заявил, что все известные мне дела по этой статье оборачивались антиконституционными преследованиями людей за их убеждения. Что поэтому я считаю своим долгом ничем не помогать противоправному следствию. Капаев посетовал, что напрасно «мы» не доверяем работникам госбезопасности. Впрочем, свои взгляды и мнения я ничуть не скрывал и сознательно высказывал их в беседе вне протокола. Разговор не обошел «Хронику». Капаев заметил, что многие диссидентские доку-

Юрий Орлов

менты часто публикуются в этом бюллетене. И спросил, как я отношусь к этому? «Был бы рад, если бы наши письма печатались в советских газетах. Их публикует "Хроника"? Что ж, спасибо "Хронике"», – ответил я. Протокол трехчасового допроса был невелик. Как обычно, я подтвердил знакомство с Орловым и свою подпись под рядом правозащитных документов. Но отказался отвечать на все вопросы, касающиеся других. Ни к чему все это. «Ваше дело безнадежно», – на прощанье сказал мне Капаев.

...Никого из пришедших друзей и знакомых Ю. Орлова (в том числе и меня) не только не допустили в зал судебного заседания, но и не пропустили внутрь здания. Милицейский кордон останавливал пришедших у палисадника перед фасадом суда. Почему-то не приехала Т. Великанова; вскоре стало известно, что у нее идет обыск. В диссидентской среде существовало обыкновение приезжать «на обыск» – для, так сказать, моральной поддержки. И я решил поехать к Тане. Но предварительно (время ведь тревожное!) я позвонил из автомата домой. Меня успокоило, что трубку сняла Оля, моя дочь. Спрашивает, – когда я приеду? Отвечаю: «Еду к Тане, у нее обыск». Оля, невозмутимым тоном: «У нас тоже».

Приходится возвращаться домой. Моей Оле ведь еще не исполнилось восемнадцати, она как раз готовилась к экзаменам в своем медучилище. Карманную книжку с телефонами и адресами я отдал одному из знакомых и помчался к себе. Дома я попросил производившего обыск юриста Образа отпустить дочь на экзамен, тем более, что об обыске у меня все равно

все знают. «А Вы что же, ожидали обыска?», – спросил меня Образ. «Конечно. Уже лет десять», – сразу ответил я.

…Об обстоятельствах «открытого» суда над Ю. Орловым стало известно от его сыновей и жены, хотя им запрещали вести записи и обыскивали до и после судебного заседания. И от его адвоката Е. Шальмана. Вменялись Орлову, наряду с документами группы «Хельсинки» (об условиях содержания узников совести, о репрессиях по религиозным мотивам, о злоупотреблениях психиатрией, о праве на эмиграцию и др.), его собственные статьи и заявления, а также хранение книги «Архипелаг ГУЛАГ». Суд отклонил все ходатайства подсудимого и его защитника (о вызове дополнительных свидетелей, о приобщении к делу ряда документов и научных статей Орлова). Судья В. Лубенцова неоднократно прерывала выступление подсудимого. Приговор – максимум по ст. 70 – 7 лет строгих лагерей и 5 лет ссылки.

Не сломив Орлова на следствии и суде, КГБ постарался создать ему невыносимые условия в лагере. Непрерывные взыскания, ШИЗО, ПКТ, натравливание уголовников. И даже в ссылке на севере Якутии, куда Юрий Федорович был отправлен по отбытии срока заключения, КГБ не оставлял его своим зловещим вниманием. Чекисты разъяснили населению поселка, что Орлов – американский шпион, потом избили его, натравив своих подручных.

В конце сентября 1986 г. Орлова без объяснений привезли на самолете в Москву и поместили в Лефортовскую тюрьму. Снова пытались допрашивать. И вдруг объявили, что он лишен советского гражданства и высылается в США…

Спустя каких-нибудь три года поразительные перемены на родине позволили Юрию Федоровичу снова посетить Россию; его приезды и встречи с сотоварищами-правозащитниками с тех пор стали регулярными. А в 1989 г. при его участии была восстановлена МГХ, задавленная КГБ семь лет тому назад.

Суд над членом МГХ Александром Гинзбургом (Аликом, как звали его друзья) проходил в Калуге 10-13 июля 1978 г., одновременно со слушавшимся в Москве делом А. Щаранского. Скорей всего совпадение не было случайным: власти таким образом не дали возможности тем, кто сочувствовал подсудимым, стоять поочередно под окнами сначала одного, а потом другого суда. Как всегда, в зал «открытого» судебного заседания допустили только мать и жену Алика. А все специально приехавшие в Калугу его друзья (в их числе и я) толпились вокруг здания суда. С Аликом я познакомился в Тарусе, где он жил, освободившись после второй «отсидки», и в дальнейшем не раз общался с ним. Знал я и его жену Арину, помню Саню и Алешу, его сыновей-дошколят. Алик находился в следственной тюрьме уже год и 5 месяцев. Его обвиняли в хранении и распространении «антисоветской» литературы (книг Солженицына, Сахарова, выпусков «Хроники» и др.); в составлении (наряду с другими членами МГХ) документов группы; в «антисоветской деятельности» в качестве распорядителя Фонда помощи политзаключенным. Алик заявил, что инкриминируемая ему литература антисоветской не является; что документы МГХ носят правдивый, а не клеветнический характер; что в своей деятельности в качестве распорядителя Фонда он подотчетен только его учредителям, но не суду или КГБ. Отклоняя ходатайства подсудимого и снимая его вопросы к свидетелям, судья всячески препятствовал Гинзбургу и его адвокату Е. Резниковой доказывать несостоятельность обвинения. В последнем слове, выразив свою солидарность с А. Щаранским, Алик заявил, что все 17 месяцев следствия ему угрожали предъявлением 64-й статьи УК («измена родине») и высшей мерой наказания. Суд признал Гинзбурга «особо опасным рецидивистом» и приговорил его к 8 годам лагерей особого режима. После кассации, подтвердившей суровый приговор, Алик был отправлен в лагерь в Мордовию.

…В конце апреля 1979 г. А. Гинзбург и еще четверо советских политзаключенных были обменены на осужденных в США советских шпионов. Арина с детьми и мать Алика выехали вслед за ним. Началась новая жизнь – сначала в США, затем во Франции. Потом была тяжелая операция на легком.

Мне было суждено снова увидеться с Аликом лет, наверное, через 15. После 1991 г. он не раз приезжал в Москву обозревателем парижской «Русской мысли». Когда-то он запомнился мне озорным, легким на общение и острым на язык собеседником, небольшого роста, с вьющейся рыжей шевелюрой. Теперь я обнял легонького старичка (а было ему тогда лишь немного за 50) с белым пушком на голове, с реденькой белой бородкой. И когда я потянулся наполнить наши рюмки, он попросил, чтобы я налил ему просто воды. И курить он тоже бросил. Но как только мы заговорили, я узнал прежнего Алика – он живо интересовался российскими новостями, иронизировал над собой и над своей парижской жизнью.

…На анкетный вопрос калужского судьи о своей национальности Алик ответил: зэк. Но это неверно. И даже совсем наоборот. Ибо и в Советском Союзе, и в США, и во Франции, на воле, в лагере и в тюрьме – он всегда и везде оставался свободным человеком.

Александр Гинзбург умер и похоронен во Франции в 2002 году.

Суд над Анатолием Щаранским – советский вариант дела Дрейфуса. Стремясь опорочить еврейских борцов за эмиграцию, КГБ в дополнение к традиционному по отношению к правозащитникам обвинению в «антисоветской агитации» состряпал Щаранскому нелепое обвинение в «шпионаже».

Какую же страшную «государственную тайну», кому и как выдал Щаранский? Такой «тайной» был объявлен *список еврейских отказников*, ибо там были указаны места их «секретной» работы. В его составлении принимали участие активисты движения за ре-

патриацию в Израиль. Этот список передавался еврейским общинам на Западе, поддерживавшим еврейскую эмиграцию. Его открыто диктовали во время международных разговоров по телефону. Участие Щаранского в пресловутом *списке* состояло в том, что в числе других и он прочитывал список во время телефонных разговоров с Англией. Кроме того, «шпион» Щаранский участвовал в открыто проходивших встречах отказников с приезжавшими в Москву американскими сенаторами и конгрессменами и, прекрасно владея английским, был на этих встречах переводчиком.

Разумеется, Щаранскому вменили в вину и документы МГХ, расцененные судом как «клеветнические и антисоветские». Его открытые встречи с американскими корреспондентами были объявлены «конспиративными». «Антисоветскими» были признаны обращения к сенаторам и конгрессу США (подписанные наряду с ним многими еврейскими активистами) – по поводу поправки Джексона-Вэника, связавшей торговые льготы со свободой эмиграции; коллективные письма отказников; обзоры положения с еврейской эмиграцией. «Клеветническими» следствие расценило даже ...поздравительные телеграммы в связи с 200-летием США и Дж. Картеру – в связи с избранием на пост президента.

Квалификация обвинения по статье 64 УК давала возможность следствию шантажировать Щаранского угрозой смертной казни. А ведь в Лефортовской следственной тюрьме его продержали до суда почти 16 месяцев. Но сломить его КГБ так и не удалось. На суде он не признал себя виновным и назвал обвинение абсурдным.

Суд приговорил Щаранского к 13 годам лишения свободы: к 3 годам тюрьмы и 10 годам лагерей строгого режима.

...Лично со Щаранским я знаком не был, лишь однажды видел его у кого-то из общих друзей. Но много слышал о нем. Участник движения за репатриацию евреев, отказник с 1973 г., член МГХ с момента ее основания. Несмотря на широкую международную кампанию в его защиту, Анатолию пришлось пробыть в тюрьмах и лагерях долгих 9 лет. И только в феврале 1986 г. он был лишен советского гражданства и выслан из СССР. В Израиле Щаранский избирался депутатом кнессета, позднее вошел в кабинет министров. В 1991 г. в Москве вышла книга его воспоминаний «Не убоюсь зла». Щаранский неоднократно приезжал в СССР, в мае 2001 г. я встречал его на юбилейной конференции Московской группы «Хельсинки».

Но я рассказал еще не обо всех громких политических процессах 1978 года. В мае в Тбилиси судили грузинских правозащитников Звиада Гамсахурдиа и Мераба Костава. Об этом суде я расскажу позднее, в главе о национальных движениях.

В июле в Вильнюсе судили члена Литовской группы «Хельсинки» Виктораса Пяткуса. Дважды он уже отбывал наказание за «антисоветскую агитацию и пропаганду». На этот раз чекисты решили в качестве «десерта» добавить к этой уже привычной статье обвинение в мужеложестве и спаивании несовершеннолетних. Суд, разумеется, признал Пяткуса виновным по всем этим статьям. Приговор – 10 лет особого режима (первые 3 года – в тюрьме) и 5 лет ссылки.

Члена Украинской группы «Хельсинки» Левко Лукьяненко судил в июле в городе Городня Черниговский областной суд. Украинские чекисты не только не пустили друзей подсудимого в помещение суда; они даже не пропускали подобных «нежелательных» лиц в саму Городню, а тех, которые все-таки сумели туда прорваться, задерживали и отвозили в Чернигов и в Киев. Лукьяненко, юрист по образованию, уже отбыл прежде 15 лет заключения по политическому обвинению. В этот раз ему были инкриминированы документы Украинской ХГ и его собственные заявления и статьи (в частности «Остановить кривосудие!» – в защиту художника П. Рубана и звучавшая по зарубежным радиоголосам статья «Год свободы»). Лукьяненко был признан судом особо опасным рецидивистом и приговорен к 10 годам особого режима и к 5 годам ссылки.

Александра Подрабинека, арестованного 14 мая, судили в подмосковном г. Электросталь 15 августа. Фельдшер по образованию, он в январе 1977 г. стал одним из учредителей Рабочей Комиссии (РК), созданной при Московской группе «Хельсинки», занимавшейся расследованием злоупотреблений психиатрией. По статье 190-1 УК ему вменялась как «клеветническая и порочащая советскую власть» книга «Карательная медицина», написанная им и изданная за границей. Суд вначале шел привычным для политических процессов порядком. То есть на «открытый» суд допустили только отца подсудимого, а приехавшие в Электросталь его друзья стояли снаружи под дождем. Подрабинек заявил несколько ходатайств: о приобщении к делу актов экспертиз бывших политзаключенных психиатрических больниц; о вызове дополнительных свидетелей; об обеспечении гласности суда и несколько других. Когда все они были отклонены судьей Р. Назаровым, Подрабинек дал отвод всему составу суда, заявил, что не будет участвовать в судебном спектакле и потребовал удалить себя из зала. Вначале судья попробовал игнорировать это требование. Тогда Подрабинек стал демонстративно курить, затем стал громко насвистывать арию тореадора из оперы «Кармен» ...Подрабинека вернули в зал суда только на чтение приговора, назначившего ему 5 лет ссылки.

В июне 1980 г. находящийся в ссылке в якутском поселке Усть-Нера А. Подрабинек был снова арестован. По статье 190-1 УК он на этот раз был приговорен по совокупности к заключению в лагере на 3 года 6 месяцев и 13 дней. А в январе 1981 г. был повторно осужден по той же статье к заключению в лагерь строгого режима старший брат Александра – Кирилл. Когда-то в середине 70-х я читал в самиздате

очерк Кирилла «Несчастные», описывающий условия службы в армии: из очерка я тогда впервые узнал о существовании такого страшного явления, как ***дедовщина.*** *У Кирилла закончился срок, назначенный ему первым судом, но он так и не вышел на свободу. Вменялись ему в вину устные высказывания в лагере...*

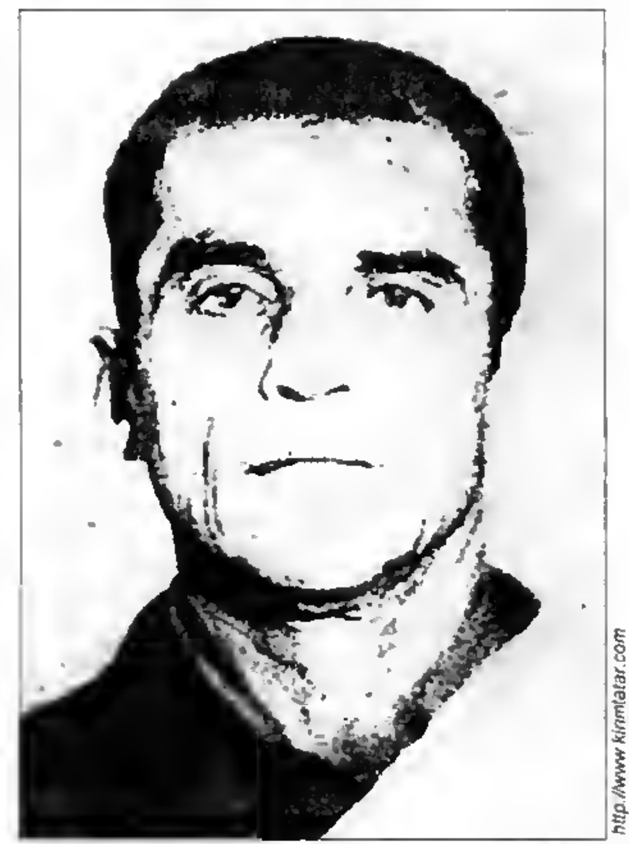
Можно и дальше перечислять политические процессы того года. Но надо где-нибудь остановиться. Пусть читатель поверит мне на слово: их было гораздо больше. Особенно в провинции, откуда информация порой приходила с опозданием и сообщала о неизвестных до той поры людях. Но «Хроника» стремилась рассказать и о них.

Да, хорошо поработали в 1978 году наши славные чекисты! Впрочем, они никогда не знали устали. Какая досада, что плоды их многолетних трудов были сначала смазаны освобождением политзэков в 1987 году, а потом и вообще охаяны реабилитацией политических в 1991-м! Пропали труды семидесяти с лишним лет! И даже монумент создателю ВЧК и идолу всех поколений чекистов был позорно низвергнут и исчез с Лубянской площади. Но надолго ли?

Последние события и настроения в стране могут внушать оптимизм радетелям «твердой руки» и «ежовых рукавиц». Во власть валом идут выкормыши славного ведомства. Из того же самого учреждения вышел наш нынешний президент.

Опять начались «шпионские» процессы над учеными и экологами. Который год продолжается чеченская война. Есть внешне-внутренний враг – чеченцы. И с ними – террористами – не может быть никаких переговоров. Вот только куда их депортировать на этот раз?

Россияне еще могут свободно говорить. Газеты пока еще выходят без цензуры. Но не пора ли загодя подумать о воссоздании «Хроники»?

Муса Мамут

Крымские татары

Пора познакомить читателя с рядом типичных персонажей «Хроники». Расскажу для начала о движении крымских татар.

Вскоре после освобождения Крыма от немецкой оккупации, в ночь на 18 мая 1944 г., все проживавшие там крымские татары (в основном – старики, женщины и дети, поскольку взрослые мужчины в большинстве сражались на фронте с фашистами) были под дулами автоматов выгнаны из своих домов, а затем в набитых до отказа вагонах для скота вывезены в резервации в республики Средней Азии, главным образом в Узбекистан.

От жажды, зноя и смрада в дороге гибли старые и слабые (мертвецов сбрасывали из теплушек на коротких стоянках, не давая их похоронить). Смерть настигала людей и на спецпоселении. За первые полтора года после депортации погибло около 46% (почти половина!) всех крымских татар.

Спустя 11 лет был отменен режим спецпоселения. А в сентябре 1967 г. Указом Президиума Верховного Совета с крымских татар было снято огульное обвинение в «измене». Но запоздалая реабилитация не повлекла возврата многострадального народа на свою родину. Напротив, власти и в Узбекистане, и в Крыму (с благословения Москвы!) всячески препятствовали его возвращению. Иногда представителей крымско-татарского народа (привозивших с собой петиции с десятками тысяч подписей) принимали в Москве высокие партийные и советские чины и давали ни к чему не обязывающие заверения. Иногда таких «ходоков» просто отлавливали и высылали «по месту проживания». А в Узбекистане крымских татар, собравшихся на площади, чтобы послушать отчет вернувшихся из Москвы своих представителей, разгоняли дубинками или водой из брандспойтов, швыряли в «воронки», арестовывали. Информация и документы о произволе властей рассматривались судами как клеветнические и антисоветские. И суд следовал за судом, расправа за расправой.

Крымские татары, самостоятельно вернувшиеся на родину, попадали в заколдованный круг. В степной малонаселенной части полуострова существовала хроническая нехватка рабочих рук, и здесь охотно принимали переселенцев из России и Украины. Но только не крымских татар. В 51-м выпуске «Хроники» приведена страшная история 46-летнего Мусы Мамута. В 1975 г. он купил дом в селе Донское, в Крыму, и поселился там с женой и тремя детьми. Но их там не прописали, а без прописки нигде не брали на работу. Затем «за нарушение паспортных правил» Мусу приго-

ворили к двум годам лагеря. После выхода на свободу Мамут вернулся в Крым к семье, но его вновь не прописали, угрожали выселением и новым сроком. Муса предупредил, что живым он больше не дастся. 23 июня 1978 г. приехал участковый, чтобы отвезти Мусу к следователю. И тогда М. Мамут облился бензином и поджег себя. Спустя 5 дней он умер в больнице…

Несмотря на чинимые властями препятствия, на похороны Мамута собралось около тысячи человек. Собравшиеся поклялись сделать все, чтобы жертва Мусы не осталась напрасной. Среди принесенных транспарантов был и такой: «Мусе от возмущенных русских собратьев. Спи, справедливость восторжествует».

Правозащитники поддерживали справедливую борьбу крымских татар. Большое участие в их судьбе принимал П. Григоренко, разжалованный генерал-майор. Он был арестован в Ташкенте, куда вылетел с намерением выступить общественным защитником на суде по делу 10 крымских татар. Гражданское мужество обошлось Григоренко 5-летним заключением, большую часть которого ему пришлось провести в Черняховской спецпсихбольнице. Илья Габай, педагог и поэт, тоже выступал в защиту репрессированного народа. И тоже поплатился за это. Сначала 3 годами лагеря. А затем – полутора годами пыточной «заботы» чекистов, старавшихся увещеваниями и угрозами склонить его к покаянию. Не видя выхода из этого ада, Илья покончил с собой…

Крымско-татарская тема была заявлена уже в первом выпуске «Хроники» – в письме двенадцати советских граждан Консультативному совещанию коммунистических партий в Будапеште. В дальнейшем редкий номер бюллетеня обходился без сообщений на эту тему, а его 31-й выпуск, приуроченный к 30-летию депортации, целиком посвящен движению крымских татар. Вот неполная выборка на эту тему всего из одного, 47-го выпуска (за 1977 г.):

– из села Садовое выселена семья Нури Мустафаева с детьми трех и полутора лет;

– в селе Молочном выселили Зеру Мустафаеву с десятилетней дочкой;

– в селе Рунном пожилых сестер Нурию и Кериме Куртсеитовых с братом, инвалидом Отечественной войны Рустемом Халиловым, взломав двери, выгнали из купленного дома;

– врача-педиатра Феру Муслядинову, прописанную в с. Нижний Орешник, не берут на работу по специальности (хотя район нуждается в педиатрах);

– в совхозе «Солнечный» у А. Тихоновского, женатого на крымской татарке, отключили телефон. Его жене Урмус так объяснили причину отключения: «Вы разговариваете по телефону по-татарски, а мы не понимаем».

…Вышло так, что крымско-татарской темой в «Хронике» обычно занимался А. Лавут, к нему приезжали «ходоки» из Крыма и Узбекистана, к нему стекалась соответствующая информация. После ареста Саши в апреле 1980 г. этот раздел «Хроники» сначала сократился, а в последних пяти выпусках вообще нет сообщений на крымско-татарскую тему…

…В 59-ю годовщину депортации крымских татар, 18 мая 2003 г., в Крыму отмечался День памяти репрессированных народов. Как сказал в интервью «Известиям» Мустафа Джемилев, в Крым вернулось около четверти миллиона крымских татар. Но на очереди в Узбекистане их еще около 150 тысяч. «За полвека нашей борьбы, – с гордостью сказал Мустафа, – мы не пролили ни своей, ни чужой крови».

Национальные движения

Записные плакальщики по рухнувшему в 1991 г. «нерушимому» Советскому Союзу с особым умилением вспоминают о «подлинном братстве народов», будто бы царившем в советское время в СССР. На самом деле центробежные тенденции и недоброжелательство к россиянам всегда существовали в союзных республиках: они проявлялись в презрительном отношении к русским как к оккупантам в Прибалтике, где люди на улицах и в магазинах не желали понимать русскую речь, отвечать на вопросы, заданные по-русски. Нечто подобное можно было встретить в закарпатской Украине. И повсеместным было противодействие насильственной русификации. Власти боролись с этим по-советски – репрессиями. Превращая тем самым недоброжелательство в ненависть, стремление к культурной автономии – в неизбежность отделения.

В этой главке я коротко расскажу о национальных движениях на Украине, в Прибалтике, в Армении и в Грузии. В период, о котором рассказывала «Хроника», это были мирные движения, отстаивающие национальный язык и культуру. Правда, так было не всегда. В первое послевоенное десятилетие на Западной Украине и в аннексированных Советским Союзом республиках Прибалтики существовало и партизанское движение – УПА (Украинская повстанческая армия), «лесные братья» в прибалтийских республиках. Множество партизан были убиты в сражениях с карательными чекистскими частями (также понесшими немалые потери) или расстреляны по приговору судов. А люди, помогавшие повстанцам (и просто сочувствовавшие им), в 70-е годы все еще досиживали свои 25 и 15-летние срока.

Можно по-разному относиться к повстанцам. Многие коренные жители «освобожденных» в 1939-40 годах областей и республик видят в партизанах национальных героев. Советская пропаганда именовала их не иначе как бандитами. Но я хотел бы напомнить читателю, что и немцы во время войны называли бандитами наших партизан. А свободу и государственность все эти республики снова обрели не с помощью вооруженной борьбы, а в результате демократических преобразований в СССР.

Отношение к партизанам в западных республиках как к «бандитам» было накрепко вбито в сознание советских людей. Помню, один из моих друзей,

возвращая после прочтения 15-й выпуск бюллетеня, неодобрительно спросил: уж не собирается ли «Хроника» заняться защитой уголовников и бандитов? В ответ на мое недоумение товарищ указал на приведенный в номере – без всякого комментария – список: «Состав женского политлагеря ЖХ 385/3». В списке – 19 женщин, четверо из которых были **связными** *ОУН (Организации украинских националистов) и были осуждены в конце 40-х – 50-х годах на 25 и 15 лет, причем лишь про одну из них известно, что она отстреливалась при аресте и кого-то то ли убила, то ли ранила. Участница литовского Сопротивления была осуждена на 10 лет в 1968 г. за события двадцатилетней давности. Еще двое – участницы попытки угона самолета с целью уйти за границу. А большинство из заключенных женщин – «религиозницы», некоторые сидели за свою веру не первый срок.*

Но вернемся к преследованиям «национадов», проходившим во времена «Хроники». В ее первых выпусках сообщений из республик сравнительно немного. Но уже в 17-м номере помещен рассказ о суде в Ивано-Франковске в сентябре 1970 г. над историком и бывшим политзэком Валентином Морозом. За свою самиздатскую публицистику он был на этот раз осужден к 9 годам заключения и 5 годам ссылки. Этот суд стал прелюдией политических репрессий 1972 г., когда на Украине были арестованы более 100 человек. Среди осужденных к заключению в лагерь – художница Стефания Шабатура, священник Василий Романюк, учитель А. Сергиенко, Зиновий Антонюк, поэт Василь Стус и многие другие.

Следующий всплеск политического террора на Украине пришелся на конец 70-х – начало 80-х годов. В первую очередь он был направлен против созданной в ноябре 1976 г. **Украинской Хельсинкской группы.** Первыми из «хельсинкцев» в начале 1977 г. были арестованы литератор и инвалид Отечественной войны М. Руденко и учитель и бывший политзэк О. Тихий. Затем – историк М. Матусевич, инженер М. Маринович, юрист и бывший политзэк Л. Лукьяненко. Все они были осуждены на предельные срока. И хотя группа не раз пополнялась новыми членами, к 1981 г. на свободе не осталось ни одного члена УХГ. Украина славилась как полюс лютости по части политических репрессий. Приговоры диссидентам за самиздатскую публицистику, за открытые письма, за стихи были по тяжести вполне сопоставимы с приговорами за изнасилование или убийство. Так, в июне 1971 г. был осужден к 5 годам заключения А. Чекалин. Украинский суд расценил как «антисоветскую агитацию» надписи, сделанные им… на избирательных бюллетенях! (сравним: совершившие умышленное убийство без отягчающих обстоятельств преступники наказывались лишением свободы на срок от 3 до 10 лет). Но даже такими суровыми приговорами КГБ не удалось окончательно подавить национальное движение. Жестокость лишь спровоцировала возврат к анонимности. И, вероятно, аукнулась на украинском референдуме 1991 года, когда большинство жителей республики высказалось за государственный суверенитет и независимость Украины.

Литва. В период, о котором повествует «Хроника», послевоенное партизанское сопротивление осталось в далеком прошлом (хотя многие его участники все еще досиживали свои 25-летние срока). Движение было мирным и проявлялось в защите национальной культуры и языка, в отстаивании традиционного для Литвы католичества. С марта 1972 г. выходила **«Хроника Литовской католической церкви».** «Хроника ЛКЦ», так же? как и московская «Хроника», выпускалась анонимно. Власти изымали ее на обысках, сажали перепечатчиков. Так, в 1974 г. за размножение и распространение «Хроники ЛКЦ» была осуждена к 3 годам заключения и 3 годам ссылки Н. Садунайте. В последнем слове она назвала день суда счастливым днем в своей жизни: *«...меня судят за "Хронику ЛКЦ" ...значит, за правду и любовь к людям!.. С радостью пойду на рабство за свободу других...».*

В 70-е годы национальное движение в Литве проявлялось также в издании машинописных журналов, таких как «Аушра» («Заря»), «Варпас» («Колокол») и других. В ноябре 1976 г. была создана **Литовская Хельсинкская группа,** в ноябре 1978 г. – **Католический комитет защиты прав верующих.** В Литовскую ХГ вошли 9 представителей либеральной интеллигенции. В их числе поэт-переводчик и публицист Томас Венцлова (эмигрировавший в 1977 г.); священник К. Гаруцкас (весной 1979 г. он умер, и его заменил другой священник, Б. Лауринавичюс); проведший 16 лет в лагерях бывший политзэк В. Пяткус; еврей-отказник физик Э. Финкельштейн. Группа выступала по широкому кругу правозащитных проблем, защищала права не только католиков и этнических литовцев, но, например, и немцев, желающих эмигрировать в ФРГ. Литовская ХГ поддержала также «Обращение» 48 граждан Литвы, Латвии и Эстонии к Правительствам СССР, ФРГ и ГДР, приуроченное к 40-летию Пакта Молотова-Риббентропа. Как известно, именно этот Пакт привел к аннексии Советским Союзом стран Прибалтики. «Обращение» призывало Правительства опубликовать полный текст советско-германского договора от 23 августа 1939 г. (включая секретные протоколы к нему), осудить его и признать недействительным с самого начала. Двенадцать московских правозащитников также поддержали это «Обращение».

...В 1993 г., спустя неполных полтора десятилетия, ***секретные протоколы****, сохранившиеся в Особой папке Архива Президента РФ, были и впрямь опубликованы в России в журнале «Новая и новейшая история». Правда, к тому моменту Литва, Латвия и Эстония обрели вновь свою независимость.*

...Уже в 1977 г. против Литовской ХГ начались репрессии. В августе был арестован В. Пяткус, затем последовали новые аресты. Вечером 24 ноября 1981 г. погиб член ХГ 68-летний священник Б. Лауринавичюс. После резкой статьи о нем в республиканской

[illegible]

газете он был вызван в Вильнюс и там насмерть сбит грузовиком. По сообщению «Хроники ЛКЦ», ряд свидетелей видели, как четверо мужчин в штатском просто толкнули старика под колеса…

К исходу 1981 г. Литовская ХГ была окончательно задавлена. Были арестованы и члены Католического комитета защиты прав верующих В. Скуодис и священники А. Сваринскас и С. Тамкявичус. Но Католический комитет пополнился новыми членами и продолжил свою деятельность.

В Эстонии и Латвии не было открыто заявленных организаций, подобных Литовской ХГ. Но известны произведения эстонского и латвийского самиздата, листовки, индивидуальные и групповые протестные письма. И, разумеется, множество имен политзаключенных. Лишь в качестве примера приведу имена В. Нийтсоо, М. Никлуса, Ю. Кукка (Эстония), М. Равиньша и Г. Родэ (Латвия).

В Армении и Грузии лишь короткое время существовали республиканские Хельсинкские группы. Они были задавлены арестами в самый год своего возникновения (1977). Были осуждены и отправлены в лагерь члены Армянской ХГ Р. Назарян и Ш. Арутюнян, позднее – руководитель группы Э. Арутюнян; в Грузии были арестованы члены ХГ З. Гамсахурдиа, М. Костава, В. Рцхеладзе и Г. Гольдштейн. На состоявшихся летом 1978 г. судах Костава был осужден к 3 годам «строгача» и 2 годам ссылки; Гамсахурдиа и Рцхеладзе раскаялись и получили в результате по 2 года ссылки неподалеку от Грузии. Гамсахурдиа вернулся в Тбилиси летом 1979 г. и получил там место старшего научного сотрудника.

Весной 1978 г. принимались новые республиканские конституции. В них, в частности, предполагалось придать статус государственного русскому языку. Это вызвало многочисленные протесты, выступления, письма в газеты. 14 апреля 1978 г., в день, когда Верховный Совет Грузинской ССР собрался для утверждения новой Конституции, в Тбилиси перед зданием, где заседала сессия, собралось множество молодежи. Тысячи демонстрантов несли плакаты с надписью «Родной язык!», скандируя этот лозунг. Широкая народная поддержка в итоге не позволила лишить армянский и грузинский языки статуса государственных.

…Многие сотни политзэков-«националов» (наряду с «религиозниками» они составляли весьма значительную часть узников совести) – неоспоримое свидетельство того, что единство советской империи скреплялось совсем не «волей народной», а штыками, лагерями и колючей проволокой.

Но «патриотам-великодержавникам» нипочем опыт и уроки истории. Они до сих пор мечтают о восстановлении СССР. Какой ценой – их, похоже, не волнует. А ведь даже А. Солженицын в своей программе «обустройстаа России» признает: *«Нет у нас сил на империю!»*

Ну, а если бы все же достало сил? Не стыдно ли опять завоевывать и карать? И разве это принесет благо самому русскому народу? Напомню помещенное в 9-м выпуске «Хроники» заявление 17 правозащитников к годовщине вторжения в Чехословакию. Оно кончалось словами: *«…не может быть свободен и счастлив народ, угнетающий другие народы».*

«В отказе»

Когда ныне из окон электрички я вижу намалеванные вдоль путей лозунги «Жиды, вон из России!», мне невольно вспоминаются времена, когда советские власти всеми мерами препятствовали евреям

уезжать из СССР. Потому что и теми, кто сегодня самовыражается в погромных надписях, и теми, кто еще вчера не позволял «сионистам» уезжать, движет, по-моему, один и тот же мотив – ненависть. Только тогда особую злобу вызывали те евреи, кто хотел вырваться из Советского Союза, а сейчас – те, кто решил остаться в России.

Сегодня только люди постарше могут представить, через какие унижения и дискриминацию предстояло пройти тем, кто подавал документы «на выезд». Преподавателей сразу же выгоняли с работы, членов КПСС исключали из партии, студентов – из институтов. Да еще подвергали унизительной «проработке» на собраниях, где вчерашние сотрудники и приятели клеймили их ярлыками изменников и предателей. А потом нередко им отказывали в разрешении на выезд ввиду «дальности родства» приславших приглашение из Израиля лиц, «по соображениям секретности» или просто так, без объяснения причин. И квалифицированные специалисты были вынуждены годами работать лифтерами, грузчиками, истопниками в котельных. Исключенных студентов тут же призывали в армию. А служба в армии – даже простым солдатом – означала, что после «дембеля» еще несколько лет выезд в Израиль будет закрыт шлагбаумом «секретности». Так что некоторые исключенные из вузов и получившие повестку из военкомата молодые люди предпочитали даже ***отсидеть срок*** *за отказ от призыва, поскольку судимость в отличие от «секретности» не являлась препятствием к эмиграции.*

Следует отметить, что эмигрировать из СССР стремились вовсе не одни евреи. До 40 тысяч этнических немцев, высланных во время войны из Поволжья, хотели уехать в ФРГ. Эмиграции на Запад требовали многие тысячи преследуемых в СССР пятидесятников и баптистов. Было и немало людей, стремившихся уехать из СССР по экономическим или по политическим мотивам (например, Л. Серый, В. Иванов, В. Павлов). Встречались среди отказников и русские, и украинцы.

Сделав эти предварительные замечания, я обращусь теперь к фактам, почерпнутым из «Хроники».

Одно из первых прикосновений «Хроники» к этой теме – рассказ о деле киевского радиоинженера Бориса Кочубиевского, помещенный в 6-м и 8-м выпусках. В августе 1968 г. он подал заявление на выезд, в декабре был арестован. Ему инкриминировали устные высказывания о положении евреев в СССР, в том числе во время митинга у Бабьего Яра. Приговор – 3 года лагеря. После освобождения Кочубиевский уехал в Израиль.

В 1970 г. грянуло знаменитое «самолетное дело». В июне 11 человек (М. Дымшиц, Э. Кузнецов, И. Менделевич и другие) собирались захватить 12-местный самолет АН-2, летавший по маршруту Ленинград–Приозерск, чтобы улететь на нем в Швецию. Все они (кроме А. Мурженко и Ю. Федорова) были сионистами, стремившимися попасть в Израиль, шестеро уже неоднократно обращались в ОВИР, но получить разрешение на эмиграцию им не удалось.

План угона был разработан М. Дымшицем, профессиональным летчиком. Предполагалось, обезоружив и связав пилотов, оставить их на аэродроме в Приозерске. Далее в Швецию самолет должен был вести Дымшиц. Замысел не удался: все угонщики были задержаны и арестованы перед посадкой.

Заседание в Ленинградском городском суде проходило 15-24 декабря 1970 г. В итоге Дымшиц и Кузнецов были приговорены к смертной казни, прочие подсудимые (в том числе С. Залмансон, единственная среди них женщина) – к длительным срокам заключения. Лишь при кассации 31 декабря «вышка» Дымшицу и Кузнецову была заменена 15 годами и немного снижены срока некоторым другим осужденным. Ход «самолетного» процесса подробно освещен в 17-м выпуске «Хроники».

Попытка угона самолета по законам всех стран является преступлением. Но приговор все равно поражает своей жестокостью. Ибо угон был пресечен на стадии покушения, и никто при этом не пострадал. А единственным мотивом попытки угона было желание вырваться из СССР, т. е. осуществить неправовым способом свое право, записанное во Всеобщей декларации прав человека и постоянно нарушаемое советскими властями.

«Самолетчики» на долгие годы были отправлены в лагеря, но еврейское движение за выезд в Израиль продолжалось. С начала 70-х годов в самиздате выходил «Вестник исхода». В июне 1971 г. состоялась голодовка отказников на Центральном телеграфе в Москве. В 1972 году на квартире А. Воронеля собирался научный семинар по физике. В нем участвовали ученые-отказники, лишившиеся работы по специальности. В Киеве, у Бабьего яра, и в Минске, на месте расстрела 5 тысяч евреев, в дни поминовения собирались митинги. В 70-е годы неоднократно на ступенях Библиотеки им. Ленина, напротив приемной Президиума Верховного Совета, проводились демонстрации под лозунгом «Свободу узникам Сиона!». Но не дремали и власти. Пришедших в Президиум Верховного Совета отказников дружинники заталкивали в автобусы, вывозили за город, избивали и оставляли на дороге. Некоторые демонстранты были осуждены к ссылке. Как всегда, особенно суровыми были преследования на Украине, где КГБ не гнушался провокаций и фальсифицированных уголовных обвинений. Так, 18 октября 1973 г. в Киеве был арестован отказник А. Фельдман. Он возвращался домой из синагоги и – по версии обвинения – выбил из рук девушки торт и разорвал одежду у двух мужчин, попытавшихся за нее вступиться. На следующий день в отсутствие арестованного Фельдмана в его квартире был произведен обыск – в связи с «подозрением в ограблении банка»(!). Изъяли, разумеется, только самиздат. Судили Фельдмана по статье о хулиганстве – за «выбитый

торт». В двух свидетелях Фельдман опознал агентов-«топтунов», неотступно следивших за ним несколько месяцев. Приговор – три с половиной года лишения свободы («Хроника» № 30).

Или еще одно бесстыже подстроенное дело – бывшего политзэка Н. Горбаля. До своего ареста в 1970 г. он работал учителем музыки. За написанную им поэму «Дума» он был осужден к 5 годам лагеря и 2 годам ссылки. После освобождения жил в Киеве, работал лифтером. Горбаль добивался разрешения на выезд в США, где проживала его сестра. Вечером 23 октября 1979 г. он ехал к друзьям. Когда он вышел из метро, в каких-нибудь 20 метрах от станции его стали избивать двое мужчин. Тут же была едва знакомая с Горбалем женщина. На закрытом суде Горбаль был обвинен в попытке изнасилования этой женщины и осужден – теперь на 5 лет строгого лагеря («Хроника» № 56).

Подобных сфабрикованных дел было на Украине немало. Обратной стороной той же медали стали избиения «неизвестными» отказников и правозащитников (В. Малинковича, М. Белоруսца, Михайлины Коцюбинской) и даже угрозы изнасилованием жене политссыльного И. Светличного.

...В омском лагере УХ-16/8, где я досиживал свои 3 года, одновременно со мной находились трое молодых отказников – два немца и один русский, Серафим Евсюков. Их семьи подали «на выезд». Студентов тут же исключили из института и прислали им призывные повестки. Идти служить в армию они отказались, чтобы не стать невыездными по «секретности». Зато «загремели» в лагерь. Не знаю судьбу молодых немцев, но Серафим после освобождения вместе со всей семьей уехал на Запад.

Интермедия.
За разгадкой – на машине времени

И еще один рассказ, без которого не обойтись. Хотя я до сих пор в точности не знаю, что и как было на самом деле и кто истинные виновники случившейся трагедии. И даже в какой раздел своей статьи лучше поместить эту главку.

...8 января 1977 г. произошел взрыв в московском метро. В результате взрыва погибло 7 и было ранено 37 человек. Всего два дня спустя Виктор Луи, агент КГБ и корреспондент английской газеты, сообщил на Запад, что, по мнению официальных лиц, этот взрыв – дело рук «диссидентской группы». Похоже, что первоначально КГБ замыслил, взвалив ответственность за террористический акт на диссидентов, на волне всеобщего негодования окончательно разгромить всех этих правозащитников, «хельсинкцев» и прочих оппозиционеров. Слова «поджог рейхстага» были в те дни на устах многих.

В «Обращении к мировой общественности» от 12 января А. Сахаров, в частности, написал: *«Я не могу избавиться от ощущения, что взрыв в московском метро ... это новая и самая опасная за последние годы провокация репрессивных органов ... Эта провокация может привести к изменению всего внутреннего климата страны. ...Я был бы очень рад, если бы мои мысли оказались неверными».* 14 января было опубликовано Заявление Московской группы «Хельсинки», поддержанное рядом других правозащитных организаций (в том числе из национальных республик). В нем говорилось: *«Диссиденты ... полностью отвергают насилие или призывы к насилию как средство осуществления своих целей. Диссиденты относятся к террору с негодованием и отвращением».* С подобным заявлением выступил и бывший политзаключенный Л. Бородин.

Быть может, эта дружная отповедь заставила КГБ призадуматься и отказаться от своих первоначальных планов. Развязка наступила через два года. 31 января 1979 г. в «Известиях» было опубликовано короткое – в какой-нибудь десяток строк – сообщение. В нем было сказано, что Верховным Судом СССР было рассмотрено в открытом заседании дело *«особо опасного рецидивиста Затикяна С. С. и двух его сообщников»* по обвинению в совершении взрыва в вагоне московского метро в январе 1977 г. *«... вина подсудимых полностью доказана. ... Затикян и его сообщники приговорены ... к смертной казни. Приговор приведен в исполнение».*

О проходившем суде ничего не знали даже родные подсудимых. Лишь после его окончания ближайших родственников привезли из Еревана в Москву, и только в Лефортове, где проходило последнее свидание, родные узнали, что суд уже состоялся и вынес всем троим смертный приговор. Тогда же просочились первые неофициальные сведения о суде, который закончился 24 января 1979 г. Постепенно стали известны некоторые подробности суда и имена еще двух казненных – А. Степанян и З. Багдасарян.

Но зачем понадобилась таинственная сверхзакрытость суда? Не было ли в этом деле судебной ошибки или хуже – намеренной фальсификации? Настоящие ли преступники были посажены на скамью подсудимых и казнены? Учитывая советский исторический опыт, эти вопросы нельзя считать риторическими. В Заявлении МГХ от 1 февраля сказано: *«Приведен в исполнение смертный приговор ...вынесенный в неизвестном месте в неизвестный день в обстановке полной тайны и секретности ... указана фамилия лишь одного из приговоренных, фамилии двух других даже не названы.*

... Невозможно понять, почему процесс по такому обвинению понадобилось проводить в полной тайне, не известив даже самых близких родственников. Ведь взрыв в метро вызвал всеобщее возмущение, и убедительное доказательство вины подсудимых, если только обвинение располагало такими доказательствами, содействовало бы всеобщему осуждению преступников.

Отсутствие гласности и вся обстановка секретности дают основание сомневаться в обоснованности обвинения. ... Является ли такой суд судом в общепризнанном значении этого слова?»

30 января в открытом письме к Брежневу А. Д. Сахаров написал: *«Есть веские основания опасаться, что в этом деле имеет место судебная ошибка или умышленная фальсификация. ...Суд без всякой к тому необходимости был полностью закрытым и секретным. ...Такой суд ... не может установить истину».* В связи с этим А. Сахаров просил приостановить исполнение приговора и назначить новое расследование.

Ни в Заявлении МГХ, ни в письме Сахарова не было ни тени оправдания или защиты преступников, заложивших бомбу в вагон метро. В них всего лишь выражены обоснованные сомнения в том, что найдены и казнены действительные убийцы. Но, ссылаясь на выступление Сахарова (в Советском Союзе, разумеется, не публиковавшееся), рептильная пресса в очередной раз начала травлю Андрея Дмитриевича под девизом «Позор защитникам убийц!».

В 44, 51, 52 и 56-м выпусках были помещены все доступные «Хронике» материалы дела о взрыве, в том числе официальная версия и то, что после суда говорилось на лекциях, читавшихся в сети политпросвещения.

Вот краткая выборка из приведенных там сведений. Степан Затикян (1947 г. р.) учился на 3 курсе Ереванского политехнического института, был арестован в 1968 г. как участник группы, издававшей подпольную газету «Парос» («Маяк»). Участник подпольной «Национальной объединенной партии» (НОП), ставившей целью достижение независимости Армении путем референдума. Был осужден к 4 годам строгого лагеря. Вышел по концу срока в 1972 г., работал на Ереванском электромеханическом заводе. Хотел эмигрировать, в 1975 г. отказался от советского гражданства. Женился, имеет двоих детей.

Летом 1976 г., согласно официальной версии, Затикян склонил рабочих А. Степаняна и З. Багдасаряна к совершению террористических актов в Москве *«с целью ... создания видимости существования в СССР организованных сил, борющихся против Советской власти».* Затикян, по данным следствия, разработал конструкцию и изготовил взрывное устройство; исполнителями же террористического акта 8 января 1977 г. были Степанян и Багдасарян. В октябре 1977 г. Степанян и Багдасарян еще раз выезжали в Москву с заданием Затикяна взорвать бомбы в общественных местах, но на этот раз осуществить акцию им не удалось. Помимо признаний Степаняна и Багдасаряна на суде вина подсудимых (согласно приведенной в «Хронике» № 56 «Выписке из приговора») подтверждалась найденной у Затикяна при обыске 3 ноября 1977 г. и исполненной его рукой схемой самодельного взрывного устройства, отпечатком его пальца на внутренней поверхности часов, входивших в конструкцию взрывного устройства, показаниями некоторых свидетелей и рядом других доказательств. Сам Затикян (согласно той же «Выписке») виновным себя на суде не признал, но во время следствия подтверждал свое участие в изготовлении бомб, которые должны были быть взорваны в Москве в октябре 1977 г. Ни о какой причастности к взрывам «диссидентских групп» в приговоре не говорилось.

...Ныне перед нами открываются многие тайны далекой и не очень далекой истории. Порой – в газетных, журнальных, архивных публикациях, порой – в популярных телепередачах вроде «Особой папки» или «Совершенно секретно». Этот процесс можно притормозить, но в конечном итоге он неостановим. И наши потомки смогут достоверней нас судить даже о тех событиях, которые происходили в наше время и почти что на наших глазах. В том числе – о взрыве в московском метро.

Разумеется, приговор – не истина в последней инстанции, но следует, по-моему, со вниманием рассмотреть официальную версию. Быть может, Затикян со своими сообщниками действительно совершил это ужасное преступление. Но к чему тогда такая секретность и полная закрытость «открытого» процесса? Почему осужденные были меньше чем через неделю расстреляны? Ведь это так похоже на желание поскорей «спрятать концы в воду». Почему первое газетное сообщение о состоявшемся суде появилось уже после того, как приговор был приведен в исполнение?

Но нельзя априори отвергать и другие предположения. О своем ощущении, что к этому преступлению могут быть причастны репрессивные органы, сразу же сказал академик Сахаров. «Чудовищное кощунство! Да за подобную клевету надо сажать!» – дружно возмутятся апологеты славного ведомства. «Было, уже было такое. И ссылали, и сажали», – напомню им я.

Вправе ли мы забыть? Во все советские годы ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ, не гнушаясь провокаций, вели гражданскую войну против собственного народа. «Старая песня! Надоело! Опять про 37-й год, сколько можно! Да, были ошибки, они осуждены еще XX съездом, и довольно об этом». Что ж, придется напомнить моим беспамятным оппонентам о том, что было после 37-го года и о чем не говорилось (или почти не говорилось) на XX съезде.

Весной 1940 г. в Катыни под Смоленском органами НКВД были расстреляны тысячи пленных польских офицеров. После того как во время войны это захоронение обнаружили немцы и оповестили о своей находке мир, мы попытались приписать это преступление им самим. И целых полвека «на голубом глазу» твердили заведомую ложь, которой никто в мире давно не верил. Лишь в начале 90-х в архиве Президента России «нашлись», наконец, документы по Катыни. Официальное подтверждение ответственности советской стороны за это сталинское злодеяние послужило началу примирения новой России и Польши.

«Но расстрел польских военнопленных был письменно санкционирован Сталиным и Берией! Это

Александр Галич

совсем не то, что взрыв в метро или убийство на улице».

Перенесемся в послевоенные годы. В 1948 г. в Минске погиб народный артист СССР С. Михоэлс. По официальной версии – случайно сбитый грузовиком. Но сегодня мы хорошо знаем – это было очередное чекистское «мокрое» дело.

«Дело врачей», сфабрикованное ГБ, лишь благодаря смерти Сталина не закончилось средневековыми публичными казнями и высылкой всех евреев в гибельные северные края. Сегодня об этих и подобных историях нам часто рассказывают и на страницах газет, и в телепередачах.

«Но это же было при Сталине! А с тех пор на Лубянку пришли новые люди, и все там переменилось и очистилось». Что ж, припомним «мокрые дела» ГБ в не столь далекие брежневско-андроповские времена.

Летом 1974 г. был вынужден уехать из Советского Союза поэт-диссидент Александр Галич. Он вызывал ненависть КГБ своими исполнявшимися под гитару песнями, сатирически отображавшими советскую действительность. За это еще до отъезда он был исключен из Союза писателей. Но Галич не унялся и в эмиграции. Более 150 раз он выступал на радио «Свобода», встречался с Е. Боннэр, когда она выезжала в Европу для лечения. В декабре 1976 г. мать А. Галича, оставшаяся в Москве, нашла в своем почтовом ящике страшную, отпечатанную на машинке записку: «Принято решение убить вашего сына Александра». А еще через год, 15 декабря 1977 г., А. Галич трагически погиб в Париже. Обстоятельства его смерти загадочны, многие считают, что и во Франции до него дотянулись длинные руки ГБ. И я вполне допускаю, что лет этак через 30 отыщутся документы, подтверждающие, что да, действительно, это «мокрое дело» – еще одна операция наших доблестных чекистов.

В апреле 1976 г., вечером, неизвестные ударили в подъезде по голове чем-то тяжелым бывшего политзэка и переводчика-германиста Константина Богатырева. Да так крепко ударили, что через полтора

А. ГАЛИЧ

МЫ НЕ ХУЖЕ ГОРАЦИЯ

Вы такие нестерпимо ражие
И такие, в сущности, примерные:
Всё томят вас бури вернисажные,
Всё шатают паводки премьерные.

Ходите, тишайшие, в неистовых,
Сеями цензурными занянькины.
Ну, а если ни премьер, ни выставок –
Десять метров комнатка в Останкине,

Где улыбкой стражники-наставники
Не сияют благостно и святочно?
Но... стоит картина на подрамнике –
Вот и всё!..
А этого достаточно!

Есть, стоит картина на подрамнике –
Этого достаточно!

Осудив и совесть и бесстрашие,
(Вроде не заложишь и не купишь их),
Ах, как вы присутствуете, ражие,
По карманам рассовавши кукиши!

Что ж, зовите небылицы былями,
Окликайте стражников по имени!
Бродят между ражими Добрынями
Тунеядцы Несторы и Пимены.

Их имен с эстрад не рассиропили,
В супер их не тискают облаточный...
«Эрика» берет четыре копии –
Вот и всё!..
А этого достаточно!

Есть, отстукано четыре копии –
Этого достаточно!

Время сеет ветры, мечет молнии,
Создает советы и комиссии.
Что ни день, фанфарное безмолвие
Славит многодумное безмыслие.

Бродит Кривда с полосы на полосу,
Делится с соседской кривдой опытом...
Но гремит напетое вполголоса,
Но гудит прочитанное шёпотом.

Ни партера нет, ни лож, ни яруса,
Клака не безумствует припадочно.
Есть магнитофон системы «Яуза»,
Вот и всё!..
А этого достаточно!

Есть, стоит картина на подрамнике,
Есть, отстукано четыре копии,
Есть магнитофон системы «Яуза» –
Этого достаточно!

1966

месяца он умер в больнице. Многие, знавшие Богатырева, не сомневались, что его убийство – дело рук КГБ. Он вызывал недовольство этого ведомства своим независимым общением с немецкими корреспондентами и посещениями квартиры А. Сахарова. Прямых доказательств, разумеется, нет, но ведь КГБ не оставляет на месте преступления своих визитных карточек.

О трагической гибели в Вильнюсе священника Б. Лауринавичуса я уже рассказал выше. Может быть, открывшиеся архивы Литовского КГБ ответят на вопрос, кто толкнул священника под колеса грузовика?

...Надеюсь и верю, что спустя каких-нибудь полвека разыщутся документы, которые разрешат наши сомнения относительно того, кто устроил в 1977 г. взрыв в вагоне московского метро. Любопытно было бы слетать на машине времени в это не столь отдаленное будущее и заглянуть в соответствующую «Особую папку». Еще интереснее было бы узнать правду о взрывах домов в Москве и в Волгодонске. И об «антитеррористических учениях» в Рязани. И о том, кто «заказал» убийство Сергея Юшенкова – депутата Думы, занимавшегося независимым расследованием этих преступлений. А пока стоит просто перестать верить на слово сообщениям и утверждениям правоохранительных и иных органов. До тех, разумеется, пор, пока они не представят нам несомненных и убедительных доказательств своих «версий».

Феликс Серебров, Анатолий Корягин, Ирина Гривнина.

«Психи»

Известно, что душевнобольные иногда становятся опасны для себя или окружающих, и их приходится тогда насильно помещать в психиатрические больницы. Но что делать, когда буйные приступы безумия сотрясают сами органы власти, отделы КГБ или даже психиатров, согласившихся принять на себя роль подручных этих «славных» ведомств? Вот одна такая история, случившаяся неподалеку от Москвы, в городе Обнинске. Она выглядит выдуманной, неправдоподобной, взятой из социальных фантасмагорий Оруэлла или Замятина. Но – увы! – все это произошло на самом деле.

29 мая 1970 г. в квартиру известного ученого-биолога Жореса Медведева вломились трое милиционеров и еще двое – заведующий обнинским психдиспансером Ю. В. Кирюшин и специально приехавший из Калуги главный врач областной психиатрической больницы А. Е. Лифшиц. Не предъявив никаких документов, они предложили ученому проехать с ними в Калужскую ПБ для обследования. Ж. Медведев никогда не обращался к психиатру, на психиатрическом учете не состоял и ехать обследоваться отказался. Жена и пришедшие вскоре в квартиру коллеги ученого были возмущены вопиющим произволом. Медведев попытался напомнить милиционерам, что они призваны охранять законность и порядок. В ответ возглавивший наряд майор Н. Ф. Немов закричал: «Мы орган насилия!» После чего Медведева, заломив ему за спину руки, насильно втолкнули в стоящий у подъезда автобус и отвезли из Обнинска в Калугу, в областную психбольницу.

Как выяснилось в дальнейшем, «заказ» на психиатрическое обследование Ж. Медведева поступил из обнинского горкома партии. Его руководству пришлись не по душе самиздатские работы ученого, одна из которых (написанная 8 лет назад) была посвящена знаменитой сессии ВАСХНИЛ, объявившей генетику лженаукой и приведшей к возвышению Т. Лысенко. Акция была, вероятно, согласована с калужскими (а может быть, и с московскими) властями и с соответствующими отделами КГБ. Благодаря усилиям жены Жореса и его брата-близнеца историка Роя Медведева о насильственной госпитализации Ж. Медведева тут же узнали видные ученые как в нашей стране, так и за рубежом. И началась трехнедельная борьба за его освобождение.

В защиту Жореса выступили академики Б. Астауров, В. Энгельгардт, А. Сахаров (давно знакомые с ним и с его работами); академики П. Капица и Н. Семенов; писатели А. Твардовский, В. Каверин, В. Тендряков, А. Солженицын, кинорежиссер М. Ромм. И многие другие люди – и у нас, и за границей, – возмущенные вопиющим произволом. Но, отстаивая «честь мундира», власти не спешили исправлять явное беззаконие. Состоявшаяся 31 мая комиссия с участием психиатра Б. Шостаковича из Института им. Сербского не обнаружила у Ж. Медведева явных признаков психического заболевания, но отметила у него – только что с применением грубого насилия запертого в психушку! – *«повышенную нервозность» и рекомендовала «дополнительное наблюдение в условиях стационара».*

Узнав в Министерстве здравоохранения, что в Калугу обследовать Жореса 5 июня поедет еще одна

комиссия, его брат потребовал включения в ее состав психиатра, которому доверяет семья. В Министерстве не возражали. Но когда в назначенное время Р. Медведев пришел в Минздрав, ему сообщили, что приглашенный родственниками психиатр не сможет участвовать в работе комиссии, т. к. комиссию решили провести на день раньше, и что сегодня она уже выехала в Калугу в составе Г. Морозова, В. Морозова и Р. Наджарова. После завершения работы этой комиссии главврач Калужской ПБ А. Лифшиц пообещал жене Жореса (а потом по телефону и Р. Медведеву) выписать ее мужа 5 июня. Но 5-го выписка не состоялась. И сражаться за нее пришлось еще почти 2 недели. На обращения жены и брата Жореса к Генеральному прокурору СССР Р. Руденко, к Председателю Совмина А. Косыгину, в КГБ, так же как и на обращение А. Сахарова к Л. Брежневу, не последовало никакого ответа. Между тем повидать запертого в Калужской ПБ подэкспертного приезжали многие его друзья. Навестившему Жореса А. Твардовскому Лифшиц пообещал (солгав в очередной раз!) выписать Ж. Медведева 12 июня. Твардовского поразил контраст между спокойным поведением «больного» и жалкими оправданиями главврача Лифшица, который во все время беседы с ним ни разу не поднял глаза.

...Выписка состоялась только 17 июня. Ей предшествовало совещание в Минздраве, на котором министр Б. Петровский, А. Снежневский и Г. Морозов безрезультатно убеждали академиков А. Сахарова, Б. Астаурова и П. Капицу прекратить выступления в защиту Жореса. История насильственной госпитализации Ж. Медведева в Калужскую ПБ рассказана в четырнадцатом выпуске «Хроники»; желающих узнать обо всем этом подробней я отсылаю к книжке Ж. и Р. Медведевых «Кто сумасшедший?», вышедшей в 1971 г. в издательстве «Macmillan».

Психиатрические расправы случались еще при Сталине, не вывелись и при Хрущеве. Никита Сергеевич однажды обронил – мол, в наше время лишь безумцы могут быть противниками социализма и существующего в СССР порядка. Удобная мысль! Сталин недавно попросту уничтожал противников (а с каждым своим врагом – еще по сотне невиновных). Сейчас расстрелы не в моде. Но с враждебной идеологией все равно нужно беспощадно бороться. Спорить, отыскивать аргументы? Только этого не хватает! Может быть, идеологическим оппонентам и следует что-то доказывать, идеологических безумцев надо просто **лечить**. Хрущева «скинули» за волюнтаризм, но практика психиатрических расправ пришлась ко двору и новому руководству.

Напомню читателю историю П. Григоренко. Участник Отечественной войны, затем преподаватель и заведующий кафедрой кибернетики Военной академии им. М. Фрунзе, генерал-майор. После критического выступления на партконференции в сентябре 1961 г. был изгнан из академии, переведен на Дальний Восток. В период после XX съезда в СССР началось брожение умов и в разных городах возникали «марксистские» и «истинно-ленинские» кружки и союзы. Потребность бороться с бюрократическим перерождением партии ощутил и П. Григоренко. Он создал «Союз борьбы за возрождение ленинизма», в котором кроме него самого и сыновей участвовало еще несколько человек. «Союз» распространял просветительские листовки – о кровавых событиях в Новочеркасске, в Темир-Тау и т. п. Многие участники «неомарксистских» кружков попали в лагеря, и Григоренко сознавал эту опасность. Но ему была уготована более страшная участь. Признав сумасшедшим (но не позабыв разжаловать «больного» в рядовые и лишить генеральской пенсии!), его поместили в Ленинградскую спецпсихбольницу, откуда он вышел только в апреле 1965 г., после свержения Хрущева.

Пребывание в психбольнице (где, по счастью, его никак не «лечили») не сломило Григоренко. Он сохранил критическое отношение к советской действительности. Вскоре разжалованный генерал становится одним из виднейших участников диссидентского движения. Но в одном отношении он решительно пересмотрел свои прежние взгляды. Теперь Григоренко признает только открытые действия и протесты и становится решительным противником всякой «подпольщины». Петр Григорьевич – активный участник подписной кампании в защиту Ю. Галанскова и А. Гинзбурга, он протестует против оккупации Чехословакии, выступает против осуждения демонстрантов на Красной площади, в защиту коммуниста-диссидента И. Яхимовича.

П. Григоренко был вновь арестован 7 мая 1969 г. в Ташкенте, куда приехал в связи с предстоящим судом над десятью крымскими татарами, активистами движения за возвращение в Крым. Следствие решило пойти по проторенной психиатрической тропке, лишающей обвиняемого возможности защищаться. Но вначале случилась осечка. Проведенная в августе видными ташкентскими психиатрами амбулаторная экспертиза признала Григоренко психически здоровым и вменяемым. Это не устраивало следствие. Поэтому Петра Григорьевича повезли в Москву, в Институт имени Сербского. В институте у Григоренко диагностировали «паранойяльное развитие личности с наличием идей реформаторства» и объявили невменяемым. Теперь можно было проводить суд, ведь Григоренко на нем уже не будет. Разумеется, ташкентский суд посчитался только с «подходящей» экспертизой Института им. Сербского. И в отсутствие обвиняемого своим определением от 27 февраля 1970 г. назначил П. Григоренко «лечение» в спецпсихбольнице.

Благодаря «Хронике», заявлениям Инициативной группы, протестам родных и друзей все, что происходило с Григоренко, тут же становилось известно отечественной и мировой общественности.

Выступления в его защиту не прекращались ни в Советском Союзе, ни за рубежом. Но несмотря на это, Петр Григорьевич был выпущен на свободу лишь в конце июня 1974 г. И вскоре снова включился в

Петр Григоренко (слева) и Алексей Смирнов

правозащитную работу. Он стал членом МГХ с момента ее создания.

В конце 1977 г. Григоренко с женой была разрешена поездка в США для хирургического лечения. Операция прошла успешно. Но вскоре Петр Григорьевич был лишен советского гражданства...

Остается добавить немного. По просьбе П. Григоренко в Америке ему была проведена независимая психиатрическая экспертиза. Причем он заранее дал согласие на публикацию результатов обследования, независимо от того, к каким выводам придут врачи. Американские психиатры подошли к проведению экспертизы очень серьезно и обстоятельно. Беседы с обследуемым продолжались суммарно около 8 часов и сопровождались видеозаписью. Поскольку Петр Григорьевич не говорил по-английски, было обеспечено участие квалифицированных переводчиков. Участвовали в обследовании психиатры из Гарварда и Нью-Йорка.

В итоге никаких психических заболеваниий у Григоренко найдено не было. Не было обнаружено также признаков каких-либо психических заболеваний в прошлом.

...Петр Григоренко умер в Нью-Йорке 21 февраля 1987 г., так и не дождавшись реабилитации на своей родине. Но она состоялась – посмертно – в 1991 году. По поручению Главной военной прокуратуры авторитетная комиссия отечественных психиатров во главе с директором Санкт-Петербургского психоневрологического института профессором М. Кабановым заново исследовала 29 томов дела Григоренко, книги генерала, видео- и фонограммы, предоставленные американскими психиатрами. 18 октября 1991 г. комиссия единогласно решила: ни в 64-м, ни в 69-м году «... П. Григоренко психическим заболеванием не страдал и в принудительном лечении в психиатрической больнице не нуждался» («Известия», 22 октября 1991 г.).

Сообщения о психиатрических репрессиях в отношении инакомыслящих были постоянной темой «Хроники». Уже в ее первом выпуске помещено сообщение о принудительной госпитализации в психиатрические больницы двух активных диссидентов – поэта Н. Горбаневской и ученого-математика А. Вольпина. В. Файнберг, В. Гершуни, В. Новодворская, Л. Плющ, П. Старчик, И. Тереля, Н. Плахотнюк – вот лишь первые пришедшие на память имена идеологических узников специальных психиатрических больниц (СПБ) уже брежневско-андроповского периода. Разумеется, правозащитники стремились всемерно разоблачить и прекратить эту преступную и позорную практику. Одним из первых против нее выступил В. Буковский, поплатившийся за свои разоблачения многими годами неволи. Врач-психиатр С. Глузман составил «заочную психиатрическую экспертизу П. Григоренко» и получил за нее полновесный «гонорар» – 7 лет «строгача» и ссылку. Против кривых психиатрических расправ с диссидентами выступали ИГ, МГХ. В январе 1977 г. при Московской группе «Хельсинки» была создана «Рабочая комиссия (РК) по расследованию использования психиатрии в политических целях». Первоначально в ее состав вошли В. Бахмин, И. Каплун, А. Подрабинек, Ф. Серебров и ленинградка Д. Бабич (позднее ее членами стали также Л. Терновский и И. Гривнина). РК ставила целью содействовать скорейшему освобождению неправомерно заключенных в ПБ «идеологических» узников. С этой целью она выпускала «Информационные бюллетени», в которых помещала сведения о ставших ей известных случаях психиатрических расправ, делая их достоянием гласности. Экземпляры бюллетеней (с указанием на титульном листе имен и адресов их составителей) обязательно посылались в Минздрав и в Прокуратуру СССР. Врачи-психиатры А. Волошанович, а позднее А. Корягин помогали РК, проводя независимое психиатрическое освидетельствование обратившихся в комиссию лиц. РК в необходимых случаях ссылалась в своих документах на заключения этих психиатров.

Выступления Буковского, ИГ, МГХ и РК были услышаны не только мировой общественностью, но также (что особенно важно!) и зарубежными психиатрами. Более того, эти психиатры смогли лично познакомиться с некоторыми бывшими пациентами советских СПБ (например, с выехавшим на Запад Л. Плющем). На конгрессе Всемирной психиатрической ассоциации (ВПА) в Гонолулу в 1977 г. (несмотря на протесты и возмущение советской делегации этой «провокацией») был поставлен вопрос о злоупотреблениях психиатрией в СССР. Не желая быть исключенной из ВПА, советская делегация заявила, что сама выходит из нее...

Власти и КГБ отыгрались на протестантах-правозащитниках. Почти все члены ИГ, МГХ и РК были в разное время арестованы и отправлены в лагеря. А психиатрические репрессии (может быть, с чуть большей осмотрительностью) продолжались до самого конца советской власти. Вот история, взятая из одного из последних, 63-го выпуска «Хроники». В. Цурков, рабочий из Красноярска, добивался выезда на Запад с 1973 г. 15 апреля 1980 г. он был задержан возле дома, отвезен в КПЗ, а оттуда – в Красноярскую

ПБ. Психиатр В. Д. Смирнов сказал Цуркову: «У вас бред выезда за границу. Будем лечить». Матери было сказано: «Ваш сын политически опасен». От «бреда выезда» Цуркову были назначены трифтазин и аминазин, позднее добавлен сульфазин. Только спустя 3 с лишним месяца Цурков был выписан из больницы…

Чего же добились правозащитники своей борьбой с психиатрическим террором, сопряженной со многими жертвами? Совсем немногого – и многого. Прежде всего – привлечения внимания общественности и Всемирной психиатрической ассоциации (ВПА) к проблеме злоупотребления психиатрией. Боязнь новых разоблачений и огласки несколько умеряла пыл любителей этой кривой и жульнической расправы. Кроме того, очень вероятно (хотя вряд ли возможно это доказать), что выступления правозащитников и зарубежные протесты все же в ряде случаев способствовали более быстрому освобождению узников советских «психарен». Что же касается отдаленных последствий...

Вскоре после вхождения в РК мною в июле 1978 году был написан короткий текст «Принципы работы РК», помещенный в № 9 выпускавшегося Комиссией «Информационного бюллетеня». В числе целей, осуществлению которых хотела бы способствовать Рабочая комиссия, была указана «общая гуманизация условий содержания лиц, находящихся в ПБ». В частности, РК считала необходимым передачу специальных (тюремных) психиатрических больниц из ведения МВД в ведение Минздрава и запрещение болезненных методов лечения «в наказание». Нельзя сказать, чтобы власти никак не прореагировали на эти предложения. Они даже стали объектом внимания ... следствия и суда. «Принципы работы РК» были одним из пунктов моего обвинения, оцененного судом в 1980 г. в три года лагерей.

Но прошло еще 10 лет. О злоупотреблениях психиатрией в политических целях, происходивших в 70-80-е годы, как о несомненных фактах пишут «Известия», «Комсомольская правда», «Медицинская газета», «Огонек». Более того, эти злоупотребления официально признаны Минздравом СССР; признание этих злоупотреблений вернуло в октябре 1989 г. советскую психиатрию во Всемирную психиатрическую ассоциацию. Спецпсихбольницы были переданы из ведения МВД – Минздраву, запрещены болезненные методы лечения. А ведь именно эти предложения содержались в «Принципах работы РК», документе, признанном судом в 80-м году преступным. Наконец, в июле 1992 г. был принят закон Российской Федерации «О психиатрической помощи», который тоже был выдержан в духе давнишних требований правозащитников. Да, в России надо жить долго и уметь ждать.

Свобода совести

У меня сохранилась пожелтевшая вырезка из «Известий» от 12 мая 1979 г. В ней помещена большая статья В. Кассиса и М. Михайлова о суде, незадолго прошедшем в Ташкенте. В начале статьи говорится о повышенном интересе западной пропаганды к некоему В. Шелкову. И что *«так называемую информацию»* о нем радиоголоса получили от А. Сахарова, *«который вертелся в Ташкенте* (да, да, именно так!), *когда там проходил суд»*. Далее Кассис и Михайлов пишут, что присутствовали на суде и что *«процесс был открытым»* (интересно, почему же тогда А. Д. Сахарову, специально приехавшему из Москвы, пришлось, как выразились эти авторы, «вертеться» снаружи?). Шелкова и его подельников (А. Спалиня, И. Лепшина, С. Фурлет и С. Маслова) авторы называют *«полностью разоблаченными преступниками-уголовниками»*, лишь использовавшими религию для прикрытия своей враждебной деятельности. В статье красочно описывается *«бункер»* без окон, *«площадью не более полутора квадратных метров»*, в котором *«многие годы отсиживался Шелков»*. Этот тайник был оборудован в доме, принадлежавшем его дочери.

«За кого вы, господа, вступаетесь?! С каким отребьем вы якшаетесь?!» – с пафосом заканчивают авторы свою статью.

Что же за страшный преступник вынужден был годами прятаться в тесном подполе? Насильник? Убийца? Бандит?

Если бы 82-летнего Льва Толстого, ставшего в конце жизни религиозным диссидентом, посадили в тюрьму, а потом приговорили бы к 5 годам заключения, бесчеловечной расправой над ним возмутился бы весь мир. Шелков, разумеется, не Лев Толстой. Он – проповедник, председатель церкви Адвентистов Седьмого Дня (АСД), того ее крыла, которое в 20-х годах не подчинилось требованию о регистрации.

Владимир Андреевич Шелков родился еще в XIX веке, в 1895 году. Ко времени ташкентского суда **ему было 83 года.** Об этом авторы постеснялись написать, зато не забыли сообщить, что Шелков – *«сын кулака»*. В 30-е годы он провел 3 года в ссылке на Урале, а после войны отсидел двадцать лет (дважды по 10) в строгих лагерях. После того как в 1969 году его в очередной раз задержала милиция, Шелков скрылся и перешел на нелегальное положение. В марте 1978 г. его все-таки выследили и снова арестовали. И вот после года следственной тюрьмы он предстал перед судом.

Шелков обвинялся в том, что он вместе со своими сподвижниками занимался изготовлением и распространением произведений, содержащих беспочвенные, заведомо ложные измышления *«об отсутствии в СССР свободы совести и вероисповедания»*, о преследовании и репрессиях *«за чисто религиозные убеждения»*. Под видом религиозной проповеди побуждал единоверцев не работать в субботу, призывал их служить только в строительных войсках, не принимать присягу и не брать в руки оружие. Вместе со своими сподвижниками *«систематически собирал факты привлечения граждан к ответственности якобы за религиозные убеждения»*. Возглавлявшиеся им адвентисты имели в Пятигорске подпольное из-

дательство «Верный свидетель», печатавшее «антисоветские» произведения самого Шелкова и его помощников. В своей враждебной деятельности они сомкнулись *«с так называемыми инакомыслящими»* вроде Сахарова, Солженицына, Гинзбурга, Орлова, в клеветнических целях используя их произведения. Шелков даже обращался с письмами к президенту США Дж. Картеру, призывая его вступиться за права верующих и за арестованных Гинзбурга, Орлова и других «борцов за права и свободы». Как о незначащем, известинская статья умалчивает о том, что виновным себя Шелков не признал. И даже не сообщает назначенный ему по приговору срок заключения.

Суд приговорил Шелкова к 5 годам «строгача», и его отправили в лагерь в 40 км от Якутска. Сначала назначили диетическое питание, потом отменили. Затем лишили ларька. Вегетарианец Шелков стал питаться хлебом и чаем.

Шелков умер в лагерной больнице 27 января 1980 года на 85-м году жизни. Он завещал похоронить себя в Самарканде, но тело его родственникам не отдали...

Если спросить современную молодежь о положении верующих в СССР, то скорей всего выяснится, что многие вообще ничего не знают о преследованиях за религию. Другие скажут, что, кажется, в первые годы после революции на православную церковь обрушились жестокие гонения, сопровождавшиеся расстрелами священнослужителей. «Но это было давно, – добавят они, – а потом все обстояло нормально. Или почти нормально».

О, наша короткая память! До последних советских лет, до конца 80-х, коммунисты вели с религией беспрестанную войну, менялась только степень ее свирепости. Оговорюсь заранее, что не собираюсь касаться всей ее истории. Моя тема – «Хроника». Но и из того, что об этом рассказано в бюллетене, я ограничусь лишь небольшой выборкой.

В Конституции СССР и 1936, и 1977 гг. всем гражданам гарантировалась «свобода совести» и декларировалось «отделение церкви от государства». Посмотрим теперь, как все это было в действительности. Напомню лишь, что рассказ «Хроники» касается всех религиозных конфессий и всех союзных республик.

Баптисты, адвентисты и пятидесятники известны в России с конца XIX – начала XX века. Те их общины, которые в советское время не согласились пройти регистрацию, подвергались постоянным преследованиям. «Регистрация» же означала запрет на религиозное воспитание детей, а для юношей – призыв в армию и ношение оружия (что означало для исповедников этих конфессий – измену заповедям Христа). Пытаясь уйти от гонений, религиозные диссиденты в течение десятилетий забирались в глушь, перебирались в Сибирь, в Среднюю Азию, в Приморье. Так, на берегу Тихого океана, в Находке, появилась община пятидесятников численностью до 300 человек. Но им нигде не было спасения от репрессий. Иногда у «сектантов» отбирали детей, помещая их в интернат. За отказ от службы в армии молодых людей сажали в лагеря. Подвергали дискриминации на работе. Отчаявшись, проживавшие в Находке семьи пятидесятников стали требовать эмиграции в США. Эмиграции добивались и пятидесятники, проживавшие в других областях и республиках СССР, и верующие других конфессий – целые тысячи «религиозников». Вот только несколько взятых мной из «Хроники» примеров преследований за веру.

Кто мог бы сегодня рассказать историю А. Чертковой? Этой пятидесятнице из Алма-Аты сначала «за религиозность» не предоставляли жилплощадь, затем снесли бульдозером домик, который она сама пыталась построить на окраине, и, наконец, упрятали ее в спецпсихбольницу. Кто слышал о баптистах А. Классене и Я. Вольфе, осужденных к лишению свободы на 2 с половиной и 2 года – за проведение религиозных занятий с детьми? Или о пятидесятнике из Малоярославца В. Коренева? За отказ от службы в армии он отсидел 3 года в лагере. После освобождения он опять получил призывную повестку, снова отказался от армии. И был снова осужден, на этот раз на 5 лет строгих лагерей. Это лишь отдельные, взятые наугад примеры из одного, 48-го, выпуска «Хроники».

3-4 года спустя, весной 1981 г., я недолго сидел в одной камере-«осужденке» с молодым адвентистом из подмосковного г. Жуковский Иваном Сергеевичем Фокановым, получившим, как и я, 3 года лагеря общего режима по статье 190-1 УК. Он рассказывал, что на подоконнике раскрытого окна он ставил радиоприемник и включал его, когда по зарубежным «голосам» шли религиозные передачи. Кто-то про это «стукнул». Разумеется, советский суд расценил это как «клеветнические измышления, порочащие...» и т. д. Помню, Фоканов спрашивал меня, возможно ли договориться с администрацией лагеря работать в воскресенье вместо субботы, потому что согласно его вере работать в субботу никак нельзя. «Попросить об этом, конечно, можно, но вряд ли тамошнее начальство пойдет на это», – ответил я. И подумал: «Ох, насидишься ты в ШИЗО за эту самую свою субботу!» Мы расстались, и я не знаю дальнейшей судьбы Фоканова. Но лет через двадцать, листая 62-й выпуск «Хроники», я отыскал 3 строки о суде над ним.

Где Вы сегодня, Иван Сергеевич, мой мимолетный сокамерник? Дай Бог, чтобы мои тогдашние предчувствия предстоящих Вам суровых испытаний обманули меня. И искренне надеюсь, что ныне Вы можете беспрепятственно исповедовать все свои выстраданные убеждения.

«Но это же все – сектанты! – воскликнут записные ревнители народности и державности. – Нельзя равнять каких-то раскольников с традиционным для русского народа православием». – «А "сектантов", выходит, преследовать можно?» – спросил бы я. Но, впрочем, вот примеры гонений и на «коренную» религию.

Католицизм – традиционная религия литовцев. Но в советской Литве католики также постоянно подвергались преследованиям со стороны властей. Уполномоченные по делам религии штрафовали священников за обучение детей катехизису и за их подготовку к первому причастию. Не разрешали открывать церкви. Преследовали верующих. Так, в 1975 г. были уволены супруги-учителя Скипарис – за то, что их сын поступил в семинарию. В августе того же года учительница музыки Букаускайте венчалась в церкви – и была сразу уволена. В октябре 1976 г. умер сын учительницы А. Микульской, ученик 5-го класса. Мать похоронила сына по религиозному обряду. Последовал грозный приказ министра просвещения Литовской ССР А. Римкуса за № 239 о том, что А. Микульская «нарушила этику советского учителя». Директору школы был объявлен выговор, а всем школам приказано усилить атеистическое воспитание учеников…

Были преследования католиков за веру, но не прекращалось и сопротивление произволу. В течение ряда лет выпускалась **«Хроника Литовской католической церкви»**, собиравшая и делавшая достоянием гласности информацию о репрессиях по религиозным мотивам. **«Хроника ЛКЦ»** стала постоянным корпоративным корреспондентом московской «Хроники». В ноябре 1978 г. в Литве был создан **«Католический комитет защиты прав верующих»**. Его членами стали священники Й. Кауняцкас, А. Сваринскас, С. Тамкявичус, В. Велавичус и Ю. Здебскис. Свои документы в защиту верующих Комитет адресовал частью в советские органы власти, частью за рубеж, в том числе Папе Римскому. Литовские чекисты не обошли его членов своей зловещей заботой. «Хроника ЛКЦ» постоянно изымалась на обысках и расценивалась как подпольное антисоветское издание. Власти всячески преследовали и членов Комитета. Священники А. Сваринскас и С. Тамкявичюс были приговорены к заключению в лагеря. О трагической гибели священника Б. Лауринавичюса я уже рассказывал в главке о национальных движениях.

« А православных-то, что – не преследовали!? – слышу я снова тот же возмущенный голос. – Почему речь все время идет только о чуждых, несвойственных России конфессиях?»

Разумеется, коммунистическая власть числила своим врагом любую религию, не делая никакого исключения для православия. Так же закрывались и разрушались православные храмы, так же для поставления священников и епископов требовалось соизволение «Совета по делам религии». У родителей, принесших крестить детей, требовали предъявить паспорта и доносительски записывали паспортные данные, чтобы потом «активисты» на собраниях шельмовали и высмеивали этих «нарушителей советской этики». Милиция и дружинники порой задерживали и не пускали на пасхальную службу пришедшую молодежь.

И было сопротивление творимому произволу. О нем тоже сообщала «Хроника». Еще в 1965 г. священники Глеб Якунин и Николай Эшлиман написали открытое письмо Патриарху Алексию I о порабощенном положении православной церкви. И что же? Тут же (по указанию КГБ) они были церковными властями отстранены от служения. «Хроника» постоянно писала о подобных преследованиях. Например, о Б. В. Талантове, 68-летнем учителе математики из г. Киров. Он был в сентябре 1969 г. осужден к 3 годам лагерей за то, что протестовал против вмешательства советских органов в жизнь православной церкви и потворства этим вмешательствам со стороны церковных иерархов. Талантов умер в тюремной больнице, не дожив до конца срока.

В марте 1972 г. А. И. Солженицын написал письмо Патриарху Пимену, призывая его отказаться от коллаборационистского подчинения земной власти. «Хроника» рассказала не только об этом письме писателя, но и об ответе ему священника-правозащитника Сергия Желудкова. Отец Сергий, соглашаясь с рядом положений солженицынского письма, возражал, что нельзя никого призывать и **приневоливать** к жертве и мученичеству.

В июне 1978 г. была арестована монахиня В. Макеева. После закрытия монастыря она жила в Подмосковье, занимаясь изготовлением церковной утвари. Ее обвинили в «занятии запрещенным промыслом», признали невменяемой и направили в спецпсихбольницу.

В середине 70-х православный священник (и бывший узник сталинских лагерей) Дмитрий Дудко стал проводить в Никольском храме в Москве беседы с верующими. Вскоре, несмотря на протесты прихожан, он был за это отрешен от служения митрополитом Крутицким и Коломенским Серафимом. В январе 1980 г. Д. Дудко был арестован и помещен в Лефортово. 20 июня по московскому телевидению было показано его выступление, в котором он признал «антисоветский» характер своей деятельности, раскаялся и отрекся от нее. На следующий день он был освобожден. Впоследствии Д. Дудко стал духовником «патриотической» газеты «Завтра».

С 1974 г. в Москве собирался православный религиозный семинар А. Огородникова. В ноябре 1978 г. Огородникова арестовали и приговорили к 1 году лагерей за «тунеядство». По истечении этого срока его не освободили, а возбудили новое дело (теперь по 70-й ст. УК) и дали новый срок – 6 лет лагерей и 5 ссылки. Под разными предлогами были репрессированы и некоторые другие участники семинара: В. Пореш, С. Ермолаев и преподавательница из Смоленска Т. Щипкова.

А протесты? Да, были и протесты – со стороны верующих мирян и рядовых священников. В декабре 1976 г. был образован **«Христианский комитет защиты прав верующих»**. В него вместе со священником Глебом Якуниным и иеродиаконом Варсонофием Хайбулиным вошли и миряне В. Капитанчук и В. Щеглов. Комитет публиковал документы и материалы о преследованиях верующих и о подавлении ре-

лигиозной свободы в СССР и, разумеется, сам подвергся репрессиям. о. Глеб был арестован 1 ноября 1979 г. Священник Н. Гайнов, вступивший в Комитет сразу после ареста Якунина, обратился к тогдашнему Патриарху Пимену с призывом выступить в защиту священника о. Глеба, защищавшего верующих и православную церковь от преследований властей...

Увы, никто из церковных иерархов не выступил в защиту о. Глеба даже «келейно». Они молчали и когда власти расправлялись с выступавшим в защиту православной церкви Б. Талантовым. Не ответили на письмо А. Солженицына. Собственными распоряжениями отстраняли от служения тех священников, которые пытались оградить от гонений православную церковь. И покидали их в беде, когда заступников православной веры арестовывали и сажали в тюрьмы и лагеря. Более того. Выступая за рубежом на заседаниях Христианской Мирной Конференции и Всемирного Совета Церквей, делегации Московской Патриархии неизменно заявляли об отсутствии в Советском Союзе религиозных гонений.

Даже сегодня, в условиях свободы, эти иерархи озабочены не столько тем, чтобы духовно окормить свою паству. А более всего, – как запретами оградить Россию от распространения других христианских конфессий. Они ведут непрестанную войну за влияние с католиками, униатами, против перехода Эстонской православной церкви под эгиду Константинопольского патриарха...

«Откуда такая предвзятость и недоброжелательство к православию? А может быть, – и к России? – слышу я опять голос все того же оппонента. – Нет, подобного никогда не напишет коренной русак». Своему оппоненту-державнику я ничего возражать не стану. Но объясниться с читателем я считаю должным. Быть может, он поймет, что я вовсе не враг православию, а напротив, озабочен его положением и судьбой и хотел бы ему помочь.

Ибо православная церковь в России сегодня попрежнему в беде. Только сейчас эта беда иная, чем была полтора-два десятилетия назад. Остались позади варварские гонения за веру. Более того, власть всячески покровительствует православию и даже ищет его поддержки. Но в этом – увы! – я вижу для него новый соблазн и новую опасность. И поэтому считаю своим долгом открыто говорить об этом.

Привилегированное положение православия (согласно новому «закону о свободе совести») явно нравится представителям его высшей иерархии. Но такое покровительство властей требует отдачи и лишает церковь подлинной независимости. Радея постоянно о *кесаревом*, легко позабыть о *Божьем*. Ибо *«никто не может служить двум господам» (Матф. 6, 24)*. И упаси Бог православное священство от того, чтобы стать гонителями! Даже тех, кого они именуют «сектантами». Ибо только милосердие и любовь пристали пастырям, а гонения – совсем не христианское дело. Пусть же, оставив вражду, они займутся прежде всего проповедью православия и христианства, как это делал убитый в сентябре 1990 г. православный исповедник о. Александр Мень.

Интермедия. Судьба вечного отщепенца

Горю, горю в чужом огне –
И он моим огнем становится.
Ю. Даниэль

Имелась еще одна категория диссидентов – вне всяких категорий. Так сказать – всеобще-универсальная. Самая непонятная и странная. И потому, пожалуй, самая опасная.

В самом деле. Неудивительно, когда люди бьются за собственные интересы и защищают «своих». В конце концов можно отчасти понять крымских татар, стремящихся вернуться на свою родину. Или прибалтов, никак не хотящих забыть 20 лет своей государственной независимости. Или украинцев, упрямо желающих говорить и писать на своей «мове». И даже евреев, стремящихся то ли уехать на эту самую «историческую родину», то ли просто вырваться отсюда. А уж верующие – какой спрос может быть с темных, отравленных религиозным дурманом людей? А эти...

Ну, чего им надо? Взять к примеру А. Лавута. Ведь не татарин, отчего он так озабочен тем, что крымских татар не пускают вернуться в Крым? Зачем С. Ковалеву принимать к сердцу преследования Литовской католической церкви? Зачем русскому адвокату С. Каллистратовой защищать евреев-отказников (причем не только профессионально, в суде, но и в документах какой-то самозванной «хельсинкской группы»)? А уж академик А. Сахаров, он и за «политических», и за «религиозников», и за крымских татар, и за отказников, он защищает и диссидента В. Буковского, и поэта-коммуниста П. Неруду, и даже преследуемых индонезийских коммунистов... а впрочем, в чью защиту он не выступал? И ведь он не один такой. Взять ту же «Хронику». Этот настырный бюллетень лезет буквально во все дырки: тут и информация о крымских татарах, и о прибалтах, и об украинцах, и об отказниках, и о всяческих сектантах, и, разумеется, о так называемых «политических», и даже о «психах». Какое может быть до всех них дело подпольной московской редакции?! Или еще: в 1975 г. на пресс-конференции, посвященной Дню политзаключенного, Т. Великанова, Т. Ходорович, Ю. Орлов, Л. Алексеева и ряд других диссидентов выступили с заявлением. Поддержав выработанный в лагерях «Проект статута политзаключенного», они подчеркнули, что его основные положения (право на полноценное медицинское обслуживание, право на исполнение религиозных обрядов, запрет на наказания холодом и голодом и др.) применимы к любым заключенным. Выходит, и к уголовникам? Непонятные люди. Одно слово – правозащитники.

И кабы подобное заступничество сходило этим блаженным с рук! Но кроме тех немногих, кто эмигрировал, почти все они и сами – будущие лагерники

или ссыльные. И сознавали ведь прекрасно, куда приведут их эти «художества». Что ж, как говорится, поделом вору мука.

Да уж не рассчитывали ли они на благодарность потомков? Если так, то жизнь жестоко посмеялась над их надеждами. Кто в современной России не проклинает «дерьмократов»-реформаторов, разваливших Союз и разоривших великую страну?!

Ну, да что гадать понапрасну о мотивах выступлений этих горе-политиков, испортивших жизнь и самим себе, а в итоге – и всей стране? Перестрелять таких мало! Вывернутый, непонятный народ! И что уж совсем поразительно, не все правозащитники – евреи.

Что можно ответить на эти обвинения? Прежде всего, как бы внутренне ни относились правозащитники к советской империи, за распад СССР они не выступали. Да, они возражали против гонений на «националов» и сепаратистов, но ведь в Конституции и 1936 г., и 1977 г. за каждой союзной республикой признавалось «право свободного выхода из СССР». Следовательно, мирные выступления за независимость (тем более – за культурную автономию) нельзя было считать преступлением и карать уголовно. Кстати, защита диссидентами законных прав мирных «националов» объективно могла бы смягчить центробежные тенденции в республиках. И напротив, жестокие и многолетние преследования сторонников культурной автономии (например, на Украине) реально усиливали сепаратистские настроения. Но почему-то никто не догадался обвинить КГБ (или Андропова) в том, что своими акциями они способствовали развалу Советского Союза.

Совершенно нелепы расхожие обвинения правозащитников, что согласно их рецептам и рекомендациям в нашей стране загублен достраивавшийся, вот-вот осчастлививший бы всех нас социалистический рай, подмененный вмиг безжалостным волчьим капитализмом. Прежде всего, таких рецептов вообще не существовало. Планов экономического переустройства страны правозащитники по существу и не предлагали. Советская экономика рухнула сама, прежде всего под непосильной тяжестью расходов на «оборонку». А также из-за маниакального стремления КПСС к внешней экспансии, распространению на все новые страны и континенты своей власти и влияния (а ведь за это также приходилось платить и платить!). Не надо забывать и о том, что не только в новейшие, но еще в брежневские времена экономика СССР держалась главным образом на нефтяной трубе, на экспорте наших природных богатств. В крахе советской экономики присутствовал, разумеется, и «человеческий фактор», но в основе его были не чьи-то ошибки и просчеты, а объективные закономерности. При этом никто из возникших словно из небытия и вставших у руля отечественных нуворишей (Чубайс, Березовский, Гусинский и др.) никогда не принадлежал к кругу диссидентов.

Что же касается того немногого, к чему и вправду стремились правозащитники и что действительно осуществилось в годы «перестройки» и реформ... я хочу сейчас предложить читателю тест и спросить его: какие из новаций, отвечавших требованиям диссидентов, были ненужными или вредными, и их поэтому следует поскорее отменить?

Итак, хотели бы вы, читатель, восстановить 6-ю статью «брежневской» Конституции, отдав опять коммунистам абсолютную и бесконтрольную власть и запретив все прочие партии? Хотели бы вы вернуть «выборы без выборов» с единственным именем в избирательном бюллетене, заранее подобранном и утвержденном все теми же коммунистами? Хотели бы вы восстановить жесткую идеологическую цензуру всех газет, журналов и книг, радио и TV? Снова начать преследования за инакомыслие, за слово и даже за анекдоты? Возродить гонения «за веру»? Следует ли загнать обратно в резервации крымских татар и прочих «чурок»? Или, может быть, вы бы хотели, чтобы возможность поехать за границу зависела от благоволения КГБ и соизволения «треугольника» (т. е. опять в первую очередь – парткома)? И выслушивать перед поездкой инструктаж о политической бдительности и о всяческих провокациях, на которые горазды все эти «империалисты»? И ехать не как частное лицо, ни-ни, а в составе группы, и кто-то из этих одногруппников будет следить за каждым вашим шагом и докладывать потом «куда надо»? Согласны ли вы опять запирать в психушки слишком упрямых инакомыслящих? Хотите ли вы опять всего этого?!

...Мне казались очевидными ответы на эти вопросы. Боже, до чего же в очередной раз я оказался наивным! 8 апреля 2003 г., во время телепередачи, посвященной очередной годовщине избрания Брежнева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, был проведен телефонный опрос зрителей. И что же? ***86% из нескольких тысяч принявших участие в опросе наших сограждан желали бы возврата в брежневские времена!*** *Я понимаю, что большинство совсем не обязательно оказывается правым. Что результат опроса выражает прежде всего протест против горьких реалий сегодняшнего дня. Что многие из чающих возврата в советские времена скоро горько бы пожалели, осуществись в самом деле это их желание. По счастью, история, даже поворачивая вспять, не повторяется полностью. Но ясно мне и другое: в России правозащитнику, откликающемуся на чужую боль и готовому плыть на зов не только «своих», но и чужих огней, на выручку попавших в беду наших соотечественников, еще долго будет уготована судьба вечного отщепенца.*

День политзаключенного

Крымские татары. «Националы». Отказники. «Психи». «Религиозники». Правозащитники. Всех этих оппозиционеров разных взглядов и устремлений со-

ветская Фемида интегрировала как «антисоветчиков» и щедро переселяла на разбросанные повсюду острова «архипелага ГУЛАГ». Пересекаясь и встречаясь друг с другом в тюрьмах и лагерях, повязанные общей судьбой узники стали осознавать себя как некую общность. Раз никто из них не прибегал к насилию, не совершал никаких уголовных преступлений, раз власти преследуют их всех исключительно по идеологическим, политическим мотивам, значит они – **политзаключенные.** И то, что происходило с ними в тюрьмах и лагерях, стало по справедливости стержневой темой «Хроники».

Советская пропаганда не признавала существования в СССР «политических» заключенных. Поэтому их содержали вместе с уголовниками: тех, кого признавали особо опасными, – в тюрьмах, строгих и особых лагерях, остальных – в общих и усиленных. Стоит только отметить, что политзаключенные более легкой категории, отбывая намного меньшие срока и находясь в менее суровых режимных и бытовых условиях, пребывали все время в окружении уголовников (не в каждом из лагерей общего режима содержался хотя бы один политзаключенный). А в строгих лагерях и тюрьмах политзэки составляли значительный процент, и поэтому рядом с политузником постоянно было немало людей, близких ему по духу. Вероятно, поэтому движение за **статус политзаключенного** зародилось именно среди политузников строгого режима.

Все началось в Мордовии в 1974 г. Встретившись «на больничке», правозащитник Кронид Любарский и «самолетчик» Алексей Мурженко, переговорив друг с другом, условились: проводить ежегодно 30 октября **День политзаключенного в СССР.** Идея была подхвачена в лагерях, сообщена на волю. 30 октября 1974 г. на пресс-конференции на квартире А. Д. Сахарова западным корреспондентам было рассказано об этой инициативе узников мордовских и пермских лагерей, которые в этот день проводили голодовку. Среди их требований: признать статут политзаключенного; отделить их от военных преступников и уголовников; отменить принудительный труд и наказания за невыполнение нормы; отменить ограничения в переписке, посылках и передачах и ряд других. Корреспондентам были переданы письма и заявления политзаключенных, тайно пересланные из лагерей.

Власти были взбешены такой инициативой «политических». К. Любарский был до конца срока переведен во Владимирскую тюрьму. С. Ковалев, один из организаторов пресс-конференции 30 октября, был вскоре арестован и осужден. Были наказаны и многие другие участники акции. Но День политзаключенного с тех пор ежегодно отмечался голодовками и протестами в лагерях, а на воле пресс-конференция 30 октября стала традиционной.

...Листаю страницы «Хроники». Не стоит снова перечислять бесчисленные свидетельства о голоде и холоде, царивших в советских тюрьмах и лагерях, – сегодня это общеизвестно. Приведу лучше несколько «мелких», частных примеров из разных выпусков бюллетеня. Быть может, они помогут читателю почувствовать атмосферу постоянных притеснений «политических» администрацией ИТУ и их борьбу за свои права и человеческое достоинство.

...В мордовском лагере у художницы Стефании Шабатура отобрали и сожгли 150 ее рисунков. В знак протеста она отказалась от работы. Тогда ее на полгода поместили в ПКТ. С. Шабатура объявила голодовку и держала ее 12 дней.

... У Г. Суперфина во Владимирской тюрьме отобрали Библию. Он объявил голодовку и держал ее 33 дня. Прокурор Владимирской области действия администрации признал правомерными. ... С мая 1976 г. заключенным во Владимире разрешили носить кресты, а до этого у многих нательные кресты отбирались. ... У Ю. Вудки изъяли еврейский религиозный календарь.

... Украинцу В. Федоренко во Владимирской тюрьме, надев наручники, сбрили усы. ...Валентину Морозу на свидании с сыном запретили говорить по-украински. ...Письма родным, написанные по-украински, задерживаются в цензуре до месяца «из-за необходимости их перевода». («Пишите на русском, как все нормальные люди», – отвечает на жалобы администрация). А 25-летник П. Паулайтис, 73 лет, в Мордовских лагерях фактически лишен переписки, т.к. среди лагерных цензоров нет переводчика с литовского. *(Быть может, эти примеры сделают понятней читателю одно из требований политзаключенных: отбывать наказание в пределах «своей» республики).*

...Когда советские суды выносят «политическим» суровые приговоры, когда в тюрьмах и лагерях администрация создает для них невыносимые условия, это можно хотя бы объяснить тем, что такова функция этих заведений. Но когда к этим гонениям послушно присоединяются сотрудники научных учреждений... Высшая аттестационная комиссия (ВАК) лишает степени кандидата физико-математических наук К. Любарского «из-за его антипатриотической деятельности». И такое решение не было исключением. В разное время эта «почтенная» комиссия лишила научных степеней А. Болонкина, В. Лисового, Г. Дубова, Л. Богораз. Впрочем, все равно бывшие политзаключенные – и лишенные, и не лишенные степеней и званий, – почти не допускались к квалифицированной работе по специальности. *Словом, это замечательное начинание пропало почти что втуне. А ведь стоило совсем чуть-чуть его доработать, и тогда... Представим: государственного преступника лишают не только ученой степени, но и высшего, и среднего, и начального образования. Кто он тогда такой? – **неграмотный**! И если за границей вдруг начнется шум, например, по поводу какого-нибудь выступления академика А. Сахарова, компетентные органы с полным правом могли бы заявить: «Кого вы, господа, слушаете? С кем якшаетесь? Он ведь неграмотный!» А уж в лагерях можно было бы отби-*

рать у «политических» бумагу и письменные принадлежности: зачем они им, если они сплошь неграмотные?!

Взыскания, «постановления», придирки... за действительные и за мнимые прегрешения, а то и за совершеннейшие мелочи: за нарушение формы одежды (незастегнутая пуговица), за опоздание на развод или за невыполнение нормы. Они сыплются на политзаключенного постоянно, но особенно густо – перед концом срока. И встречные действия: заявления и жалобы прокурору и во все мыслимые инстанции, откуда почти всегда отвечают, что действия администрации были правильными и обоснованными. «Левая» пересылка тех же заявлений на волю, постоянно чреватая провалом. А тогда – ШИЗО, ПКТ, перевод в «крытку». Такова лагерная жизнь.

Но в конце 70-х узники совести знали, что они не одиноки. Что их поддерживают, за них борются друзья и единомышленники на воле. Что о том, что происходит с ними, постоянно пишет «Хроника». Что в их защиту открыто выступают не только многие соотечественники, но и зарубежные правозащитные организации. Что даже президенты и члены парламентов ряда стран порой выражают обеспокоенность их судьбой.

...Осенью 1982 г. в омском лагере УХ-16\8 я получил короткую телеграмму из Куйбышева: «Тридцатым октября. – Люба». И хотя никого в этом городе я не знал, смысл приветствия мне, политзаключенному, был совершенно ясен. Три слова той депеши стали для меня дорогой наградой. Как здорово, что Люба из Куйбышева знает и помнит обо мне, что она хочет меня поддержать!

Наверно, я никогда не узнаю и не увижу женщину, приславшую мне ту телеграмму. Но и сегодня, спустя двадцать лет, я с признательностью вспоминаю ее трогательное поздравление. Спасибо от всего сердца, неизвестная мне Люба! Надеюсь, что Ваша жизнь сложилась счастливо, что Вы и сейчас такая же отзывчивая и добрая!

... В конце 70-х мне не раз случалось бывать на разных правозащитных пресс-конференциях, а порой и самому принимать в них некоторое участие. Они слились между собой в моей памяти, и я не могу припомнить подробности той, что проходила на квартире А. Сахарова 30 октября 1979 г. Она была посвящена Дню политзаключенного, и проводила ее Таня Великанова. Мог ли я в тот момент представить, что мы увидимся снова только через семь с лишним лет?!

Хорошо помню другое. Два дня спустя морозным вечером я вышел из своего дома, чтобы позвонить Тане по уличному автомату (квартирный телефон у нас был отключен). Трубку «на Красикова» сняла Юля, Танина дочка. Она сказала несколько слов, и вдруг я боднул головой стекло телефонной будки, словно кто-то ударил меня под ложечку; стекло выскочило из стенки и со звоном разлетелось на части. «Мерзавцы! Как они посмели! – закричал я в трубку. – Когда, как это случилось?»

Что теперь делать? Бессильная ярость душила меня. Я услышал ужасную новость: Таню, нашу Таню арестовали сегодняшним утром.

Арестована Татьяна Великанова!

Из «Хроники № 54: *1 ноября [1979 г.] ...явившись с группой из четырех человек на квартиру Великановой в восьмом часу утра ... Капаев [следователь УКГБ] объявил Великановой, что она должна поехать «на беседу» и предложил ей «одеться потеплее». ... На требование предъявить соответствующее постановление Капаев ответил: «Можете считать это нашим произволом».*

[Когда Великанову увели] ... Капаев предъявил Владимиру и Юлии Кейдан [зятю и дочери Татьяны Михайловны] постановление об обыске. ... Среди изъятого:

– документы Московской группы «Хельсинки», «Информационный бюллетень» Рабочей комиссии по психиатрии, издания адвентистов, брошюры на литовском языке...

– документы и информационные тексты о судебных процессах и положении заключенных...

– зарубежные русские газеты и журналы...

– сборник повестей М. Булгакова («Дьяволиада» и др.).

Владимир и Юлия Кейдан ... подписать протокол отказались ...позвонив [после окончания обыска по оставленному Капаевым телефону], они добились только подтверждения факта ареста [Т. Великановой].

Не один я был потрясен Таниным арестом. В ее защиту (а также в защиту арестованных почти одновременно А. Терляцкаса из Вильнюса и священника Г. Якунина) сразу же выступила Московская группа «Хельсинки», спустя неделю – Литовская Хельсинкская группа. Следом – Католический комитет защиты прав верующих, затем – 35 священников Литвы, 8 граждан Эстонии. С обращением к международным женским организациям выступили десять московских правозащитниц. В декабре в Москве был образован **Комитет защиты Татьяны Великановой;** в него вошли: Л. Богораз, Е. Боннэр, С. Каллистратова, Л. Копелев, А. Лавут и Л. Терновский. Комитет собирал и распространял всю доступную информацию о деле Т. Великановой, публикуя ее в специальных бюллетенях. В двух его номерах помещено 27 писем в защиту Великановой, которые подписало почти 500 человек. Почему же арест Тани, математика-программиста по профессии и подвижницы по сути и по призванию, так взволновал столь многих? Вот отрывки из одного из писем в ее защиту:

Мы потрясены арестом Татьяны Михайловны Великановой. Все десять с лишним лет ее участия в борьбе за права человека этого можно было ждать в любую минуту... но к такому нельзя привыкнуть. ... То, чем жила Татьяна Великанова эти десять лет ... это – работа, тяжкий труд, с ежедневным, ежечасным «надо», приказанным совестью.

Надо принять и выслушать десятки людей, прочитать письма и записки ...собрать, сохранить эти сообщения ...надо встретиться или списаться с теми, кто поможет эту гору фактов проверить, сопоставить, уточнить, чтобы не было и слова неправды, кто напишет, перепечатает, и надо уйти от слежки ...чтобы уберечь друзей и их семьи. И тогда свершившееся станет достоянием гласности, получат помощь «хельсинкцы» или комиссия по борьбе с злоупотреблениями психиатрией. ...И кому-то легче станет оттого уже, что его боль или его борьба известны людям...

...В кабинетах Лубянки сыщики и эксперты ...не смогут отыскать ни слова клеветы ...и все равно запишут ее в приговор ... и добавят – «с целью подрыва и ослабления».

... Свидетельствуем: «подрыв власти» – вне круга понятий, близких Т. Великановой, а если власть ослабляется оттого, что о ней узнают неприглядную правду, то кого в этом винить?

Корысть? Собирая утром 1 ноября мать в долгий арестантский путь, Юлия Кейдан с трудом наскребла в доме во что ей одеться: годами видели мы ее в одном и том же поношенном, холодном пальто.

Слава? Татьяна Михайловна – человек, исполненный простоты, сочетающейся с глубоким внутренним достоинством, не нуждающимся в атрибутах признания.

...Ни Великанова, ни движение за права человека в целом не знают никаких «заданий», никаких «зарубежных центров». Есть друзья и единомышленники, среди них П. Григоренко, Л. Алексеева, А. Гинзбург, В. Чалидзе, К. Любарский, Е. Янкелевич, эффективно помогающие [из-за рубежа] *тем, кто здесь, все тем же оружием – гласностью...*

[Татьяна Великанова] *...из тех, кто умеет услышать чужую боль и унижение ...у кого циничное беззаконие вызывает не паралич страха, а волю к противодействию. ...В этот труд она внесла и свой талант исследователя («математикой займусь в камере» – не раз шутила она), и житейскую мудрость, и безукоризненную честность.*

...Она в полной мере заслужила, чтобы тысячи людей в этой стране и за ее пределами потребовали:

«СВОБОДУ ТАТЬЯНЕ ВЕЛИКАНОВОЙ!»

Только под одним этим письмом подписалось **392 человека.** Авторы некоторых писем напоминали о том, что Т. Великанова стояла у самых истоков правозащитного движения, была одним из основателей **Инициативной группы,** что в 1974 г. она (вместе с С. Ковалевым и Т. Ходорович) открыто взяла на себя ответственность за распространение возобновленной «Хроники». Многие подчеркивали Танину естественность и нравственную высоту, ее отвращение ко всяческой «политике», этическую мотивацию всех ее поступков. Отдельно в ее защиту выступили А. Сахаров и Е. Боннэр, философ Г. Померанц, писатели Г. Владимов и В. Войнович. Конечно, и я не мог промолчать, когда Таню, моего друга, бросают в Лефортово. Для меня было несомненно, что *ее схватили потому, что власти, держащейся на повальном страхе и оголтелой лжи, нестерпим человек, не дающий себя запугать и говорящий правду.* Ее арест, совершенно закономерный и неизбежный при царившем в СССР беззаконии, был оттого не менее несправедливым и ранящим. Узнав, что образуется **Комитет** для ее защиты, я тотчас вошел в его состав. Да, думалось мне, *есть времена и обстоятельства, переворачивающие привычные понятия и оценки. Когда позорно сидеть в судейских креслах и почетно – на скамье подсудимых.* Все это я попытался выразить в собственном письме в ее защиту. Оно было включено в бюллетень Комитета защиты и вскоре опубликовано в парижской газете «Русская мысль». Недавно оно еще раз было напечатано в моей книжке «Отпущенное слово», вышедшей в 2002 г. Поэтому я не стану сейчас подробно пересказывать свое письмо.

Стихи – нечастый гость в правозащитных документах. Но второй выпуск бюллетеня нашего Комитета украсили стихи Владимира Корнилова:

Арестовали Великанову...
...
...Она была такою женственной,
Такой красивой и седой,
Так не по-здешнему естественной,
Как будто заживо-святой!
...
Не ретроградная, не левая,
Ничей не осуждая грех,
Свое простое дело делая,
Ни за кого была – за всех!
...
России славу – Великанову! –
Поведавшую вновь, что есть
Помимо страха окаянного
Самоотверженность и честь.

Бесстрашный вызов творящим беззакония властям бросила С. Каллистратова, адвокат-правозащитница. В своем «Заявлении для печати» от 5 ноября 1979 г. она написала: *«...Мне хорошо известна правозащитная деятельность Татьяны Великановой, заключавшаяся в сборе и распространении информации о нарушении прав человека в нашей стране, в подписании протестов против несправедливых репрессий и осуждений за мысль, за слово, против произвола и насилия во всех формах, а также в оказании помощи узникам совести и их семьям. Я не только знаю об этой деятельности, но в меру своих сил и способностей делаю то же самое. Убеждена, что вся правозащитная деятельность Великановой, как и моя, является легальной, открытой, не содержит в себе никакого криминала и целиком укладывается в рамки норм, установленных советской Конституцией, международным пактом о политических и гражданских правах и Заключительным Актом Хельсинкского совещания.*

Я заявляю, что готова вместе с Татьяной Великановой и наряду с ней отвечать перед любым гласным открытым судом».

Подобное же письмо с заявлением о своей причастности и полном одобрении деятельности Великановой, о солидарности и готовности разделить с ней ответственность направили в Президиум Верховного Совета СССР еще девять правозащитников.

Приведу отрывки еще только из одного письма – из письма детей Великановой:

Нашу семью постигло большое горе. Арестована наша мать, бабушка наших детей... Утром 1 ноября 1979 г., когда мы все еще спали, раздался звонок в дверь. Сотрудники КГБ ... подняли нас с постелей, велели немедленно одеться. «Вы пойдете с нами!» – сказал главный из них нашей матери. ... Мы собрали ей смену белья и теплую одежду.

...После того как мать увели, начался обыск, длившийся девять часов. Агенты КГБ искали по всей квартире «антисоветские» документы. ...С нескрываемым азартом бросались обыскивающие на каждую бумажку, подозревая крамолу. Но это были открытые письма протеста против нарушения гражданских прав в СССР, сборники «Хроники текущих событий» ...частные письма политзаключенных и их родственников с просьбами о помощи. Как известно, именно это и называется в нашей стране – «антисоветчиной», «заведомой клеветой», «подрывной литературой».

...В 1968 г. КГБ разлучил нас с отцом, Константином Бабицким, бросив его в тюрьму, а потом в северную ссылку за участие в демонстрации на Красной площади против вторжения советских войск в Чехословакию. Наша мать вырастила нас, троих детей, на скудную зарплату инженера, которой едва хватает на обеспечение одного человека.

Нашей матери 47 лет. ... Под давлением КГБ она была вынуждена оставить работу по специальности и поступила ночной няней в детскую больницу. Но и этой работы она лишилась через год и в последнее время нянчила дома младенцев-внуков. Мы, ее дети, днем работаем или учимся, кроме нее сидеть с ними днем фактически некому.

...Мать не раз уговаривали эмигрировать, чтобы не подвергать себя и детей опасности, но она всегда отвечала: «А кто же останется здесь? Мы ответственны за все, что происходит в нашей стране, и я не хочу уходить от этой ответственности».

...Помогать людям было для нее внутренней потребностью. Многие из тех, кому она помогала, даже не знали ее в лицо, а некоторые и по имени.

...Мать спала не более 4-5 часов в сутки, поднимаясь раньше всех, чтобы прочитать письма, пришедшие от узников концлагерей, тюрем и психбольниц, от преследуемых за веру, убеждения или желание эмигрировать. ...С самого утра идут к ней люди. Вот татарин, который посмел вернуться на свою родину – в Крым, купил на последние деньги лачугу, а через несколько дней милиционеры и солдаты выкинули его, шестерых детей и стариков родителей на улицу, а дом снесли бульдозером. Следом приходит женщина, отправляющаяся на свидание к мужу-литовцу, который многие годы томится в лагере за мечту о культурной автономии Литвы. За женщиной – делегация верующих, членов незарегистрированной христианской общины. У них только что арестовали пресвитера, а их оштрафовали ...их детей преследуют учителя и избивают науськанные учителями соученики; у некоторых из верующих дети навсегда отняты по суду и помещены в приюты...

Татьяна Великанова

...А ведь на руках у матери еще и маленькие внуки, а их надо покормить, обуть, одеть, вывести погулять, уложить спать. ...у нее ни минуты свободного времени. ...Телефон звонит непрерывно. С Украины сообщают о новой волне арестов членов Хельсинкской группы. О том, что зверски избит ...сын пастора Винса, и после этого он же обвинен в хулиганстве. Мать звонит и сама. Телефон, конечно, прослушивается, но, не обращая на это внимания, мать набирает номера корреспондентов иностранных агентств, чтобы через них привлечь внимание международной общественности к судьбе очередного мученика.

...Лишь вечером мать освобождается от присмотра за детьми, но и тут заботы не оставляют ее, и она едет подчас на другой конец города – в

любую погоду – навестить кого-то из страждущих, снова принять в свое сердце потоки чужого горя ...вселить надежду. А за ней неотступно следуют агенты КГБ, и невозможно отделаться от этой унизительной слежки.

...Наша мать – настоящая подвижница, праведница. Мы убеждены в этом, как убеждены в этом все, кто встречался с нею. ... Мы твердо знаем, что она виновна лишь в том, что исполняла заповедь Спасителя: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

Петр Григоренко в США на демонстрации в защиту Татьяны Великановой.

Ее маленький внук спрашивает у отца:

– Где бабушка Таня?

– В тюрьме.

– Как Он? – говорит мальчик, глядя на изображение Христа в темнице.

– Да.

– Ее тоже бьют палкой?

...

Люди, друзья, братья и сестры! Во имя Любви, во имя Справедливости, во имя жизни – спасите нашу мать!

Может быть, она из тех самых праведников, без которых не устоит, рухнет в огненную бездну ненависти, злобы и самоуничтожения наша страна.

...Помогите освободить нашу мать. Она нужна не только нам, ее детям и внукам, но и всем вам. Без нее оскудеют на земле любовь и милосердие. Завтра к любому из вас может постучаться в дверь беда, и некому будет прийти на ваш крик о помощи.

Декабрь 1979 г. Наталия Бабицкая, 26 л., дочь
Федор Бабицкий, 24 л., сын
Юлия Кейдан, 21 г., дочь
Владимир Кейдан, 33 г., зять.

...Передают ли хоть отчасти эти письма и заявления то, чем была для всех нас наша Таня? То, как любили и восхищались ею друзья и знакомые, ближние и дальние, признавая ее в душе лучшей из всех? Как невольно уважали ее даже противники? Тане предстояло пробыть 10 месяцев в следственной тюрьме Лефортово. Зная, как никто, что суды по «политическим делам» в СССР представляют собой лишь бессовестный фарс с заранее предрешенным итогом, Татьяна не захотела принимать никакого участия в этом недостойном действе. За все время следствия она не дала никаких показаний и не подписала ни одного документа. Отказалась она и от всякого участия в суде, приговорившего ее к 4 годам лагерей и 5 годам ссылки. Вернувшись в Москву в 1988 г., уже в годы «перестройки», Таня целиком посвятила себя педагогике и пошла преподавать математику в школе. И скоро стала одним из любимейших учителей. В феврале 2002 г. в «Мемориале» было тепло отмечено ее 70-летие. И кто тогда мог догадаться, что в сентябре того же года нам снова придется прийти в тот же самый зал, – но уже на ее поминки?..

...А тогда, в ноябре 1979 г., в кругу правозащитников невольно вставал еще один безмолвный вопрос: оправится, выживет ли «Хроника», потерявшая в одночасье своего «директора»? Да, делают ее многие, но в Таниных руках были собраны все нити, и без нее выпускать бюллетень станет намного трудней. Ответ на этот вопрос содержался уже в первом номере бюллетеня Комитета защиты:

Заявление

«Хроника» считает, что арест Татьяны Великановой, одна из самых тревожных акций в кампании по ликвидации правозащитного движения, несомненно имеет и свою особую цель – ликвидировать гласность, для становления которой Т. М. Великановой сделано очень много.

Одной из реализаций принципа гласности в нашей стране является выходящая уже одиннадцать с лишним лет «Хроника текущих событий».

«Хроника» полагает, что этот принцип гласности искоренить не так легко. Поток информации о борьбе за права человека в СССР не прекращается.

«Хроника текущих событий» продолжает выходить.

15 ноября 1979 года.

Рвущиеся нити

До этих пор события, о которых рассказывала «Хроника», протекали хоть и не всегда непосредственно на моих глазах, но на моей живой памяти. Но вот-вот (и я сознавал это) мне предстояло вслед за многими друзьями перейти из разряда правозащитников в разряд правотерпцев. Уже с момента вступления в **Рабочую комиссию** по психиатрии в мае 1978 г. арест и заключение представлялись мне неизбежны-

ми. Но после ареста Тани я почувствовал, что эти сроки подступили вплотную, – совсем скоро. Если не в этом месяце, так в следующем, думал я. В действительности вышло – через 5 с небольшим месяцев.

В декабре 1979 г. геронтократы из Политбюро в преступном ослеплении начали бессмысленную афганскую войну (так же, как спустя 15 лет чеченскую – Ельцин) и почти десятилетие не могли вылезти из кровавой афганской ямы. Это делало неизбежным «закручивание гаек» и внутри страны. В том же декабре были арестованы В. Абрамкин, один из редакторов самиздатского журнала «Поиски», и В. Некипелов, член МГХ. И с каждым из этих арестов обрывались какие-то личностные человеческие связи.

...Верхом брежневско-андроповского беззакония стала ссылка в Горький академика А. Сахарова. Ссылка – **мера уголовного наказания.** Согласно Конституции и всем советским законам ссылка может назначаться только по приговору суда. Но Сахаров был сослан без суда, по произволу КГБ и высшего партийного и советского руководства. Закон не предусматривает ссылки на срок свыше 5 лет – Сахаров был сослан бессрочно (и оставался запертым в Горьком 7 лет без месяца). К нему практически не допускали (и насильно отправляли обратно) приезжавших его навестить друзей, хотя приговоренные к ссылке по суду имеют право принимать у себя гостей. Стоит ли говорить об отсутствии телефона в горьковской квартире, «пропаже» множества писем, краже рукописей, постоянном подслушивании и слежке?!

...О том, что Андрея Дмитриевича схватили и куда-то увезли, я услышал в самый день высылки, вечером 22 января 1980 г. Сразу же я помчался на улицу Чкалова, где Сахаров жил в квартире жены вместе с ее матерью, Р. Г. Боннэр. Руфь Григорьевна и Лиза Алексеева, невестка Елены Георгиевны, провожали Андрея Дмитриевича с женой до трапа самолета, унесшего их в Горький. Вернувшись, они рассказали съехавшимся к тому времени друзьям и иностранным корреспондентам подробности случившегося.

Не стану пытаться выразить свое отношение к Андрею Дмитриевичу. Мое восхищение им беспредельно, я считал его (и считаю до сих пор) совестью и славой России, человеком, который в веках пребудет гордостью не только нашей страны, но – всего человечества. Расправа над Сахаровым, лауреатом Нобелевской премии мира, вызвала много протестов в самом Советском Союзе. «Хроника» № 56 сообщает о 13 таких письмах, под которыми стоят подписи нескольких десятков наших сограждан. Мне приятно, что и я успел до своего ареста подписаться под одним из них. Ссылка и изоляция Сахарова стала тяжелейшим ударом по всему правозащитному движению. Его горьковское заточение стало не только трудным испытанием для самого Андрея Дмитриевича и его жены, но лишило опоры многих людей в нашей стране, для которых он был (Сахаров узнает! Сахаров заступится!) последней инстанцией и единственной надеждой. Его высылка обрывала не одну, а десятки и сотни нитей межчеловеческих связей...

Ученые и общественные деятели многих стран мира выступили в защиту Сахарова. И только его отечественные коллеги повели себя позорно и труслливо. Ни один советский академик не выступил публично против вопиющего беззакония. Нашлись среди них даже такие, кто присоединились к травле Сахарова, запертого и лишенного возможности им ответить. (Например, академики А. А. Дородницын, А. М. Прохоров, Г. К. Скрябин и А. Н. Тихонов, чьи подписи стоят под статьей «Когда теряют честь и совесть» в «Известиях» от 3. 07. 83 г. Или Президент Академии наук А. П. Александров, сказавший в июне того же года в интервью американскому журналу, что Сахаров «страдает серьезным психическим расстройством»). Лишь два академика, П. Л. Капица и Ю. Б. Харитон, частным образом обращались к советским властям с просьбами облегчить положение Сахарова, но их письма – увы! – не были публичными.

...В первые же дни после возвращения Андрея Дмитриевича в Москву в декабре 1986 г. мне довелось снова побывать на прославленной сахаровской кухне. Да, за семь лет горькой горьковской ссылки Сахаров постарел и осунулся, но держался бодро и был полон деятельной энергии. Увы, даже в «перестроечные» времена, даже став народным депутатом, Сахаров не раз подвергался нападкам и травле консервативного крыла депутатского корпуса. Не ускорила ли эта травля его внезапную смерть 14 декабря 1989 года?..

...Восьмидесятый год несся стремительно, не давая перевести дух и принося все новые сюрпризы, – в том числе и для меня лично. В январе были арестованы еще два редактора «Поисков», Ю. Гримм и В. Сокирко. 29 января меня пригласили открыткой в райотдел милиции. Там замначальника по угрозыску и неназвавшийся мужчина в штатском настоятельно рекомендовали мне прекратить свою деятельность в Рабочей комиссии по психиатрии и предупреждали, что я вот-вот переступлю «грань закона». Я ответил, что не считаю свою общественную деятельность противозаконной и не уклоняюсь от ответственности. 12 февраля был арестован мой товарищ Вячеслав Бахмин, один из основателей комиссии по психиатрии, а у меня прошел обыск. 7 марта во Владимире была арестована Мальва Ланда, член МГХ, и вскоре она была приговорена к 5 годам ссылки. 26 марта я (одновременно с Феликсом Серебровым) вошел в Московскую группу «Хельсинки».

...Пасха в 1980 г. была ранняя – 6 апреля. В самый ее канун я заехал к одной своей знакомой, пообещавшей переслать через надежного человека «левое» письмо моему давнему другу А. Примаку, уже несколько лет проживавшему в США. Сразу же, в самом начале письма, я написал, что «резвиться» на воле мне, по-видимому, остается недолго. И предложил в случае моего ареста издать за рубежом сборник под названием ***«Отпущенное слово»*** *из несколь-*

ких написанных мной к той поре статеек. Я просил включить в него посвященную чехословацким событиям статью «Сентябрь грядущего года», когда-то отданную мной в самиздат под псевдонимом «Валентин Комаров». Как я узнал впоследствии, мое письмо благополучно дошло до адресата, но ... спустя два с лишним года. Зато в наступившие новые времена я смог значительно пополнить состав сборника и издать в 2002 г. свое «Отпущенное слово» дома – в постсоветской России.

... Булгаковский Мастер верно говорил, что Воланд (если угодно, его можно именовать и судьбой) умеет «запорошить глаза». Того, что случилось 10 апреля, я ждал всякий день. Но в тот четверг домашние хлопоты отвлекли меня от недобрых ожиданий: надо было встречать Людмилу, мою жену, прилетавшую из Железноводска, где она лечилась по «курсовке». А завтра был ее день рождения.

...На работе с утра я договорился, что уйду пораньше, чтобы вовремя попасть в аэропорт. Потом ко мне в кабинет позвонила Софья Васильевна: вечером собрание нашей хельсинкской группы. Как же я везде успею? А успевать мне уже никуда не пришлось. Сначала по внутреннему телефону мне позвонил проректор А. П. Савченко и сказал, ***чтобы я никуда не отходил,*** *– от него, мол, придет на исследование какой-то амбулаторный больной. А часов в 10, как только из моего рентгенкабинета вышел очередной пациент, в дверь вошла замглавврача, молодая и партийная Ангелина Ивановна, и вместе с нею двое в штатском.*

– Это к Вам, – сказала она и сразу исчезла.

– Мы из прокуратуры, – показал свое удостоверение один из мужчин. – Вам надо поехать с нами.

Выхожу из кабинета. Во всем длинном коридоре – ни души, куда-то подевались все больные. И только вдали, у лифтного холла, одиноко маячит наша замглавврача. Но возле самого выхода из клиники мне навстречу все же попался наш другой рентгенолог, Виталий Самойлович.

– Куда Вы уходите так рано, Леонард Борисович? – удивился он.

– Да вот за мной пришли из прокуратуры, – только и ответил я.

– Зачем Вы сказали ему насчет нас? – выразил недовольство кто-то из моих провожатых.

Черная «Волга». Я на заднем сиденье, мои провожатые – по бокам. Едем, судя по маршруту, ко мне домой. Приезжаем. Начинается обыск. Дома только теща, она готовит на кухне закуски к столу, – ведь завтра Людмилин день рождения. Да, замечательный у нее получится праздник! В кармане у меня – записная книжка с адресами и телефонами множества друзей и знакомых. Готовый список кандидатов для вызова на допрос – настоящий подарок для следователя! Как бы избавиться от нее? Я сижу на диване, и справа от меня растет гора просмотренных и отложенных за ненадобностью книг с наших полок. Я достаю из кармана злополучную книжку, прикрыв ее носовым платком, и незаметно кладу в стопку оставляемых бумаг. Обыск окончен. Отмечаю в протоколе, что среди забранных бумаг нет никакой клеветы или «антисоветчины» и что поэтому их изъятие незаконно.

– Вы ненадолго проедете с нами в милицию, – говорит мне следователь Титов, проводивший обыск.

Моей Людмилы все еще нет. Прощаюсь с тещей, говорю, что скоро вернусь (догадываясь, что – увы! – вернусь нескоро) и выхожу со своими провожатыми.

В милиции Титов проводит короткий допрос, – я отказываюсь отвечать на все вопросы.

– Познакомьтесь тогда еще с одной бумагой, – говорит мне Титов.

Конечно. Этого я и ожидал. Ордер на мой арест.

Поздним вечером «воронок» отвез меня в Бутырку, а под утро, после всех положенных процедур, я был отведен в мою первую камеру. «302» – прочитал я на ее двери.

Теперь почти все нити, связывавшие меня с родными и друзьями, порваны. Что же дальше? Полное, глухое молчание? Не совсем так. Какая-то информация просачивается и в камеры. Иногда «для пользы дела» что-то сообщает следователь. Так, ведущий мое дело Г. В. Пономарев на одном из допросов упомянул как бы между прочим про «раскаяние» священника Д. Дудко, но я никак не прореагировал на его слова. И даже достоверные сведения о «Хронике» в последний раз – вплоть до своего пребудущего освобождения в 1983 г. – я тоже услышал в тюрьме. 29 апреля 1980 г. был арестован и также помещен в Бутырскую тюрьму Александр Лавут. Каким-то образом Саша узнал номер моей камеры, и вскоре мы сумели обменяться записками. А потом нас словили на «межкамерной связи» и отправили в карцер. Но по дороге заперли вдруг вдвоем в крохотный неосвещенный боксик. Хотели послушать, о чем мы будем говорить, и мы, разумеется, все время имели это в виду. Только вот секретов у нас почти не было. Саша сказал мне, что на обыске в день ареста у него изъяли несколько номеров «Хроники», и среди них почти готовый 55-й – с рукописными пометками. «Неужели же номер пропадет? Или где-то сохранились другие его экземпляры?» – подумал я. Но тогда, перед микрофонами «подслушки», разумеется, не стал спрашивать об этом Сашу. Сегодня я держу этот номер в своих руках. Значит – слава Богу! – он все-таки сохранился.

На всех личных свиданиях в лагере жена и дочь подробно рассказывали мне о том, что происходит на воле, о судьбах многих и многих сотоварищей. Но о «Хронике» речи не было, может быть, бюллетень просто не доходил до них. А когда в 1983 году я вышел из лагеря, выпуск «Хроники» был уже окончательно прекращен.

Интермедия.
Кто и когда освободит арестанта?

...Листаю брошюры в зеленых обложках – выпуски «Хроники» за конец 1979-80 гг. Когда-то такая коллекция, обнаруженная на обыске, вполне могла бы «потянуть» на годы заключения. А сегодня это не

более чем библиографическая редкость. Вот неполный перечень событий, о которых рассказывалось в них.

Выпуск № 55. Суды на Украине: над В. Стрельцовым, П. и В. Сичко, Ю. Литвином и А. Бердником (все они – участники Украинской ХГ; совсем скоро и все ее члены окажутся за решеткой). Освобождена (по окончании заключения и ссылки) художница С. Шабатура.

№ 56. Высылка А. Д. Сахарова в г. Горький. Арест В. Бахмина. Суд над М. Ландой. Арест Л. Терновского. Арест А. Лавута. Суд над И. Губерманом.

Суды на Украине, в Армении, в Эстонии, в Литве.

Поэты С. Липкин и И. Лиснянская выходят из Союза писателей в знак протеста против исключения из него В. Ерофеева и Е. Попова, участников альманаха «Метрополь».

№ 57. Арест члена МГХ Т. Осиповой. «Предупреждение» КГБ члену МГХ Ю. Ярым-Агаеву (в тексте этого предназначенного для запугивания документа **Московская группа «Хельсинки»** именуется *«враждебной группировкой»)*. Приговор члену МГХ В. Некипелову – 7 лет строгого лагеря и 5 лет ссылки. Арест (в Якутской ссылке) А. Подрабинека. Покаяние (и немедленное освобождение) священника Д. Дудко.

№ 58. Политические процессы лета-осени 1980 г. Суды над Т. Великановой, В. Бахминым, Г. Якуниным, А. Огородниковым, В. Абрамкиным, Ю. Гриммом. Все они приговорены к разным срокам заключения.

Покаялись и осуждены условно: Л. Регельсон, В. Капитанчук, В. Сокирко.

В Литве осуждены к заключению в лагерь А. Терляцкас и Ю. Саснаускас, на Украине – В. Барладяну и Ольга Матусевич. Бесчеловечный приговор был вынесен Василю Стусу – бывшему политзэку, поэту и члену Украинской ХГ. Теперь он приговорен к 10 годам особого лагеря и 5 годам ссылки – за стихи, за перехваченные частные письма (А. Сахарову, П. Григоренко, киевским друзьям), за заявление **в прокуратуру** в защиту Н. Горбаля, за устные высказывания. В. Стусу уже не выйти на волю, он погибнет в лагерном ШИЗО в возрасте 50 лет в сентябре 1985 года…

Вместо **№ 59** – пробел. Такого номера нет. А в номере № 60 – уведомление:

ВЫПУСК 59 КОНФИСКОВАН

20 февраля 1981 г. сотрудники УКГБ …изъяли на обыске в квартире Леонида Вуля рукопись 59-го выпуска «Хроники текущих событий» и все подготовительные материалы к нему.

…Большая часть текстов написана Л. Вулем и Ю. Шихановичем.

…Поскольку дальнейшее участие лиц, ставших известных КГБ в таком качестве, ставит под удар существование издания, они считают необходимым прекратить свою работу в «Хронике». Самоотстранение лиц, готовивших 59-й выпуск, и отсутствие исходных материалов к нему делают его выход невозможным…»

59-й выпуск до сих пор под арестом. Почему? Ведь сегодня даже сотрудники славного ведомства вряд ли рискнут квалифицировать его как клеветнический или преступный документ. К тому же 59-й номер, как и всякая рукопись, является **интеллектуальной собственностью.** И принадлежит она нашей истории, отечественному Сопротивлению, своим составителям, наконец, но уж во всяком случае не тем, кто двадцать с лишним лет назад грабительски ее похитил. А без нее летопись «Хроники» неполна. В предпосланном 60-му номеру уведомлении прямо сказано, что *«период с августа по ноябрь 1980 г. освещен в данном* [т. е. 60-м] *выпуске не полно».* Только вот кто и когда вырвет арестанта из когтей КГБ?

…Но, может быть, этого выпуска «Хроники» давным-давно нет в природе? Существуют сроки для хранения различных документов, после которых они подлежат уничтожению и сжигаются. Да, какие-то сроки существуют. Да, что-то сжигается. Но – не верю!

Лубянка всегда отличалась невероятной цепкостью. Ее заправилы – рачительные хозяева, они стремятся навечно сохранить и удержать все, что когда-то попало в их руки. Может быть, рукописи действительно сжигаются, но что мешает предварительно сделать микрокопию?

…В мае 1926 г. сотрудники ОГПУ произвели обыск у замечательного русского писателя. Изъяли повесть и 3 тетради его дневников. Автор упорно требовал возвращения отнятых бумаг, и в конце концов, спустя 3 года, ОГПУ вернуло рукописи. И тогда писатель своими руками сжег свои дневники. Он умер в 1940 г., так и не увидев напечатанными свои лучшие книги. Но даже сожженные дневники в новейшие времена чудесным образом восстали из пепла. Оказывается, прежде чем вернуть бумаги, чекисты сняли с них копии. Так сила, вечно хотящая зла, иногда вопреки собственной воле совершает благо. А сам писатель, М. А. Булгаков, в своем знаменитом романе вложил в уста Воланда пророческие слова: ***«Рукописи не горят!»***

…Еще пять выпусков

Конфискованный 59-й выпуск датирован 15 ноября 1980 г. Последний из вышедших номеров, 64-й, – 30 июня 1982 г. Итак, впереди у «Хроники» оставалось еще почти два года.

Вглядимся в эти выпуски. Все они – большие, свыше 100 страниц каждый. А самый «толстый» из всех – 63-й – целая книга в 250 страниц убористого текста. *(Напомню: до половины 70-х, выходя в среднем раз в два месяца, бюллетень имел объем сначала в 30-50, позднее в 70-90 страниц).* Далее. Дата на выпуске означает, конечно же, не день выхода бюллетеня, а тот рубеж, после которого рассказ о последу-

ющих событиях пойдет в следующий номер. Теперь подсчитаем. Арестованный №59 от 15.11.80 г. был забран на обыске 20 февраля 1981 г., т. е. спустя три с лишним месяца после проставленной даты. «Почти готовый» №55 от 31.12.79 г. был взят у А. Лавута 29 апреля 1980 г. Видимо, 3-4 месяца и есть реальный срок для подготовки и выпуска номера. Из-за преследований КГБ машинописных перепечаток внутри страны становилось все меньше. И чтобы по-настоящему дойти до читателя, бюллетень должен был сначала проделать далекий путь до чалидзевского издательства «Хроника» в Нью-Йорке. Быть там набранным. Напечатанным. И вернуться домой потаенной, чреватой многими опасностями дорогой.

№ 62 от 14.07.81 г. переиздан в Нью-Йорке в 1982 г. № 63 от 31.12.81 г. переиздан в 1983 г. № 64 от 30.06.82 г. переиздан в 1983 г. Таким образом, рассказ бюллетеня о происшедших событиях возвращался на родину **спустя полтора-два года.** Это не имеет значения для историка, но слишком поздно – для современника. И когда-то популярный, энергично саморазмножавшийся в самиздате бюллетень все больше терял отечественного читателя.

Огромный, тяжкий и опаснейший труд становился ненужным! В пяти последних выпусках суммарно 787 страниц – гигантская информация! Под такой тяжестью даже у богатыря могли бы подогнуться ноги. А все издание «тянули» несколько молодых ребят. При этом уже появились новые, более оперативные, чем «Хроника», информационные бюллетени – безымянные сборники «В» в Советском Союзе и издающиеся К. Любарским с конца 1978 г. «Вести из СССР» – в ФРГ. Нет, не КГБ задавил «Хронику»! Этот бюллетень не раз демонстрировал свою способность переживать и чекистский шантаж, и обыски, и аресты своих корреспондентов, перепечатчиков, редакторов. Нашлись бы и на этот раз люди. Но с «Хроникой» случилась худшая беда: пережив свое время, она становилась невостребованной.

О чем же сообщала «Хроника» в этих пяти номерах? Когда-то, в конце шестидесятых годов, бюллетень свидетельствовал о зарождении и становлении отечественного Сопротивления. Теперь – рассказывал о том, как КГБ довершает разгром правозащитного движения. О суде над А. Лавутом (приговор – 3 года лагеря); о суде над В. Мейлановым (за одиночную 15-минутную демонстрацию в Махачкале в защиту А. Сахарова ему дали 7 лет «строгача» и 2 года ссылки); о суде над Л. Терновским (3 года лагеря); о судах на Украине, славящихся жестокостью приговоров: по 7 лет «строгача» с последующей ссылкой С. Хмаре и В. Шевченко, 5 лет «строгача» со ссылкой А. Шевченко. Последней из остававшихся на свободе членов Украинской ХГ 75-летней Оксане Мешко дали полгода «строгача» и 5 лет ссылки.

Были осуждены все еще остававшиеся на воле члены Рабочей комиссии по психиатрии: в Харькове суд «наградил» врача-психиатра А. Корягина 7 годами «строгача» и 5 годами ссылки; суды в Москве приговорили Ф. Сереброва к 4 годам «строгача» и 5 годам ссылки и И. Гривнину – к 5 годам ссылки.

В мае 1980 г. была арестована член МГХ Т. Осипова; в августе 1981-го – ее муж, также член МГХ, И. Ковалев. С этого времени из всего состава Московской группы «Хельсинки» на свободе осталось только три человека: 58-летняя Е. Боннэр, большую часть времени вынужденная жить в Горьком (куда был сослан ее муж, А. Сахаров), 74-летняя С. Каллистратова и 70-летний профессор-математик Н. Мейман. В то же время девять членов МГХ пребывали в лагерях или в ссылке, несколько человек – эмигрировало. В сентябре и декабре 1981 г. были проведены обыски у С. Каллистратовой, и на нее было заведено уголовное дело. В сентябре 1982 г. МГХ была вынуждена прекратить свою деятельность…

Желая сломить волю узников совести, власти все чаще стали фабриковать против политзаключенных «дутые» повторные дела – либо в самом лагере накануне окончания срока, либо вскоре после освобождения. Такое не раз случалось уже в период брежневского «застоя» (М. Джемилев, А. Болонкин, В. Барладяну, В. Стус и другие). Но особенно пышным цветом эта гнусная практика расцвела во времена андроповщины (только в декабре 1982–начале 1983 г. не вышли по концу срока В. Абрамкин, В. Бахмин, А. Лавут).

17 января 1982 г. умер писатель Варлам Шаламов, многолетний узник сталинских лагерей. Последние годы он находился в одном из московских домов-интернатов для инвалидов. 14 января (не без «протекции» КГБ!) он был переведен в интернат для психохроников, где через 3 дня скончался. Рассказ о последнем годе его жизни помещен в 64-м выпуске «Хроники».

В марте 1981 г. в очередной – шестой! – раз был арестован А. Марченко. За изданную за рубежом книгу «От Тарусы до Чуны», за самиздатскую публицистику и черновые записи суд приговорил его к 10 годам строгого лагеря и 5 годам ссылки. *(В декабре 1986 г. после почти четырехмесячной голодовки с требованием освобождения политзаключенных Марченко погибнет в Чистопольской тюрьме. Всего неделю спустя А. Сахарову будет разрешено вернуться в Москву. А вскоре начнется и освобождение «политических». Но это будет уже за пределами «Хроники»).*

Потерянный и обретенный

До конца 1980-х я считал 64-й последним из номеров «Хроники». Но потом узнал в «Мемориале», что где-то существует еще один, неизданный и почти никому не известный 65-й выпуск. Долго я не мог найти к нему подходы. Ныне, благодаря любезности А. Даниэля, я держу этот номер в своих руках. Пользуюсь случаем еще раз выразить Александру свою благодарность.

О чем же повествуют эти последние 128 страниц летописи отечественного Сопротивления? Они рас-

сказывают о второй половине 1982 года. О суде над художником В. Гриневым: за «Открытое письмо» с отказом от советского гражданства ему дали 3 года. Он попадет в «мой» лагерь под Омском через несколько дней после моего освобождения.

Об аресте 10 сентября правозащитника Алексея Смирнова. Он помогал «Хронике» и МГХ, составлял бюллетени «В». *(Во время следствия в Лефортове Смирнова на несколько месяцев помещали в «пресс-хату», где уголовники угрожали ему избиением, не давая спать. Суд приговорит Алешу к 6 годам строгого лагеря и 4 – ссылки. Он выйдет на свободу только во время горбачевской «перестройки» в 1987 г.).*

О «деле» С. В. Каллистратовой. Обращение в ее защиту еще в феврале написал А. Сахаров. После серии обысков и допросов 6 сентября 1982 г. ей было объявлено, что она обвиняется по статье 190-1 УК. Несколько десятков правозащитников выступили с открытым письмом в ее защиту. На допросах они говорили, что обвинение в «клевете» по отношению к Софье Васильевне, безупречно честному и порядочному человеку, – абсурдно. Ю. Шиханович на допросе заявил, что лица, предъявившие Каллистратовой обвинение в клевете, знают заведомо, что их обвинение – ложно, что поэтому именно они подлежат уголовной ответственности по статье 176 УК («Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности»). На вопрос следователя, почему он считает выдвинутое против Каллистратовой обвинение «заведомо ложным», Шиханович ответил: «Потому что не считаю людей, выдвинувших это обвинение, дураками». Допрашиваемые говорили о том, что 75-летняя Софья Васильевна – тяжело больной человек, что уголовное преследование ее не только беззаконно, но – бесчеловечно.

В документе № 196 МГХ заявила, что в сложившейся обстановке группа вынуждена прекратить свою работу. 10 сентября Софья Васильевна начала (совместно с адвокатом) знакомиться со своим делом. А в начале октября следователь объявил, что дело Каллистратовой «приостановлено»...

На Украине в сентябре арестована поэтесса, правозащитница и отказница И. Ратушинская. За несколько самиздатских стихов ее обвинят в «антисоветской агитации и пропаганде» и вскоре приговорят – «по потолку»! – к 7 годам строгого лагеря и 5 – ссылки. Сажать поэта за его стихи не только преступно, но и позорно, женщину-поэта – позорно вдвойне. Но чекистам во все времена были чужды подобные сантименты, и они ничуть не боятся презрения и суда потомства.

1 декабря в мордовском лагере строгого режима объявила голодовку с требованием предоставить свидание с мужем Т. Осипова. Свидания между заключенными-родственниками в принципе не запрещены, но И. Ковалева намеренно направили в пермский лагерь, подальше от жены. 8 декабря Татьяне начали принудительное кормление, надевая наручники и применяя роторасширитель. 27 декабря из ГУИТУ пришел отказ в требовании Татьяны...

1 декабря 1982 г., за 3 дня до окончания срока, против В. Абрамкина было возбуждено новое, лагерное, дело все по той же статье 190-1...

Да, информация о беззаконных репрессиях ничуть не иссякала. До сих пор неизвестно, почему не дошла до нью-йоркского издательства отправленная туда 65-я «Хроника». Преследования и аресты не позволили завершить работу над уже начатым 66-м выпуском (его план-оглавление сохранился и сегодня имеется в «Мемориале»). Но этот выпуск не был закончен и не вышел. И сейчас мне остается только коротко досказать читателю последующие судьбы нескольких персонажей моей «Саги».

Валерий Абрамкин получит и отсидит еще 3 года. Сегодня он – руководитель общественного Центра содействия реформе уголовного правосудия, создатель радиопередачи «Облака» – о заключенных и для заключенных.

Не выйдет по концу срока и Вячеслав Бахмин. Лагерный суд добавит к его сроку год и месяц.

54-летнего Александра Лавута повторный суд приговорит к 5 годам ссылки. Перед отправкой к месту ссылки (Чумикан Хабаровского края) его будут долго допрашивать в СИЗО по делу Ю. Шихановича.

В апреле 1983 г. будет арестован Сергей Ходорович, распорядитель Фонда помощи политзаключенным, сменивший на этом опасном посту А. Гинзбурга, К. Любарского, М. Ланду, Т. Ходорович и др. В следственном изоляторе его подвергали избиениям. В декабре суд приговорит его к 3 годам строгого лагеря.

В ноябре 1983 г. будет арестован Ю. Шиханович, выпускающий редактор многих номеров «Хроники». По статье 70 УК РСФСР суд в сентябре 1984 г. назначит ему 5 лет заключения в лагере строгого режима и 5 лет ссылки.

...Так начиналось в сфере прав человека правление нового генсека Ю. Андропова. Сегодня масс-медиа творят о нем красивую легенду: будто он замышлял в стране важные реформы, для осуществления которых ему, увы, не хватило времени. Не думаю, что Андропов был способен к серьезным преобразованиям. Он весь принадлежал прошлому. Многолетний шеф Лубянки, он обладал, на мой взгляд, кругозором и мышлением отнюдь не государственного деятеля, а – «хозяина» лагеря. И видел в населении страны не свободных граждан, а подневольных зэков вверенной колонии. Чего стоят проводившиеся при Андропове облавы на посетителей дневных сеансов в кино и клиентов парикмахерских?! Быть может, несколько отлучившихся в рабочее время из учреждений или с производства прогульщиков во время подобных проверок и удалось поймать, но каковы были ощущения остальных зрителей, когда сеанс внезапно прерывается, зажигается свет и начинается проверка документов?! Впрочем, о понятии «моральный ущерб» мы в те времена даже не слыхивали.

Что же касается реформ и законотворчества... Именно при Андропове были введены законодательные новации, фактически отдававшие «политических» (да и всех других заключенных) на произвол администрации лагерей, позволявшие делать заключение бессрочным. Отныне новый срок без выхода на волю можно было получить не за совершенное в лагере преступление, а «за злостное неподчинение законным требованиям администрации ИТУ» (а таковыми при желании можно квалифицировать и невыполнение нормы, и жалобу на лагерное начальство, и отловленное «левое» письмо, и уж конечно, голодовку протеста). Лагерные «опера», не таясь, говорили нам, зэкам, о подобной возможности.

Андропов умер в феврале 1984 г. Но за месяц с небольшим этот прикованный к искусственной почке полутруп успел подписать холодеющей рукой указ, целящий добить милосердие и благотворительность в нашей стране, окончательно задавить Фонд помощи политзаключенным. Известно, что значительную часть средств Фонда составляли гонорары от зарубежных изданий «Архипелага ГУЛАГ», специально пожертвованные на эти цели А. Солженицыным и различными путями присылавшиеся в СССР. Теперь же «за действия с использованием денежных средств и материальных ценностей, полученных от иностранных организаций и лиц» полагалось до 10 лет лагеря и 5 лет ссылки.

Зато никаких перемен не предвиделось во внешней политике. Все то же продолжение зашедшей в тупик кровавой афганской авантюры, все то же жесткое ракетное противостояние с Западом, все то же балансирование на грани войны. В этой тревожной обстановке уничтожение осенью 1983 г. залетевшего в наше воздушное пространство пассажирского корейского «Боинга», приведшее к множеству жертв, могло вызвать непредсказуемые последствия.

...Тьма сгущается перед рассветом. Осенью 1982 года задушена и прекратила свою работу Московская группа «Хельсинки». А. Сахаров по-прежнему заперт в Горьком. Почти все правозащитники в тюрьмах и лагерях. И нет больше «Хроники»... Кто мог в канун 1983 г. предсказать, что всего через 4 года в нашей стране начнутся быстрые и обнадеживающие перемены? Что их первой ласточкой окажется возвращение из горьковской ссылки А. Сахарова? Что вскоре и все узники совести выйдут на свободу? Что закончится почти десятилетняя афганская война? Что весь сам- и тамиздат (за который еще недавно **сажали!**) будет напечатан в Советском Союзе? Что мы сможем говорить и писать все, что мы действительно думаем? Что эмиграция станет свободной? Что люди смогут без всяких характеристик парткомов и профкомов ездить за границу и возвращаться обратно? Что не только прекратятся гонения за веру, но сами власти станут искать благосклонности церковных иерархов?

Но кто мог тогда предвидеть, что долгожданная свобода обернется для всех нас также суровыми испытаниями? Нам думалось в простоте, что свобода всегда рифмуется с процветанием. И что, когда Советский Союз перестанет быть «большой зоной», все у нас очень скоро само собой наладится. Глядя сквозь щели в лагерном заборе на западную жизнь, мы видели, что выдаваемая нам здесь «пайка» нищенски мала. Но забывали, что на воле все блага надо самому заработать и оплатить. Забывали, что советская власть отучила нас хорошо работать. Что оборудование наших фабрик и заводов (исключая военно-промышленный комплекс) предельно изношено и безнадежно устарело. Что большевики, изведя, как хищных волков, крестьянство, оставили нам в наследство только бесчисленные «продовольственные программы» да колхозы, неспособные прокормить страну. Что есть, наконец, обязательства перед массой старых и больных людей, которым поздно переучиваться жить по-новому. Что невозможно обеспечить им достойную жизнь и одновременно во имя великодержавных амбиций бросать миллиарды и миллиарды в ненасытную пасть «оборонки»... Мудрено ли, что вместо чаемого благоденствия мы получили обнищание большинства населения, новое разделение на «белых», «красных» и «коричневых», уже ставившее страну на грань гражданской войны?

Мы переживаем сейчас трудные времена. А впрочем, когда они были легкими?! В годы, о которых я рассказывал читателю, в нашей стране выходило в сущности только одно бесцензурное и свободное издание – подпольная «Хроника». Сейчас безо всякой цензуры издаются газеты и журналы на любой вкус. Мы можем безбоязненно говорить и судить обо всем, открыто обсуждать любые проблемы. И в этом важнейшая предпосылка того, что мы выберемся из засасывающей нас трясины. Мы способны победить безнадежнейшие обстоятельства, если не станем опускать руки. Если будем осмысливать сделанные ошибки. Если научимся слушать друг друга и вместе искать выход из тупика.

Что касается меня, то я всегда верил в могущество свободного слова. Недаром все тираны боятся его пуще, чем черт ладана. Советский тоталитаризм рухнул не в последнюю очередь под натиском свободной речи. Теперь от нас самих зависит, останется ли Россия свободной страной? подпадет ли она опять под ярмо тирании?

Так сбережем же в нашей стране слово свободным! Ведь *«гласность – ... первое условие здоровья всякого общества»* (А. Солженицын). Ради будущего страны, ради наших детей и внуков мы обязаны отстоять бесценное благо свободной речи. В этом залог нашего выздоровления. Напомню слова Лидии Чуковской: *«Где не погибло слово, там спасено будущее».*

Жизнь после смерти

«Хроника» не выходит уже больше двух десятилетий. Она исполнила свою миссию перед современниками – поведала стране и миру о возникновении в Советском Союзе движения за права человека и за-

печатлела на своих страницах драматические перипетии противостояния личности государственному монстру. Она помогла диссидентам-оппозиционерам увидеть как бы со стороны самих себя, понять, что они не одиноки в своей борьбе, осознать нравственный смысл своих бессмысленных, с обывательской точки зрения, действий и протестов. На протяжении полутора десятилетий этот бюллетень свидетельствовал перед всем миром о жестоких политических репрессиях в Советском Союзе, и без его информации правозащитные организации на Западе не могли бы организовывать кампании в защиту политзаключенных в СССР. В этом значение первой жизни «Хроники».

Нужна ли она сегодня? Кому сейчас, в двадцать первом веке, захочется копаться в бесчисленных протестных письмах и демонстрациях, читать о каких-то правозащитных группах и комитетах, о бесконечных допросах, обысках, арестах и лагерных сроках, о борьбе «политических» в тюрьмах и лагерях за свои права? Кому интересны «новости» о событиях 20-30-летней давности? Всему свое время, пора нам и отдохнуть от подобной тематики.

Но без «Хроники» не обойтись добросовестному ученому, изучающему общественные движения в Советском Союзе. Ведь в советских – подцензурных! – газетах и журналах он не найдет достоверных сведений (а порой – даже упоминаний) ни о молодежных группах марксистского толка, ни о подпольном «Всероссийском социал-христианском союзе освобождения народа» (ВСХСОН), члены которого были осуждены в Ленинграде в 1967-68 годах. Где, как не в «Хронике», прочтет историк об Инициативной группе (ИГ), первой открыто объявленной в СССР правозащитной организации? О Комитете прав человека, созданном в 1970 г. в Москве? О «Христианском комитете защиты прав верующих в СССР»? И о ряде других ассоциаций и групп – и в РСФСР, и в союзных республиках? Наиболее известна из них Московская группа «Хельсинки». Ее документы (и материалы к ее истории) были собраны и переизданы в Москве к 25-летию МГХ в 2001 г. Но ведь в СССР хельсинкские группы существовали также на Украине, в Армении, в Грузии и в Литве. О них тоже не вправе умолчать честный историк. И следовательно, опять должен будет обратиться к «Хронике».

Но где ее найти? Подборка всех ее выпусков благодаря стараниям КГБ изначально была библиографической редкостью. Исправить такое положение сможет, видимо, уже много лет подготавливаемое «Мемориалом» полное переиздание всех номеров «Хроники». Снабженное подробным комментарием, оно введет в научное обращение массу фактов и документов. И это станет второй жизнью «Хроники». *(Адрес архива ХТС в Интернете http://www.memo.ru/history/diss/chr/ – Прим.ред.)*

Но подобное многотомное издание, предназначенное для профессионала-специалиста, не станет читать широкая публика. А очень важно, чтобы информация и примеры из «Хроники» стали достоянием как можно более широкого круга людей, особенно молодежи. Что для этого следует сделать?

Мне кажется, что на базе полного «академического» издания следовало бы составить **Хрестоматию избранных материалов «Хроники»**. Туда могли бы войти обзоры наиболее значимых политических процессов, яркие примеры ненасильственного противостояния режиму, вопиющие случаи преследований за слово и убеждения. Сейчас, когда СССР больше нет, надо, чтобы как можно больше людей понимало: именно советские власти и КГБ – сами не сознавая того, – сделали неизбежным развал Союза. Беспощадными преследованиями и многолетними сроками для защитников национальной культуры и языка они сеяли ненависть к России в союзных республиках. Нынешние российские коммунисты предпочитают не вспоминать об этом. Больше того, они бесстыдно твердят о будто бы царившей в Советском Союзе всеобщей дружбе народов. Но пусть люди (особенно молодые!) знают: казенные заверения в нерушимой дружбе нисколько не мешали советским властям судить и сажать интеллигенцию и журналистов в «братских» республиках, осмелившихся возражать против насильственной русификации. Заработать срок можно было и другими, невиннейшими по сегодняшним меркам способами.

Так, школьница Бируте Гейдане в 1969 г. получила полтора года лагеря только за то, что вывесила латышский национальный флаг.

А вот шофер В. Майяускас, вывесивший в 1972 г. литовский флаг, был признан невменяемым и помещен в психбольницу. Что бы вы предпочли сами для себя, читатель, – лагерь или психушку?

Видя, что за цивилизованные формы выражения несогласия следуют жестокие кары, некоторые решались страшным способом принести себя на алтарь своего отечества. Мы обязаны знать и помнить о таких людях.

5 декабря 1968 г. в Киеве совершил самосожжение учитель В. Макуха, бывший узник сталинских лагерей. Живой факел выкрикивал: «Да здравствует свободная Украина!» Макуха скончался в киевской больнице.

Подобные жуткие протесты происходили и в Прибалтике. В мае 1972 г. в Каунасе (как в 1969 г. в Чехословакии – Ян Палах) совершил самосожжение выпускник школы Ромас Каланта. Он требовал свободу Литве. Вскоре в Каунасе еще два человека последовали его страшному примеру. Литовцы чтят память Р. Каланты, но власти в годовщину его гибели перекрывали дорогу к его могиле…

О страшном самосожжении Мусы Мамута в 1978 г. я уже рассказывал в главе о крымских татарах.

Как дать почувствовать молодым читателям гнетущую атмосферу тех лет, о которых так тоскуют старушки под красными знаменами? Вот еще одна печальная и простая история. В марте 1971 г. со-

трудники КГБ допросили саратовского врача-рентгенолога Нину Кахцадзову, у которой при обыске были найдены самиздатские материалы. Кто может сказать, чем угрожали, чего требовали от нее чекисты? На следующий день Н. Кахцадзова повесилась.

Кто-то съязвит: «У несчастной дамочки, должно быть, просто сдали нервы». Легко иронизировать над чужой бедой! Вот еще один пример из «Хроники». В том же году, в феврале, в Алма-Ате, после обыска и допроса в КГБ покончил жизнь самоубийством литературовед Ефим Ландау. Ему было 54 года.

Академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву довелось в молодости пройти через Соловки и Беломорканал. Но испытания не сломили его, не сделали «слабонервным». Он сохранил чувство собственного достоинства и нашел в себе мужество отказаться подписать позорное письмо академиков против А. Д. Сахарова. И тогда с ним стали происходить странные истории. Осенью 1975 г. семидесятилетнего Д. Лихачева на лестничной площадке возле дверей его квартиры внезапно жестоко избил молодой человек, сломав ему ребро. А в мае 1976 г. «неизвестные» пытались поджечь его квартиру, подсунув под дверь шланг от канистры с бензином. Ни «хулиган», ни «неизвестные» так и не были разысканы. Злые языки говорили, что таким образом КГБ хотел то ли запугать Лихачева, то ли отомстить за отказ подписать письмо против А. Сахарова. А что думаете об этом вы, дорогой читатель?

Мне хочется рассказать напоследок о чем-то высоком и светлом. В 1978 г. американский скрипач Дэниел Хейфиц занял четвертое место на конкурсе имени Чайковского в Москве. И что же? Получив премию, он всю ее передал в Фонд помощи политзаключенным. Я думаю, что мы не должны забывать о его благородном поступке.

...Помочь молодым соотечественникам выработать верный взгляд на нашу недавнюю историю, дать знания и аргументы для их собственных исканий и споров, словом, стать для нового поколения россиян **прививкой от идеологии большевизма и тоталитаризма** – вот, пожалуй, последняя из задач, разрешению которой могла бы способствовать «Хроника».

... Двадцать лет тому назад, вскоре после выхода из лагеря, в глухую андроповскую пору я сказал как-то жене и дочери, что правозащитный этап нашего движения пройден, в сущности, до конца и исчерпан. Что пора искать какие-то другие пути, но их отыщут уже новые люди. Но на нас лежит долг – запечатлеть и передать свой опыт ненасильственного противостояния следующим поколениям. Отчасти я попытался осуществить это в очерках «Мне без вас одиноко» (1997 г.) и в сборнике «Отпущенное слово» (2002 г.), вышедших в издательстве «Возвращение».

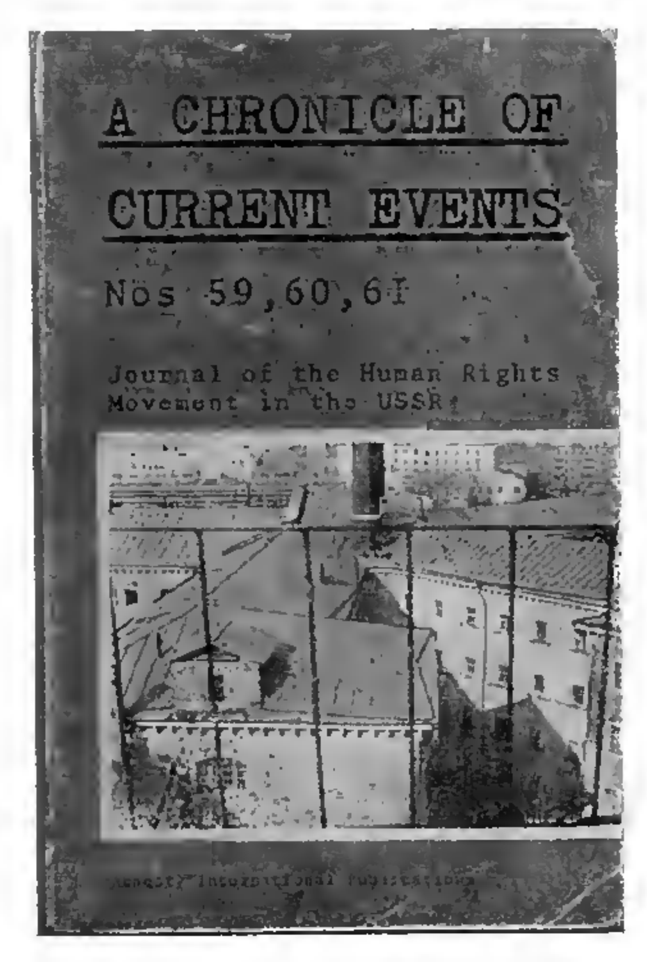
Настала пора заканчивать мою «Сагу». Чтобы написать ее, мне пришлось переворошить многие тысячи страниц (не одной только «Хроники»), расспросить своих друзей-правозащитников, заглянуть в подвалы собственной памяти. Бывали моменты, когда я клял себя за то, что взялся за этот нескончаемый труд.

«Миг вожделенный настал...» И сегодня я хотел бы с благодарностью вспомнить тех, без кого эта статья не могла быть не то что написана – даже задумана. Всех – редакторов и составителей, перепечатчиков, безымянных корреспондентов, распространителей и даже просто читателей крамольного бюллетеня. Тех, кто сидел за «Хронику», и тех, кого минула чаша сия. Еще живущих и тех, кого больше нет с нами.

Мне хотелось бы назвать здесь не только «хроникеров». Без диссидентского и правозащитного движения не было бы самой «Хроники». Можно сказать, что этот бюллетень – детище не только его составителей, что «Хронику» делали – своими выступлениями, своей борьбой, своими страданиями – все участники отечественного Сопротивления.

Им всем с глубокой признательностью я посвящаю свою «Сагу».

2001-03 гг.

ПАМЯТИ ЛАРИСЫ БОГОРАЗ

Ее уже успели назвать «легендой правозащитного движения» – для этого достаточно перечислить сделанное ею в шестидесятых.

В 1965 году арестовали ее мужа, писателя Юлия Даниэля. Тогда Лариса Богораз много сделала, чтобы поднять кампанию солидарности с ним и с его «подельником» Андреем Синявским, – апеллировали тогда еще к советской власти.

Усилиями ее, других родственников и друзей осужденных московская интеллигенция осознала, что совсем рядом, в Мордовии, по-прежнему существуют политические лагеря. Подружившийся с Даниэлем в заключении Анатолий Марченко вышел «на волю» с идеей написать книгу о лагере – соавтором этой книги «Мои показания» вполне можно назвать Ларису Иосифовну.

Но вскоре в Мордовию отправились и Александр Гинзбург с Юрием Галансковым, составившие «Белую книгу» по делу Синявского и Даниэля. Суд превратился в фарс, и тогда Лариса Богораз с Павлом Литвиновым впервые адресовали свой протест не власти, а «мировой общественности». Это обращение вызвало вал индивидуальных и коллективных писем протеста – то, что назвали «эпистолярной революцией» весны 1968-го, из чего потом родилась «Хроника текущих событий».

Весна длилась недолго. 26 августа, после повторного осуждения Марченко, после ввода советских войск в Чехословакию, Лариса Богораз вместе с еще семью друзьями вышла на демонстрацию на Красную площадь. За это она была приговорена к ссылке в Сибири.

Все это было «впервые» – солидарность, книга, письма, демонстрация, и уже за это можно было бы назвать «легендой». Можно было бы продолжить, но...

Но Лариса Иосифовна была начисто лишена «блеска бронзового величия». Не было восторга, «восклицательного знака» – наоборот, удивление, «знак вопросительный». Пример – неожиданная, казалось бы, «смена жанра». В 1974-м, после высылки Солженицына, она подписывает «Московское обращение» с призывом к открытию архивов о ГУЛАГе, стоит у истоков издания самодеятельных исторических сборников «Память».

В ней не чувствовался пафос, в рассказах все было просто. Про ссылку: «шпалу сосновую легко было таскать, другое дело – из лиственницы...» Или с юмором – про то, как частными уроками зарабатывали на жизнь, когда государство работы не давало. Или с убийственным сарказмом.

И не было в ней ригоризма «канона диссидентского морального кодекса» – она сама, вечно задаваясь вопросами, была его живым воплощением.

Кажется, этот дух Лариса Богораз привнесла и в «Мемориал» в конце 1980-х.

Именно это неуловимое, ускользающее ощущение удивления и свободы мы постараемся сохранить.

Общество «Мемориал»

Лариса БОГОРАЗ-БРУХМАН

ОБ ОДНОЙ ПОЕЗДКЕ

Социалистический гуманизм ... проявляется ... в уважении к личности осужденных, в запрещении унижать их человеческое достоинство, в средствах и методах исправления и перевоспитания. Вся система организации труда осужденных, политико-воспитательной работы с ними, режима ставит перед собой цель привить им благородные нравственные качества советского человека, а эта цель может быть достигнута только тогда, когда средства исправительно-трудового воздействия по своему характеру глубоко гуманны, человечны.

(Исправительно-трудовое право. Учебник для юрид. фак. и юрид. ин-тов. М., 1966, с. 72-73)

Это была наша седьмая поездка в Мордовию. За прошедший год мы ездили туда 4 раза, чтобы увидеться с Юлием Даниэлем на свиданиях, и дважды, чтобы разобраться в «происшествиях» – нагноение старой раны, штрафной изолятор. За этот год, за время многих поездок мы ко многому привыкли: к молчаливым женщинам (реже мужчинам), с мешками и чемоданами, выходящим из поезда на станции Потьма, к «мордовскому такси» – тележке, в нее впрягается мордовка в мужском пиджаке, из-под которого видны зеленые фланелевые панталоны, и за полтинник с «места» везет вещи на Потьму-2, к «столыпинским» вагонам (собственность п/я 385, т.е. Дубровлага), за стеклом решетка, а если открыта дверь, то виден в обе стороны коридор и арестантские «купе», к заборам с колючей проволокой поверху и вышкам, вышкам от Потьмы-2 до самого Яваса. На каждой станции, и за Явасом тоже, километров 50-60 – Молочница, Сосновка – на каждой, на каждой станции лагерь, два, три. Знаем, какая хозяйка в Явасе пускает приехавших «на свиданку» – койки стоят, и берет тот же полтинник с человека, как и в Доме приезжих. Но мы предпочитаем Дом приезжих – чисто, вода из крана, сами себе хозяева. И где столовая, и магазин, и аптека; и штаб лагеря, вахта, управление, и сержант Аня – здоровенная девка:

– Давайте заявление, ждите ответа.

– Оставьте все продукты и вещи, кормить на свидании не положено.

– Ничего не передавать.

– Говорить только на русском языке.

– Стихи на свидании читать нельзя. Неположено.

– При первом замечании свидание прекращается.

Словом, все знакомое, все узнаем, вот только первомайские лозунги вблизи от зоны: «Сохраняйте и умножайте наследие старших поколений» и т.д. Мимо управления, мимо этих лозунгов идет женщина средних лет, маленькая, измученный вид, согнулась, перегнулась – перетягивают чемодан и огромная сумка; а за ней худенький бледный испуганный мальчик, на вид лет семи (а я знаю, что ему одиннадцатый год), обхватил обеими руками и тащит перед собой, не тащит, а толкает грудью и животом сетку, битком набитую, ручки связаны шнурком. У мальчика порок сердца, поэтому он такой щуплый, мать сама только оправилась после болезни. Идут к вахте – получили свидание. Мимо скорым шагом спешат офицеры, солдаты, воспитатели, они, похоже, даже не видят женщину и ребенка, которых вот сейчас раздавят их узлы и чемоданы. Примелькалось, на всех не напасешься ни рук, ни сердца.

А нам на этот раз ехать дальше – семнадцатое, где Юлий в 17-ти километрах от Яваса. Дорога уже подсохла, машины ходят, но нас никто не берет. Автобус везет детей из интерната домой на праздники (завтра – Пасха, послезавтра – Первомай) – с детьми не положено нам, зачумленным; еще одна машина – грузовик – тоже школьники, старшие классы, Санины ровесники. Место в кузове есть, но мы все равно остаемся – не положено. День к вечеру, завтра воскресенье, машин не будет... Еще один грузовик затормозил около нас. Мы покидали в него рюкзаки, сумку, бидон, сами влезли, поехали. Едем через Явас под периодические на каждой остановке (останавливаемся часто, непонятно зачем, может, как раз для этого) истошные вопли экспедитора:

– Слезайте. Не положено. Не повезу. Здесь продукты, посылки, я отвечаю. Не положено.

Я решила – ни за что не слезу, пусть силой стаскивают. Что же мне делать – сутки ждем. Ни сегодня, ни завтра машин больше не будет. Слава Богу – едет экспедитор в кабине, и для того чтобы поорать, ему приходится останавливать машину, выскакивать из кабины. И все-таки на краю Яваса пришлось слезать. Подошел подполковник в расстегнутом мундире, без фуражки, видно, увидел нас из окошка и вышел из-за праздничного стола, пригрозил шоферу, сначала зоной, потом – что права отберет.

– Не положено возить пассажиров, дорога, сам знаешь, какая, машина не оборудована (из Озерного нас везли обратно на такой же в точности машине, чуть ли не на той же, да еще и в сопровождении

офицеров, лишь бы скорее уезжали, не мозолили глаза, не шатались около зон).

Слезли, пошли пешком.

Озерное – идиллическая деревня после Яваса – столицы Дубровлага. На въезде речка, заиленная, мостик через речку, кругом необыкновенной красоты лес (и вся дорога лесом – березовая роща, а больше сосны, высокие, мачтовые). Деревенька на одну улицу. Начинается улица с зон: справа – женская рабочая, слева – женская жилая. Забор с проволокой, беленый домик, за палисадником – вахта, здесь же комната для свидания (для женской зоны), комнатка для ожидающих свидания. Все какое-то несерьезное, по сравнению с Явасом: забор ветхий, один всего, вышечки пониже, ворота поплоше. Переход из рабочей зоны в жилую – без колючей проволоки, просто открываются ворота, одна за другой выходят женские бригады, плетутся через дорогу, выстраиваются, скорее, толпятся около забора: один часовой у одних ворот, другой – у других, без собак. Когда выйдут все бригады – откроются другие ворота, впустят женщин. Но вид у них! Стыдно глаза поднять. Прохожу мимо, опустив голову. На ногах бахилы, грубые, уродливые, тяжелые, как гири. День был жаркий, поэтому многие без чулок, и вот эти пудовые ботинки на голых женских ногах. Платья форменные, черные или серые, тоже уродливые с жалкой потугой на кокетство: на серых юбках украшения – черная полоса по подолу. Лица черные от пыли, волосы тусклые, пыльные; некоторые женщины подвиты, подкрашены; это еще страшнее, с этими запыленными лицами, казенными платьями...

Но, тем не менее, идиллия. Дежурный солдат на вахте сидит, на крыльце, на табуретке; на дороге, в пыли, копошатся дети, прыгают по крыльцу вахты. Солдат заговаривает с малышом, играет с ним. В обыкновенном сельском магазине – очередь (колбасу привезли к празднику) – тетки пересказывают сплетни, утихомиривают детишек:

– Сиди тихо, а то в зону отдам.

Смена караула на этой деревенской улочке, около беленького домика с палисадником, выглядит не настоящей, опереточной – нелепый ритуал среди теток и ребятишек, лица у исполнителей серьезные, как полагается по ритуалу, но кажется, что им самим неловко играть в эту игру. Наверное, только кажется, что неловко, – давно привыкли.

Мы приехали на личное свидание. 26-го мне из КГБ позвонил полковник Бардин и сказал, что можно ехать, свидание разрешено.

Мои подруги занимали деньги, весь день бегали по магазинам, добывали что получше, попитательнее, другие стояли у плиты – жарили, варили, пекли: ведь только раз в год личное свидание. Собрали, снарядили, купили билеты на поезд. У нас два тяжеленных рюкзака с продуктами, сумка с книгами, бульон в бидоне – начинает уж подкисать, ведь двое суток, как из дома. Если даже нам дадут трое суток – максимальный срок свидания, – нам втроем не съесть весь наш харч: но не только мы – все, кто едет на свидание, берут побольше, чтобы лучше «подкормить своего», хоть эти три дня за целый год, а вдруг упрошу надзирателя, чтобы разрешил взять после свидания хоть кусочек колбасы, хоть полкило сахара, или два-три яблока, или чеснок, или лук, или папиросы, или табак... Вот и набираешь столько, что не поднять (деньги наодалживаешь у родни, у знакомых – ведь раз только в год), и потом везешь половину обратно: что попортится – стухнет – выбрасываешь; а через год снова набираешь мешок под завязку – а вдруг на этот раз окажется «добрый» надзиратель, или разрешит передачу, хоть и «не положено», а вдруг все-таки...

Вместо трех суток, хотя бы суток, полусуток, нам дают один час свидания в присутствии надзирателя. Офицер, начальник отряда, сообщает это не сразу, так что до самого свидания остается надежда, хотя бы на сутки, пусть сутки с выводом на работу, пусть полсуток с выводом, только бы без надзирателя. Прямо перед самым свиданием:

– Один час общего. Ничего с собой не берите, кормить на свидании не положено.

Мы все-таки берем, не можем не взять: пакет с папиросами, четыре апельсина, по одному на каждый карман, сто граммов сыра.

Мужская зона посолиднее женской, забор поновее, колючки заметнее, вышки повыше. И все равно одиннадцатый в Явасе – равелин, крепость по сравнению с 17-м. Впечатление сразу меняется, как только попадаешь на вахту. Двери с засовами, которые снаружи никто не откроет, толстый железный прут выдвигает и задвигает дежурный из своей дежурки. Одна дверь открывается, делаешь всего один шаг, и перед тобой другая дверь с таким же железным прутом. Сколько таких дверей, не помню, много. В какой-то момент перед тобой открывается зона – слева жилая, справа – рабочая, между ними несколько рядов колючей проволоки, настоящей, высоко и всерьез натянутой. И внутри, вдоль забора, ряд колючки, запретка, вспаханная полоса. Все, оказывается, вполне основательно и серьезно внутри, только снаружи не видно.

За час, конечно, ни о чем не поговоришь. С самого начала с напряжением ждешь, что вот сейчас надзиратель скажет:

– Ну, будем заканчивать.

Все, о чем заранее думала, из головы вон и не к месту, ведь когда я запоминала по дороге, о чем рассказать, я рассчитывала хотя бы на сутки. За час надо успеть сказать что-то главное, а что? Соображать, отбирать некогда, сейчас конец.

– Санька тебя перерос, смотри.

– Ты здорова?

– А ты себя как чувствуешь? Как рука? Как ухо?

Вид у Юлия скверный, очень скверный, не столько истощенный, сколько больной.

– С ухом глухо, гной течет, каждый день головные боли, в цехе шум, вибрация. 15 минут поработаю – приходится выходить на воздух.

– А врач?

– Год назад заявил о болезни, здесь делали несколько заявлений. Но все это без толку...

– Как кормежка?

(Пауза.)

– На ларек я не зарабатываю, так что, сами понимаете.

Еще несколько фраз о друзьях, как кто.

...Не на том акцентируется внимание, дело не в частностях, не только в судьбе Юлия Даниэля. Просьбы об уступках и послаблениях практически бессмысленны. В лагере есть люди, что по полтыщи разных бумаг написали, на этом можно свихнуться...

– Заканчивайте свидание.

Да, я позабыла сказать: мне разрешили взять на свидание пачку «Беломора». Пакет пришлось оставить в первой комнате. Апельсины у нас в карманах – на этот раз нас почему-то не обыскивали перед свиданием. Я прошу надзирателя:

– Можно отдать мужу папиросы?

И хоть я не первый раз, хоть каждый раз одинаково, но он не сказал, что нельзя, и вот уже начинаешь надеяться, что разрешит (а это, очевидно, всего-навсего отработанный прием: сказать, что нельзя, – а вдруг женщина начнет здесь плакать, просить, истерика, а надо, чтобы она двинулась к выходу). В первой комнате снова спрашиваю:

– Ну, можно папиросы?

И, не дождавшись ответа, мы с Саней вынимаем наши четыре апельсина и кладем на стул, рядом с пакетом.

– Нельзя, не разрешается.

– Ну, хотя бы апельсины только...

– Не разрешается.

Юлий говорит:

– Не надо, не разрешит.

Но я не могу, а вдруг, человек же он, ничего ему не будет, если позволит.

– Ну, хотя бы еще пачку папирос.

– Ладно, положите, остальное заберите с собой.

И когда пакет уже у нас в руках, берет отложенную пачку и сует мне в руки:

– Заберите, не положено.

Свидание наше кончилось, мы еще не поняли этого, еще до сознания не дошло, что теперь надо уезжать, увидимся через четыре месяца, если разрешат. А «положенного» личного свидания в этом году не будет, через год, может быть, разрешат. В этот день мы не уехали – ночь, машин нет. Переночевали в комнате для ожидающих свидания – лампочки в ней нет, темно, воды нет (зато еды у нас избыток, часть приходится сразу выбросить – испортилась). С нами ночевала Ира Ронкина – ей разрешили личное свидание с Валерием – сутки с выводом на работу. И вывели, хотя в этот день вторая смена не работала, ну, увели в жилую зону, не все ли равно, лишь бы не дать лишнего часа. Формально – свидание на сутки, фактически – две трети суток, а жаловаться не приходится, все по правилам. На самом деле и Ронкиным, и нам спокойно могли дать трое суток, работа от этого не пострадала бы: завтра воскресенье, потом два дня праздники, никто не работает. Но дело не в работе, свидания с родными – это мера «воспитания», мера воздействия, так же, как ларек, передача. Заключенного можно всего этого лишить (профессиональный жаргон: «ларьком лишен», «личным свиданием лишен»). Сократить свидание, не разрешить посылку могут даже не в наказание за проступок, а просто не поощрить ввиду отсутствия запрограммированных добрых деяний: особого усердия в отношениях с начальством, посещения политзанятий (уровень этих занятий – политпрофилакторий для малограмотных), участия в так называемой общественной жизни лагеря...

Итак, мы с Ирой Ронкиной ночуем в Озерном. Из происшествий этой ночи: нам не разрешили пойти в уборную – ночью нельзя ходить около зоны (а здесь все «около»), – к тому же будочка в палисаднике для служебного пользования, «не положено», «порядка не понимаете», «а то часовой с вышки как шарахнет».

На другой день я все-таки подаю заявления: о личном свидании и о передаче. Начальник лагпункта сообщает мне, что Даниэль «личным свиданием лишен». Я прошу написать отрицательную резолюцию на моих заявлениях, но и это, оказывается, «не положено». Сказано – и довольно, получили час – уезжайте: никаких объяснений, ничего. Целый день ушел на то, чтобы получить официальный письменный ответ на заявления. Я просто сказала, что не уеду без этого.

– Так что, милицию вызывать?

– Вызывайте милицию, я не уеду без ответа.

Мы относили заявления на вахту, нам их возвращали, потом перестали принимать вообще: «Не велено».

Все-таки во второй половине дня мне принесли ответ (привожу его здесь, сохраняя орфографию подлинника):

«Гр-ка Богораз-Брухман.

Ваше заявление рассмотрено. Личное свидание с вашим мужем Даниэль не положено. Нач., дата». (С кем я ни говорила – это первый случай письменного отказа: обычно просто говорят «не положено»). После этого нам дали персональный грузовик, и через 10 минут ни вышек, ни забора, ни беленых бараков за забором, в два ряда – лес до самого Яваса.

Это внешние, заочные впечатления; деревня в лесу, зоны – рабочая, жилая, женская, мужская; дежурный на вахте играет с ребенком; ночью в уборную не ходить – «часовой как шарахнет»; один час свидания, «на зону не смотреть, не положено» (это нам сказал солдат, щелкая затвором за нашими спинами – пугая); «сиди тихо, а то в зону отдам»...

Но я не только вышками любовалась да беседовала со стражниками разных рангов. Вот что мне стало известно о том, что внутри. Заключенных мужчин привезли в Озерное под Новый год. Большая часть – старики, инвалиды. Работа легкая – швейные цеха, шить рукавицы. Правда, полезная профессия швеи-мотористки – третья специальность, которой Даниэлю предложили овладеть. Год назад он был грузчиком, потом работал на шинорезном станке. Ничего, как известно, «не умеешь – научим»... Норма – сшить 17 пар рукавиц за смену. На «вольном» предприятии норма в аналогичных условиях 17-25 пар. Таким образом, основания для всяких «лишений» заведомо обеспечены: невыполнение нормы. Использовать этот довод или нет – это во власти администрации, смотря по поведению.

Свитеры, которые носили в 11-м заключенные, на 17-м отобрали – по инструкции не положены, есть форменная одежда – куртка х/б, для морозов – ватник. В цехах температура – 0 градусов и ниже. Да, это недочет, администрация не смогла подготовить зону, претензии заключенных на этот счет обоснованы, но свитеры все равно не разрешили.

Инструкция требует, чтобы рапортовали: «Заключенный такой-то». Несколько человек рапортовали: «Политзаключенный такой-то». – «Вы не политзаключенные, вы уголовники, и мы вам это покажем». И стали показывать. Л.Рендель нес ужин из столовой в барак – там лежали два больных с высокой температурой, на улице -10. Наткнулся на надзирателя:

– В барак пищу носить нельзя, пусть идут в столовую, подумаешь, больные, в 39 году и не с такой температурой ходили.

Ренделя лишили ларька на два месяца.

С. Машков в рабочей зоне читал журнал – смена закончилась, развод задержался.

– Рукавицы надо шить, а не политикой заниматься *(журнал «Мировая экономика»)*, норму не выполняете.

Машков лишен ларька. Даниэль стоял и курил. Мимо проходил какой-то чин, приезжий из Явася.

– Опустите руки, станьте смирно.

Даниэль отказался встать на вытяжку – лишен личного свидания. В. Ронкин не встал в 6 часов утра, когда работал в вечернюю смену (подъем вечерней смены во все дни, кроме понедельника, в 9, а это был понедельник), – лишен общего свидания.

И так далее, и тому подобное. Конечно, инструкцией предусмотрены и другие наказания, кроме лишения того, сего: штрафной изолятор, БУР. Пока эти воспитательные меры не применялись, администрация не подготовила не только цехи, но и соответствующие инструкциям штрафные помещения. В лагере строгого режима изолятор должен быть каменным, в деревянном не те условия, но это все еще впереди. Вот не сможет Даниэль из-за головных болей работать, откажется – отказчику положен БУР. Голова болит, хроническое воспаление среднего уха. «То у него рука ранена, то ухо болит, это все не иначе, как симуляция».

Врача и для более тяжелых случаев нет – заключенный с инфарктом пролежал неделю в бараке без врача, тоже с кровохарканьем. Только после жалобы заключенных прокурору больного увезли в больницу.

Норма питания заключенных установлена специальной инструкцией: 2400 кал. В день. В специальных таблицах указана самая низкая норма для взрослого человека – 3200 калорий, это жизненный минимум. А две недели назад норму (которая и в мировых стандартах проходит в графе «недоедание») снизили, теперь – 1700 кал. – «голодание». Да, но ведь ларек есть, докупай себе до нормы. В ларьке лагеря строгого режима запрещены мясные консервы, масло, сахар: плати денежки за борщ консервированный, компот яблочный и т.п. На много ли борщей хватит полагающейся в лагере пятерки в месяц? Все уйдет на одно курево. Это раз. Другое – на рукавицах на ларек не заработаешь, а эта самая пятерка – только из заработка, если останется после вычетов: 50% на содержание лагеря, МООП, охраны. 13 рублей за питание, еще сколько-нибудь за одежду (в рассрочку!). Пятерки ни у кого не остается, разве что в прошлом году на 11-м заработали, и с тех пор сколько-нибудь рублей, хоть 20-25, сохранилось на личном счету. Тоже, правда, ненадолго хватит. Вот тут его, голубчика, и «лишить ларьком», в самый раз будет.

А качество этих самых калорий! Я видела капусту, которую везли в зону: сразу не поймешь, что это, кочаны черные, мерзлые (это было зимой), оттают – будет кисель. Полагающееся по норме мясо – кости, жилы, пленка; в котел его, может, и закладывают, а в индивидуальной баланде – не ищи. Сахару – 15 граммов в день, хлеба – 700 граммов, только черный, сырой, тяжелый. Ну, а о штрафном пайке в карцере или в БУРе что и говорить.

Продуктовые посылки или передачи (3 раза в год не больше 5 кг вместе с тарой, если на 50 г больше – вернут) администрация лагеря может разрешить только после половины срока. У кого это 10 лет – 5 лет без посылки; у Андрея Синявского – 7 лет, полтора отсидел – до первой посылки теперь осталось два года, а Юлию – всего год. Могут разрешить, но ведь могут и не разрешить, «лишить посылкой». Вот и лишают. Основание есть всегда – невыполнение нормы. У Ренделя кончается десятилетний срок, посылки ему постоянно «не положены» – норму не выполняет. И не может выполнить: кроме того, что на рукавицах это в принципе невозможно, у Ренделя общее истощение, диагностируемое даже лагерным врачом. Я знаю людей, которые отбыли свой срок от звонка до звонка, кто 5 лет, кто – 6, кто – 17, – ни разу не получив разрешения на посылку. Эти 5 кг продуктов раз в 4 месяца используются, как кусочек сахара в дрессировке: «Послужи, Жучка». Для здоровья и физического развития организована физзарядка: массовые спортивные мероприятия, кросс, например; для ума и сердца – политзанятия. И то, и другое, и третье – сугубо добровольно, никакого принуждения, не хочешь – не ходи. Но посылку, ларек тогда не проси. И вот зарядка: старики, инвалиды, с палочкой, освобожденные даже от работы, выходят, машут руками, бегут на месте, приседают, некоторые палочкой сзади подпираются, чтобы не упасть. За посылку, чтобы разрешили. В кроссе бегут. В здоровом теле – здоровый дух.

Трудно даже понять, что это – особая изощренность, извращенность, природная или выработанная службой жестокость или отсутствие души, которая убыла постепенно, в соответствии с инструкцией.

В лагере жили несколько кошек. Их там любят, заботятся о них. Некоторые так привязываются, что перетаскивают с собой тайком в чемодане из лагеря в лагерь. Приказано выловить в зоне всех кошек. И вот надзиратели гоняются за кошками по всей зоне, поймают – за лапы, за хвост и – головой об столб...

В Явасе, в 11-м лагерном отделении, все выглядит иначе. Спортивное поле, березовая аллея, бараки живописно разбросаны по территории лагеря, двухъярусные койки с сетками (в 17-м – нары), нет непрерывных окриков, дерганья: «Стоять смирно, лишить тем-то и тем-то». Правда, Юлию и там пришлось круто: и из бригады в бригаду перебрасывали, не давая освоиться с работой, и с лагерной «медициной» познакомился: «к врачу только на носилках и без сознания, если полбашки снесет, и не спросясь доставят» (лагерная поговорка), и в карцере отсидел месяц – так карцер, как полагается, каменный, там все всерьез. Но в 11-м это именно к нему, к Юлию, и еще к некоторым отдельным заключенным, то к одному, то к другому, применялся индивидуальный подход. А в общем – не так цепляются, не поминутно дергают. Администрация там, надзиратели человечнее, что ли. Или начальство сдерживает административный восторг – все же рядом управление Дубровлага. Скорее всего, дело в том, что в 11-м около 2000 политзаключенных, много молодежи: свяжись с ними – не обрадуешься. Посадили Даниэля в карцер – несправедливость, письменные протесты; голодно – кто из передачи поделится, кто со «свиданки» ухитрится сахару пронести. Юлия оберегали, помогали ему – общительный человек, ко всем доброжелателен, чужую беду принимает, как свою. Так что индивидуальный подход к нему не очень-то получился: поэтому, наверное, и перевели в Озерное.

А в Озерном, в 17-м, – 250 человек всего, все больше старички, инвалиды, религиозники, «непротивленцы», молодых человек 20 всего. Что стоит их всех в бараний рог скрутить: надо будет – и в БУР упрячут всех этих, и в тюрьму, во Владимир. Не две тысячи, два десятка всего. Вот и вся разница. А в принципе то же самое. «Посылку разрешим, если не будешь делиться с товарищами; зачем ему друзья, зачем политика, у него язва, пусть о здоровье подумает. Не может не поделиться? Знаете, посылка ему не положена» – это на первом, в Сосновке, жене Иоффе на свидании. Тоне Шевчук на 11-м: «Вот пусть муж с нами сотрудничает, пусть хоть в лагерную газету пишет; товарищи тогда от него сами отвернутся, зачем они ему. Он из-за них в лагерь попал, а так парень хороший». И тоже: «Разговаривать на свидании только на русском языке», – а в лагере украинцы, литовцы, эстонцы, грузины, латыши, казахи, кого только нет. Кошек, кажется, не уничтожили, но паек урезан повсеместно...

Вернувшись из Озерного в Москву, я позвонила полковнику КГБ М.И.Бардину, который, как я уже говорила, любезно сообщил мне о том, что мне разрешено личное свидание. Может быть, думаю, здесь не знают о перевоспитании голодом, о моральных и нравственных унижениях, о прямых нарушениях законности, о фактическом отсутствии медицинской помощи. Да ведь и в кодексе записано, что лишение свободы не должно сопровождаться физическими лишениями и унижением человеческого достоинства заключенных. Не может быть, чтобы знали, – ну, людей не пожалели бы, так за родину свою стыдно, за себя боязно – ведь и эта тайна выплывет когда-нибудь.

М.И. сообщил мне, что положение в лагере ему известно, что все, что там происходит, – в рамках инструкции, никаких нарушений нет.

– Возможно. Я, естественно, установленных порядков не знаю, они секретные, тогда, значит, эти правила нехороши. В результате мой муж, возможно, вернется оттуда инвалидом, если вернется.

– Это от него зависит, пусть переменит позицию, а Вам советую никому ничего не рассказывать. Вот на днях в газете появится статья, там все будет рассказано о лагерях...

– Я ни черточки не прибавляю, я рассказываю только то, что сама видела, что знает Юлий Даниэль. Множество людей подтвердят любую деталь из моего рассказа.

– А я считаю, что они находятся в чересчур мягких условиях, слишком много у них свободы. Вот ваш муж и не меняет позиции. Надо будет создать ему более жесткие условия.

Полковнику КГБ М.И.Бардину не понять никогда, что никакие «меры воздействия» – голод, БУР, тюрьма и т.д. – не заставят Даниэля забыть, что он человек. Страдания от болезни, от голода не могут сравниться с тем, что переживает обыкновенный человек не из породы охранников, видя приседающих на «зарядке» инвалидов, надзирателя, который убивает кошку, беззащитную тварь, слыша грубые окрики: это заключенных гонят на политзанятия – сегодня лекция о гуманизме.

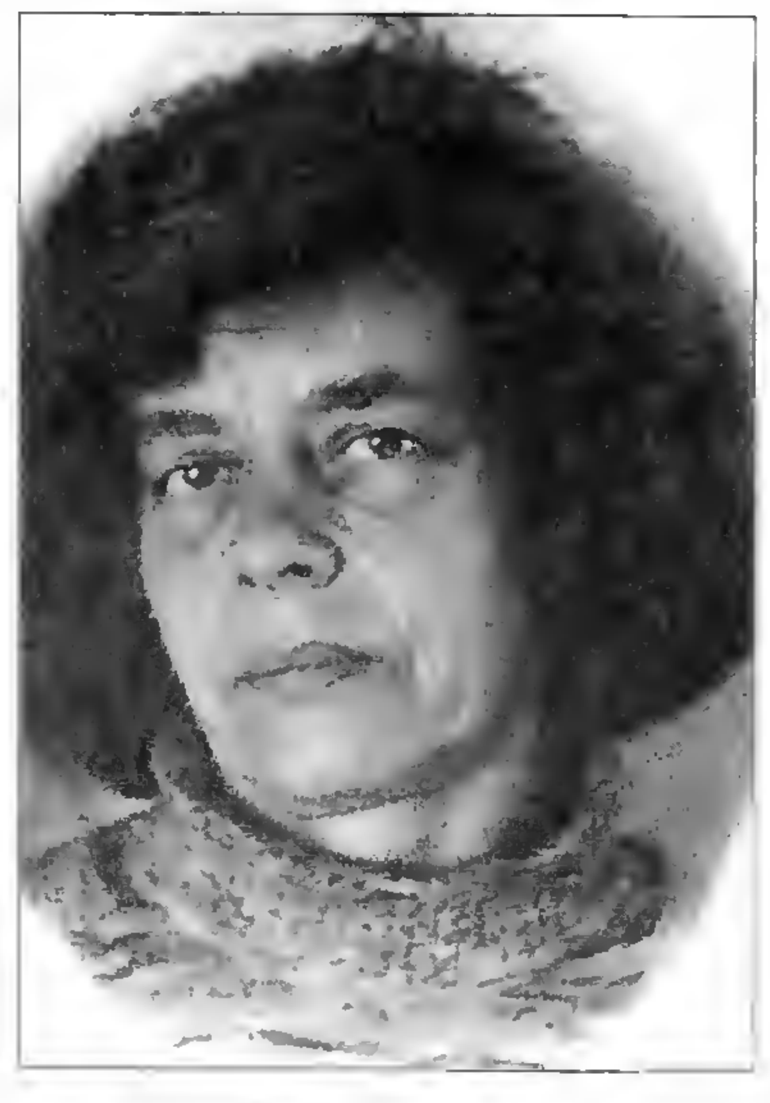
Апрель 1967 г.

Архив Общества «Мемориал», Москва, ф.102, оп.1, дело 74

Опубликовано в самиздате

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЛАРИСЫ БОГОРАЗ

Сначала я вынуждена заявить нечто, к моему последнему слову не относящееся: в зал суда не допущены мои друзья и родственники – мои и других подсудимых. Тем самым нарушена ст. 18 УПК, гарантирующая гласность судебного разбирательства.

В последнем слове я не имею возможности и не намерена – здесь и сейчас – обосновывать свою точку зрения по чехословацкому вопросу. Буду говорить только о мотивах своих действий. Почему я, «будучи несогласной с решением КПСС и Советского правительства о вводе войск в ЧССР», не только подала заявление об этом в своем институте, но и вышла на демонстрацию на Красную площадь?

Судья: Не говорите о своих убеждениях. Не выходите за рамки судебного разбирательства.

Богораз: Я не выхожу за рамки судебного разбирательства. Был такой вопрос у прокурора. В ходе судебного разбирательства был поставлен вопрос о мотивах, и я имею право остановиться на этом. Мой поступок не был импульсивным. Я действовала обдуманно, полностью отдавая себе отчет в последствиях своего поступка.

Я люблю жизнь и ценю свободу, и я понимала, что рискую своей свободой и не хотела бы ее потерять.

Я не считаю себя общественным деятелем. Общественная жизнь – для меня далеко не самая важная и интересная сторона жизни. Тем более, политическая жизнь. Чтобы мне решиться на демонстрацию, мне пришлось преодолеть свою инертность, свою неприязнь к публичности.

Я предпочла бы поступить не так. Я предпочла бы поддержать моих единомышленников – известных людей. Известных своей профессией или по своему положению в обществе. Я предпочла бы присоединить свой безымянный голос к протесту этих людей. Таких людей в нашей стране не нашлось. Но ведь мои убеждения от этого не изменились.

Я оказалась перед выбором: протестовать или промолчать. Для меня промолчать – значило присоединиться к одобрению действий, которых я не одобряю. Промолчать – значило для меня солгать. Я не считаю свой образ действий единственно правильным, но для меня это было единственно возможным решением.

Для меня мало было знать, что нет моего голоса «за», – для меня было важно, что не будет моего голоса «против».

Именно митинги, радио, сообщения в прессе о всеобщей поддержке побудили меня сказать: я против, я не согласна. Если бы я этого не сделала, я считала бы себя ответственной за эти действия правительства, точно так же, как на всех взрослых гражданах нашей страны лежит ответственность за все действия нашего правительства, точно так же, как на весь наш народ ложится ответственность за сталинско-бериевские лагеря, за смертные приговоры, за...

Прокурор: Подсудимая выходит за рамки обвинительного заключения. Она не вправе говорить о действиях советского правительства, советского народа. Если это повторится, я прошу лишить подсудимую Богораз последнего слова. Суд имеет на это право по закону.

Адвокат Каминская: Происходит некоторое недопонимание того, что говорит Богораз. Она говорит о мотивах своих действий. Когда в совещательной комнате суд будет принимать решение, он должен будет учитывать эти мотивы, и вы должны их выслушать.

Адвокат Каллистратова: Я присоединяюсь к Каминской. От себя хочу добавить: прокурор не прав, когда говорит о возможности лишить подсудимого

права на последнее слово. Такого нет в кодексе. В законе сказано лишь, что председательствующий имеет право исключить из речи подсудимого элементы, не имеющие отношения к делу.

Судья: Заявление прокурора считаю основательным. *(К Богораз)*: Вы все время пытаетесь говорить о своих убеждениях. Вас судят не за ваши убеждения, а за ваши действия. Рассказывайте о конкретных действиях. Суд делает вам замечание.

Богораз: Хорошо, я учту это замечание. Мне тем более легко его учесть, что пока я даже не коснулась моих убеждений и ни слова не говорила о моем отношении к чехословацкому вопросу. Я исключительно говорила о том, что побудило меня к действиям, в которых я обвиняюсь.

У меня было еще одно соображение против того, чтобы пойти на демонстрацию (я настаиваю на том, что события на Красной площади должны называться именно этим словом, как бы их ни именовал прокурор). Это – соображение о практической бесполезности демонстрации, о том, что она не изменит ход событий. Но я решила, в конце концов, что для меня это не вопрос пользы, а вопрос моей личной ответственности.

На вопрос о том, признаю ли я себя виновной, я ответила: «Нет, не признаю». Сожалею ли я о случившемся? Полностью или частично? Да, частично сожалею. Я крайне сожалею, что рядом со мной на скамье подсудимых оказался Вадим Делоне, характер и судьба которого еще не определились и могут быть искалечены лагерем. Остальные подсудимые – вполне взрослые люди, способные сделать самостоятельный выбор. Но я сожалею, что талантливый, честный ученый Константин Бабицкий будет надолго оторван от семьи и от своей работы.

(Из зала: «Вы о себе говорите!»)

Судья: Требую немедленно прекратить выкрики! В случае необходимости буду немедленно удалять из зала. *(К Богораз)*: Суд делает вам третье замечание. Говорите только о том, что касается лично вас...

Богораз *(резко)*: Может, представить вам конспект моего последнего слова? Не понимаю, почему я не могу говорить о других подсудимых.

Прокурор закончил свою речь предположением, что предложенный им приговор будет одобрен общественным мнением.

Суд не зависит от общественного мнения, а должен руководствоваться законом. Но я согласна с прокурором. Я не сомневаюсь, что общественное мнение одобрит этот приговор, как одобряло оно аналогичные приговоры и раньше, как одобрило бы любой другой приговор. Общественное мнение одобрит три года лагерей молодому поэту, три года ссылки талантливому ученому. Общественное мнение одобрит обвинительный приговор, во-первых, потому, что мы будем представлены ему как тунеядцы, отщепенцы и проводники враждебной идеологии. А во-вторых, если найдутся люди, мнение которых будет отличаться от «общественного» и которые найдут смелость его высказать, вскоре они окажутся здесь (указывает на скамью подсудимых). Общественное мнение одобрит расправу над мирной демонстрацией, состоявшей из нескольких человек.

Вчера в своей защитительной речи, защищая свои интересы, я просила суд об оправдательном приговоре. Я и теперь не сомневаюсь, что единственно правильным и единственно законным был бы оправдательный приговор. Я знаю закон. Но я знаю также и судебную практику, и сегодня, в своем последнем слове, я ничего не прошу у суда.

11 октября 1968 г. 10:00

Лариса БОГОРАЗ

«А КАК ТРЕТЬЯ ВОЙНА – ЛИШЬ МОЯ ВИНА...»

I. Шесть лет – с 1994-го года – Россия воюет сама против себя, то есть ведет гражданскую войну.

Военная терминология прочно вошла в нашу жизнь – «силы противника», «наши потери»... Для многих российских граждан утро начинается, как полвека назад, с военной сводки – я хорошо помню военные сводки 40-х годов.

Тем не менее я знаю, очень многие из моих сограждан не согласятся с фразой, которой начинается эта статья: «Какая война?! Да особые меры по наведению конституционного порядка»; «военная антитеррористическая операция»... А что с ними делать, с бандитами? Сам Путин сказал – «мочить в сортире», и подавляющее число избирателей проголосовало за Путина на президентских выборах, тем самым и за то, чтобы кого-то где-то «мочить», но не за войну же!

Почему «сама против себя»? Не против себя, а против мятежной, непокорной, сепаратистской, бандитской Чечни.

На последнее возражение я могу ответить так: ваши слова – это и есть очевидный сепаратизм, более того: геноцид.

Вы, кто полагает, что Россия воюет не против себя, а против какой-то там Чечни, вы уже в своем сознании вывели этот «субъект Российской Федерации» из состава Федерации, то есть из состава государства. Вот вам и сепаратизм – но с чьей стороны? А если бы подобная акция проводилась против иной территории, населенной, в основном, этническими русскими, – предположим, против тоже когда-то непокорной, мятежной Тамбовщины (именно там происходили мужицкие бунты на заре советской власти, и тогда усмирение называлось подавлением кулацких мятежей), вы уже согласились бы, что эти действия направлены против самих себя?

А Чечня населена в большой степени этническими чеченцами – значит, это не против себя?

Вот вам и самый что ни на есть геноцид, ничем не лучший, даже более тотальный, чем действия фашистов против славян – белоруссов, русских – и людей иной этической принадлежности – евреев, цыган.

Идет война – об этом свидетельствует не только военная терминология, сводки с поля брани, но и сами действия, в которых участвует армия, – артобстрелы, бомбардировки, взятие городов, водружение флагов...

Конечно, эта война – особого рода, странная война. Во-первых, необъявленная. А стоит заговорить о жертвах, от военного командования слышишь: «Да, жертвы – так ведь война!»

Во-вторых, война, на которой нет линии фронта, вернее, с самого ее начала в линию фронта превращена вся республика.

Говоря о борьбе с террористами, нам вешают лапшу на уши, и все это знают. Нам подсовывают акты террора, якобы имевшие место. Еще не доказано, что это дело рук чеченских «сепаратистов», «бандитов». Но пусть это был бы даже установленный и доказанный факт. Чтобы взорвать дом, достаточно максимум пяти человек, три дома – пятнадцати. За пятнадцатью, пусть даже пятьюдесятью террористами и бандитами 6 лет гоняется целая армия с военно-воздушными силами, с артиллерийскими частями. Многих ли поймали за это время? Да, вот, в результате секретной спецоперации пойман бесноватый Радуев. Может быть, начинать надо было не со сплошных бомбардировок, а с нескольких таких спецопераций, которые оказываются гораздо эффективнее?

Ведь даже милиция в погоне за вооруженным преступником не имеет права применять оружие в людном месте. Возможно, в ходе военной операции еще несколько главарей боевиков были убиты, но с ними заодно – тысячи (!) рядовых боевиков, мирных жителей, не участвовавших в войне, женщин, детей. Убиты и покалечены тысячи молодых ребят из Омска, Екатеринбурга и других российских городов. Гекатомбы жертв за одного, предположим, Басаева или Хаттаба. А результат – нулевой.

Впрочем, это смотря к какому результату стремилось российское правительство. Если действительно к тому, чтобы покарать террористов, – то результат нулевой или даже отрицательный. Но, по всему судя, цели были совершенно иные.

Возможно, из каких-либо высоких политических соображений каким-то российским и чеченским политическим или высшим военным деятелям (тем, кого называют «партией войны») желательна была война, как таковая («кому война, а кому мать родна»). Эта цель достигнута, и на многие годы вперед. Только, конечно, в этом никто прямо не сознается. Впрочем, Анатолий Чубайс почти впрямую при мне сказал следующее: «В победоносной войне крепнет армия, а с нею вместе и государство. Всем нам необходима сильная держава, а значит, и сильная армия. Поэтому позиция того политика *(имелся в виду Явлинский)*, который призывает остановить войну, заслуживает определения как предательская». Не ручаюсь, что цитирую дословно, но смысл сказанного был именно такой.

У других сторонников войны обоснования могут быть совершенно иными. И таким людям взрывы жилых домов, должно быть, пришлись более чем кстати – как повод к «антитеррористической акции».

Я не исключаю, что есть и такие деятели, которые хотели бы, чтобы Чечни вообще не было на свете, от нее столько беспокойства и такая нестабильность. Был Грозный, был Гудермес – ну, нет их, пусть и не будет. И кому нужны эти вечно непокорные, вечно чего-то добивающиеся чеченцы. Без них было бы куда спокойнее.

Как видим, цели первых деятелей и вторых диаметрально противоположны, но в итоге результат один: война, война. Убивать, мочить в сортире!

Только вторые – недальновидны и недостаточно последовательны. Они полагают, что, если уничтожить всех чеченских мужчин, скажем, от 14 лет и выше, – их цель будет достигнута. Забыта история, в небрежении психология. Царь Ирод был куда дальновиднее: дети, от 14 лет и ниже, вплоть до новорожденных, когда-нибудь вырастают и – берутся за автомат, приходят на смену убитым отцам и братьям. Друг народов Иосиф Виссарионович тоже был последовательнее нынешних политиков: очистить Кавказ навсегда от всех чеченцев поголовно!

II. Обратимся к тому, что происходит сегодня. Продолжается партизанская война. Не знаю, продолжаются ли спецоперации по поимке полевых командиров (именуемых «бандиты» и «террористы», хотя по закону никто не может считаться преступником до решения суда). Продолжаются мелкие и крупные войсковые операции и «зачистки», кое-где по второму разу. Продолжаются захваты заложников – как с одной, так и с другой стороны.

Мне скажут: российская армия не захватывает заложников, – а кто эти тысячи людей, которых содержат в фильтрационных лагерях? Их подвергли аресту без суда и следствия. На каком законном основании? А-а, их подозревают в причастности к бандформированиям. По российскому законодательству задержать человека можно не более чем на 30 суток. Кто скажет, по сколько суток содержатся под арестом эти люди? Некоторые и вовсе безвестно исчезли, и вот только 30 марта «Известия» сообщают, что спецпредставитель Президента по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чечне Владимир Каламанов объявил, что он располагает полным списком задержанных и помещенных в следственные изоляторы, то есть, видимо, тех, чье участие в боевых действиях хоть как-то подтверждено. А остальные жертвы зачисток, помещенные в фильтрационные пункты, разбросанные по всей Чечне, отпущены, что ли, на свободу?

А как определяется участие арестованных в боевых действиях? По следам пороха на одежде и по следу на теле от ношения оружия. Нам сказали: те, на ком нет крови, будут освобождены. Непонятно, что значат эти туманные речи. Вот, скажем, я ходила с автоматом и даже стреляла из него – есть и следы пороха, и след от ремня винтовки. Стреляла – может, попала, а может, промахнулась – нечаянно или специально. Так есть на мне кровь или нет? Как это установить? Предположим, даже известно, что я участвовала в нападении на омоновцев, ехавших на бронетранспортерах. Да ведь и они ехали не с хлебом-солью, а при полном вооружении, с гранатами, ехали для проведения очередной зачистки, чтобы бросить гранату в первый попавшийся подвал, где прячутся моя мать и дети. Или чтобы схватить моего отца, брата и отправить его в фильтрационный лагерь. Вот я и беру автомат, я не хочу его отдавать и даже стреляю из него в тех, кто несет беду и смерть мне и моим близким. Я человек, а не теленок, покорно бредущий на бойню!

Кто определит, диктовалось мое поведение злой волей или необходимой обороной – есть такая статья в любом уголовном кодексе. Превысила ли я пределы необходимой обороны? Это может установить только справедливый суд, да и то вряд ли. А тот солдат, который взгромоздился на бронетранспортер, и ехал, чтобы убить не Басаева, даже не Масхадова, а именно меня, – его гимнастерка тоже пропахла порохом, и на его плече тоже след от автоматного ремня, он тоже направлял свой автомат на меня не по своей злой воле, а по приказу командира и под угрозой трибунала (в наших военных уставах пока нет нормы о невыполнении преступного приказа командира). Так вот, его гимнастерку никто не будет обнюхивать, никому и в голову не придет проверять, участвовал ли он в боевых действиях, стрелял ли он в людей, промахнулся или попал.

Тогда зачем нам морочат голову разговорами о том, что к ответственности будут привлечены только те, «на ком есть кровь». Вранье! Преступлением признают не намеренное участие в убийствах или пытках, а участие в «незаконных бандформированиях». Тогда и любой отряд самообороны – преступная группировка, таковы же и все наши партизанские отряды в период Отечественной войны на оккупированных фашистами территориях.

III. И военное, и гражданское начальство многократно уверяло нас, что партизанской войны в Чечне нет и не будет. Почему они так нам говорят? Признать, что там идет партизанская война, значило бы признать, что там «идет война народная, священная война», и тогда не только у меня возникли бы аналогии и воспоминания. Но что бы ни говорило начальство, иногда и оно проговаривается, – нет, конечно, никакая не партизанская война, а только партизанские методы ведения войны. Нам остается только догадывать-

ся, что при этом имеется в виду. «Днем он крестьянин, а ночью боевик, как его распознать? – сетуют армейские командиры и обижаются. – Бандиты внезапно из засады на дороге открыли огонь по пермским омоновцам, направлявшимся для проверки паспортного режима в Ведено» – то есть для «зачистки».

Вообще лексика всех военных сводок просто поражает: «омоновцы уничтожили сорок бандитов», как будто речь идет о травле тараканов. Словом, слушая эти сводки, постоянно ощущаешь, что их авторам даже в голову не приходит, что со стороны противника воюют и погибают тоже люди.

Я не буду сейчас говорить о том, как развращающе, разлагающе действует такой тон на российское население, и без того зараженное ксенофобией, инфицированное агрессивностью, больное шовинизмом.

Вообще и над чеченскими гражданами, в том числе и детьми, и над россиянами произведена травмирующая операция – типа лоботомии.

Наш замечательный Президент, человек с юридическим образованием, как будто взялся учить граждан беззаконию и бесправию. Чего стоит его призыв «мочить» кого-то без суда и следствия, или проведение под его руководством всенародных президентских выборов под дулом автомата, или гуманное освобождение журналиста Андрея Бабицкого: посадили незаконно, незаконно держали неизвестно где, потом, слава Богу, освободили из-под стражи, но тоже беззаконно – не решением суда освободили, а по единоличному предвыборному распоряжению и.о. Президента. Эти сюжеты достойны включения в учебники по праву в качестве негативных примеров.

За рамками моего текста осталась проблема беженцев и условия содержания в фильтрационных лагерях. Возможные шаги для решения чеченской проблемы – это тоже отдельная тема, тема для отдельной статьи и для специального обсуждения.

Но во всяком случае, я считаю необходимым, безотлагательным и безусловным:

– прекращение обстрелов и бомбардировок населенных пунктов;

– допуск в зону конфликта журналистов, независимых отечественных и международных наблюдателей;

– расформирование (на основании некоторых оглашенных условий) фильтрационных лагерей.

31 марта 2000 г.

Индекс/Досье на цензуру N10/2000

МЫ ПРОТЕСТОВАЛИ, НАС НЕ УСЛЫШАЛИ

Обращение Ларисы Богораз

Уважаемые сограждане! Неделя прошла с 23 октября, дня, когда совершилось преступление *(захват заложников в театре на Дубровке. – Ред.)*, потрясшее всех нас. Трагедия завершилась несколько дней назад. Я не могу назвать завершение ни «благополучным», ни героическим, ни высоко профессиональным – более ста погибших, по-моему, чересчур высокая цена за победу над злом. И все же, по-моему, пора отвлечься от эмоций и поставить перед собой вопросы, требующие не эмоциональной реакции, а разума и ответственности от каждого из нас.

Во все эти трагические дни не раз звучал вопрос: как могло такое случиться, чтобы несколько десятков вдов, осиротевших подростков решились на такое чудовищное преступление. Но вопрос обычно касался технических деталей, ответ на него дало бы только добросовестное следствие, а у нас с вами нет для этого достаточной, достоверной информации. Я предлагаю вам и себе, каждому из нас, простому гражданину, писателям, журналистам, Президенту ответить на вопрос: какова наша вина, в чем состоит наша ответственность за случившееся?

Как мы знаем, преступники требовали прекращения войны в Чечне, выведения из Чечни федеральных войск. Конечно, избранный преступниками метод я, как большинство из вас, считаю недопустимым. Насилие в любой его форме порождает насилие, оно не может привести к политическому урегулированию конфликтов. Я готова понять нашего Президента и даже согласиться с ним в том, что с преступниками неуместны никакие переговоры, никакие компромиссы.

Вместе с тем, отказ от переговоров, ответ насилием на насилие повлек гибель более ста невиновных жертв. Я считаю внутреннюю политику наших властей преступной в том, что касается соблюдения прав каждого человека и гражданина, – а ведь мы сами избрали эту власть. Мы не умели решительно потребовать от власти изменения ее преступной политики. Правда, еще несколько лет назад множество российских граждан требовали прекращения войны в Чечне. Мы действовали вполне цивилизованными методами, никого не брали в заложники, не прибегали ни к какому насилию, мы проводили мирные митинги, даже и санкционированные, требовали прекращения войны в своих протестных письмах. Митинги оказались слишком малочисленными, требования робкими, нерешительными. Никто из нас не заявил об акции гражданского неповиновения. Немало российских граждан даже поддерживали грязную, преступную войну в Чечне. Не поэтому ли ответственные лица не сочли нужным посчитаться с нашими требованиями? Ни политические лидеры, ни Президент даже не вступили в дискуссию по этому поводу. А ведь мы – не преступники-террористы и не их пособники.

Вероятно, антивоенные митинги должны были быть более массовыми, более последовательными. Возможно, если бы не наша пассивность, наше равнодушие, дело и не дошло бы до трагедии.

Я адресую свое обвинение себе самой и каждому из вас, сограждане.

29 октября 2002 г.

Лариса БОГОРАЗ

АВТОНЕКРОЛОГ

За последние годы столько милых мне, любимых мною друзей ушло, как говорится, в мир иной, и о каждом мне пришлось писать некролог: «Лара, ты ж его (ее) лучше всех других знала и написать сможешь лучше других...» И не откажешься – ведь это было бы все равно как отказаться отдать последний долг ушедшему другу, как будто ты о нем не скорбишь, не хочешь помянуть добрым словом... А писать один некролог за другим, находя всякий раз новые, незаезженные слова, – поверьте, занятие не только очень тяжелое душевно, но и изматывающе трудное. Вот и пишешь, один за другим, иногда даже сама вызываешься... Поневоле подумаешь: Господи, хоть бы поскорее подошла моя очередь, и пусть тогда другие помучаются, вот тогда они узнают, что это такое.

И вот я решила: нет, я не хочу, чтобы кто-то близкий мне из-за меня мучился. «А напишу-ка я сама свой некролог. Он будет вне конкуренции, раз сама себе».

Сама эта идея как бы снимала флер грустной торжественности с события смерти, придавала ему несколько балаганный оттенок. А почему бы нет? Ведь превратил же Колчерукий собственные поминки в обаятельное, совсем не торжественное представление, без всякой напыщенности, без приличествующей печальному событию обязательной скорби на лицах, без сдерживаемых рыданий в голосах... И я так хочу! Вот напишу соответствующий моему замыслу некролог! В такой стилистике и начала его. Но, слава Богу, пишу я чрезвычайно медленно, пока добралась до середины, успела подумать и одуматься.

А на самом деле, чего уж особенно веселиться? Смерть – событие достаточно серьезное и, поверьте, действительно печальное. И если кто-то захочет по этому поводу всплакнуть – пусть, не скрываясь, поплачет, а кто-то открыто улыбнется, вспомнив про себя что-то приятное, связанное с уходящим.

Лишь бы ни в том, ни в другом не было нарочитости, обязательности. Не было бы обмана.

Теперь я хочу написать вот в такой тональности свой некролог. Только бы успеть: ведь никто не знает ни дня, ни часа. Ну, а не успею, так тональность я уже задала.

Итак, смерть событие важное и печальное. Мне, дорогие, любимые, мне грустно разлучаться с вами, как и вам, наверное, со мной. Правда, мне все же легче, чем многим: я – не могу сказать, что верю, но все же надеюсь когда-нибудь, надеюсь, что очень нескоро (но что такое для вечности «нескоро»?), встретиться с вами на новом витке жизни, с каждым в свой день и час. Кто-то из вас, не дай Бог, может и опередить меня, но все равно надеюсь на встречу с каждым и с уже ушедшими. Боже мой! Да ведь это будет такое счастье, какого не смею требовать, а только надеяться на него.

Но вот пока я, еще живая, пишу этот некролог, позвольте мне сказать вам нечто важное для меня, а может, и для вас тоже. Я долго жила и немало грешила, причиняя боль и зло кому-то из вас. Эти свои грехи я все помню, но не буду сейчас о них рассказывать: я не сторонница публичного покаяния. Покаюсь перед Всевышним, а вас, моих ближних и дальних, прошу: простите мне мои вины перед вами, «ако же и аз, грешная, прощаю врагом нашим», – всем, если кто думает, что в чем-то виноват передо мною. Даю вам слово, что никому не помню их вины, а только свои. Простите и прощайте.

Еще я хочу сказать, что была счастлива в своей жизни. Судьба подарила мне вас всех, вашу дружбу и любовь и мою любовь к вам. Если есть причина, кроме чисто биологического страха, по которой я не хотела бы уходить, так это то, что я не хочу расставаться с вами. Но каждый из нас смертен, и каждый из нас знает о предстоящей разлуке. Остается только смириться.

А еще о чем я жалею – это что не узнаю, не увижу своими глазами, как обустроится жизнь моих младших потомков, живущих сегодня и еще не пришедших в эту жизнь. Моя жизнь, можно сказать, состоялась, и состоялась хоть и нелегко, но, как я уже сказала, более счастливо, чем я того заслуживала. А вам, мои дорогие, предстоит еще прожить каждому свою трудную жизнь. Не ропщите, не впадайте в уныние. Как говорится, Бог посылает нам испытания, и Он же дает силы для преодоления их.

Держитесь!

В надежде на не слишком скорую встречу

всегда ваша любящая Лариса, ваш друг, мама, бабушка, прабабушка.

Редакция сердечно благодарит Международное общество «Мемориал» за предоставленные для публикации фотографии.

Геннадий КОСТЫРЧЕНКО

«ДЕЛО ВРАЧЕЙ»: ПЫТКИ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ

«Дело врачей» вошло в историю как одна из многочисленных провокаций диктаторского режима Сталина, который сам инспирировал это «дело», использовав в качестве повода для начала его фабрикации письмо старшего следователя следственной части МГБ СССР по особо важным делам подполковника Рюмина.

В этом письме, переданном Сталину 2 июля 1951 г. Г.М. Маленковым, содержались обвинения против министра государственной безопасности В.С. Абакумова. Одно из них заключалось в том, что Абакумов якобы запретил М.Д. Рюмину расследовать террористическую деятельность профессора-терапевта Я.Г. Этингера, арестованного 18 ноября 1950 г., хотя тот «признался», что, будучи консультантом Лечебно-санитарного управления Кремля, в 1945 г. «вредительским лечением» способствовал смерти секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова.

Более того, Рюмин утверждал, что Абакумов распорядился содержать подследственного в заведомо опасных для здоровья условиях, чем умышленно довел его до смерти и тем самым «заглушил дело террориста Этингера, нанеся серьезный ущерб интересам государства».

4 июля Рюмин был вызван к Сталину, в кабинете которого в присутствии В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Л.П. Берия, Н.А. Булганина состоялось нечто вроде его очной ставки с Абакумовым.

Тем же днем оформляется решение о создании комиссии Политбюро в составе Маленкова, Берия и заведующего Отделом партийных, комсомольских и профсоюзных органов ЦК С.Д. Игнатьева, а также об отстранении Абакумова от обязанностей министра.

11 июля по докладу председателя комиссии Маленкова Политбюро принимает постановление «О неблагополучном положении в Министерстве государственной безопасности СССР», которое через два дня в виде закрытого письма направляется руководству региональных органов партии и госбезопасности.

Нет сомнений в том, что никто помимо Сталина не мог указать в этом постановлении на «безусловно существующую законспирированную группу врачей, выполняющих задания иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства».

Подтверждением тому могут служить показания Игнатьева, данные сразу же после смерти Сталина, когда тот заявил, что при назначении его на должность министра государственной безопасности (вместо арестованного Абакумова) вождь потребовал принятия «решительных мер по вскрытию группы врачей-террористов, в существовании которой он давно убежден».

Теперь Рюмину, назначенному заместителем министра госбезопасности и начальником следственной части по особо важным делам, а также получившему регулярный доступ к Сталину, необходимо было представить доказательства злонамеренных козней кремлевских врачей против их высокопоставленных пациентов.

Для этого в МГБ была создана специальная группа, которая начала проверку всего медицинского персонала, когда-либо работавшего в Лечсанупре Кремля.

Одновременно начался пересмотр ранее возбужденных уголовных дел, в том числе и на врача С.Е. Карпай, которую 16 июля арестовали как еврейскую националистку. На допросах Карпай решительно отрицала инкриминировавшееся ей заведомо неправильное диагностирование заболеваний и тем самым отодвинула на более поздний срок аресты других врачей.

Сталин постоянно подстегивал новое руководство МГБ. Зимой 1952 г. он сказал Игнатьеву, что, если тот «не вскроет террористов, американских агентов среди врачей, он будет там, где Абакумов». После столь явной угрозы машина следствия заработала на всю мощь.

Чтобы придать версии лечебного вредительства более или менее обоснованный с медицинской точки зрения характер, МГБ для составления положенных в таких случаях экспертных заключений привлекло группу медиков, в большинстве своем негласно сотрудничавших с «органами».

Одним из таких экспертов оказалась кардиолог Кремлевской больницы Л.Ф. Тимашук, которую Хрущев позднее, уже на XX съезде КПСС, обвинил чуть ли не в инициировании «дела врачей».

После того как в конце сентября 1952 г. Игнатьев представил Сталину справку Рюмина о результатах допросов арестованных медиков, медицинских экспертиз и т.д., где со всей определенностью утверждалось, что кремлевские врачи намеренно умертвили Щербакова и Жданова, начались аресты главных участников мифического «врачебного заговора».

Профессор М.С. Вовси

Под стражу были взяты доктора Г.И. Майоров и А.Н. Федоров, а также профессор А.А. Бусалов, который руководил Лечсанупром Кремля до 1947 г. В октябре на Лубянку забрали профессора П.И. Егорова, за полтора месяца до этого смещенного с поста начальника Лечсанупра. Арестовали и его жену, которую с помощью угроз заставили оговорить мужа.

В ноябре там оказались профессора В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко, М.С. Вовси, Б.Б. Коган, а в декабре – профессора А.М. Гринштейн, А.И. Фельдман, Я.С. Темкин. Тем не менее Сталин был недоволен результатами следствия.

Рюмину так и не удалось представить доказательства того, как Абакумов и якобы бывшие с ним заодно «еврейские националисты» в аппарате МГБ содействовали «еврейскому заговору». В итоге Рюмин 14 ноября 1952 г. без объяснения причин был отправлен рядовым сотрудником в Министерство госконтроля СССР.

Возможно, с подачи Берия новым начальником следственной части по особо важным делам и руководителем следствия по «делу врачей» стал первый заместитель министра госбезопасности С.А. Гоглидзе.

Сталин уполномочил Гоглидзе от имени «инстанции» передать следователям по особо важным делам, что в МГБ «нельзя работать в белых перчатках, оставаясь чистенькими». Одновременно он распорядился ознакомить арестованных врачей с официальным заявлением следствия, содержавшим обещание сохранения жизни в обмен на полное признание «всех преступлений».

Однако эта уловка, взятая из арсенала методов «большого террора», особого эффекта не имела.

Не поддался на этот коварный прием профессор Виноградов. За это к нему применили «острые» методы допроса. Оказавшись на грани жизни и смерти, Виноградов уступил истязателям и подписал подготовленное ими «признание» в «шпионско-террористической деятельности».

Выкристаллизовалась следующая схема «заговора»:

Виноградова еще в конце 1936 г. завербовал брат Б.Б. Когана «английский шпион» М.Б. Коган, который с 1934 г. работал в Лечсанупре как профессор-консультант.

Утверждалось, что это «давнишний агент Интеллидженс сервис», выходец из «мелкобуржуазной» социалистической рабочей партии, был хорошо знаком с С.М. Михоэлсом, И.С. Фефером, Б.А. Шимелиовичем и другими руководителями Еврейского антифашистского комитета, лечил семью В.М. Молотова, являлся с 1944 г. личным врачом его жены, П.С. Жемчужиной.

После нескольких допросов с пристрастием Виноградов «сознался», что М.Б. Коган вплоть до своей смерти в ноябре 1951 г. требовал сообщать ему о состоянии здоровья и положении дел в семьях Сталина и других руководителей.

Профессор Я.С. Темкин

В последующие месяцы, согласно той же схеме следствия, функции «куратора» Виноградова по «секретному приказу из Лондона» были переданы директору клиники лечебного питания профессору М.И. Певзнеру. Тот, оказывается, выехав в начале 1930-х годов в Карлсбад, попал в шпионские сети, которые искусно расставил его родственник, некий Мендель Берлин, выходец из России, получивший британское подданство. Вскоре, согласно сценарию, в клинику к Певзнеру для непосредственного контроля над ним и как связника с резидентом английской разведки в Москве «внедряют» брата Менделя Берлина – советского гражданина, профессора медицины Л.Б. Берлина.

И вот этот последний, встретившись в декабре 1945 г. с сыном своего лондонского брата Исайей Берлиным, приехавшим в Москву в качестве второго секретаря посольства Великобритании, налаживает через него регулярную отправку секретной информации за границу. Начинает функционировать канал шпионской связи, обслуживающий следующую агентурную сеть: В.Н. Виноградов – М.Б. Берлин – М.И. Певзнер – Л.Б. Берлин. В 1951 г., в связи со смертью Когана, Виноградов стал контактировать непосредственно с Певзнером. Это было-де тем более удобно, так как последний входил в состав редколлегии возглавлявшегося Виноградовым журнала «Терапевтический архив».

Чтобы подкрепить эту версию «фактами», 10 декабря 1952 г. в Москву из тайшетского лагеря возвратили Л.Б. Берлина, осужденного ранее как еврейского националиста.

14 декабря следователи К.А. Соколов и И.Ф. Пантелеев, обвинив его в сокрытии шпионской деятельности, заявили, что применят меры физического воздействия, если он не сознается в передаче полученных от Виноградова сведений своему племяннику Исайе в английское посольство.

Тем не менее Берлин отказался возводить напраслину на себя и Виноградова. Для более основательной «обработки» его перевели в Лефортовскую тюрьму, где он предпринял несколько попыток самоубийства. После этого Берлина стали круглосуточно содержать в наручниках. В конце концов его удалось сломать, он «признался» в сотрудничестве с британской разведкой, начиная с момента «вербовки» в 1936 г. и до ареста в 1952 г.

Помимо Виноградова, Берлина, Когана и Певзнера к агентуре английской разведки следствием были

Профессор Б.Б. Коган

«приписаны» П.И. Егоров, В.Х. Василенко, А.А. Бусалов и В.Ф. Зеленин.

Последний, арестованный 25 января 1953 г., оказался даже «двойным» агентом, так как показал, что с 1925 г. и до начала Второй мировой войны верой и правдой служил германской разведке и получал шпионские задания через «еврейского националиста» профессора М.С. Вовси.

Когда столь абсурдное обвинение в шпионаже в пользу гитлеровской Германии следователь предъявил самому Вовси, тот с горечью заметил: «Вы сделали меня агентом двух разведок, не приписывайте хотя бы германскую – мой отец и семья брата были замучены фашистами в Двинске». На что последовал ответ: «Не спекулируйте кровью своих близких».

Поскольку Вовси приходился двоюродным братом Михоэлса, следователи, окрестив его «предводителем сионистов, окопавшихся в советской медицине», инкриминировали ему связь с американской разведкой через родственника, трагически погибшего в начале 1948 г.

Начиная с 21 ноября, когда силы оставили профессора, он стал не читая, механически подписывать составленные следователями протоколы, в которых бездоказательно проводилась идея о руководящей и направляющей роли разведывательной службы США и международных сионистских организаций в формировании «заговора кремлевских врачей».

Именно от этих «заокеанских хозяев» он, главный терапевт Министерства вооруженных сил СССР (был им до 1949 г.), лечивший Ф.И. Толбухина, И.С. Конева, Л.А. Говорова, А.М. Василевского, Г.И. Левченко, Я.Н. Федоренко и других советских военачальников, получил якобы задание вывести из строя командный состав Советской Армии. По воле следователей в ближайшие сообщники к Вовси попали профессора Б.Б. Коган и Я.С. Темкин.

Протоколы допросов направлялись на «ближнюю» дачу главного вдохновителя этого творчества. В них от имени Вовси и Когана утверждалось, что в июле 1952 г. они, будучи изгнанными из Кремлевской больницы, договорились направить усилия на умерщвление Сталина, Берия и Маленкова.

В качестве исполнителя этого плана избрали Виноградова, продолжавшего работать в Лечсанупре Кремля. Однако этому замыслу не суждено было сбыться, так как «заговорщикам» не удалось договориться о деталях «операции». Тогда они стали готовиться к вооруженному нападению на правительственные автомашины в районе Арбата.

Сталин направил эти «признательные показания» Маленкову, Н.С. Хрущеву и другим членам Бюро Президиума ЦК КПСС, а 4 декабря 1952 г. вынес на рассмотрение Президиума ЦК вопрос «О положении в МГБ и о вредительстве в лечебном деле».

А.А. Бусалов

Выступивший с докладом Гоглидзе возложил основную вину за якобы многолетнюю и безнаказанную деятельность «врачей-вредителей» на «потакавших» им Абакумова и бывшего начальника Главного управления охраны МГБ СССР Н.С. Власика, арестованного через несколько дней.

В принятом постановлении «О положении в МГБ» руководству органов госбезопасности предписывалось «поднять уровень следственной работы, распутать до конца преступления участников террористической группы врачей Лечсанупра, найти главных виновников и организаторов проводившихся ими злодеяний».

9 января 1953 г. на заседании Бюро Президиума ЦК КПСС обсуждался отредактированный Сталиным проект адресованного народу сообщения ТАСС «Арест группы врачей-вредителей». Сохранилась записка, отправленная А.Н. Поскребышевым руководителю агитпропа Н.А. Михайлову, которая свидетельствует о том, что вождь не только определил содержание будущего официального заявления по «делу врачей», но и дал указание, как разместить его в газетах.

Сообщение ТАСС и редакционные передовицы газеты опубликовали 13 января, и страна узнала о «врачах-террористах» – «агентах иностранных спецслужб, обезвреженных органами госбезопасности».

Под такой аккомпанемент МГБ активизировало «оперативно-следственные мероприятия» по «делу врачей». В январе – начале февраля по Москве прокатилась новая волна арестов, увеличившая число медиков, обитавших в камерах Лубянки. Под стражу взяли В.Ф. Зеленина, Э.М. Гельштейна, Я.Л. Рапопорта, Н.А. Шерешевского, М.Н. Егорова, Б.С. Преображенского, С.Е. Незлина и других врачей, имевших отношение к «кремлевской» медицине.

Тогда же руководство МГБ официально сформулировало групповое «дело врачей», включив в общее производство материалы следствия по 37 арестованным. Из них 28 были собственно врачами, а остальные – членами их семей.

Расширявшаяся день ото дня пропагандистская истерия вокруг «врачей-шпионов» вызвала двоякую реакцию в общественном сознании – агрессивность и желание расправиться с «убийцами в белых халатах», с одной стороны, и панический, животный страх перед ними – с другой.

Как вспоминал Л.М. Каганович, Сталин поручил агитпропу подготовить от имени наиболее известных в стране деятелей еврейского происхождения проект письма в редакцию «Правды».

В 20-х числах января такой текст был готов, причем не только в машинописном исполнении, но и в виде газетного оттиска. В проекте проводилась четкая дифференциация между «еврейскими буржуаз-

ными националистами» и «честными еврейскими тружениками».

Первые – «жалкая кучка» «отщепенцев и выродков», «продавших свою душу и тело империалистам», – объявлялись врагами, которых ждет суровая кара. А вторые – это подавляющее большинство еврейского населения, состоящее из «патриотов Советской Родины», строящих «вместе со всеми трудящимися Советского Союза» «свободную, радостную жизнь», преданных делу коммунизма.

Они, собственно, и призывались «активно бороться против еврейских буржуазных националистов, этих отъявленных врагов еврейских тружеников».

Поддержать обращение в «Правду» должны были 59 ученых, артистов, литераторов, конструкторов, врачей, военных, управленцев, а также рабочих и колхозников еврейского происхождения.

Однако в ходе сбора их подписей произошел сбой: Каганович решительно выступил против того, чтобы его имя фигурировало в общем ряду, заявив Сталину, что он не еврейский общественный деятель, а член высшего руководства партии и государства. Коллизию эту разрешили быстро, предоставив Кагановичу копию письма, которую тот и подписал как персональное обращение в «Правду».

29 января Михайлов и главный редактор «Правды» Д.Т. Шепилов направили подготовленный текст Маленкову, а тот, в свою очередь, представил его Сталину. По тому, что 2 февраля на сопроводительной записке к письму появилась отметка об отправке его в архив, напрашивается вывод, что текст Сталину не понравился.

Составление следующего варианта письма было поручено Шепилову, слывшему среди интеллигенции либералом. О выполнении задания тот отчитался 20 февраля, когда передал Михайлову исправленный текст проекта письма в редакцию газеты «Правда».

Это была уже не вульгарная агитка, а вежливое приглашение «вместе... поразмыслить над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные интересы евреев».

Кафедра терапии и курортологии ЦИУ. В медицинском халате в центре проф. В.Е.Незлин. Кисловодск, 1958 г.

Преобразился и язык послания: исчезли «шпионские банды», «еврейские националисты», «англо-американские империалисты» (вместо них фигурировали «американские и английские миллиардеры и миллионеры», «зарвавшиеся еврейские империалисты»); «еврейские труженики» больше не призывались к повышению бдительности.

Умиротворяющая направленность письма оттенялась призванной внушить оптимизм концовкой – пожеланием начать издание в Советском Союзе газеты, предназначенной для широких слоев еврейского населения в стране и за рубежом.

Обращение еврейской общественности в печати так и не появилось. Тем не менее с полос «Правды» исчезла критика «еврейских буржуазных националистов» и их «заграничных хозяев».

После смерти Сталина процесс над врачами (даже закрытый) был уже невозможен. Инициативу взял на себя Берия, который, став первым заместителем Председателя Совета Министров СССР и министром внутренних дел, уже 13 марта приказал специально созданной следственной группе пересмотреть «дело врачей».

Арестованным предложили изложить на бумаге претензии к следствию. Им дали понять, что новое руководство страны не сомневается в их невиновности, и они должны помочь ему восстановить социалистическую законность.

Все узники, ссылаясь на применение к ним физического и психологического насилия, отказались от прежних показаний, в которых обвиняли себя и своих коллег в тяжких преступлениях.

Получив доказательства фальсификации «дела врачей» и его полной юридической несостоятельности, Берия 31 марта утвердил постановление о прекращении уголовного преследования всех проходивших по нему подследственных.

На следующий день он секретной запиской проинформировал об этом Маленкова, возложив ответственность за инспирирование и фальсификацию «дела» на Рюмина, а также обвинив бывшего министра госбезопасности Игнатьева в том, что тот «не обеспечил должного контроля за следствием, шел на поводу у Рюмина...». Одновременно Берия «счел необходимым» «всех... арестованных врачей и членов их семей полностью реабилитировать и немедленно из-под стражи освободить».

3 апреля это предложение было утверждено Президиумом ЦК КПСС. Им же было принято решение о привлечении к «уголовной ответственности работников бывшего МГБ СССР, особо изощрявшихся в фабрикации... провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов».

Вечером 3 апреля 1953 года находившиеся в заключении «кремлевские врачи» были выпущены на свободу. Советские граждане узнали об этом из опубликованного 4 апреля «Сообщения Министерства внутренних дел СССР».

Россия. XX век.
Документы/Под ред. А.Б.Безбородова. –
М.: Высшая школа, 2004.

Письмо Н.А. Шерешевского Л.П. Берия

25 марта 1953 г.
Л.П. БЕРИЯ
В следственную часть МВД
от заслуженного деятеля науки
проф. Н.А. ШЕРЕШЕВСКОГО,
1885 г. рождения

2 февраля 1953 года я был арестован, и мне было предъявлено обвинение в том, что я еврейский националист, враг Советской власти, американский шпион и убийца.

Полностью отвергая все эти обвинения, я все же должен чистосердечно признать, что за последние 1-1,5 года мне приходилось слышать от нескольких лиц о будто бы несправедливом отношении к евреям, снятии их с работы, невозможности устроиться им на работу и т.д.

Слухи эти были настойчивы, и я старался найти объяснение этим слухам. Мне казалось, что у правительства были основания недоверчиво, быть может, относиться к некоторым евреям, возможно, [в связи] с их желанием переехать в государство Израиль (если таковое было выражено), но оснований относиться недоверчиво ко всем евреям нет. В связи с этим я позволил себе в беседах с отдельными товарищами выразить свое отрицательное отношение к таким мероприятиям и недопустимо бестактно говорить о них.

Должен сказать, что ко мне лично все эти мероприятия не относились, и ни в одном случае я не имел возможности проверить правильность слухов о массовом увольнении евреев. Никогда я не был сионистом и националистом и, по-видимому, просто поддался под влияние пошлых обывательских разговоров. Глубоко раскаиваюсь в этом, считаю, что я себя опозорил этим. Мне тяжело повторять здесь мои недопустимые слова, и прошу Вас простить мне мой тяжелый проступок, не продиктованный какой-либо неприязнью к нашему Правительству.

Я участник гражданской войны, работал 35 лет преданно Советской власти, на моей совести нет ни одного проступка, который мог бы быть истолкован как враждебный по отношению к родине. Мой стаж работы 42 года, я подготовил отличные кадры врачей-специалистов эндокринологов, около 40 моих сотрудников и прикомандированных врачей получили у меня в институте (20 лет я был директором Института эндокринологии) ученую степень кандидата наук и 20 человек - доктора наук, я являюсь автором около 100 научных работ, выпустил 3 учебника и 3 монографии, а мои сотрудники по институту около нескольких сот работ. Советская власть дала мне неограниченные возможности для роста и работы. Всеми своими достижениями я обязан только Советской власти и буду предан ей до гроба.

С негодованием должен полностью отвергнуть обвинение в шпионаже в пользу кого бы то ни было. Все мои взаимоотношения с зарубежными учеными касались опубликования моих работ с ведома и согласия Министерства здравоохранения и ВОКСа, а отдельные встречи с зарубежными учеными, посещавшими наш институт, были только по разрешению Министерства здравоохранения. Так, за последние годы институт посетили академик ПАРХОН (Бухарест), проф. СЕЛИ (Торонто) и проф. БЕЗАНСОН (Париж). Беседа с ними была в институте в присутствии всего коллектива. Никаких частных бесед с ними я не вел и не встречался. В один из приездов академика ПАРХОНА я встретился с ним на официальном приеме в ВОКСе. Никогда никому из иностранных ученых я не писал писем без согласования содержания их с отделом заграничной информации Министерства здравоохранения.

За последние годы, когда я получил извещение, что избран почетным членом обществ эндокринологов Чехословакии и Румынии, а также членом-корреспондентом Общества врачей парижских больниц, я через министерство послал им письмо с благодарностью за избрание. Только этим и ограничивалась моя переписка с заграничными учеными.

С чувством величайшего негодования я должен также отвергнуть обвинение в каком-то убийстве. За 42 года моей врачебной работы через меня прошло около миллиона больных. Десятки и сотни тысяч этих больных обязаны мне избавлением и облегчением их страданий, а очень многие и жизнью. Я свято выполнял свой долг врача и никогда никому не вредил.

До дня своего ареста я работал в ряде поликлиник, много лет работал в поликлиниках МГБ, МВД, МК партии, 2-го ММИ4 и др. Я убежден, что все те учреждения, в которых я работал, не могут привести ни одного случая моего недобросовестного отношения к больному. За свою беспринципную обывательскую болтовню и связанную с ней недопустимую ни с какой точки зрения оценку деятельности правительства в отношении евреев-специалистов (я убедился при этом благодаря разъяснению одного очень авторитетного юриста, старого коммуниста, в абсолютной ошибочности как всех слухов, так и моих предположений) я не только себя казню, но и морально тяжело переношу свой тяжелый проступок. Советская власть не раз меня награждала за мою работу, дала мне столько, сколько, вероятно, мало кто получил. Я всегда был и остаюсь ей преданным.

Мне 68 лет, жить осталось, может быть, считанные дни. Я посвящу все свои силы работе и сумею загладить свою вину.

Прошу великодушно меня простить.
Н. ШЕРЕШЕВСКИЙ

Верно:
Ст[арший] следователь по особо важным делам МВД
майор Смирнов

Архивная коллекция ЦА ФСБ РФ.

Письмо И. Г. Эренбурга И. В. Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович,

Я решаюсь Вас побеспокоить тольк потому, что вопрос, который я не могу сам решить, представляется мне чрезвычайно важным.

Тов. Минц и Маринин сегодня ознакомили меня с проектом «Письма в редакцию газеты "Правда"» и предложили мне его подписать. Я считаю моим долгом изложить мои сомнения и попросить Вашего совета.

Мне кажется, что единственным радикальным решением еврейского вопроса в нашем социалистическом государстве является полная ассимиляция, слияние людей еврейского происхождения с народами, среди которых они живут. Это срочно необходимо для борьбы против американской и сионистской пропаганды, которая стремится обособить людей еврейского происхождения. Я боюсь, что коллективное выступление ряда деятелей советской культуры, людей, которых объединяет только происхождение, может укрепить в людях колеблющихся и не очень сознательных националистические тенденции. В тексте «Письма» имеетс определение «еврейский народ», которое может ободрить националистов и смутить людей, еще не осознавших, что еврейской нации нет.

Особенно я озабочен влиянием такого «Письма в редакцию» на расширение укрепление мирового движения за мир. Когда на различных комиссиях, пресс-конференциях и пр. ставился вопрос, почему Советском Союзе больше не существуе еврейских школ или газет на еврейском языке, я отвечал, что после войны н осталось очагов бывшей «черты оседлости» и что новые поколения советских граждан еврейского происхождения не желают обособляться от народов, среди которых они живут. Опубликование «Письма», подписанного учеными, писателями, композиторами и т.д., может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую ведут теперь сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины.

С точки зрения прогрессивных французов, итальянцев, англичан и пр., не понятия «еврей» как представитель некой национальности слово «евреи» там означает религиозную принадлежность, и клеветники могут использовать «Письмо в редакцию» для своих низких целей.

Илья Эренбург

Я убежден, что необходимо энергично бороться против всяческих попыток воскресить или насадить еврейский национализм, который при данном положении неизбежно приводит к измене Родине. Мне казалось, что для этого следует опубликовать статью или даже ряд статей, подписанных людьми еврейского происхождения разъясняющих роль Палестины, американских буржуазных евреев и пр. С другой стороны, я считал, что разъяснение, исходящее от редакции «Правды» и подтверждающее преданность огромного большинства тружеников еврейского происхождения Советской Родине и русской культуре, может справиться с обособлением части евреев и с остатками антисемитизма. Мне казалось, что такого рода выступления могут сильно помешать зарубежным клеветникам и дать хорошие доводы нашим друзьям во всем мире.

Вы понимаете, дорогой Иосиф Виссарионович, что я сам не могу решить э вопросы, и поэтому я осмелился написать Вам. Речь идет о важном политическом акте, и я решаюсь просить Вас поручить одному из руководящих товарищей сообщить мне желательно ли опубликование такого документа и желательна ли под ним моя подпись.

Само собой разумеется, что, если это может быть полезным для защиты Родины и для движения за мир, я тотчас подпишу «Письмо в редакцию»

С глубоким уважением
И. Эренбург

Не позднее 29 январа 1953 г.

Из анонимного, подписанного «русский интеллигент, советский человек» письма, направленного Сталину и другим членам Политбюро:

«Руководители партии и правительства не могли не знать, не имели права не знать, какую новую волну антисемитизма вызовет сообщение от 13 января о врачах-извергах. <...> Сколько изуверских бредней сейчас широко распространяется - еврей уколами прививает рак, евреи в родильных домах убивают русских младенцев, <...> даже извергов русского происхождения приписывают сейчас к евреям. В народе широко распространено, что Егоров, Виноградов, Майоров также евреи, но только под русскими фамилиями...»

Владимир Тольц. Разница во времени
http://www.svoboda.org

Елена САННИКОВА

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Прошедшим летом минуло пятьдесят лет знаменитому восстанию узников лагерей Норильска – крупнейшему из тех событий, которые явились импульсом массового освобождения жертв сталинских репрессий из лагерей.

К этой годовщине была приурочена встреча участников Норильского восстания, прошедшая в Музее и общественном центре им. Андрея Сахарова.

Говоря о Норильском восстании, мы не ставим это слово в кавычки, хотя, по сути, это было не восстание, а массовая забастовка, выдвинувшая вполне законные требования.

Однако организованный протест заключенных воспринимался тогда именно как восстание, и по тем временам это было грандиозное событие. Система, привыкшая к произвольной манипуляции бесплатной рабочей силой, вдруг наткнулась на неслыханное сопротивление: заключенные не вышли на работу!

Забастовала целая система лагерей Горлага, около 30 тысяч заключенных. Администрация покинула лагерные зоны, и власть в лагерях фактически перешла в руки забастовочных комитетов, сумевших сохранить дисциплину и организованно вести переговоры с комиссией, прибывшей по их требованию из Москвы.

Один только перечень требований бастующих говорит о том, чем была жизнь норильских узников. Так, восставшие требовали разрешить переписку и свидания с родными, сократить рабочий день до 8-часового, дать право на выходной день, прекратить бессудные расстрелы...

Восстание было жестоко подавлено, в отдельных лагерях – с десятками убитых, сотнями раненых, с жестокими избиениями. Активисты забастовочных комитетов получили новые сроки заключения, пережили новые этапы и мытарства.

Однако результаты были налицо. Заметное ослабление лагерного режима узники Норильска ощутили сразу. А еще через несколько лет состоялся и массовый пересмотр следственных дел и освобождение большинства невиновных.

В наше время угасла прежняя вспышка интереса к сталинскому ГУЛАГу. Все дальше уходят события в историю, все меньше людей, которым прошло это по живому. Сегодня самым молодым участникам восстания в Норильске за семьдесят.

И трудно уже прочувствовать ту обреченность, которая сгибала человека, не понимавшего, за что он арестован, в ледяном Заполярье, где власть принуждала его тяжело работать по 14 часов в день без выходных, голодного и на холоде, где все вокруг говорило о том, что он вычеркнут из списка живых и обречен на мучительную смерть.

Только прочувствовав это, можно понять, как велик был тот праздник освобождения духа, которым дышали заявившие о себе узники Норильска.

Прошло пятьдесят лет. Захлестнутое новыми бедами, общество охладело к своей истории. Несколько человек, решивших организовать в Москве эту конференцию, – исследователь Норильского восстания Алла Макарова, биолог Николай Формозов и экскурсовод-историк Алла Воронина – поначалу не были уверены, удастся ли в наше время вообще найти средства на такое мероприятие.

Найти удалось в самом Норильске. «Норильский Никель» согласился оплатить бывшим узникам дорогу и проживание в Москве. Музей и общественный центр им. Андрея Сахарова предоставил свое помещение бесплатно.

Из самих участников Норильского восстания организатором конференции стал Лев Александрович Нетто, москвич, участник забастовки 4-го Норильского лагпункта, а также активист Демократической партии России, которая непостижимым образом возникла в самих сталинских лагерях.

Те, кто посетил в дни конференции Сахаровский центр, имели счастье познакомиться с этими удивительными людьми, сохранившими доброту и молодость взгляда сквозь морщины и седину, сквозь все, что довелось им выстрадать и пережить.

Участники конференции, посвященной Норильскому восстанию.

годам заключения и пяти поражения в правах. Конечно же, она стала одним из активистов забастовки женского лагеря в Норильске.

После подавления восстания ее более полутора лет продержали в камере-одиночке внутренней тюрьмы, а затем отправили этапом в лагеря Потьмы. Но в 1956 году пришло освобождение. Сегодня Ирене за семьдесят, но держится она бодро, активно участвует в общественных мероприятиях в Литве. Там не без ее участия прошла минувшим летом литовская юбилейная встреча норильчан, собравшая около двухсот бывших узников.

Организация массового ненасильственного сопротивления террору – это высокий и напряженный труд. Удивительно, что печать его через столько лет сохранили лица этих людей.

На конференцию приехало всего 15 бывших узников. Слишком много лет прошло, слишком мало людей осталось, кто в силах одолеть дорогу в Москву и напряженность самой встречи. Они приехали из разных городов и – теперь уже – из разных стран: Украины, Литвы, Эстонии. У каждого – своя судьба, удивительная и неповторимая.

Борис Измайлов живет на Дальнем Востоке, откуда и пригласили его, восьмидесятилетнего, на конференцию. Когда без малого шестьдесят лет назад его арестовали, он долго не мог понять – за что? Сын русских эмигрантов, он родился и вырос в Харбине, окончил гимназию, отбыл срок службы в армии по призыву и жил мирным обывателем… 15 сентября 1945 года он был арестован и совершенно не подготовленным брошен в жернова: сначала лесоповал в Красноярском крае, потом – Норильск.

Холод, голод, тяжелый труд без отдыха – условия, которые, как правило, уносили за год-другой из жизни. Измайлов выжил, адаптировался. Три года спустя был создан Горлаг – особый лагерь для политзаключенных в Норильске. Как осужденный по ст.58, Измайлов стал его узником, из невыносимых условий он попал в еще более суровые. Многих они гнули, а этого человека, как видно, закалили: он стал одним из самых активных в забастовочном комитете 1-го лагпункта, за что и был потом этапирован на Колыму.

А Ирена Сметонене знала, за что сидела. Она была арестована 18-летней девушкой за участие в национально-освободительной молодежной организации. Ее арестовали в 1951 году и приговорили к 25

Удивительна судьба Евгения Грицака, активиста забастовочного комитета четвертого Норильского лагеря, автора изданной на Украине книги «Норильское восстание». Его осудили за участие в восстании и этапировали из Норильска, но не освободили в хрущевскую оттепель. Озерлаг, Иркутская и Владимирская тюрьма, лагеря Мордовии стали его судьбой после Норильска. Только в 1964 году его освободили из Дубровлага. Перенесший так много, он сохранил живой, почти молодой взгляд и душу, не тронутую злобой. Увлекшись учением Ганди, он решил для себя, что прощение палачам – единственный путь к преодолению проклятия прошлого.

Работа конференции не свелась к одним лишь речам и докладам. Бывшие политзэки выработали и подписали ряд документов, одним из которых стало обращение к новому поколению жителей Норильска. Ведь мало кто помнит теперь, что до 1953 года Норильск вообще не имел статуса города и полностью находился в ведении МВД. Само появление свободного Норильска – это тоже заслуга восставших.

Встреча прошла в какой-то теплой, почти домашней атмосфере. Узники не только делились своими воспоминаниями, не только оценивали и обсуждали минувшие события, но и пытались наметить планы совместной деятельности на будущее, такие, как издание серии книг воспоминаний и исследований, проведение выставок, встреч, создание архивов и картотеки. Был утвержден общественный координационный совет участников Норильского восстания. Обсуждалась возможность создания методического пособия для ознакомления студентов и школьников с историей сопротивления в ГУЛАГе.

«Описание ужасов и кошмаров, которыми и без того полна история человечества, не должно быть целью историка ГУЛАГа. Главное – показать, как может преодолеть человек нечеловеческие обстоятельства, как может торжествовать дух человеческий, побеждающий бесчеловечность», – сказал один из самых юных участников Норильского восстания, ныне председатель Новосибирского «Мемориала» Леонид Трус.

«Сегодня нас, участников того восстания, осталось очень мало. Пережившие ГУЛАГ – пытки, истязания, расстрелы в зонах, – мы не забыли те годы, смерть наших невинных товарищей. Не в наших силах изменить страшное прошлое страны. Но в наших силах донести правду о днях страданий и героизма... Медленное освобождение от крайностей тоталитаризма не было даром великодушных правителей. Наша забастовка, другие лагерные выступления подорвали основу коммунистического режима – гигантскую империю ГУЛАГа...» – так говорится в «Обращении к соотечественникам» – итоговом документе, подписанном участниками встречи.

«Наше общество должно осмыслить исторический урок семи десятилетий тоталитаризма. Оно должно сделать вывод, может быть, очень болезненный для национального самолюбия, но единственно целительный: "Путь к возрождению лежит через покаяние" – этот вывод выдающегося русского философа Николая Бердяева должен стать лучшей проверкой для всех, призывающих к величию России».

Инна ФЕДУЩАК

ИСПОЛНЕНИЕ СМЕРТНЫХ ПРИГОВОРОВ ВО ЛЬВОВЕ

Во все времена люди, которые выполняли наказания, были закрытыми от общества. После отмены смертного приговора в Украине таинственность процедуры не уменьшилась. Авторам, однако, удалось поговорить со значительным количеством лиц, причастных к этой проблеме. Вот что они выяснили.

Во Львове смертные приговоры выполнялись в помещении СИЗО (тюрьма Бригидки). Во дворе была до войны часовенка. Теперь ее уже нет. *(Есть неофициальные свидетельства, по которым в ней в 39-41 году НКВД проводил расстрелы, и там же часть жертв закопали. – И.Ф.).*

Доступ к выполнению смертных приговоров имел ограниченный круг лиц. Постепенно были сформированы специальные комиссии, в которые входили по одному представителю областной прокуратуры и милиции, начальник СИЗО, его заместитель по режиму, начальник смены (он же дежурный помощник начальника СИЗО), трое контролёров и два водителя. Особого критерия отбора членов команды не было, главное, чтобы отличными были послужной список и характеристика и, конечно, чтобы имели стойкую психику и хорошие физические данные. Каждый давал подписку о неразглашении государственной тайны.

«Смертников» содержали на посту №1, каждого в отдельной камере. Только если осужденных к смертному приговору был «перебор», их могли содержать по двое, хотя по инструкции это запрещалось.

Сам пост небольшой – 8-10 камер. Свозили сюда изо всей Западной Украины. Доступ имел лишь ограниченный круг лиц. Тот же прокурор по надзору не мог появляться здесь. Даже душевую «смертники» имели отдельную – прямо на посту. Сначала им запрещалось и выходить на прогулку, но ближе к 80-м – разрешили. Сажали их в эти камеры сразу после объявления в суде приговора. Им давали время, чтобы обжаловать приговор в Верховном суде УССР и СССР, потом писали просьбы о помиловании в Верховный Совет республики и Союза. Пока жалобы и просьбы обходили все инстанции (в это могло длиться около года), «смертникам» разрешали встретиться в следственных кабинетах с адвокатом. С семьей после приговора связь обрывалась. Когда поступал отказ о помиловании из последней вышестоящей инстанции, назначали день смертной казни. Между собою члены комиссии называли его день «ч».

Смертную казнь выполняли днем, но лишь тогда, когда работала именно специально отобранная смена. Заключенному об этом не сообщали. Один из контролеров-исполнителей выводил его из камеры. У заключенных редко возникали какие-то подозрения относительно часа «ч», т. к. время от времени их кудато вызывали. За спиной щелкали наручники.

Если смотреть на СИЗО с ул. Городоцкой, пост №1 расположен справа на первом этаже. Осужденного вели коридором в другую сторону дома через специальную дверь в стене (ныне её замуровали). Как правило, её закрывали на обычный замок. Но открыть её было невозможно, поскольку изнутри висел амбарный замок, и снимали его лишь за несколько часов до смертной казни. За дверью – длинный коридор. Придумали его для того, чтобы осужденного к смертной казни не вести на глазах у всех.

Контролер преимущественно вел с заключенным разговоры, шутил, чтобы отвлечь его и развеять подозрения. По дороге они миновали еще несколько дверей и доходили до лестницы, которая вела на верхние

этажи. А там под решеткой и лестницей был небольшой вход в подвал. Заключенного сводили вниз, где его ожидали члены комиссии.

Подвал был небольшой, из трех комнат. В первой стоял стол, 2-3 стула. Члены комиссии по установленной процедуре спрашивали у осужденного его данные, а потом сообщали, что его просьба о помиловании отклонена и сейчас будет выполнен приговор. Не успевал осужденный прийти в себя, как его подхватывали двое контролеров и вели в соседнюю комнату, где за дверью его ждал исполнитель. И пока заключенный направлялся к середине комнаты – раздавался выстрел. Во всех интервью, которые появлялись, всегда указывали, что исполнитель стрелял из табельного оружия. На самом деле в Львовском СИЗО быстро отказались даже от пистолета Макарова из-за сильного рикошета. Стреляли из малокалиберной винтовки. Редко, когда исполнителю приходилось стрелять дважды. Уже первый выстрел в затылок был смертельным. Члены комиссии констатировали смерть (часто это делал врач) и подписывали акт о выполнении смертного приговора. За «вредность» выполненной работы, как сказал один из членов комиссии, выдавали каждому по несколько рублей, но если на них покупали бутылку, то на закуску уже не хватало. Хотя зарплаты и премии были приличными. Да и квартиры давали вне очереди.

По-разному реагировали на объявление приговора осужденные: одни впадали в прострацию, другие – в истерику. А были и такие, что начинали хамить.

Иногда одновременно выполняли несколько смертных приговоров, и тогда использовали третью комнату. Пока контролер направлялся за очередным «смертником», труп оттаскивали туда, а кровь смывали водой из шланга. Бывало, смена меняется, а половина камер пустая. Лишь спрашивают: все? «Все», – отвечают контролёры и расходятся. Но о том, что они являются исполнителями, не знали даже коллеги в СИЗО. Так же не знали они, где выполнялись приговоры. Понятно, что члены комиссии скрывали это и от своих семей. На счету некоторых исполнителей сотни трупов. В отдельные годы расстреливали до 100 лиц и больше. Все зависело от того, сколько смертных приговоров вынесут суды. Родственникам расстрелянных не сообщали. Лишь если они обращались в суд, им давали ответ.

Хоронили трупы на так называемом спецобъекте. Расположен он в одном из поселков близ Львова (не называем только потому, что власть продала эту землю под застройку). Трупы вывозили машиной. Их не обмывали, а только закутывали головы одеждой, чтобы не забрызгать кровью салон. Спецобъект был под охраной, и там постоянно нес службу человек. Он заранее выкапывал могилу. Копал ее под крышей специально сооруженного сарая. Машина въезжала прямо туда, и никто не видел, что выгружали. А хоронили без гробов. Если площадь внутри «заполняли» могилами, то сарай разбирали и возводили рядом другой. И так передвигали по спецобъекту. Могилы сравнивали с землей, не оставляя ни единых видимых признаков. О месте захоронения родственникам не сообщали.

В конце 80-х демократы во главе с В. Черноволом заинтересовались спецобъектами на территории области. Сразу после этого из Киева поступила команда прекратить выполнение смертных казней. С того времени расстрелов в Львовском СИЗО не проводили. Вход в подвал замуровали. В других СИЗО, в частности, Киевском, Харьковском, Днепропетровском, смертные приговоры выполняли до середины 90-х годов, пока правозащитник, народный депутат Украины Сергей Головатый не поставил этот вопрос в Страсбурге.

Большинство из казненных в последние годы – убийцы, на счету которых 1-2 трупа. Правда, в 50-60 годах среди осужденных к высшей мере были и люди, которых по сегодняшним меркам называли бы предпринимателями. Например, по «трикотажному делу» 9 из 19 осуждены были к ВМ.

По-разному вели себя осужденные к смертной казни. Одни раскаивались, иногда просили библию, другие щеголяли своими преступлениями, изредка пробовали организовать бегство.

Исполнителей, как выяснилось, специально не готовили. Преимущественно на эту работу брали лиц, которые уже прошли службу в органах внутренних дел или воинскую службу и умели не промахнуться с нескольких шагов. Нового кандидата вели на расстрел и просто говорили: смотри и учись. А спустя некоторое время кивали на винтовку и ставили за дверью.

Ошибочное мнение, что большинство из них спились. К рюмке прикладывались те, кто имел к этому склонность. Немало из них доживали до 60-70 лет и живут ныне. Мы спрашивали нескольких из них, не являются ли им во сне казненные? Отвечали, что нет. Спят спокойно, так как сознают, что спускали крючок, выполняя волю государства. Об их настоящей миссии родные не знают и сегодня.

Ныне на посту №1 во Львовском СИЗО сидят несколько осужденных к пожизненному заключению. Отказ от высшей меры наказания породил новые проблемы. Для содержания осужденных к пожизненному заключению в Украине сейчас отводится несколько «централов» – тюрем, где одновременно СИЗО и тюрьма. По подсчетам специалистов, нужно 5 таких тюрем по 500 мест. *(Во Львове для этого отведено помещение на ул. С. Бандеры, 1. – И.Ф.).* В соответствии с законом, такие узники будут содержаться на правах осуждённых к тюремному заключению строгого режима. Верховная Рада планирует рассмотреть изменения на более гуманное содержание такой категории арестантов.

По материалам статьи Ольги Кущий, Валерия Сагайдака «Смертник не знал дня казни», Газета «Высокий Замок», г. Львов.